

**ДМИТРИЙ
ЧЕРНОЯР**

**Дредноут по
имени Никки**

2017

Проснуться в больничной палате — радость сомнительная. Проснуться, не имея ни малейшего представления, кто ты и где ты — событие ещё менее позитивное. Проснуться и понять, что ты отнюдь не в своём теле — прекрасный повод слететь с резьбы. И ещё больший повод сойти с ума кроется в одной незначительной детальке: служить тебе придётся теперь в своеобразном спецназе, бегать аки святой по воде, да выносить Детей Бездны, с аппетитом кушающих поделки рук человеческих... Но это всё потом. Сейчас же — джампер до Школы, а там?.. А там видно будет.

Чернояр Дмитрий

Дредноут по имени Никки

Пипидастр

Тьма.

Всеобъемлющая. Безграничная. Бездонная.

Тьма.

Пропитанная холодом и одиночеством.

Тьма.

Молчаливая. Угрюмая. Чуждая.

Тьма — вокруг и внутри.

Короткая вспышка, заставляющая содрогаться в конвульсиях всё естество.

Агония, продолжительности которой нет счёта и определений. Вечность, сжатая до фемтосекунды. Мгновение, размазанное по ленте Мёбиуса.

Боль. Удовольствие. Запах. Шершавый свет, солоноватый на вкус. Любопытство, благоухающее сладковатым ароматом красного.

Новая агония.

Такая же, как и первая.

Другая.

Различная, но одинаковая.

Словно на один предмет воздействуют сразу с двух сторон разными методами.

А после спазмов ошмётки сущности начинают слипаться, вращать друг в друга, перedefельвать себя — и своей эволюцией меня окружающую Тьму.

И приходит осознание.

О-сознание.

Сознание.

Я.

Кто я?

Или — что я?

А вокруг — словно внутри моей сущности отработало реле переключения диапазонов восприятия — из Тьмы — из каких-то её глубинных слоёв — выступают десятки, сотни, тысячи разноцветных шариков.

Крохотные, неподвижные.

Не знаю, чему удивляться. Тому, что Тьма — многослойна? Или тому, что — чувствую эти дрейфующие сгустки неизвестной субстанции?

Чувствую, но достать, дотянуться до них — не могу. Нечем.

А Тьма продолжает расслаиваться. Уровень за уровнем — во всех направлениях.

До тех пор, пока на одном из слоёв не проявляется нечто, отдалённо напоминающее меня: такое же деформированное призрачное тело, сотканное из света и энергий. В его глубине мерно сияет, угасая, ослепительно-яркая точка. Она — молчит. Но пустота вокруг — наполнена тоской и обидой. Я понимаю эту сущность — не полностью, даже едва-едва касательно. Но — понимаю.

Невольно тянусь к ней: разделить боль на двоих, заполнить одиночество, приглушить обиду и тоску.

Вдвоём растворяться в нигде не так паршиво.

Едва касаюсь своей энергией самого краешка сияющего ореола — и меня накрывает новая агония.

Она сильна. Она выворачивает, перестраивает меня, меняет — но Я остаётся мной. Нет нужных слов, образов, ощущений — чтобы осознать и принять то, что происходит.

Агония длится, перемалывает меня — и источник сияния, к которому я неосторожно приблизился.

Нас сливает воедино, пытается размазать по Тьме — от одного края бесконечности до другого.

Но — хочется жить. Жить!

И — агония отступает.

Второго сияния рядом нет.

Нет, есть.

Во мне. Я.

И разноцветные шарики, рассыпанные на разных слоях Тьмы, тянутся ко мне, вливаются в меня — заполняя те лакуны, что зияют неправильными дырами в объединённой сущности.

А чуть позже — едва только последний светящийся шарик вращается в меня — Тьма резко смещается, сжимается, отступает — выталкивает туда, где свет, где жизнь.

Пульсирующий гул заполняет сознание, но через стену шума прорывается напряжённый голос:

— ...аем! Разряд!

***

Потолок.

Белый, пластиковый. Характерный запах медицины вокруг.

Мерно попискивает аппаратура вокруг постели.

На лежанке, под толстым одеялом, соответственно, я.

Кто — я?

Что — я?

На первое — ответ смутно угадывается. Слишком фрагментированно сознание, чтобы объединиться в полноценную личность. Или — пересобраться. Редкие вспышки памяти — моей? Чужой? Калейдоскоп обрывков — несвязных, разрозненных — и старательно отгоняемый от сознания вопрос — это ж сколько мне лет, что я вот это вот всё наворотить-то успел? Не может человек столько сделать за короткую жизнь...

— Как твоё самочувствие?

— Пить, — кажется, что кричу, но из сухого горла только сипение раздаётся.

Доктор. В движениях, взгляде, мимике — чувствуется — это он меня достал из Тьмы. Или — не дал в ней растаять окончательно.

Понимающе кивнув, доктор — ни санитаров, ни медсестёр не видно — протягивает ко мне нечто, имеющее сходство с грушей. Медицинской.

— Тоник, — поясняет доктор. — Всё стерильно, питьевая груша только из упаковки.

Для другой стороны — совсем другие наконечники и объёмы используются.

Зубы помимо воли сжимают силиконовый кончик — и под сдвоенным давлением — собственной тяги и пальцев врача — благословенная жидкость начинает потихоньку просачиваться в желудок, попутно наполняя жизнью иссушенные связки, слизистую — прочий ливер.

Три подхода. Досуша. Хоть груша и выглядит довольно внушительно — объёма в ней от силы грамм на стописят. Несерьёзно, в общем.

Зато в желудке приятная тяжесть ощущается.

— Полегчало?

Киваю.

— Тогда задам несколько вопросов, — тон утвердительный, по интонациям сразу понятно — хрена с два отвертеться получится. В подтверждение намерений доктора — в его руках появляются ручка и бумага, закреплённая на планшете-анкетнице.

— Имя помнишь?

Киваю.

— И?

А чего — и? Сам-то пробовал вспомнить, каково это — помнить буквы, помнить звуки — но не понимать того, как они ассоциируются?

Но — справился.

— К-коля, — голос сиплый, тяжёлый, при каждом звуке связки перенапрягаются.

— Коллет, значит... Или Николь?

Не слушаю эскулапа. Не слышу. Зуд в горле, першение — и боль, скручивающая гортань и связки.

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих?

И снова здравствуй, Тьма.

***

Новое пробуждение.

Ничего не болит. Слюна во рту есть. Язык влажный, подвижный. Зубы как-то странно ощущаются — кажется, мельче стали. Вместо ямки справа сверху, там, где был зуб мудрости — ровная десна. Ни дырки, ни бугорка. Слева та же картина — но там удалить не успел. Открошился кусок, и бес с ним. Не болит, есть не просит. Всё на потом откладывал поход к стоматологу. А сейчас, вроде как, и не нужно уже. Нет того зуба, и дырки нет.

Странно.

Пока валялся без памяти и сознания — неужели догадались починить тело?

А вообще — как я сюда попал?

И кто — я?

Глупый вопрос. Я — это я. Начиная той загадочной хреновиной, которой мыслю, и заканчивая неприятным, но пока ещё терпимым ощущением наполненного мочевого пузыря.

Доктора нет. В палате пусто. Приглушённый свет не режет глаза, что уже хорошо.

Мерно пищит аппаратура.

Непривычно ощущать густую шапку требующих срочной помывки волос.

Это ж сколько меня по Тьме носило, что такой хаер нарасти успел?

Ревизия памяти, увы, почти ничего не дала. Имя — Николай, возраст — три десятка лет

с хвостиком, хвостик — размером с гулькин буй. Семья — пустота. Дети — пустота. Работа, навыки — аналогично.

По привычке почесал шею — когда скребёшь ногтями щетину, мысли как-то более организованно бегать начинают. Это у мелочи всякой желторотой раз в день станком прошёл — и шкурка как новая, гладкая и мягкая. Память же подсказала, что со мной такие фокусы не проходили со школы. Какой школы? А Тьма её знает...

Но — сюрпризы только ожидали меня.

Сначала — щетины не нашлось. Кожа — нежная, какая-то подозрительно бархатистая и гладкая. Не может такого быть. Слишком плотно сидит в сущности рефлекторная потребность дважды в день выскабливать опасной бритвой успевшие отрасти волоски. Но — ни застарелых шрамов, ни волос. Тут два варианта. Самый невероятный — меня запопадало в тушку подростка. Более реальный — хватанул крайне серьёзную дозу облучения. В пользу первого явственно говорит прекрасное самочувствие и ясность сознания — если, конечно, этот рассыпанный пазл можно назвать сознанием. Вероятность второго отвергается наличием гривы тёмно-каштановых волос. Не может радиация избирательно поражать организм. Да и язвы — если бы они были — не почувствовать было бы невозможно.

Перестав искать щетину, подёргал себя за волосы. Нет, свои, родные. Правда, седых не видно, хотя помню, что левый висок почти на треть побелел. По какой причине — не знаю сейчас.

Но — одно успокаивает — волосы свои. Не парик, и то хлеб.

Подчиняясь ощущению смутного непорядка, вновь пробежался ногтями по горлу.

М-м-мать твою!

Кадык где?!

Нет кадыка. Нет горбинки адамова яблока, украшенной вечно обнвляемым шрамом. Гортань ровненькая, ребристая — но без кадыка.

Руки сами поднимают край толстого одеяла.

На груди топорщится двумя небольшими холмиками пижама. Рука сжимает ткань, пальцы ощущают упругую плоть.

Нет, это нездоровая хрень какая-то.

Рука помнит ощущения — сколько сам тискал прелестных ясноглазых феечек, не вспомнить — но и забыть невозможно. А тут — я мну. Свои сиськи мну.

Лёгкая истерика на время отступает под выплывшей из глубин подсознания догадкой. Слышал-де, что радиацию можно лечить, активируя какие-то железы в человеках. Железы — это гормоны. Гормоны — это, в зависимости от железы и стимуляции — мужицкость или бабскость. Живот плоский, кожа мягкая, упругая — но под ней ощущается пресс. Значит, не пивное брюхо, через которое, при желании и упорстве, можно до позвоночника дотянуться. Значит — напичкали гормонами или заставили свои железы вырабатывать женские.

Но это не страшно. Как отрасли, так и сдуются. Годик-другой спецтерапии, и всё вернётся на прежние места.

Не вернётся.

Это я осознал, запустив руку в пижамные широкие штаны и не найдя ничего.

Точнее — найти-то нашлось, но вовсе не то, что должно бы найтись.

Это что, мне теперь и писать сидя?..

— Это 3,14здец какой-то... — вздохнул я, уже не удивляясь гармоничному, странно

родному и совершенно незнакомому женскому голосу. — Ну, здравствуй, девочка Николай, человек и пипидастр...

Тьма вновь распахнула свои объятия, выбив из разума накатывающую истерику.

Никки

Доктор больше не появлялся.

Вместо него поначалу повалили психоолухи. Знаем таких — у них не пациенты, а поциенты. Биомасса для диссертаций и докторских. Первый косился на вырез пижамы и все приземлённые мысли были написаны на морде лица. И по манере речи — скользкий, липкий. Даже тест Роршаха не прогнал. Кажется, увидев три расстёгнутых пуговички, так с ними разумом и остался.

Непрофессионален, неадекватен, и вообще — гондон.

Заодно выяснил, что фрукты я метаю весьма метко. Жаль, кокосы не завезли, а то психоолуху череп бы проломил с удовольствием.

Второй чуть поадекватнее оказался. Третий... Хватило двух секунд, чтобы опознать в третьем ментального близнеца первого. Такая же крыса сухопутная. Хоть и манер чуть побольше. Но вопросы о комплексах и фалличностях всяких разных — однозначно показали, с чьим адептом имею дело.

— Если у вас все мозгоклюи такие — запасайте полиэтиленовые пакеты, — говорю я мрачному метису, приставленному ко мне чем-то вроде подпорки с той стороны двери. Звать это чудо изумительно строгого квадратного телосложения Джошуа. Фамилию только не запомнил. И звание. Впрочем, о звании тот, вроде как, и не заикался.

— Зачем пакеты?

И глазками — хлоп, хлоп. И физиономия лихая и характерная. Всё понимает, коричневый брат.

— Трупы уносить.

Серый полунегр — это серьёзно. Впечатляет.

Ещё более поразительна его способность к телепортации — или сверхбыстрому перемещению. Услышал про трупы — и только дверка и скрипнула за ним.

Значит, на доклад побежал.

Интересно, особист сразу прискачет, или шанс какой-никакой дадут?

Ладно, поживём — увидим.

Вытянувшись поверх одеяла, закинул руки за голову и уставился в потолок. Мыслей — не было.

***

Было бы смешно — если б не было так грустно.

С дырявой памятью и — в чужом теле.

А где душа — или сущность? — прошлой хозяйки? Нет ответа.

Самое паскудное — если походя её сожрал или ассимилировал. Карму хрена с два отмоешь. Доставшийся мозг кристально пуст в отношении каких-либо воспоминаний предыдущей владелицы. А вот рефлекс есть. В первый раз, доковыляв до горшка, даже подумать не успел, как уселся отточенным, слитным движением, походя стащив брюки. И только потом дошло, что рефлекс мужские как-то притупились. В принципе, оно и к лучшему — оконфузиться в единственную одежду — несколько неприятно было бы.

А вместо особиста пришёл нормальный мужик. Не чмо сохатое, как прежние любители распила под шумок вкусных кусков, не вечно хмурый молчи-молчи, не доктор.

Мужик военный — только им удаётся носить костюм как форму. Всё сидит как влитое, нигде не болтается и пошло не топорщится. И мадам с ним характерная, родственная в движениях и выправке. Едва заметный шрамик у виска, короткая прическа золотистых волос. Обоим крепко за сорок, но движения быстрые, ровные, скупые, без офисно-тыловой рыхловатости.

Или оперативники, или бегают зело много и обильно.

— Коммандер Юджин Гастингс, третий сводный средиземноморский флот, — скупо кивнул мужчина. — Лейтенант-коммандер Элис Броуди, ваш куратор от Штаба по изучению паранормальных явлений и океанистики при ООН*.

— Как к вам обращаться, мисс?.. — спросила новоявленная кураторша.

ООН, океанистика, паранормальность... Ерунда какая-то.

И чего им говорить? Здрассьте, я мисс Николай? Сразу же к мозгоклюям упекут. Надо, как все нормальные героини, идти в обход.

— А вы разве сами не знаете?

Коммандер несколько стушевался, а вот мадам даже вида не показала.

— Сведений у нас мало, к сожалению. Городок, поблизости от которого вас подобрала бригада спасательной службы флота, перестал существовать. Мы, конечно, перетряхнули сервера госслужб, прогнали через поисковые алгоритмы соцсети, форумы и торговые площадки... Вы не очень-то доверяете Интернету, мисс.

— Так всё же?

Вздыхнув, лейтенант-коммандер извлекла из папки-конверта несколько куцых листочков:

— Это всё, что удалось собрать.

Взяв предложенные бумаги, я с любопытством уставился на ровные ряды таблиц и информационных блоков.

Язык явно не родной. Вообще в жизни его не видел. Однако — буквы понимаю, а буквы, сложенные в слова — даже читать могу.

Беззвучно шевеля губами, пробуя соотносить читаемое с вероятным звучанием, я принялся изучать собственное дело.

Бояна Костови. Неполных шестнадцать лет. Предварительный социальный статус — сирота. Место последней официальной регистрации в единой миграционной службе — хорватский городок с непроизносимым названием. Состав семьи — отец, младшие брат и сестра. Мать, София Костови, числится пропавшей без вести со времён операции Восьмого Объединённого трансатлантического флота "Кукушка".

В этих ваших интернетах инфы обо мне, и в самом деле, немного нарыли. Дата рождения, пара выдержек из анкет с провокационными намёками на лево-социальность и всеобщую толерантию, да чёрно-белый снимок татуировки на загривке. Лаконичный ниппонский иероглиф.

Третий лист — просто цветное фото.

Сделано, судя по дате, пару лет назад.

Угловатая девчонка с длинными вихрами каштановых, выгоревших до золотистости волос, несколько тонкогубым ртом и остреньким, почти лисьим личиком. Ангелочек, ми-ми-ми.

Вздыхнув, отложил распечатки в сторону:

— На имя вообще ничего внутри не шевелится. Это нормально?

— Вполне, — кивнула куратор. — Первичная инициация происходила самопроизвольно, без должного медикаментозного и оперативного сопровождения. Случай редкий, но не уникальный. Память вернётся, ты не бойся.

— Я и не боюсь, — я пожал плечами, всем видом стараясь не выдать мандраж.

Ахренеть не встать.

Зеркала в санузле нет, отражающих поверхностей тоже не найти, но — не думал, что теперь настолько молод.

А я ж ещё и себя облапать при ревизии успел... Интересно, если узнают, кто внутри сидит, сразу статью пришьют, или в лабораторию загонят?

— Позволь вопрос... Бояна?

Ладно... Пока для проформы будем откликаться именно на Бояну Костови.

— Да?

— Чья ты теперь Аватара?

— То есть?

Лейтенант-коммандер выразительно посмотрела на мужчину:

— Юджин, местные охламоны что, даже базовую информацию не слили?

Мощно желваки у мужика гуляют. Такой, пожалуй, если припрёт, и в самом деле колючую проволоку перекусит. Под напряжением. Зубами.

— Разберёмся.

— Тогда разберитесь ещё с мозгоклюями вашими, — подбросил я гов... дровишек на вентил... костёр революции. — Один только и умеет, что на сиськи пялиться, от второго и третьего пользы чуть больше. Какое отношение имеет прикладная психология и намерение всенепременно ощупать пациента? Третий, признаю, немного получше был, но у него же на физиономии и через слово написано, что, кроме Фрейда, ничего святого нет.

Куратор раздражённо повела плечом:

— Командование уже в курсе. Можешь быть спокойна, карьера на данном поприще — последнее, что их сейчас интересует. Равно как и местного управляющего, допустившего недостаточно квалифицированных, а если прямо говорить — и вовсе некомпетентных — "специалистов" к контакту с Аватарой Флота.

— Так что за Аватары?

Коммандер жестом фокусника извлёк откуда-то из-за спины тонкую плитку планшета, ткнул несколько раз в активированный экран и протянул мне сей девайс.

Совсем молодые девчонки, одетые в гидрокостюмы, обвешанные странными механизмами — скользили по воде. Точка, к которой они двигались, периодически наливалась непроглядно-чёрным туманом, а когда тёмные космы рассеивались, можно было увидеть, как кипит вода белой пеной между множеством извивающихся, длинных чёрных тел, окружающих крохотный островок.

И от тел этих даже через экран и нестабилизированную запись веяло такой чужеродностью, что невольно пожелал девчонкам удачи.

— Девы Флота. Механизм появления Аватар мы до сих пор не понимаем, хотя бьёмся над задачей всем миром не один год. Даже предугадать не всегда можем, какой же корабль воплотиться в очередной Деве.

Я слушал вполуха, а мозг сам раскладывал по полочкам полученную информацию,

анализировал — те малые объёмы, что сейчас имеются, явно недостаточны.

— В каком смысле — воплощение кораблей?

— В прямом. В момент появления в водах Земли Глубинного флота — самоинициировалась и первая Аватара. Нам удалось, применив опыт работы с Туманным флотом, создать варсьюты** для Дев Флота — увеличивающие как их врождённые аватарные способности, так и приобретённые навыки.

Я смотрел на дисплей, на то, как хрупкие фигурки, снаряжённые, видимо, теми самыми варсьютами, атакуют черноту. Издали лучницы (лучницы, мать вашу!) запускают стрелы — и те превращаются... превращаются в натуральные самолёты — миниатюрные, но вот взрывы их торпед, разрывы влажно поблескивающей, чёрной плоти от курсовых пулемётов — более чем соответствуют полновесным калибрам.

— Бояна...

— Да, госпожа куратор?

— Есть отклик?

Я покачал головой.

— А как тебя зовут?

— Николай.

Ойбля... Только сказав, сообразил — что именно я ляпнул. Ну всё, теперь точно ждёт меня дорога короткая, да застенки местного Особого отдела.

— Позволишь? — никак не прореагировав на мужское имя, женщина перехватила у меня планшет и, чего-то быстро отстучав по дисплею, вернула аппаратуру обратно.

Вытянутый корпус, две трубы, две мачты, кран. Зенитные орудия, артиллерия... Наверняка и торпедное отделение есть. И подписано это добро "линкор "Император Николай I".

На следующем слайде краткая история корабля. Построен... Введён в эксплуатацию... Порт приписки... Смена имени... Вывод из эксплуатации на слом... Отзыв вывода... Перевооружение, модернизация... Список наград, как боевые, так и за спасение гражданских... Перевод в статус плавучего музея... Возвращение имени, реставрация, модернизация и перевооружение второй очередью в боях против Туманного флота... Погиб в составе охранного ордера в восемь вымпелов на рейде Одессы, единственный из линкоров, выдержавший более пяти прямых попаданий... Вёл бой до последнего... Никто не выжил.

Что-то смутное шевельнулось в душе...

Охранный рейд... Вражеская флотилия — огромные чёрные живые корабли... От них не уйти. Запах свежей одежды — по древней традиции — перед боем, в котором не выжить, но в котором необходимо рвать глотку врагам до конца, до последнего живого члена экипажа, до последнего исправного механизма...

Странное понимание — я - линкор. Дредноут. Я — и корабль, и все те, кто погиб вместе с ним.

— Не Аватара корабля, — голос какой-то сухой, надтреснутый. — Душа линкора и экипажа.

Тень грустной улыбки на миг посетила лицо куратора.

— Если хочешь, можем поменять тебе имя.

А ведь в этом что-то есть... Как там спрашивали после пробуждения? Коллет? Николь?

Я кивнул.

— Бояна была. Теперь её — такой, какой она была — нет. Пусть будет Николь. Никки.

Мне за державу обидно!

Незавидное положение.

Не надо быть футур-аналитиком экста-класса, чтобы понять очевидную вещь: просто так меня никто никуда не отпустит. Воплощение Души боевого корабля — слишком ценное оружие, чтобы разбрасываться им направо и налево.

Человеки, вообще, существа жадные и хомячистые, особенно касательно шуток, которыми можно массово выпиливать противника и хвастаться, у кого длиннее и толще.

Значит — два явных варианта: или сразу под ярмо запрягут, или, что маловероятно, попробуют договориться.

Идеален был бы контракт с обязательным высшим образованием. Диплом — штука такая, если уж по профилю не пригодился, то хоть от дождя макушку можно прикрыть по необходимости. Или, за неимением гербовой...

Я задумчиво поплямкал губами.

Ярмо, контракт... Эти упыри не то, что одежды, кроме пижамы без ничего, не дали, даже зубную щётку зажилили. Паста есть, щётки нет. Пальцем особо не почистишь...

А что делать, когда придут с предложением, от которого невозможно отказаться?

Чувствую — не торгаш я. И, в конкретном данном случае — это жирнящий минус.

Ладно... Отказаться всё равно вряд ли смогу...

Но — побултыхаемся.

Деваться-то некуда.

***

Из палаты перевели в номер гостиничного типа. Что характерно — с наглухо заложёнными окнами.

К пижаме добавили форму без нашивок, пару маек, трёхдневный набор, состоящий из шапочек для двойняшек и казённого покроя унитарных труселей, да объёмную косметичку.

К счастью, в последней ни помад, ни всяких прочих женских девайсов для проведения штукатурных работ не нашлось. Зато оказались ножницы, пилка, зубная щётка, шампунь, пластырь и увлажняющий крем.

Сколько часов я просидел в ванной, сложно сказать. Но — сидел до последнего, пока организм сам не решил — хватит отмокать.

С волосами надо что-то делать... Грива, конечно, шикарная, кончиками волос даже ягодицы прикрыть можно — но с промывкой на шампуне разорюсь, а с просушкой — могу просто никуда не успеть.

Вряд ли тут есть приличный цирюльник... Так что, вооружившись маникюрными ножничками, чуть ранее доказавшими свою боеспособность в столкновении с неожиданно крепкими коготками, принялся менять свой имидж в сторону большей практичности.

Жалко, конечно, избавляться от такого богатства — но надо. Есть такое слово. Когда ни сил, ни желания, ни смысла нет — как приказ — надо. И — собираешь сопли в кулак, поправляешь кокарду, заталкиваешь всякие истерики и сомнения куда поглубже — и идёшь выполнять. Потому что — надо.

Вот и мне — надо.

Свернуть шею, зацепившись прядью за какую-нибудь скобу или иную напасть?

Увольте, нет желания получить премию человечества за освобождение его от себя, как

носителя заведомо мусорных генов.

Кто не пилил маникюрными недоразумениями волосы — не поймёт, насколько это выматывающий и долгий процесс. Но — с поставленной задачей справился. Отложив ножницы, немного взъерошил оставшиеся волосы.

А неплохо получилось. Что-то, отдалённо похожее на каре, длинной до ключиц спереди и пальца в три с половиной на затылке.

Придирчиво осмотрев себя в зеркало, отметил немалое количество острижков, вздохнул, взял шампунь — и снова пошёл мыться.

***

Я оказался прав.

Куратор появилась к вечеру, с неизменной папкой-конвертом — и с донельзя серьёзным выражением лица.

— Имеете предложение, от которого мне не отказаться?

— Ты догадлива... Никки.

— Что ООН в вашем лице имеет предложить к обоюдному удовлетворению?

— Образование, опеку до достижения совершеннолетия, подъёмные, проживание в комфортных условиях, полное обеспечение, достойную зарплату и гарантированную работу. Всё в рамках одного контракта, срок на выбор: пять или десять лет. При окончательном прекращении боевых действий — досрочное расторжение с соответствующей компенсацией.

Я протянул руку.

— Что, Никки?

— Контракт. Ознакомиться хочу.

Десяток страниц. Никаких звёздочек, сносок, дополнений и условий мелким нечитабельным шрифтом. Всё просто, ясно и прозрачно.

— Что-то не так, Николь?

— Или мир сошёл с ума, или у вас юристы в святые массово собираются.

— Никки, — глаза куратора стали донельзя серьёзными, — Морские Девы, канмусу, служат в Объединённом флоте ООН, в единственном, замечу, на данный момент боеспособном флоте. Так что юристы разных государств очень внимательно следят за их контрактами. Ну и, соответственно, друг за другом. Понимаешь?

— Русские опасаются, что американцы их кинут, японцы трясутся за свои острова, а англичане нервно икают при одной мысли, что кто-то сможет одним приказом увести флот от их берегов?

— Что-то вроде этого.

— Но ведь флот, пусть и Объединённый — вещь конечная. А Глубинники — по всем морям шастают.

— Приходится распределять силы равномерно. Этакая своеобразная новая традиция: Аватара, как правило, идёт траверзом того государства, воплощением чьего корабля является.

В принципе, логично. Душа корабля — это и экипаж ведь. Значит — и их эмоции, мысли, надежды — и жизненный опыт — переняты реципиентом в той или иной степени. Может, распаковывается далеко не сразу, а может, оседает где-то на задворках памяти тяжёлым и пыльным, бесполезным грузом... Но — хочешь не хочешь, а хоть иногда, но

просачиваться в сознание будет.

Почему я в этом так уверен? И уверен ли?..

Просто знаю.

— А в случае, если Глубинный флот решит прочистить гланды через задницу какому-нибудь государству и в полном составе явится к его берегам?

— Для такой ситуации у нас есть стратосферные джамперы. Немного, но быстро собрать Объединённый флот в одном месте — сможем.

— И ПРО Глубинных не достанет?

— Туманники бы достали.

Неразговорчивая какая-то она. Никакого нормального диалога, всё в формате вопрос-ответ. Неинтересно.

— Альтернатива контракту?

— Военная присяга.

— Кому?

— Человечеству.

— Это даже не смешно. Сербская девочка, предположительно — ещё и круглая сирота, являющаяся аватарой русского дредноута и — даёт присягу некоему эфемерному образованию под общим видовым наименованием "Человечество"?

— К этому всё давно шло, и, если бы не Туманники, а за ними — и Глубинный флот не перерезали межконтинентальное сообщение, сейчас царила бы всеобщая глобализация.

— Под недремлющим мудрым оком Штатов?

— Не исключено.

— Нет уж, лесом такую присягу. Хоть Штатам, хоть глобальночеловекам.

— У тебя есть какие-то претензии к США?

— Югославия, — хмуро кивнул я. — И не надо никаких попыток оправдаться. ООН обосралось перед НАТО.

— Но присягу Российской Империи дала бы?

О как. Оказывается, Россия — Империя. Как говорится — вот это поворот.

— Без сомнения.

Хм. А мадам куратор держится молодцом. Даже гримаску не скривила. Или ООН нынче забило большой и тяжёлый на альянс демократоносцев?

— Так контракт или присяга?

Я протянул руку ладонью вверх:

— Общечеловеки обойдутся. Ручку одолжите? И где тут подпись ставить?

Гранаты не той системы

Сижу в номере, жду распределения.

Делать нечего.

Информационный голод буквально выедает изнутри.

Перечитано абсолютно всё, что можно прочесть, начиная от ярлыков на полотенцах и заканчивая крайне богатыми, по сравнению со всем предыдущим, надписями на освежителе воздуха.

Джошуа, два кубометра мышц и костей, вежливо улыбается во все тридцать два, но выпускать наружу отказывается. Дескать, не положено, нет разрешения, нет предписания, и вообще — он обычный солдат, ему думать по Уставу не положено, даже вредно, так что все вопросы к начальству.

Ладно...

Не знаешь, чем себя занять? Отжимайся.

К чему и приступил.

От чего в осадок и выпал.

Или девочка, в чьём теле я оказался, всю жизнь кушала ударные дозы нейростимуляторов и боевых коктейлей, запивая их бодрящим тоником из кофеина и адреналина, или напичкана какими-нибудь имплантатами по самое небалуйся. Иначе объяснить запредельную выносливость невозможно.

Да что выносливость-то? Старая, как мир, практика всяких восточных руко- и ногомашцев — утюг в руку и удерживать до посинения.

Через полчаса заскучал.

Через час, дабы разнообразить скучную тренировку, стоял в позе ревматичной цапли — согнутая в колене нога прижата к груди, вторая — вытянутой стопой, самыми кончиками пальцев — упирается в пол, одна рука назад, вторая — вперёд — с утюгом на весу, аки со стягом или краснокомиссарским мандатом.

Ко времени, когда принесли ужин, я уже освоил примерные пределы нового тела. Гибкость на приличном уровне, на мостик встать и из него выйти с упором на руки — как раз плюнуть. Мышцы — вообще отдельная песня. Или даже пестня. Молочной кислотой забиваются настолько медленно, что усталости не ощущаешь.

Растяжка только подкачала, но, чувствую, при желании и упорстве — дело поправимое.

Однако, после всех тренировочных нагрузок в полный рост встал крайне неприятный вопрос: что делать, если ужин, порционно рассчитанный на среднестатистического морпеха, пропал в желудке так, словно до него не долетел, попав по пути в чёрную дыру.

— Сва-бо-ду! Па-пу-га-ям! Сва-бо-ду! Па-пу-га-ям! — опёршись о косяк, я методично долбил пяткой в толстое дерево двери.

— Николь, ты чего вахтенного пугаешь? — под глазами мадам куратора полноценные мешки а-ля панда, лицо уставшее и какое-то поблётшее.

— Джошуа? Его попробуй испугай. Есть хочу.

— Тебе же приносили ужин?

— Маловато будет! Маловато! Я тут потренироваться решил, организм молодой, здоровый, естественно, что после нагрузок кушать требует. Всего и сразу.

Куратор осторожным взглядом обвела комнату.

— У тебя же нет спортивного инвентаря.

— Я сам себе инвентарь. Вторая порция будет?

Лейтенант-коммандер, прикрыв глаза, устало потёрла виски.

— Пойдём в столовую, пока ты на охрану с гастрономическим интересом смотреть не начала.

Квадратный метис, всё это время исправно косплеящий стойкого оловянного, но слегка подкопчённого солдата, ощутимо вздрогнул и посерел.

— Увы, мадам куратор, — отмахнулся я. — Он, конечно, высококалорийный и вообще — упитанный и в самом расцвете сил, но — где готовить-то буду? Ни кухни, ни посуды.

Броуди в кои-то веки соизволила улыбнуться:

— Хватит пугать капрала, Николь. Морпехи, конечно, смелые, и самому Дьяволу пасть при случае порвут так, что британцы со своим флагом от зависти на флагштоке удавятся, но — всему есть предел.

— Ладно, — вздохнул я и аккуратно, бочком, протиснулся между куратором и косяком. — Где тут столовая?

***

Нелогично тут всё как-то обустроено... После усиленного ужина — бассейн. Кто с полным брюхом полезет в воду?

Но у куратора на этот счёт имелось своё мнение. Бурча что-то про следовую постинициацию, спонтанные выбросы и прочие околонаучные мистические слова, лейтенант-коммандер неумолимо вела меня по пустым коридорам базы к бассейну.

Нет, понятно, конечно, что я тут на птичьих правах и вообще, по ходу дела, внезапный балласт, но — кто кому нужен, в конце-то концов, я — ООН, или эта шобла сотрясателей воздуха — мне?

Но, стоило увидеть прозрачную, изумительно голубоватого оттенка водную гладь, подсвеченную по бортам и дну мягкими лампами, не разделённую на дорожки, оснащённую целым набором вышек — всё раздражение и сонливость разом куда-то исчезли.

Пусто. Тихо. Хорошо!

— Никки, не в одежде же ты полезешь?

Хм... Это вовремя мадам Броуди меня окликнула. Ещё шаг — и сиганул бы с бортика, как есть.

— А тут есть купальники?

— На базе есть женщины, дорогая. Значит, и купальники есть.

С этими словами куратор, аккуратно сцапав меня за кисть, направилась в сторону ближайшей дверки.

— Вообще, полагалось бы зайти по правилам — через предбанник, раздевалку и душевые. Считай тестом.

— М?

— У тебя правильная реакция на воду. Были инциденты... С гидрофобией у канмусу...

— А почему канмусу?

Куратор пожала плечами:

— Первой аватарой была японка. А кто из бел... европеоидов, — шустро поправились куратор, — поймёт, что творится в головах юных ниппонок на самом пике пубертатного периода?

За недолгое время разговора мы прошли через пустые душевые и выбрались в раздевалку.

Мда-а-а... Кучеряво ООНовцы живут. Шкафчики — натуральные такие сейфы, замок — контактный электронный, присобачен к широкому силиконовому браслету. Стройные ряды скамеек и лавочек, отдельная стена выделена под характерного вида мозгосушки — огромные турбины промышленных фенов странно смотрятся над хай-тековского вида пластиковыми креслами. И всё это в рвотно-розовых оттенках.

Бр-р-р! Мерзота...

Но более всего добились автоматы.

Машина по продаже средств индивидуальной женской гигиены. Автомат, выдающий полотенца. Ящик с напитками. Агрегат с холодными закусками, чипсами и шоколадом...

— Сюда что, пожрать приходят?

...Автомат с какими-то кремами, шампунями, бальзамами и ещё стотыщицотью наименованиями. Железный продаван мороженого. Кофемашина. Скромный ящичек с одноразовым нижним бельём. И — вишенкой на торте буржуазии...

— А кондомы-то тут зачем?!

— Всякое бывает, — уклончиво ответила куратор.

— Ага, типа, шапочку по пути просохатила — натяни резинку?

— Никки, хоть тебе официально и не положено ещё — что ты как маленькая?

Уважающая себя женщина всегда должна быть готова к тому, что её партнёр в порыве внезапной страсти о любой контрацепции позабудет.

Я другим взглядом посмотрел на Броуди.

Форма сидит ладно, но явно перешиита не по уставу — слишком уж подчёркивает все выгодные элементы тела. Кожа чистая, не дряблая, у глаз только немного морщинок — эта женщина явно не привыкла улыбаться. Но — несмотря на возраст, весьма и весьма симпатична. И в волосах седины ещё нет. И глаза — мягкие, карие, красивые. Сложно перед такой устоять, если решит взять быка за яй... кхм, рога.

— И часто такие порывы бывают?

— Ты на что намекаешь?

— Женщина вы красивая, за фигурой явно серьёзно следите, и при этом нет кольца, ни обручального, ни свадебного...

Куратор как-то стусевалась.

— В Шерлока играешь?

— Да ладно вам. Просто интересно.

— Развелись недавно, — тихо сказала Броуди, продемонстрировав узкую полоску бледной кожи на безымянном пальце. — Ещё не пришла в себя.

— Придёте, — я позволил себе осторожно погладить лейтенант-командера по плечу — строго дозированно, дабы не быть уличённым в излишней фамильярности. — Тут ведь наверняка есть нормальные мужики. Ну, Джошуа, на крайний случай. Хоть и капрал, зато какой! Орёл! И потом никогда не пахнет. Даже когда боится. Кстати, а чего это бравый морпех с конфигурацией два на два и взглядом бешеного папуаса — и весь такой боится хрупкую и слабую меня?

— Всё просто, Никки. Морские пехотинцы в первые годы столкновений с Глубинным флотом слишком часто видели, на что способны, как ты выразилась, "хрупкие и слабые" Девы Флота.

Ага. Бравые вояки впечатлились, судя по всему, до усрачки. Это ж аватарой какого монстра я являюсь?..

Пока я переваривал сказанное лейтенант-командером, куратор успела продефилировать до автоматов и вернуться с пакетиком. На упаковке весело улыбалась красивым ртом и совершенно стеклянными глазами симпатичная модель в купальнике.

— Это тебе.

Ну, мне, так мне. Сходу разорвав упаковку, вытащил... нечто.

— Эм-м-м... Госпожа куратор, что это такое?

— Купальник, — и смотрит, как на альтернативно одарённого.

— Да у меня площадь одной ладони больше, чем площадь этих спагетти вместе взятых! Что и от чего я должен прикрывать такими тесёмками?

Лейтенант-командер осторожно, двумя пальцами за лямки, взяла из моих рук

купальник.

— А что тебе не нравится? Модель этого сезона, модно, стильно, молодёжно. Девчонки всего мира фланируют в таких по самым элитным пляжным зонам.

— Фтопку. Или гидрокостюм, или что-то менее бордельного вида. Или вообще без ничего.

— Там же камеры...

— Да хоть прямая трансляция по всем каналам. Пусть уж лучше считают нудисткой, чем начинающей порно моделью.

Тяжело вздохнув, мадам Броуди забрала пародию на купальник и вновь отправилась к автомату.

Увы, гидрокостюмом разжиться так и не удалось, зато нашлась замена в виде полноценного относительно закрытого купального костюма, чьим несомненным плюсом являлась классическая нижняя часть, не грозящая воткнуться узкой тесёмкой промеж нежного афедрона в самый неожиданный момент.

— Вот, так-то лучше, — бормотал я, споро освобождаясь от формы и соображая, с какой стороны сие детище сумеречного дизайнерского гения надо надевать. — Мадам Броуди...

— Никки, заканчивай мадамкать, я ещё не чувствую себя убелённой сединами ворчливой развалиной с педагогическим образованием. Просто Элис.

— Хорошо. Элис, скажите, а зачем мне всё, что ниже головы, проэпилировали?

— Кгхм, — куратор даже поперхнулась. — Никки, что, прости?

Я встал со скамейки и повернулся к лейтенант-командеру:

— С памятью у меня, конечно, совсем всё печально, но я прекрасно знаю, что во всяких интересных и забавных местах у нормальных людей растут волосы.

— А, ты об этом. Ну да, у нормальных... Привыкай быть Девой Флота, Николь. Наверно, это маленький приятный бонус за боль, испытанную при первичной инициации.

Ладно. И в самом деле — раз уж нахожусь в нежном теле, то и ухаживать за ним надо соответствующе. А так — минус одна проблема. Возможно, одна...

— Я так понимаю, это не всё, что меня отличает от нормальных людей?

— Ну-у-у...

— Договаривайте уж, Элис.

— Помимо лишних волос — можешь теперь забыть и о месячных со всем прилагающимся букетом сопутствующих ощущений.

— В смысле?

— В прямом, Никки. После инициации менструальный цикл прекращается.

...!

Не то, чтобы я вот прямо щаз хотел детей — или в какой-то, пусть и отдалённой, перспективе... Но — одно дело знать — что не хочешь — именно здесь и сейчас и во-о-он до того неопределённого момента, и совсем другое — понимать, что у тебя детей не будет вообще.

— Не волнуйся, Николь. Белохалатники изучили достаточное количество канмусу и утверждают, что на фертильности это никак не сказывается.

— Прецеденты были?

— Бог с тобой, Никки! Какие прецеденты? Все образовательные объекты, в которых учатся Девы Флота, полностью укомплектованы исключительно женским составом: старшие

канмусу учат младших, передают им свои опыт и знания. Мужчина не может стать Аватарой корабля. Ниппонцы говорят, что только женщина способна и принять, и подарить жизнь, и только ей дано стать воплощением воскресшего корабля.

— Так легче, конечно... Но...

— Ты когда-нибудь видела беременные корабли? То-то же. Им по Уставу не положено. Но если припрёт так, что по стенкам от желания бегать будешь — автомат знаешь где.

Я покачал головой. Тут бы для начала понять, что за АдЪ и Израиль вокруг творится, да выжить. Какое уж там — искать, кого в постель утащить?

С трудом, но совершенно самостоятельно, что не может не быть поводом для маленькой, но гордости за находчивого себя, всё же втиснулся в купальник. Нигде не висит, где не положено — не пузырится и не хлопает, во всякие забавные места не продавливает. Сидит в обтяжку, как вторая кожа.

Не так уж и плохо, однако!

Миновав сиротливо-пустые ряды душевых, я, набрав короткий разбег, с ходу нырнул в бассейн.

Хорошо-то как!

С причала рыбачил апостол Андрей...

За плеском воды с трудом, но расслышал взволнованный вскрик куратора.

— Что-то не так, Элис?

Стоит у бортика бледная, глаза — как плоски.

— Всё не так, Николь.

— Элис, мне из вас каждое слово клещами тянуть придётся?

Нервно хихикнув, лейтенант-коммандер села на бортик.

— Никки... Нельзя так торопиться. Я понимаю, что тебе, как нормальной, полноценной канмусу, жизненно необходимы водные процедуры... Но в дальнейшем — прошу — будь аккуратнее.

— Да что не так-то?! — нервозность куратора оказалась более чем заразной.

Элис натурально схватилась за голову:

— Прости, совсем забегалась и не выдала тебе базовую информацию по Девам Флота. Сегодня же исправлю, — куратор хмуро уставилась куда-то в потолок. — С местными гидроцефалами от управления совсем свихнуться можно...

— Ну так?..

Хочется плыть. Плыть, взбивая мощными гребками воду в белую пену. Плыть — прорываясь сквозь волны. Не эти, мелкописечные бассейновые — через настоящие морские. Врубаться вперёд — и ощущать, как ветер свистит в ушах, как плещутся волны... И тело... Не плывёт — скользит сквозь стихию...

— ...утонуть.

— Простите, Элис, я задумалась. Повторите, пожалста?

Вздыхнув, куратор уже знакомым жестом потёрла виски:

— Прошедшая инициацию канмусу имеет очень специфичные отношения с водой. Вот, смотри, — с этими словами лейтенант-коммандер достала из набедренного кармана пластинку лопатофона с криво надкушенным ананасом на логотипе и, потыкав куда-то в экран, развернула аппарат в мою сторону.

Мда. Ещё один плюс молодого тела. До бортика добрый метр по прямой, по диагонали — все полтора — до вытянутой руки куратора, а картинку на экране пусть большого, но, всё

же, наладонника, видно во всех деталях.

Стайка девчушек различной стадии половозрелости, сверкая всевозможными конфигурациями купальников и вполне себе приличных гидрокостюмов а-ля серфингист, бодро марширует по плацу... Странному плацу.

Тряхнув головой, присмотрелся, искренне сомневаясь в адекватности собственного восприятия.

Хренассе! Армия Исусов, нах!

Девчонки, держа равнение, мерно печатая шаг, спокойно гуляют по воде, аки посуху.

Чуть дальше — вне фокуса камеры — можно видеть, как стремительные хрупкие тени, обвешанные совершенно сюрреалистического вида запчастями, оставляя за собой высокие белокипенные буруны, уходят на невозможной для людей скорости по безграничной водной глади к горизонту.

А на ближнем фоне камера выхватывает другую группу девушек. Они играют во что-то вроде футбола на значительной территории, огороженной массивными сигнальными буями с натянутыми между ними канатами-поплавками. Одна из них, промахнувшись по снаряду, нелепо взмахивает руками, ловя серьёзный крен на нос — и, часто-часто перебирая ногами, пытается поймать равновесие и выровнять ход. Ей это почти удаётся — замешкавшаяся на её пути девушка просто не успевает сдать в сторону. Полёт кубарем по волнам... Первая — остановившись, какое-то время лежит на спине, широко раскинув руки и ноги, вторая — на несколько секунд спиной вперёд уйдя под воду — вылетает пробкой на поверхность, ловко приземляется на ноги... и смеется.

Расстояние до гидрофутбольной площадки слишком велико, но качество съёмки позволяет понять — это действительно смех.

— Вот этого и боялась, Никки. Что, прыгнув в воду, отобьёшь себе весь живот, а то и шею сломаешь.

Заба-а-авно...

Упёршись в бортик, выпрыгнул из бассейна. Движение получилось слитным, мощным — совсем нехарактерным для хрупкой девчонки. Раз — руки цепляются за бортик. Два — и стопы уже упираются в горизонталь прохладного кафеля облицовки.

Прошествовав до лесенки, начал спускаться вниз.

— Ну и где моя исусья абилка? Я тоже хочу ходить по воде, аки святая.

Элис непонимающе покачала головой.

— Не знаю, Никки... Возможно, инициация до сих пор не завершена. Но не беспокойся — все канмусу, рано или поздно, но — получают свои способности в полной мере. И, в любом случае, на завтра у тебя запланирован медосмотр...

Если тут медики такие же, как мозгоклюи — мне полнейшая жопа. Больша-а-а-ая такая. И с ручками.

— Штаб направил спецгруппу, — видя моё беспокойство, поспешила уточнить куратор. — Настоящие профессионалы, специализирующиеся именно на явлениях, связанных с Девами Флота.

— По запчастям разбирать будут?

— Нет, конечно же! Обычный медосмотр на профпригодность, несколько тестовых заданий и анкет.

— Точно?

— Точно.

— Ладно... — вновь выбравшись на бортик, прошлёпал до стартовых пьедесталов. Навскидку длинна бассейна метров пятьдесят. Интересно, за сколько до дальнего края прошлёпаю?

Нырок, гребок, второй, трет...

Что-то в макушке хрустнуло. Громко и противно.

Епздец... Кажется, я себе череп сломал...

Осторожно, стараясь не делать резких движений, ощупал темя. Характерной густоты крови, существенно отличающейся по плотности от воды, нет, перед глазами красной взвеси не наблюдается. Зато какие-то белые крошки медленно идут ко дну. И под пальцами — в волосах — тоже крошки.

Подцепив одну, подтягиваю к глазам — белое, твёрдое, на кость совершенно не похожее.

О-о-очень медленно принимаю вертикальное положение. Прямо по курсу, чуть ниже среза воды, щерится выбитыми осколками раскрошенный кафель. Судя по вогнутой яме в бортике — в него шархнули немаленьким таким пушечным ядром. Или торпедой.

— Николь, ты в порядке?

О, вот и Элис бежит. Бледнее савана, взъерошенная, как южноафриканская совка.

Я смотрю, откуда она бежит. Ага, вон там — трамплины стоят.

Маю твать, это что — за два с половиной гребка — проскочил полста метров?!

Тряхнув головой, понял — на сегодня с купанием пора завязывать, пока ещё что-нибудь специфичное канмусувское не вылезло из закровов способностей.

— Со мной всё нормально, — отмахнулся я от куратора. — А с бассейном — как-то не очень... Вот по-любому местные, ради экономии, вместо нормальных молдаван наняли каких-нибудь джамшутов...

Ва-банк

Две последние шестёрки легли на плечи метиса:

— Стреляйтесь, мон шер колонель.

Вздыхнув, капрал вытащил плоский пенал портсигара и передал мне.

Нет, нормальный мужик Джошуа, хоть и капрал. Вон, даже карты приволок. Замызганные, затёртые, с фотками потрёпанного вида силиконово-ботоксных тёток неопределённого возраста в минимуме одежды, преимущественно состоящей из серёг да браслетов, — но — полный набор. И даже не краплёные.

Правда, всё порывался навязать партии в покер — ровно до того момента, пока наводящими вопросами не выяснилось — солдатик вышел из такой фермерско-патриархальной глубинки, от которой до эмишей можно не то, что доплюнуть — дотянуться и похлопать по плечу. И просто не знал больше ничего, кроме покера. Даже за время службы не выучился.

Хороший из него ученик получился, хоть и забывчивый слегка. Ну как можно простейшие правила дурака — и не запомнить даже после десятой итерации?

Зато азартен.

Если бы не куратор, время от времени наведывающаяся то с вопросами о самочувствии, то с информацией, что супер-пупер профи от медицины всё ещё сидят в аэропорту из-за нелётных условий, созданных вулканом с именем, созвучным с "Эй-я-вам-тут-нах-ща-полетаю-бль!", то с уточнениями запросов по требуемым выборкам инфопакетов, — раздел бы капрала до портянок. Впрочем, сдаётся мне, Элис ещё раньше меня просекла слабости

капрала, и набигала исключительно для того, чтобы убедиться, что метис ещё не подписывает дарственную на свои органы и родную бабушку.

Зато теперь я обогатился на приличный НЗ арахисово-карамельно-шоколадных батончиков повышенной питательности, кусачки для ногтей, набор иголок и портсигар.

— Может, реванш?

И мордочка такая жалобная... Что, мягко говоря, на фоне общей архитектуры тела вообще не роляет.

— Доктор сказал — в морг, значит — в морг.

— Ну ле-э-эди Николь, — и в голосе такое характерное душевное похрипывание на обертонах, как у Синатры в лучших песнях. — Я отыгаться хочу.

— Нет, Джошуа. Тебе уже ставить нечего. И не косись так на табельное, за него тебе точно ата-та-та делать будут, жёстко и без лубрикантов.

Эх... Такой талантище в морпехах пропадает... Ему бы на актёрское поступить, да в киношки слезливые пойти сниматься — на одни только такие глазищи печальные западать в оптовых количествах будут барышни.

— Да ладно тебе, отыграешься ещё. Или портсигар жалко?

— У меня там, в казарме, — кивнул куда-то в бок Джошуа, — есть целых два тюбика... как же её...

И метис, коверкая буквы чудовищным акцентом, выдал наименование своего сокровища:

— Тья... нэ... Тей... Тьумуар... Тоже не то... О! Тьэймьюрвова пьеста!

Я сходу сдвинул всё ранее выигранное в одну кучу:

— Иду ва-банк!

***

В это же время в кабинете куратора собралась небольшая компания. Коммандер, выпучив глаза и собрав физиономию в крайне заинтересованное выражение, тихо и безмятежно сопел, облокотившись о высокие ручки мягкого кресла.

Помимо уставшего Гастингса и лейтенант-коммандера Броуди, в кабинете присутствовали ещё две личности, имеющие непосредственнейшее отношение к самому верху. Впрочем, на стандартной форме знаков отличий не было, а любые попытки взять под козырёк или обратиться по званию пресекались даже не взглядом — незримой подавляющей аурой людей, привыкших отдавать приказы если и не планетарного, то континентального масштаба уж точно.

Первый, как могло показаться сначала, обладал несколько рыхловатым, даже одутловатым грузным телом, но короткие, плавные, отточенные движения выдавали в нём ту часть былого мастерства, что покидает человека только вместе с жизнью. Звали его Грегор.

Второй — сухощавый, худой, жилистый и низкорослый азиат — отзывался только на позывной Тачи.

— Ну не имперцам же её направлять, — ощерился Грегор. — У них и так самые боееспособные эскадры на всю Евразию.

— Штаты, увы, тоже отпадают, — как ни больно было признавать, но куратор справилась.

— Мы тоже слышали о том, как они обходятся с экземплярами проекта "Сумеречный

шейф", но доказательств нет, — кивнул Тачи.

— Пробриться через их нули* сложно, конечно, но...

— Дипломаты и спецслужбы с дерьмом съедят, а визгу поднимется... лучше и не думать.

Гастингс, всхрипнув, дёрнулся и сходу врубился в разговор:

— Надеюсь, в Штабе понимают, что мы рискуем опять слить ниже ватерлинии ту репутацию, что бережно, по крохам, собирали и восстанавливали последние десятилетия?

— Понимают.

— Тогда имеет смысл слить инфу русским.

— Есть основания считать, что имперцы давно в курсе. И им самим, и их подопечным такое шевеление категорически не нравится.

Куратор невольно вздрогнула. Так уж сложились обстоятельства, что ей доводилось довольно часто контактировать с русскими. В том числе и с теми, кто мог и умел решать такие неудобные вопросы, как дурно пахнущие дела секретных служб государства, некогда претендовавшего на звание Пастыря всея планеты.

— Штаты, увы, вполне могут огрызнуться, — заметил человек, прикрывающийся именем Грегор.

— И останутся без варсьютов, — как-то весело оскалился командер Гастингс.

— Да.

— Юджин, мне казалось, вы большой патриот...

— Патриот — да. Но не идиот. Эти созвучные понятия в последние годы стали слишком уж часто путать. И осмелюсь напомнить, дамы и господа, как и все присутствующие здесь, я давал присягу всему Человечеству, а не какой-либо отдельно взятой стране.

Окажись здесь сторонний наблюдатель, он вполне бы решил, что перед ним творится какой-то дешёвый фарс. Ну не могут, в представлении обычной самоходной органической человекоединицы, люди, ворочающие судьбой мира, так просто обсуждать интересующие их вопросы с какими-то непонятными офицерами. Но — компетенций, квалификации, высокоуровневых доступов к закрытым базам, подписок, гипноблоков, крестов* и нулей на каждом из присутствующих висело столько, что границы званий размывались в более чем достаточном диапазоне для того, чтобы не обращать никакого внимания на такую ерунду, как официальные звания.

— Если имперцы начнут шевелиться, — кивнул Тачи, — мы найдём способ им ненавязчиво помочь. А теперь предлагаю вернуться к основной повестке дня.

Лейтенант-командер Броуди развела руками:

— Расследование идёт полным ходом. Уже выяснили, что сенсорную сеть этого участка намеренно держали в тестовом режиме. Системотехники и айтишники Штаба собрали достаточно данных, чтобы полетели головы не только управляющих данной базы, но и всей верхушки региона. Нам повезло, что спасслужба не успела включиться в локальный контур сети и работала на собственных сенсорах, иначе и эту Деву мы бы проморгали.

— Психопортрет?

— Как и у всех подростков, нестабилен. Есть чёткая корреляция самоидентификации личности человека с коллективной эгрегориальной матрицей корабля.

— Насколько плотно?

— Не "Китобоец" и не "Шернхорст", конечно, но совпадение в граничных паттернах достигает девяносто одного — девяносто трёх процентов.

— Всё же белохалатники правы, и Девы Флота с каждым поколением инициированных всё более мутируют?

— Я бы не торопилась делать такие выводы, — качнула головой Элис. — Не стоит списывать со счетов экстремальные условия, в которых началась самоинициация.

Гастингс поморщился. Перед глазами до сих пор стояла сводная картинка, полученная со спутников и из местной сети видеонаблюдения. Глубинный флот там, практически на курорте, никто не ожидал. Малая эскадра в пять вымпелов, три полных залпа — и городка больше нет. Даже Туманницы, уж на что совершенно чуждые человеческим правилам ведения войны, по жилым зонам намеренно не били, точно вынося батареи и комплексы береговой охраны, системы РЭБ, ПРО и ПКО. И даже их страшные гравитационные орудия не могли стереть город с лица Земли в считанные секунды.

— Вероятно, — продолжила куратор, — эти условия и послужили триггером избирательной амнезии.

— К имперцам просится? — Грегор, по-птичьему наклонив голову к плечу, взглянул в глаза Элис.

— Явно — нет, но присягнуть — не откажется.

— Адмирал в зоне ответственности русских толковый, да и Школа там одна из лучших, — внёс свою лепту Тачи.

— Да, — кивнул Гастингс. — И это, к сожалению, жирный минус. Девочка славянских кровей, а имперцы за своих держатся до последнего. Общественность снова на дерьмо изойдёт, что и без того могущественное государство будет усилено очередной Аватарой.

— Национальный принцип распределения никто не отменял...

— Грегор, уж вам ли не знать, что изоляционисты при первой же возможности подогреют эту самую общественность так, что придётся вводить войска?

— Знаю.

— К нейтралам отправить можно, — азиат пожал плечами. — Не вижу в этом ничего сложного.

— Тачи, кого порекомендуешь?

— Австралийская коалиция отпадает, у них не то, что со снабжением плохо — Девы скоро сами побегут оттуда. Панобщность Африкаанс — так же, плюс есть косвенные намёки на готовящуюся смену власти с приходом к рычагам управления изоляционистов ультра-правого толка.

— Нам ещё континента нацистов не хватало... — Гастингс устало помассировал глаза.

— Из адекватных нейтралов на данный момент — только три Школы осталось. Британская, Кубинская да Японская.

— Угу, — Грегор мрачно усмехнулся. — У британцев обязательна присяга Королеве, так что заведомо минус. Куба... Один Адмирал утонул в собственной ванной, двое спились, причём оба — меньше, чем за два месяца с момента вступления в должность, ещё один покончил с собой. Предварительно — в силу конфликта долга и чести на почве необходимости применять привычные методы управления в отношении женщин. По Школе статистика немногим отличается, но... Куба, солнце, ром и травка, горячие мачо... Показатели по успеваемости — даже ниже, чем у Школы Африкаанс. Да и руководящий состав — тот ещё...

— Это там два директора подряд пошли под трибунал за отношения с ученицами? — Гастингс последние пару лет провёл попеременно у обеих полярных шапок, и, картину

событий, произошедших с момента командировки, ещё не полностью восстановил.

— Да.

— Остаются японцы, — кивнула Элис. — Школа небольшая, снабжение на должном уровне, с ОША со времён Туманного флота отношения напряжённые. Варсьюты последние модификаций к ним попадают в первую очередь после имперских побратимов. Да и Адмирал ещё и Школой руководит. И вот в чём, в чём, а в растлении его не обвинить — своему партнёру верность соблюдает в лучших традициях предков, чтящих своих сюзеренов. Особо не афиширует, но от женского коллектива такое не утаить. Так что и всякая ненужная романтика основательно срезается.

— Кто за Японию? — Грегор обвёл взглядом компанию и подытожил: — Единогласно. Что ж, перейдём к следующему вопросу...

Козырь дивный

Дверь кабинета вылетела в коридор вместе с телом врача. Тот, сходу сориентировавшись в обстановке, из неудобной стартовой позиции — на четырёх костях — бодро припустил куда-то вдаль.

Элис прикинула направление — кажется, к бомбоубежищу торопится доктор.

— Где, бл, эта глиста, бл, сухопутная, бл? Щаз я ему, бл, проведу, бл, показательный, бл, пример фистинга в военно-полевых, бл, условиях, бл! Без суда, бл, и следствия, бл!

Лейтенант-коммандер Броуди как-то разом поняла, что Никки попадать под горячую руку не следует. Разъярённая камусу в чём-то сродни ходячей ядерной бомбе, а местами — и гораздо опаснее.

Но — она куратор, и несёт полную ответственность за эту девушку.

— Никки, Никки, спокойнее. Что случилось?

Растрёпанная девушка двигалась семенящей, переваливающейся походкой, как-то жалобно прижав руки к паху. Что, впрочем, ей нисколько не мешало оповещать все соседние кабинеты классическим говором русских офицеров.

— Что случилось? Это вы, бл, у меня, бл, спрашиваете? Вот это, бл, вы называете исключительно компетентными, бл, профессионалами?!

Николь поразительно филигранно использовала столь популярный у имперских офицеров неопределённый вариативный артикль, и даже характерно его не проговаривала, только шевелила губами — но при этом вся глубина конструкции ощущалась не то, что подкоркой — спинным мозгом.

— Это лучший гинеколог Объединённого флота, Никки.

— Да пускай, бл, хоть племенной осеменитель, бл, с родословной до Вавилонских, бл, царей! Я ему девственность дарить не собираюсь!

Лейтенант-коммандер сделала очередную зарубку в памяти, добавляя новую деталь к тщательно выстраиваемой модели психопрофиля.

— Ничего же страшного не произошло?..

— Пусть себе, бл, в задницу, бл, этот девайс воткнёт, бл, и раскорячит, бл, по-максимуму! Коновал рукожопый, бл.

Тяжело будет с этой девочкой...

Элис поднялась со скамейки:

— Из меня, конечно, гинеколог так себе... Но базовый курс сдавала на отлично. Могу сама провести осмотр.

Николь некоторое время ещё бешено вращала глазами, а потом как-то сникла и,

шмыгнув носом, совсем жалобным, дрожащим голосом проговорила:

— Э-э-э-элис... — обиженно протянула девушка, — а вот сразу не могли вызваться?..

***

— Те-мью-ро-ва пьяс-та, — с трудом, по слогам, прочитала куратор.

— А у вас акцент не такой чудовищный, как у капрала, Элис.

— Опыт нье пропьюшш, — процитировала лейтенант-коммандер знакомого имперского медика.

— Вижу, вижу, — фыркнула Никки и вгрызлась в мороженое.

— Зачем тебе это вещество? — Броуди, как ни старалась, так и не смогла прочитать состав. И шрифт слишком мелкий, и надпись основательно затёрта ввиду пребывания далёких от комфортных условиях, и, опять же, вредная привычка русских фармацевтов не дублировать состав ни на английском, ни на латыни.

— Школа ведь курсантского типа? Значит, снабжение одеждой и обувью будет. В кирзачах бегать — дух времени уже не позволяет, значит, военные ботинки. Я вот, — девушка выставила из-под одеяла изящную ступню и пошевелила аккуратными розовыми пальчиками, — похожа на ту, кто всю жизнь в берцах на копытах носится?

Хмыкнув, Николь спрятала конечность обратно под одеяло.

— Вот и я сомневаюсь. Так что, как минимум, по началу, ноги будут дико потеть и, прошу прощения за свой изысканный французский, вонять умершим протиеостественной смертью сыром. Я уж не говорю о чудодейственных особенностях настоявшегося пота, способного к концу дня превратить любые носки в неаппетитно пахнущую, липкую кашуцу массового поражения, — встрепенувшись, Николь хлопнула себя свободной рукой по лбу. — Надеюсь, на месте у меня вещи не отберут? Типа, своё выдадим?

Куратор хмыкнула:

— В теории, конечно, могут что-то попытаться возразить, но — оставят. Как минимум, личную гигиену и незначительную мелочь. Сама понимаешь, Школа военного типа, в гражданской одежде по территории передвигаться не позволят.

— Ну, я и не ожидала, что разрешат шастать по плацу в микроюбке и трусах на подтяжках, — сарказма в голосе Никки было хоть отбавляй.

— Не ёрничай, Никки.

— Эли-и-ис... У меня лютый информационный голод. Мне нужна информация. Любая. Главное, чтобы много, чтобы было чем мозги нагрузить.

— Я же тебе отдала материалы.

— Пф-ф, — фыркнула Николь, нацелившись на очередной пломбир. — Целых четыре с половиной страницы отборнейших бюрократизмов и вставок на латыни. Из них слова "Дева Флота" — повторяются восемнадцать раз, "канмусу" — пять, "боеспособность" — тоже пять, полное наименование ООН — восемьдесят четыре раза! Восемьдесят четыре, Карл! И это не считая ссылок на указы, распоряжения и прочую околорядическую дурь. Там из понятных простому человеку слов — только предлоги, артикли и местоимения.

Элис, отложив в сторону тубик имперской пасты, помассировала виски. Николь права. Запрошенная информация, проведённая через многокомпонентные фильтры структурных и уровневых служб, потеряла более девяноста процентов полезности.

— Хорошо, Никки. Ты можешь предложить свой вариант?

— Доступ к Интернету. Да-да-да, знаю, что посадите на обрезанную учётку с принудительной фильтрацией — но даже так есть шансы найти информацию, не переваренную бессмысленной машиной бюрократического аппарата. Нормальными буквами, понимаете? На человеческом языке! — Вздохнув, Николь сосредоточилась на лакомстве. — И вообще, сколько ещё ваши коновалы высоколобые меня мотылять по кабинетам собираются? Такое ощущение, что не в Школу, а в космос отправлять собрались.

— Ещё день или два. Ждут результаты анализов из лабораторий.

— Я такая особенная? — Приподнятые брови и прищуренные глаза.

— Ты Дева Флота, Никки. Вы все — особенные.

— Так что с информацией?

Броуди, улыбнувшись самыми уголками губ, кивнула:

— Сейчас прогуляюсь до технарей, посмотрю, что предложить могут. Постарайся пока не шуметь, ладно?

— Ладно, — оживилась канмусу.

— И никуда не уходи, — с этими словами лейтенант-коммандер закрыла за собой дверь.

— Куда я с подводного пепелаца денусь? — пожала плечами Николь и, не глядя, бросила через всю комнату деревянную — классическую! — палочку от мороженого в мусорное ведро.

— Трёхочковый, — довольно кивнула себе девушка, запуская руку в переносной холодильник за новой порцией.

Эти ваши интернеты

Не знаю, что Броуди наговорила технарям, но — вместо ожидаемого покоящего планшета или какой иной убитой железки — притащила вполне себе бодрый ноут. Операционка — явно не окошки и не огрызки. Полноценный трёхмерный интерактив, дисплей с тачем, глазок камеры. Подумав, залепил вебку смоченной слюной бумажкой. Не панацея, конечно, но внутренний параноик чуть свободнее вздохнул.

Ладно, с железками и потом наиграться можно. Главное — информация.

Во-первых, что такое Школы канмусу и с чем их едят?

Нет... Для начала — что вообще такое "канмусу"?

Пока завис, соображая, какая из иконок должна быть браузером и попутно приходя к пониманию, что адресами поисковиков я не располагаю, руки сами ткнули в ярлык с золотым пером и подписью "Phoenix Looker" и более чем шустро отстучали несколько букв во всплывшей форме запроса.

Хм... Какие интересные тут интернеты.

Методика построения доменных адресов вполне привычна, но сам дизайн сайтов... Или на данном буке стоит добротный обвес всяких спаморезов, или — интернет здесь не засран рекламой. Странички аскетичные, графикой и свистоперделками не перегружены, алгоритмы поиска — явно более чем прекрасные. Или это надо говорить спасибо обрезанной в правах учётке?..

Ладно, не суть важно.

А важно вот что: официально, судя по выборке с пары десятков источников, никто не знает, что такое канмусу, откуда у них растут ноги и что вообще это такое.

Ладно, раз не выходит каменных цветков, копнём с другой стороны.

Тот самый Туманный флот, о котором с содроганием упоминала лейтенант-коммандер.

Явились ниоткуда, сразу во всех океанах и морях. Внешне — точные реплики кораблей времён ВМВ, но вооружение...

НАТО, видя, как бодро идут ко дну десятки кораблей и тысячи органических демократоносцев, а вместе с ними — и ахуелиарды вечно зелёных, и полезные ископаемые, подняло недетский кипиш: ахтунген! хулиганы зрения лишают!

И собрало под своё крыло самый невхерственный флот всея мира, состоящий из соболезнующих и разделяющих.

Чем и оказало просто огромную услугу всему миру: Туманный флот, даже не притормозив, вынес объединённую флотилию страждущих нефти и демократии во всём мире, а на массивированный ядерный удар даже не почесался.

После этого знаменательного события на всех возможных частотах и каналах прозвучала одна фраза: Покинувший берег навсегда растворится в Тумане. И — началась континентальная блокада.

Дальнейшие события с Туманом, пардон, покрыты туманом. Новоприбывший флот перерезал все коммуникации между континентами, сбил спутники, проходящие над открытой водой... Ну а в связи с тем, что шарик у нас сильно фрагментирован на материи, между которыми — вода... спутники очень быстро кончились.

"Всеобщий коллапс" — так потом назвали тот короткий период времени, когда Туманный флот вмешался в деятельность человеческих компьютерных сетей и раскатал в ничто через софтверные ошибки большую часть хумансовских серверов и баз данных. То, что спецслужбы приберегали для себя, запрещая разработчикам ставить заплатки, сработало разом — и против всего человечества.

Оттого информации тех лет почти нет. Известно, что блокада держалась недолго. Знают, что Туманный флот начал эволюцию, создавая так называемые ментальные модели...

А дальше — пустота. Просто в один прекрасный день Туманный флот оказался децентрализован, лишён команд и директив — и закончил своё существование. Формально — уничтожен вплоть до последнего представителя. Официально — потоплен при помощи неких "вибрационных боеголовок" и сервисного тумана экспериментальных нанитов. Боеголовки — вообще сомнительно. Сохранилась пара открытых архивов с общедоступными записями боевых испытаний, и — в этих записях Туман почти что не заметил то оружие, на которое человеки возлагали огромные надежды. Относительно болезненно пережили попадания "вибрационных боеголовок" эсминцы — и то, пока не пересчитали новые конфигурации защитных полей.

Так что, вероятнее всего, именно те самые полумифические наниты и смогли поставить точку в деятельности Туманного флота.

Как всегда — никакой информации о местах захоронений, о результатах исследований и прочих полезных данных.

Хумансы, населяющие земной шарик, только было вздохнули свободно — можно прокидывать новые каналы связи и жить, как раньше — и восстанавливать былое... Как появились Глубинницы.

Эти — не были похожи на флот Тумана. Но в море людей не выпускали категорически. И там, где Туманницы обходились просто подавлением огневых точек и уничтожением вероятных сил противника — Глубинные буквально поедали корабли противника. И — полностью зачищали от разумных все береговые линии океанического рельефа, не суюсь, впрочем, во внутриконтинентальные моря.

И оружие... Ядерное на Глубинный флот не действует, а самое современное — просто-напросто бесполезно. Ни лучевое им вреда не наносит, ни снабжённое самыми эффективными БЧ.

Зато с ними могут совладать канмусу.

Феномен Дев Флота, если и изучен, по-любому плотно и бережно упакован под грифы секретности.

Всё, что официально известно — только молодые, если не сказать — совсем юные — представительницы прекрасного пола могут стать тем, что принято теперь называть Аватарой корабля.

Формально — используют устаревшее ещё к середине 50-х годов двадцатого века вооружение... Только вот это самое вооружение без проблем шьёт многометровые композитные армированные стены бункеров, а броня — спокойно впитывает и рассеивает жёсткий рентген.

Варсьюты — отдельная тема.

Официально известно, что воплощённая Дева Флота, не отягчённая варсьютами, способна на голом энтузиазме и упорстве порвать на британский флаг полноценную эскадру Глубинных. При наличии вспомогательных внешних усилителей — не только эскадру, но и так называемых "Принцесс" Бездны.

Одно но. Жирное и печальное.

Глубинниц — в тысячи раз больше, чем самих канмусу. И плодятся они не в пример быстрее.

Забавно. Попутно нашёл целый табун фанатов Дев Флота.

Люди, зачастую лишённые возможности общения с родственниками, рассеявшимися по другим континентам, буквально боготворили канмусу — хотя бы за то, что те вставали в конвой к малочисленным межконтинентальным кораблям, — и позволяли хоть как-то, но держать связь с роднёй.

Фандом Аватар кораблей впечатлял. Люди не стеснялись высказывать обожание хрупким девушкам, вынужденным встать на защиту Земли, и плодили тысячами всевозможные вдохновляющие материалы, начиная от агитплакатов в духе "Родина-Мать зовёт!" и заканчивая профильными додзинси о превозмогании Дев над Глубиной.

Даже наплась забавная игрушка под смутно знакомым наименованием "Angry KanMusus", задача игрока в которой заключалась в следующем: разогнать из рельсотрона по выбранному вектору определённую канмусу и, вовремя тапнув по экрану, активировать специальные способности Девы Флота — выпиливая в массовых количествах ехидно порывающихся и почти порнографически страстно стонущих Глубинниц.

И комиксы в количествах. Что самое интересное — вообще без всевозможного прона и хентая. Максимум — сверкнёт персонажка аппетитной попкой, обтянутой полосатыми трусиками, или голую спинку покажет. Или не принято тут над Девами Флота всякие похотливые приколы выстёбывать и под юбки заглядывать, или одно из двух. Наверняка мало кому хочется получить пощёчину даже от аватары баркаса или спасательной шлюпки — если правильно интерпретировал увиденное в нарезках хроник — дури у изящной ручки ничуть не меньше, чем у многотонной махины. И, случись таковое, всё, что останется от бестолковки оскорбившего честь и достоинство — всего лишь несколько кубометров кровавой взвеси.

Но — есть множество комиксов-вдохновляшек. Про какую-то параллельную вселенную,

видимо, ибо там канмусу в варсьюты одеваются не в спецмодулях, а на беговых дорожках — и части снастей на них набрасывают якорными цепями; если они умирают — то не навсегда, некоторое время спустя в зале призыва вновь находится аватара, пусть обессиленная, помятая, но несколько месяцев — и воплощение корабля снова в бою. И — в рисованной Школе у девчонок униформа... юбка в ладонь, матроска-топик... Бр-р-р... Эротишно, конечно, и все дела — но слишком уж оно махрово. Там даже Глубинные интеллектом и размерами не блещут! В общем, решив, что ещё пара страниц походов девочек-кораблей в трусах на натуральных подтяжках, и мозг затребует срочной эвакуации из черепной коробки, без сожаления закрыл влажные мечты поехавшего крышей мангаки и продолжил поиск.

Оказывается, места обучения Дев Флота не только никто не шифрует, но и даже не пытается: две Школы в Объединённых Штатах Америки, после ответов Тумана и Глубины превратившиеся в относительную версию легендарного "пролива имени Хрущёва"; Школа Куба, ставшая единым центром для канмусу Южной Америки, Мексики и близлежащих островов; три Школы Российской Империи — Шикотан, Северодвинск, Одесса; австралийская Школа Сидней; распределённая Школа Панобщности Африкаанс; три Школы реформированной Европейской Консолидации: Берген, Сан-Себастьян, Патра; Школы Рейкьявик и Касигианнгуит; Британские Училища Сент-Джонс и Порт-Харди; японская интернациональная Школа "Дом морей", расположенная в Йокосуге.

Школ довольно много... А вот Дев — мало. На весь шарик, по официальным данным, неполный десяток тысяч — и это чертовски оптимистичные прикидки.

Из ещё общеизвестного: Девы Флота, усиленные варсьютами, использовали отмасштабированное в миниатюризацию вооружение: микроторпеды, минизенитки, гидропланы и самолёты... Только вот от того оружия, что использовалось ими в первичном воплощении — да и от общеизвестного людям первой половины двадцать первого века — всё это отличалось на порядки.

Там, где бессильно рассыпались подорванной БЧ о броню Глубинного флота новейшие снаряды берегового охранения — даже противозенитки канмусу, визуальными способными лишь отбиться от жиденькой стайки комаров-коматозников, прекрасно вскрывали неуязвимую для человеческих орудий плоть Флота Бездны. Там, где человеческие стационарные рельсотроны, за недолгую эволюцию прошедшие путь от малоэффективной болванки в двенадцать килограмм на скорости в 7200 км/ч до килограммовой закалённой полисплавной болванки со скоростью под 20 тысяч км/ч, лишь заставляли Глубинниц недовольно чесаться — "игрушечные" башенные орудия, влёгкую размещающиеся на "перчатках" варсьютов, разрывали чёрные тела Дев Бездны в натуральный фарш.

Хмыкнув, я вытащил из холодильника очередной пломбир, с некоторым сожалением отметив, что больше там ничего не осталось и придётся топтать до ближайших автоматов за пополнением сладкого стимулятора мозговой активности.

Хрень получается. Полнейшая. Или алогичная.

Почему только прекрасный пол тут во всех заварушках мир и на уши и почти в труху?..

Туман — судя по редким снимкам — исключительно красивые девушки. Поголовно. Ни одного мужика. Даже нет упоминаний о ментальных моделях андрогинного типа. То есть, условно говоря, любая аватара флота — концентрат совершенства, радующий глаз и душу любого адекватного мужчины.

Канмусу — та же петрушка. Слово Аватара корабля переделывает тело, исправляет

недостатки и усиливает достоинства. Нет ни кривых, ни страшных, ни серых и непримечательных. И та же самая история с мужеподобностью: нет Дев с формациями тела категории Д2С и плоским задом, нет с совершенно невыразительной мальчиковой фигурой — даже самые юные с первого же взгляда однозначно идентифицируются как создания, принадлежащие к прекрасному полу.

И Глубинный флот — тоже поголовно женщины. Ну, как женщины... Девушки. Молодые, бледные, разнокалиберные ростом и пропорциями; имеющие рога и прочие странные конечности; действующие в симбиозе с жуткого вида биомеханическими тварями — однозначно девушки. Чем мужики не угодили Богу Войны этого мира, хрен его знает... Но — по харе ему бы с удовольствием съездил. И не раз.

Тухлое это дело — женщин на войну отправлять.

Хм... Женщины...

Так, раз доступ в Сеть под рукой — грех не проверить.

Раз уж я тоже теперь — слабого пола, не поменялись ли, вместе с телом, и приоритеты с предпочтениями до кучи до диаметрально противоположных?

Через час разглядывания нарытой информации довольно улыбнулся: на мужиков не тянет вообще. При взгляде на всяких рельефных качков, просто хорошо сформированных парней, да даже на прыщавых задротов — ноль реакции. Чего нельзя сказать про прекрасную половину человечества.

Интересуют, радуют, вызывают возбуждение.

Чуть сместились акценты и реакции тела, в приоритет вышла эмоциональная составляющая. Необычно, конечно, но жить можно. Ну, подумаешь, порно теперь особого интереса не вызывает... Зато эротика и мягкий прон — наше всё.

Эмоции, да.

Эмоции и гормоны.

Надеюсь, мозги эта смесь, естественная для нынешнего тела, не будет наглухо отключать?

Я ж теперь — не просто девочка-одуванчик, я — линкор. Душа корабля, связанная с телом человека. Мне нельзя в истерики и обидки на ровном месте... Как бы ни хотелось того организму.

Ладно, надеюсь, как-нибудь это переживём. Другие канмусу же как-то справляются, хотя вообще с самого рождения проблем с гендерной самоидентификацией не имеют.

И вообще — не о том думаете, товарищ дредноут. Вам учёбу ещё проходить, а потом и лямку тягать по контракту положено, а не за симпатяшками с вывалившимся от восхищения языком бегать.

Взглянув на часы, закрыл ноут. Время ужина.

О бедном Тумане замолвите слово...

Кто ужинает девочку — тот её и танцует.

В данном случае — Элис, заявившись с самого утра, с трудом дождалась окончания моих утренних туалетных процедур и, вручив тугой свёрток, замерла с торжественным видом у двери.

В свёртке обнаружилась непримечательная одежда: джинсовый комбез, зелёная футболка, кеды.

— Одевайся, Никки, сегодня у нас день шоппинга.

— Вот это поворот, Элис. С чего такая щедрость?

Лейтенант-коммандер отмахнулась:

— Школа, в которую тебя распределили, несколько... изолирована от основных торговых путей, так что гораздо лучше будет, если закупим всё необходимое здесь. Кстати, у тебя глаза сегодня очень живо блестят, утолила голод?

— Ага, — кивнул я, быстро переодеваясь и стараясь не выказывать особой радости по поводу выхода в свет. — Хотя многое так и осталось непонятым... Но это всяко лучше, чем то гуано, что получается из инфы после её обработки бюрократическим аппаратом.

— Что тебе непонятно, Никки? Спроси, а я попробую объяснить.

Покрутившись перед зеркалом в комбезе, довольно кивнул сам себе. Сидит хорошо, ничем никуда не впивается, более чем аппетитный филей не подчёркивает — простая удобная одежда.

— Туманный флот, Элис. Мне совершенно непонятно, как такие могущественные создания, превосходящие людей по всем параметрам, и — так бестолково слились хумансам.

Броуди отмахнулась:

— Данные известны, но афишировать их не любят, да и в общем доступе почти не светят, по крайней мере, на виду не выкладывают. Достаточно просмотреть открытые хроники сражений, чтобы понять — у людей не было шансов. Не было — до некоего момента, когда удалось, условно говоря, втереться в доверие к ментальной модели одной из Туманниц и, используя её как разносчика заразы, нанести массированный удар, вызвав критические ошибки ядер и заразив Туманный флот нанитами. И знаешь, Никки? Человеческой заслуги в этом ровно ноль. Пришедший из неизвестных координат флот — прибыл, если проводить аналогии с людьми, в состоянии сильнейшей контузии и с прогрессирующей амнезией. Есть множество теорий относительно произошедших событий, начиная от того, что ядра физически полностью начали вкладываться в обработку и контроль ментальных моделей в ущерб корпусам, и заканчивая заумными теориями о том, что мозги у флота съехали набекрень в момент перехода то ли через потенциальный барьер, то ли через квантовый суп. Честно, — улыбнулась Элис и беспомощно пошевелила пальцами, — у меня от всех этих квантовых механик и прочих морей Дирака мозги высыхают и осыпаются трухой по всему черепу.

— Вот как... — заправив футболку, пару раз обернулся вокруг оси. Эх, бейсболку бы какую-нибудь или резинки, чтобы волосы в глаза не лезли. Ещё короче стричь — святотатством пахнет. Это Элис короткие волосы очень даже идут, форма лица располагает. А мне — противопоказано. Но — скорее всего, придётся чёлку делать. — Значит, преодолевая, геройствуя и пафосно поигрывая мышцами, вломили сборной команде инвалидов. Узнаю родное человечество.

— Мы были отрезаны от воды, Никки!

— Не велика потеря. Ну, мелкокалиберным островкам, убогим и сырým на плодородные почвы, конечно, особо не позавидуешь... Но в проекции на всё человечество — кажется, Туман оказал нам огромную услугу.

— Что ты имеешь в виду?

Кеды — удобные, мягкие, и, как ни удивительно, с весьма приличной подошвой, усеянной сложным рисунком протектора.

— Да взять те же джамперы и заорбитальные узлы связи. Не сбивай Туманницы наши спутники и самолёты — имели бы мы сейчас всё это добро? Сомневаюсь. А припёрло — и на сверхдальний геостационар научились очень быстро забрасывать грузы и тонкую

технику, и в кратчайшие сроки мотаться по всему шару с хорошим шансом не быть сбитыми системами ПВО Тумана. Да те же рельсотроны! Мобильные и стационарные лафеты, длина рельс — каких-то два десятка метров, а ведь когда-то считалось, что это в принципе невозможно — разогнать болванку до таких скоростей в плотной среде с настолько короткой дистанции. Но захотели — и извернулись и сделали.

— Николь, ты не понимаешь...

— Ну и чего я не понимаю? Прекрасно понимаю — Оставшиеся Штаты Америки вообще очень зря пригрозили Туману водородной бомбой с подрывом в океане. Ну и сами себе злые буратины. Им же ясно показали: ша, карапузики, дерьмократии во имя нефти во всём мире больше не будет, елехтричество кончилось. Но нет, не поняли. И стали Огрызками. И не надо морщиться, Элис. Патриотизм и все дела, конечно, это хорошо, но здраво смотреть на себя, особенно со стороны, иногда тоже полезно. Я бы на месте ООН Туманниц в Красную Книгу занесла, и медалями за спасение от косоруких и беспринципных глобалократов от пяток до самой маковки обвешала. За неоценимый вклад в спасение людей от самих себя.

Ну да. Жалко мне Туманниц. Пришли побитые и неисправные, но ведь — с Целью! И достижения этой Цели и добивались. А неблагодарные хумансы им за это не то, что спасибо не сказали. Просто замели под ковёр, как какой-то мусор.

— Ладно, Элис, не надо на меня с таким священным негодованием смотреть, у нас собственное мнение не запрещено высказывать.

— Может, ты и о Глубинном того же мнения?

— С фи́га ли? Стрёмные, агрессивные, к общению не расположены, недоговороспособны. Выпальвают побережья так, что даже сорняки и тараканы возвращаться на эти пустоши не хотят. И им плевать на людей. Вообще. Полностью. Разве что с гастрономической точки зрения ещё могут заинтересоваться как-то.

— А Туман, с твоей точки зрения, договороспособен?

— Второй восточно-атлантический флот Тумана, авианосец Аквилла, линкор Родней и подводная лодка U-3008, самоидентификация ментальной модели Блаублюм. Доставка крупной партии медикаментов в Скандинавию и Гренландию, включая все попутные населённые острова, — я загнул первый палец. — Далее. Первый сводный тихоокеанский флот Тумана, подлодки Альбакор и Силион, линкоры Петропавловск, Кага и Тоса, броненосец Микаса и эсминец Изумо, не считая вспомогательные суда и разведку. По пять рейсов из Владивостока и Магадана на Японские острова и Сахалин, доставка медикаментов, пищевых и горнопроходческих установок, почвенно-обогачительных комплексов. Далее...

— Достаточно, Никки, — подняла руки Броуди. — Только откуда ты это знаешь?

— Это вы так тонко намекаете на урезанные права учётки?

Лейтенант-коммандер даже не смутилась:

— Типа того.

— Пусть это останется моим маленьким дамским секретом, — подмигнула я Элис.

Броуди покачала головой:

— Тебя послушать, так Туманный флот — сплошь белые и пушистые.

— Я такого не говорил. Только сказал, что с ними можно, при необходимости, найти общий язык.

Элис поморщилась:

— Я не буду даже пытаться с тобой спорить. Всё же большая часть боевой хроники засекречена и доступ ней получить чертовски проблематично даже высокопоставленным офицерам и чиновникам.

Ещё раз крутнувшись перед зеркалом, довольно улыбнулся: одежда сидит как родная, лишнего внимания не привлекает. Даже самопальная стрижка вполне себе симпатично смотрится.

— Ваше право. А насчёт шоппинга не передумали?

— С тобой передумаешь... С костями же сжуёшь, Никки.

— Угу. И добавки попрошу.

— Идём уже, Николь Грозная.

***

Не знаю, на что рассчитывала Элис... Может, на то, что буду залипать у каждой первой витрины и капать слюной на всякие блестяшки? Или с визгом носиться из примерочной в залы и обратно?

В любом случае — она ошиблась.

Подъёмные зачисляются на карту опекаемого, в данном случае — на мою. Одно но — лимит по тратам. Ровно мизер и ни центом больше.

Но с представителем опекуна — можно.

Да и сама Элис озвучила более чем впечатляющую сумму первой выплаты, уже осевшей на моём банковском счету.

Потому затаривался без мажористости, но с упором на качество.

Первым делом — рюкзак. Не походный, конечно, но весьма вместительный и с более чем приличной эргономикой. Потом — нижнее бельё. Без всяких рюшечек, узорчиков и прочих блевотных принтов а-ля черри-гёрл. Бесшовное, с хорошим запасом эластичности, в двух вариантах цветового исполнения — чёрное и белое. Оба — по два комплекта. Топ спортивный, презрительно именуемый всякими альтернативно-одарёнными "сиськодав" — за полноценную и более чем удобную замену бюстгальтерам. Термобельё. Вода водой, а под гидрокомбез не помешает, особенно если бултыхаться придётся часами. Футляр из армированного пластика под всякую мелочь типа иголок и ниток. Сами швейные инструменты. Добротные нитки. Чисто из пижонства — паракорд с прилагающимися карабинами, кресалом и огнивом.

Подумав, всё же вернулся к белью и прихватил ещё два комплекта нижнего. Так же без особых украшательств, без пушапа и прочей маскирующей ерунды, с нижней частью шортиками — в боксерах рассекать по казарме, думаю, несколько неуместно будет, а такие — не должны стеснять и давить в непривычных местах.

Напёрсток. Резинки для волос — простые, тонкие. Набор невидимок туда же.

Войлочные (вот уже чего не ожидал увидеть в гипермаркете!) и обычные стельки, прочные носки без синтетики, к ним до кучи, чисто на всякий пожарный, две большие упаковки прокладок с максимумом "капелек". Запас карман не тянет, а сухие ноги — гарантия комфорта.

Зеркальце-шкатулка. Причём — в отделе для туристов. Стекло композитное, ударопрочное, устойчивое к царапинам, с набором навесных линз для получения нужного уровня увеличения и искажения. В этом же отделе — наручные часы-компас, довольно

массивные для нынешнего хрупкого запястья, зато с очень удобным кожаным ремешком, прошитым кевларовой нитью. Тут же и аналогичные шнурки прикупил. Если самому не пригодятся — есть неиллюзорные шансы выгодно обменять.

Элис, конечно, разве что не закатывала глаза и не стенала, дескать, уж такую-то ерунду в Школе хоть каждый день получай. Я только пожимал плечами и шёл дальше.

И ещё немного мелочи.

На всё про всё — ровно полтора часа. И это включая почти час посиделок в ближайшем ресторанчике.

— Ты неожиданно быстро со всем управилась, Никки, — похвалила меня куратор. — Подумай, может, что-нибудь забыла?

— Забыла, — кивнул я. — Теперь помню: плеер и нормальная парикмахерская.

***

Добротный плеер, годный. Памяти — чуть больше, чем дохрена, размер — гильза от калаша едва ли не больше будет. Комплект проводных и беспроводных наушников-вкладышей, набор клипс. Чехол-напульсник. Всё в водонепроницаемом исполнении, лёгкое и компактное.

Хоть Элис на покупки и фыркала — но одобрение в её взгляде читалось превосходно.

И — куратор устроила сюрприз. Целый косметический парк. Сотни и сотни вывесок, витрин, объявлений — длинными рядами, на пяти этажах торгового комплекса...

Зато парикмахер попалась весьма толковая — из тех, кто понимает, что раз клиент просит подравнять причёску и не стричь лишнего — надо так и делать, а не отхватывать десятки сантиметров, ибо — "оно так видит". Самую малость подравняла, буквально несколько миллиметров. Вроде бы работы — пять минут ножницами, а причёска — выглядит гораздо симпатичнее и естественнее. Вот что значит — настоящий талант.

Элис ещё порывалась на всякие маникюрно-педикюрные процедуры отправить, но я держался до последнего. Победило моё упрямство.

Массаж, сауна и СПА завершили выход в люди.

Отдохнувший, вполне довольный жизнью, я сидел на переднем пассажирском служебной "ауди" Броуди и лениво разглядывал медленно текущие назад улицы.

— Я ноутбук оставлю, — сказала Элис. — Если нужен будет переходник, скажешь вахте, техники подкинут нужный.

— Ок.

— И — настоятельно рекомендую готовиться. Документы подписаны, приказы доведены. Завтра вечером отправляешься в Школу.

— Куда меня хоть отправляют? Исландия? Куба?

Элис как-то странно покосилась на меня:

— Только не Куба, Никки. С дисциплиной там совсем всё плохо. Не исключено, что вообще расформируют. А ты... Тебя отправляют в "Дом морей". Не бойся, Школа, хоть и японская, но — международная, по-ниппонски говорить никто не заставляет, официальные языки — русский и английский. Да и Девы Флота там со всего мира собраны, так что не заскучаешь.

Настроение резко пошло на спад.

Фиг с ним, что японцы. Гораздо больше печалит тот факт, что придётся, скорее всего,

круглогодично жрать рис и суши. А я просто физически не могу себе представить, сколько этой гадости надо в себя впихнуть, чтобы по насыщению и количеству полезных веществ хотя бы приблизиться к стандартному пайку морпеха?

Но хоть одно радует. Климат там неплох. Может, даже на пляжах выгуливаться разрешат.

Третий

Два часа на машине Элис, и мы на месте.

Стартовый стол размером с футбольное поле, на удалении — вышки РЛС, огромные спутниковые тарелки, мачты связи, само здание аэропорта и ряды ангаров с хозпостройками.

Рюкзак удобно ложится на плечи. Привычным жестом хлопаю по нагрудному карману: новый паспорт, приписное, пачка сопроводительных бумаг — на месте.

Во втором кармане, стянутая скрепками, лежит тощая пачка унов крупными купюрами. Авэ, хумансы! Хоть что-то полезное изобрели. Универсальные банкноты — валюта, принимаемая по всему миру. Номинальная стоимость за один ун — три фунта стерлингов, четыре евро, один имперский рубль. Доллары... А кому эти вечнозелёные портреты мёртвых президентов нужны? ОША, лишившись ресурсов, столь нагло выдаиваемых из остального мира, рухнули под собственным весом. Внешний долг, и до того составлявший сумму с совершенно неприличным количеством нулей, можно сказать, "пробил небеса", и теперь стоимость американского доллара не сильно отличается от стоимости доллара какой-нибудь банановой республики. Да и обеспечить хоть какое-то бледное подобие прежнего курса им ещё долго не светит, как-никак, а территорий они презрительно лишились. Суммарно, после обработки непрерывно углубляемой береговой линии, ОША остались едва ли не без четверти пригодных к проживанию и земледелию территорий. Это не считая тех земель, что будут ещё долгие столетия колоситься остаточной радиацией от дружественного огня и нештатно сработавших систем самоуничтожения.

Печально нонче пиндосам живётся. Грустнявенько даже. Как там говорилась где-то в жизни до Тьмы? Жила-была девочка... Сама виновата.

Элис, припарковав авто, догнала меня и протянула забытую было на торпедо армейскую кепку.

— Есть мандраж?

— Не-а, — я потянулся, вдыхая аромат ещё зелёных пшеничных полей.

Симпатично тут. И компактно. К территории аэропорта, обнесённой высоким забором с кудряшками "егозы" по верху и наблюдательными вышками по всему периметру, почти вплотную прилегают с двух сторон поля, с двух — рощи каких-то фруктовых деревьев с органично вписавшейся между ними асфальтированной двухполоской.

— Я в одиночку полечу?

Броуди покачала головой:

— Нет. От Консолидации три канмусу направляются в "Дом морей", ещё будет девочка от Панобщности Африкаанс. Ну а чтобы совсем скучно не было — сёстры Свирь и Обь из Русской Империи.

От сердца как-то сразу отлегло. Если сестрички не гламурными курицами окажутся, то — сработаемся.

— Пойдём? — лейтенант-коммандер кивнула в сторону КПП.

— Пойдём.

Прикольно. На входе выложил всё металлическое на ленту транспортёра, даже про шоколадку не забыл. А рамка металлодетектора орёт, как будто устройству все клеммы перемкнуло.

Солдаты, суровые широкие мужики, вскинулись было, хватаясь за оружие... Да подоспел офицер. Изучил пропуск Броуди, взял под козырёк. Изучил мои документы... Отдал честь и... поклонился.

— Прошу прощения, мисс, новый набор, только сегодня заступили на дежурство, местной специфики не знают.

— Да ладно, — я пожал плечами. — Но вот рамку бы в сервис сгонять, она у вас глючит.

Броуди тихонько фыркнула в кулак:

— Никки, он работает как часы. Просто... Аватара корабля — это не эвфемизм. В тебе сейчас происходит перестройка организма, и количество металлов будет ещё расти.

Я никогда не слышал, как должен рваться шаблон... Но, наверное, полнейшая прострация внутри черепа — это её полноценное последствие.

— Элис. Что. Простите?

И глазками так: хлоп-хлоп.

Всё пытаюсь понять, я совсем в железяку превращусь? Или просто скелет титановым станет?

— В Школе объяснят, Николь. Я... я боюсь дать информацию так, что воспримешь её некорректно.

— Разрешите пройти?

Обернулись на голос.

Суровый такой дядя, той же конфигурации, что и капрал, даром, что белый. А рядом с ним ясноглазая пигалица в опрятном военизированном комбезе с камуфляжем под песочную цифру, с копной упрямых, выгоревших почти до белизны волос, торчащих из-под форменной кепки.

— Привет! Ты тоже канмусу? — улыбается во все неполные тридцать два, постоянно двигается, словно в филей встроен миниатюрный термоядерный движитель.

— Николь, воплощение линкора "Император Николай I", — я протянул ладонь крохе.

— Виктория, аватара фрегата ПЛО и ПРО "Виктория", Испанский протектора Марокко, Панобщность Африкаанс, — тёплая ладошка ткнулась в мою ладонь, а рукопожатие получилось на удивление крепким.

— Идёмте в зал ожидания, девочки, — Элис ненавязчиво указала в сторону здания аэропорта. — Там кафе хорошее.

При слове "кафе" в глазах Виктории отчётливо зажглась надпись аршинными буквами: ЕДА!

Схватив сопровождающего за лопатообразную ладонь, девчонка повисла на руке военного:

— Дядя Руфус, пойдём скорее! А то без нас всё съедят!

Проводив взглядом новоприбывших, забрал у тихонько дрожащего, изрядно побледневшего офицера документы и, подхватив рюкзак уже по ту сторону рамки-истерички, догнал Броуди.

— Элис... Он чего — напуган?

— Да, боится.

— Чего бояться-то? Меня?

— И тебя в том числе. Никки, вы — редки и слишком уважаемы, а любая проблема с участием Девы Флота — это несмыываемый позор для всей части. Хуже только полковое знамя по пьяни прое... потерять, да и то — не так фатально.

Бросив взгляд через плечо (ещё один плюс женского тела — шея очень гибкая, не приходится корпус дополнительно доворачивать), увидел выстроившихся солдат и офицера, машущего руками и широко разевающего рот. Это талант надо иметь уникальный, чтобы орать ровно настолько, сколько требуется быть услышанным виновными — и никем более.

***

— Думаете, не лопнет?

— Никки, меня больше удивляет тот факт, что ты на аналогичные объёмы потребления до сих пор не вышла.

— Выйду, куда я денусь?

— Всё, время. Тебе пора, вон остальные уже подтягиваются.

— Спасибо, Элис. Простите, если где вам мозг понадкусывал — это чисто из вредности подростковой.

— Ничего страшного, Никки, всё нормально. Ты... разрешишь обнять на прощание?

— ...

— А поцелуи зачем, Николь?

— Три раза. Традиция у нас, славян, такая.

— Вот как... Никки?

— Да?

— Постарайся выжить, пожалуйста.

— Вы это о чём сейчас, Элис?

— Моя дочь, Кейтлин... Тоже была канмусу... Аватара авианосца Нимиц.

— Была?..

— Гавайский рейд. Две трети Дев Флота в соединении погибли. И Кейтлин — одна из...

— Понял, Элис. Буду стараться.

— Беги уже, курсантка!

— Бегу. И, Элис...

— Что?

— Третий тост, Элис. Обязательно подниму.

— Спасибо... Никки.

***

Стратосферный джампер — однозначно — вещь!

И, чувствуется, при его создании приложили знания и умения, совершенно нехарактерные людям. Может, какую-нибудь Туманницу развели на разработку, или — разобрали и на основе полученных знаний сделали своё, или — какую-нибудь тарелку из-

под толстого сукна грифов секретности вытащили, отряхнули от пыли — да запустили в производство.

Модификация пассажирская, полезная грузоподъёмность — восемь тонн. Салон просторный, с мягкими диванчиками неброского серого цвета, стоящими вдоль бортов. По центру — стол-планшет с короной тёмных подвижных эффекторов стационарного голопроектора. Под ногами — пластиковый ковёр, весьма реалистично имитирующий зелень газона. Иллюминаторов нет, зато есть гибкие экраны, на которые транслируется картинка с внешних сенсоров.

Конструкция аппарата напоминает округлую двузубую вилку, к которой прикрутили крылья с изменяемой конфигурацией. В носах располагается оборудование, между ними — кабина пилотов. В хвосте — основная силовая установка, двигатель, уборная и первая грузовая секция. Вторая секция — под ногами.

Заняв место согласно билету, огляделся.

Виктория сидит на моём ряду, но у самой кабины. Напротив — жгучие брюнетки Лилиана и Тереза, аватары эсминца Вольта и крейсера Данкерк, а так же симпатичная сероглазая блондинка Грейс, воплощение линейного крейсера Гнейзенау. Что характерно — немка.

А между мной и Викторией — сестрички Марина и Карина, аватары ГС Обь и Свирь соответственно. Первая — обладательница толстенной тёмно-русой косы до пояса, зелёных глаз и хрупкой, очень женственной фигурки. Вторая — с коротким каре золотистых до медной рыжины волос, спокойным серо-зелёным взглядом и с невозможно очаровательными ямочками на щеках. И обе щеголяют совершенно шикарной россыпью неярких веснушек. Как и Виктория, носят технические комбезы без лычек и погон.

— Две минуты до старта, леди, — командир судна вежливо кивнул и цепким взглядом окинул девичью армию. — Молодцы, сами пристегнулись. При старте активируется каркасный щит, просьба не пугаться и руками не размахивать. Вам ничего не будет, а ремонт гидравлики в серьёзные деньги встанет. Да, надеюсь, до вас правила полёта довели и вы плотно не кушали?

Все отрицательно покачали головами. Даже Виктория, на моих глазах в одиночку схочмячившая три гамбургера, тройную порцию салата, большую порцию наггетсов и два с половиной круга пиццы. Вторую половинку её сопровождающий всё же успел зажевать первым.

— Если будет тошнить — гигиенические пакеты под левым подлокотником. Под правым — дыхательные маски. При выходе за пределы атмосферы будет двадцатиминутное окно невесомости, — командир подмигнул, — можете полетать, леди, если очень хочется, а мы сделаем вид, что никто ничего не видел. Договорились?

При словах про невесомость девчонки заметно оживились, а уж получив разрешение — и вовсе поголовно расплылись в улыбках. Даже монументально спокойная Грейс улыбнулась, показав красивые острые клычки.

М-да... Вот в таком цветнике учиться и работать — согласен. Даже если меню будет исключительно из рыбы и риса.

Пробуждение

Финальный отсчёт, индикация на светодиодном табло, дублируемая звуковым сигналом, из-за спинок диванчиков выдвигаются страховочные каркасы щитов, обитые толстым слоем мягкого материала, и закрывают каждую из нас в надёжный купол защитного

контура... И — всё.

То есть, судя по картинке на дисплеях, джампер стремительно набирает высоту строго вертикально, а внутри — ни перегрузок, ни перепадов давления. Даже уши не закладывает.

Виктория непрерывно щебечет, активно прессуя уши Марине и попавшим под раздачу француженкам. Последние вяло отбиваются односложными фразочками-шуточками, а вот аватара ГС Обь старательно поддерживает разговор с любознательной девчонкой, чувствуется — ей и в самом деле интересна и приятна компания неугомонной девочки. Грейс, как-то нервно покосившись на постоянно растущую линию горизонта, прикрыла глаза и, крепко сжав пальцы на подлокотниках, откинулась на спинку.

— Сколько летаю, — бледно улыбнувшись, Карина невольно поёжилась, — а всё равно страшновато.

На англише говорит чисто, почти без акцента.

— Думаю, Грейс разделяет твои чувства, — кивая на Гнейзенау, говорю по-русски.

Глазки имперской красавицы бодро так расширяются, и, судя по мимике, проблемы, связанные с высотой, резко теряют актуальность.

— Так ты из наших?

— Хотелось бы... Да вот не повезло инципироваться на территории Консолидации.

— Куратор говорила, что от Консолидации только три девушки будет...

Я, достав паспорт, протянул его Свири. Проще показать, чем объяснять.

— Впервые вижу, чтобы гражданством ставили ООН, — чуть ли не присвистнула Карина, возвращая документ.

Получив пластиковую книжечку обратно в руки, раскрыл первый разворот. Имя: Николь, дата рождения... Место рождения... Национальность — канмусу... Гражданство — ООН. Класс — линейный корабль флота "Император Николай I".

Круто, чо. Все люди как люди, имеют гражданство своей страны, а я — не пришей кобыле хвост. Гражданствующий субъект бюрократической организации.

— Сама в шоке, — пожал я плечами, любуясь быстро темнеющими небесами.

Лёгкая дрожь корпуса — и джампер, набирая ход, начинает движение по восходящей вглубь континента.

— Говорит лид-пилот департамента воздушно-космического сообщения и перевозок ООН Найлз Кройцер. Экипаж джампера "Водомерка-8" рад приветствовать вас на борту уважаемые леди. Каркасный щит будет деактивирован при наборе крейсерской скорости. Расчётное время выхода на курс — две минуты. Температура за бортом — минус сорок один градус Цельсия. Давление в пределах нормы. Пункт прибытия — обособленный аэродром ООН "Токио-4", расчётное время в пути — семьдесят восемь минут. Приятного полёта, Девы.

— Глиссада будет очень пологой, — делится со всеми информацией Виктория. — Метеорологи прогнозируют грозу над островами.

Легонько поцарапав ногтём мягкую пупырчатую упругость оббивки, подмигнул Карине и, не скрывая любопытства, уставился в экран. Всё же не каждый день удаётся за пределы атмосферы планеты выйти.

***

Это... это непередаваемо никакими словами.

Словно летишь через слоёный прозрачный пирог: снизу — зелень и синева континента и атмосферы, чуть выше — темнее, ещё выше — сумерки цвета концентрированной голубики, плавно переходящие в едва уловимую дымку сильно разреженной атмосферы... А потом — как-то плавно, но при том совершенно неуловимо резко — дымка остаётся внизу, а вокруг — вокруг расцветает абсолютно невообразимое количество звёзд!

А во мне в это время что-то меняется. Словно бы какие-то фрагменты паззла, до того лежавшие со смещением, по неведомой причине дрогнули — и стали медленно, но уверенно вставать на места.

Во-первых — восприятие.

Я чувствую холод, царящий за бортом... Не как холод — как глобальное отсутствие тепла. И это не несёт дискомфорта. Я ощущаю пустоту... слишком плотную для данного определения. Кажется, если немного сосредоточусь — даже прочувствую границы зон атмосферы...

С тихим шипением щиты уходят обратно в пазы, а по телу разливается ни с чем не сравнимое ощущение лёгкости... и силы.

Краем глаза вижу замершую в восхищении Викторию. Её глаза блестят, а по загорелым щекам разливается румянец.

— Я слышу музыку планеты, — едва слышно шепчет она, с восторгом высматривая что-то за переборками и обшивкой корпуса.

И она права.

Едва слышно щёлкают замки ремней безопасности, и мы медленно поднимаемся в воздух. Тереза и Лилиана, единственные, одетые во что-то вроде парадной формы, не обращают ни малейшего внимания на юбки, раскрывающиеся в невесомости подобно бутонам цветов. Перед глазами мелькают стройные ножки, элегантное нижнее бельё воплощений... С выражением неопишуемого восторга на враз смягчившемся личике Грейс, жмурясь, что-то мурчит себе под нос, умилительно похожая на блондинистый одуванчик в сфере свободных от гравитации волос. Сестрички расслаблены и довольны, буквально кожей ощущаю бурные фонтаны их эмоций.

Да и сам ничуть не уступаю. Абсолютное счастье и чувство свободы накрывают меня, размазывая сознание на всю сферу чувствительности...

***

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно случайно, лишить ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившись — пролистать до следующего эпизода.

Не клюнувшим на алерт — вэлкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

Медленно открываю глаза. Чувствую на щеке узкую тёплую ладошку. В поле зрения — зафиксированные рамы опущенного щита и обеспокоенная веснушчатая моська Карины.

— Ника, ты... в порядке?

Прогоняю диагностику организма. Словно мозг опрашивает каждый орган и выдаёт

развёрнутый доклад, из которого в сознание поступают конкретные сжатые выборы. Необычное ощущение, но до невозможного приятное. Чуть тянет сладковатой болью грудь, да у развилки ощущается некоторая остаточная влажность, сопровождаемая едва уловимой, уже утихающей, тёплой пульсацией.

Приходит понимание — постэффект.

— Жив. Цел. Местами — орёл, — улыбка наверняка кривая, но — других не завезли. —

Что случилось?

Аватара ГС Свирь с видимым облегчением выдыхает:

— Почему ты сразу не сказала, что у тебя инициация вялотекущая?

— Это имеет значение?

— Уже нет, — высовывается из-за плеча Марина. — Ты её только что завершила.

Перегнувшись через каркас защиты, выглянула со своего места Виктория:

— Ты такая... большая!..

Француженки сидят, как мыши под веником. Но глаза маслянисто поблескивают, а дыхание до сих пор учащённое. Аватара Гнейзенау вид имеет весьма задумчивый и слегка растрёпанный. Румянец на её щеках ярок, а чуть прикушенная губа вызывает отнюдь не эстетическое удовольствие. Периферийным зрением отмечаю, что мелко подрагивают коленки. Мои и Свири. У Грейс остаточное сокращение бедренных мышц — до сих пор чуть ли не подпрыгивает раз в несколько секунд.

— Что с нами было?

По всем же видно — не одного меня накрыло.

— Сенсорика полностью развернулась, — с умным видом сказала Карина. — Учитывая, что для большинства это — первый полёт, явление вполне естественное. Ну и волна от твоего Пробуждения зацепила всех нас.

Мотнув головой, вытянул шею и прошептал на ушко нашему вынужденному госпитальеру:

— Карина... Неудобный вопрос... Но, кажется, у меня только что был оргазм...

М-м-м! Вкусно пахнут волосы Свири. Едва уловимый аромат ромашки, полевых трав — и морской соли, — неброско и как-то... успокаивающе, что ли?

Аватара ГС Свирь так же шёпотом отвечает:

— Волна сильная была, мы... все... разрядку получили.

Чувствую, как повышается температура между нами, вижу краснеющее ушко.

— Я не знаю этикета Дев... Мне стоит просить прощения?

Горячее дыхание обжигает щёку и мочку уха:

— Это мы... должны благодарить. Ты ведь самостоятельно инициировалась?

— Да.

— Во-о-от, — тихий шёпот ласкает слух. — Это специфика немедикаментозных, естественных инициаций. Ты полностью приняла новую жизнь. И ощущения — должны коррелировать с естественными.

— Всё равно как-то неловко...

Карина щекотно фыркнула:

— Это у тебя первая разрядка, что ли?

— Честно, не помню вообще ничего, что до первичной инициации было.

— Ника, если разрешишь, мы с сестрой можем провести диагностику. Да и всё равно контроль желателен, у тебя сейчас сенсорика перенастраиваться будет аллюром, с

запредельными пиками. Потеряться можешь.

— Мне прямо тут раздеваться, что ли?

— Ты с ГС не работала раньше?

— Не-а.

— Конечно, мы не можем заменить полноценную ремку, но в паре работаем ненамного хуже, а в чём-то — и за пояс заткнём. И одежду снимать не надо.

— Тогда согласен, — киваю, возвращаясь в свой кокон.

Девчонки косятся на меня, но во взглядах ни упрёка, ни осуждения. Скорее — одобрение и... разделение радости?

— Заходим на глассад, леди, — врывается в ошеломлённую расслабленность голос командира. — До полной остановки просьба не покидать свои места. Трясти не будет в любом случае, но ТБ есть ТБ.

А сестрёнки, пошутукавшись, прикрыли глаза и, взявшись за руки, спокойно откинулись на мягкие спинки диванчиков. И тут же моих сенсоров коснулись ласковые диагностические поля.

Сенсоров? Поля?!

Что за ересь?!

Но — даже напрячься не успел. Ответ всплыл откуда-то из глубин разума, таких, в которые нормальному человеку не то, что заглядывать не рекомендуется — но всячески обходить стороной велено, во избежание.

Тело меняется. Да, внешне человек. Но — внутри процессы идут ускоренными темпами, проводя преобразование хрупкого и совершенно незащищённого девичьего тела в тело, достойное называться носителем воскрешённой и воплощённой души боевого корабля. Нервная система обрастает дублирующими, меняя саму структуру вещества, увеличивая скорость прохождения сигналов на порядки. Вырастают распределённые органы восприятия, совершенно нехарактерного, чуждого для людей. Они растут сразу в нескольких контурах ЦНС, под кожей, в стенках кровеносных сосудов, лимфатической системы и вокруг рецепторов, заранее создавая многослойный резерв.

Упрочняется кожа. Клетки проходят стремительную, но при этом на удивление мягкую мутацию, сохраняя суть — но обрастая новыми функциями и возможностями.

И такое сейчас творится повсеместно во мне. Мозг, головной и спинной, кости, мышцы, внутренние органы и желудочно-кишечный тракт, связки... И десятки тысяч иных вещей, о которых люди даже не подозревают — и которые составляют единую живую систему, которые и есть — Я.

Тело человека и Дух корабля, Дух экипажа — Душа — вырастают друг в друга, притираются, осваиваются с новыми возможностями. словно две сущности понимают, что отныне им быть единым и неделимым телом, и договариваются, где и что менять сразу, а что — оставить в фоновом режиме, ибо некритично.

И — самое важное — меняются набор, тональность, насыщенность того, что можно назвать энергетическим телом. Назвать можно — но насколько близка будет суть к тому, что подразумевается и имеется в виду? Одновременно это может быть и правдой, и абсолютной ложью, и недомолвкой, и непрояснённым принципом. Мозг — пока ещё? — слишком слаб, чтобы оперировать насколько глобальными, настолько и абстрактными понятиями из области многомерности и запороговой физики.

Но знаю одно — я меняюсь. Становлюсь совсем другим. Внешне? Возможно. Но —

качественно — абсолютно точно.

И эта пульсирующая дрожь энергетического каркаса... С каждой пульсацией — чувствую, как она усложняется, становится плотнее, меняет темб "звучания", перераспределяет собственные компоненты в соответствии с внутренней логикой.

И — расширяется восприятие.

Диагностические поля сестёр — приятные поглаживания. Даже в таких местах, о существовании которых и не подозревал. Предельно вежливые — и, в то же время, как-то по-особому приятные. Словно по макушке легонько-легонько гладят, с любовью и нежностью.

Умиротворённый покой и слегка отстранённое внимание — на всё вокруг — Грейс.

Сложная закрытая сеть обмена данными — между Лилианой и Терезой.

Широко раскинувшиеся — от горизонта до горизонта! — находящиеся в состоянии постоянной переконфигурации поля неугомной Виктории, мониторящей в чертовски широком диапазоне окружающее пространство на наличие посторонних целей.

Мягкие импульсы распределённых интеллектуальных систем джампера и приятное, отдающее лёгким пощипыванием на кончике языка, тепло ГЭУ.

Жёсткие, с ощутимым металлическим привкусом, радиоволны наземных систем наведения и сопровождения целей.

Липкие, физически неприятные широкополосные импульсы систем ПВО и приятно шершавые векторы интереса поверхностной электроники.

Узкий зашифрованный канал направленного радиообмена между джампером и диспетчерской.

Индифферентно-холодные широко распахнутые "глаза" приёмно-передающих систем спутниковых группировок, с прекрасно ощутимым безразличием смотрящие на поверхность планеты и столь же бесстрастно гоняющие через себя ежесекундно чудовищно жирные, бесконечные пакеты информации.

Космический ветер низких орбит.

Рассеянная ионизация атмосферы — и заметно более плотный узел собирающейся грозы — на самом краю восприятия.

— Ты в полном порядке, Ника. Сейчас пиковая нагрузка на восприятие пройдёт, и всё вернётся в норму. Сенсорный шок будет очень слабым, — Свирь едва ощутимо сжимает мою ладонь своей. — Правда, совершенно не понимаю, почему твои органы восприятия едва ли не перекрывают по зоне покрытия профильные Виктории... Но это очень даже хорошо.

Услышав своё имя, аватара фрегата вновь перевесилась через рёбра щита:

— Никки, сестрёнка, прости, я ошиблась... Ты — не большая. Ты — огромная!

И в унисон с её словами тоскливо заурчал совершенно опустевший желудок, и выжатый досуха организм, сберегая последние крохи энергии, бережно, но неотвратимо выпнул меня в вязкую полудрёму.

Кто ездит в кунгах по утрам...

Приземление, транспорт до аэропорта, улыбчивая молодая азиатка в форме цвета нави, одна за всех встречающих, торопливо выпотрошенный сестрёнками автомат с шоколадками и погрузка в кунг школьного транспорта — всё смазалось в одну сплошную серую линию.

Мысли более-менее успокоились и вернулись к ясности после какого-то особо крутого поворота.

Я ещё некоторое время с недоумением смотрел на гору фантиков, рассыпанных по коленям и полу, и, сочетая невозможное, вяло жевал и торопливо жрал — очередной

шоколадный батончик. Что характерно, вместе с необычной фольгированной упаковкой. Что ещё более характерно — фольга дискомфорта не вызывала.

В руки ткнулась пузатая фляга. Благодарно кивнув Грейс, приложился к питью, параллельно пытаясь рассмотреть то небольшое, что можно увидеть в расположенном под самым потолком узком окне-бойнице. Небо, едва светлеющее.

Странно так — не зная местности и направления движения, зная, в какой стороне север и какое сейчас время суток...

Хосспаде! Как это можно пить?!

Вода, соли, что-то минеральное, и поверх всего этого — просто конская доза чего-то, имеющего резкий металлический привкус.

Но — от фляги не отлип.

Первый глоток пошёл с трудом. Второй — полегче.

К четвёртому понял — а ведь не дураки сей коктейль составляли!

Жажду гасит бодро, сухость слизистых снимает просто прекрасно, а уж осязаемая приятная тяжесть в истосковавшемся по чувству наполненности желудке — вообще выше всех похвал.

Опустошив примерно треть, вернул флягу девушке.

— Спасибо, Грейс. Спасла.

— Да не за что, — немка даже немного смутилась: едва заметный румянец на несколько секунд окрасил щёки, а уголки губ обозначили улыбку. Пара секунд — и Аватара Гнейзенау вернула на лицо маску Королевы Севера.

И тут же в руку вцепились сильные пальчики Карины:

— Зрение не плывёт? Дышать не тяжело? Не тошнит? Головокружение есть?

— На все вопросы — нет, — улыбнулся я нимало не скрывающей своё беспокойство Свири. — Только организм просит... странного.

Я рассеянно повертел наполовину съеденный батончик.

— Это нормально, — подала голос азиатка. — Твоё тело пытается адаптироваться к Душе корабля, и ему катастрофически не хватает необходимых веществ, в организме человека в нужных пропорциях не встречающихся.

Говорит по-русски очень чисто, без акцента и заметных пауз, как правило, используемых для подбора нужного слова или синонима. Сама она весьма приятной внешности. Чёрные волосы собраны в тугий хвост, чуть раскосые глаза имеют необычный янтарно-карий цвет, а кожа розовая — без свойственной азиатам стереотипной желтизны. Форма сидит опрятно, аккуратно, высокие ботинки на рифлёной подошве-танкетке блестят, как лысины особо умных генералов.

— Мако, аватара подводной лодки Дзинрю, второй курс международной Школы "Дом морей". Поначалу буду за вами присматривать... как это называется-то... а, шефство!

— Николь, воплощение линейного...

— Виктория уже рассказала о тебе, — улыбнулась японка непоседе. Та, в свою очередь, недовольно сверкнув глазами, надулась, скрестив руки на груди. Типа, обиделась на предательницу. Впрочем, тут же оттаяла и, совершенно по-детски показав язык Мако, с независимым видом принялась изучать строго функциональное, а потому совершенно скучное на детали пассажирское отделение.

— Прощу прощения, проспал немного. Пропустил что-то важное?

Мако даже бровью не повела на упоминание о себе в мужском роде. А вот сёстры,

невнятно хором прошептал что-то вроде "Заня-а-атно", щекотно мазнули пассивной диагностикой по плечам и, чуть ли не уткнувшись друг в друга лбами, оживлённо зашушукались.

Француженки, подперев плечами друг друга, беззаботно спали. Симпатяшки они, как ни крути.

Впрочем, ни про одну канмусу нельзя сказать, что она страшенькая или непривлекательная. Вот смотришь по отдельности — ушки там, например, милой формы, или изящный носик, или приятный взгляд, или тембр голоса, или манера движения, или характер — тысячи тысяч представительниц прекрасного пола обладают такими же или схожими. А вот в каждой отдельно взятой Деве Флота — всё это сочетается совершенно неповторимым и очень естественным образом, создавая уникальный набор внешних и личностных данных. Этакие вариативные проекции Ассоль на весь мир.

Японка пожалала узкими плечами:

— Вроде бы ничего экстраординарного. Сначала — получите пропуска, потом я отведу вас к интенданту, сдадите в хранилище все телефоны, ноутбуки, планшеты, КПК и ПДА умные браслеты, брелки и прочее, имеющее выход в Сеть. Всё, что будет сокрыто и утаено, выйти всё равно не сможет, над базой сложная система глушилок развёрнута. Доступ к гаджетам разрешён только по выходным или же с письменного разрешения завуча и вышестоящих должностных лиц. В отдельных случаях разрешение можно получить у представителей студсовета. Интендант, в свою очередь, выдаст вам форму и предметы первой необходимости. Проживание в общежитии комнатного типа.

— А как же казармы? — не сказать, что прямо так сильно жажду длинные ряды двуярусных пружинных кроватей, но... Элис-то намекала — именно на казармы!

— Второй год эксперимент психологи ставят, — отмахнулась Дева Флота. — Казарменная часть уже укомплектована, осталась общажного типа. Пытаются оценить взаимоотношения и уровни сплоченности, а так же узкие места обеих схем расквартировки.

— Казармы часто конфликтуют?

— Жалоб нет, — философски улыбнулась Мако, всем своим видом давая понять, что у руководства есть неафишируемые возможности по мониторингу состояния настроений и атмосферы в изолированном женском коллективе.

Не удивлюсь, если окажется, что тут и камеры понатыканы во всякие забавные и трудновычислимые места. Включая те, что официально просматривать считается моветоном и за которые в приличном обществе принято бить морды и делать занесения в личное тело.

— Учёба начнётся через две недели, но расслабляться не советую.

А смысл за две недели до занятий запикивать нас в Школу? И на базе вполне себе комфортно жилось. Единственное — если предполагается притирка молодёжи между собой и к наличному составу старших курсов.

В два укуса зажевав батончик вместе с фольгой, взялся за сбор мусора. Столько фантиков... Если жопа не слипнется, то это будет просто чудо.

— Оно и понятно, — кивнул я. — Кстати, о расслабляться... Как тут с этим дела обстоят?

— Шесть дней учёба, выходной — воскресенье. Раз в две недели обязательные для всех культурно-массовые мероприятия: соревнования, пляжный отдых, походы в парк аттракционов и на кинопоказы. В Школе имеется внушительная библиотека печатных изданий, так же есть читальные залы, оборудованные комфортными точками

индивидуального доступа в архивный сектор локальной сети. После общего вечернего построения никуда не расходитесь, директор, по традиции, приглашает вас на чаепитие и знакомство. Там же, за разговором, и узнаете всё остальное.

Необычненько...

Ладно, доедем, посмотрим, что и как.

— Благодарю, Мако, — изобразив вежливый поклон, насколько это вообще возможно проделать из положения сидя, повернулся к немке. — Грейс, позволишь сделать ещё глоток?

Школа

Вывалившись по другую сторону КПП — кунг остался снаружи — мы, подхватив вещи, потопали за Мако.

Ничего так Школа...

Очень много зелени. Деревья, кустарники, газоны. От КПП в обе стороны тянутся натуральные зелёные стены в духе британских садов-лабиринтов. Жалко, что сенсорика свернулась — иначе бы по любому попытался прощупать кустопосадку на догадку — а не заныкана ли в её глубинах решётка под напряжением?

Вокруг школы, по внешнему периметру, присутствует лесопарковая зона — с широким, метров на триста, тщательно зачищенным и как-то очень хитро перепаханым пространством контрольно-следовой полосы.

От парадного входа к административному зданию ведёт дорожка, выполненная в лучших традициях древних римлян — прямая и ровная. Ни лавочек, ни урн, только окрашенные в ярко-оранжевый цвет поребрики.

Откуда-то слева раздаются чертовски знакомые отголоски команд, ни слов, ни пола не разобрать — толстая прослойка зелени прекрасно глушит и то, и другое. Значит, предположительно, плац и тренировочная зона — там.

Справа — тянет водой. Тело безошибочно вычленяет запах с примесью хлорки и характерной химии — на фоне чистой, бодрящей и буквально оглушающей, непрерывно движущейся стены морского воздуха — спутать его с чем-то иным невозможно. Бассейн, причём весьма внушительных размеров.

Абсолютно точно знаю — там, впереди, за всеми этими коробками из бетона, стали и дерева, раскинулся океан, древний, могучий, беспощадный ко всему на свете, и, в то же время, бесконечно ласковый для своих любимцев...

Внутри административной постройки на три этажа — сразу от входа сворачиваем налево, ныряем в неприметную нишу — и, вывалившись в новый коридор, без стука — за Мако — входим в дверь. Слева по курсу — широкий стол, на нём — этажерки для документов, аппаратура связи и ультраширокоформатный моноблок с вогнутым экраном. Зачётная железка. Дюймов на сорок восемь, не меньше. За столом — женщина вполне привычной европейской внешности, лишь в разрезе глаз и форме лица можно найти что-то неуловимо азиатское.

— Вас уже ждут, — говорит она на превосходном английском и взглядом указывает на дверь справа от неё.

"Начальник службы регистрации и контроля Каору С." — гласит ничем не примечательная белая табличка с серебристой окантовкой.

Кабинет начальника поражает аскетичностью. Стулья для гостей, простые лакированные деревянные панели обшивки, простой стол — даже без сукна! — с обычной пластиной оргстекла поверх, да уже знакомая горбатая спина моноблока. Каору С. - японка.

Как и большинство женщин страны Восходящего солнца — словно замершая в стазисе на самом пике расцвета сил и красоты. С абсолютной уверенностью ей можно дать и двадцать семь, и тридцать пять, и сорок пять лет — и столь же уверенно промахнуться с выводами.

Мако, вытянувшись в струнку, бодро рапортует о доставке пополнения в Школу. Виктория и Грейс, следуя примеру аватары подлодки, тянут было руки к голове — но начальница их останавливает мягким, уверенным движением кисти.

— Не торопитесь, девочки.

Голос приятен, акцента не чувствуется.

Мако передаёт женщине толстую папку-конверт — в неё собраны наши сопроводительные документы и удостоверения личности.

Бюрократии — минимум. После сверки документации — получаем на руки по два экземпляра бланков — номер пропуска, срок действия, корректность заполнения дат и имён. Всё в изложении на два языка: русский и английский. Быстро пробежав глазами листок, не нахожу разночтений и ставлю подписи — по одной на лист. Второй экземпляр, вместе с удостоверением личности, оставляю себе. Тут же Каору С. вручает с самым торжественным видом пластиковую карточку пропуска. Фото — один в один паспортное, что есть хорошо — кажется, единственный официальный документ, в котором у меня не дебильно-казённое выражение лица.

Начальница улыбается мягко и как-то по-матерински.

— Рада приветствовать вас в рядах учеников Школы "Дом морей", юные Девы Флота, — говорит это, выйдя из-за стола и вытянувшись во фронт перед нашей нестройной стайкой. И не опускает руку, поднятую к козырьку, всё то время, пока мы не покидаем кабинет.

***

Праздношатающегося люда нет. Ну да, Школа же, а не пансионат для благородных корабледев. Весь народ или на полосе препятствий родину любить учится, или прессует ножками мелководье спецзаводы, или в ремзоне знания получает, или распределён по нарядам. Особо одарённые — отрабатывают внеочередные на самых тухлых направлениях.

Интендант, что уже не удивляет, тоже женщина. Очень молодая. И на интенданта не похожа вообще. Где наглость взгляда, свойственная приобретённому синдрому вахтёра? Где мощные телеса, наращенные на непосильной службе родине в тылах-почти-на-передовой? Где, в конце-то концов, хамство и желание подсунуть шмотки, пылящиеся тут со времён ВМВ?

Худенькая, черноглазая, подвижная. Носит какую-то вариацию формы: вместо брюк или штанов — строгая юбка на ладонь ниже колен. Причём в сочетании с высокими армейскими ботинками смотрится на удивление гармонично.

Вежливая и обходительная. Располагающая к себе.

Не приказ, просто просьба, сопровождаемая коротким уважительным поклоном — и на стойке, отделяющей хранилище от кабинета, вырастает четыре кучки гаджетов.

— А ваши инструменты?

Я, пожав плечами, достаю из кармана плеер:

— В спецификации нет ни слова об интернете. Да и не представляю, что тут, кроме управляющей схемы, аккумулятора и флешки, можно разместить.

— Разрешите?

Протягиваю плеер интенданту, та — аккуратно укладывает его в странную тарелку, находящуюся за фальшпанелью дверной коробки. Короткий писк, и аппарат возвращается в мои руки.

— Приёмопередающих устройств нет, можете использовать, — поворачивается к сёстрам. — Тоже пусты?

Марина берёт на себя слово:

— Нас заранее предупредили, так что ещё перед вылетом всё сдали куратору. Доставят имперским транспортом вместе со следующей партией "треников". Вещмешки сдать на досмотр?

— Не надо, — отмахивается интендант. — Курсанты, прибывшие из Империи, ещё ни разу не нарушили правила распорядка и проживания.

Физически чувствуется, как сестёр распирает от гордости.

В принципе, логично. Не знаю, каковы в Империи методы воспитания, но явно по части сохранения и преумножения репутации — всё в самом лучшем виде оформлено.

Остальные девушки, впрочем, ни возмущёнными, ни огорчёнными не выглядят, наверняка и они с этими правилами ознакомлены. Скорее всего, вопрос тупо в нерентабельности доставки через весь континент, возможно, рейсы с островами не так часты, как с Империей.

Ладно, не моего ума дело.

Интендант, подписав бирки, тщательно упаковывает каждый девайс в отдельный металлизированный кофр и, мазнув по сенсорной панели чехла браслетом, убирает аппараты куда-то внутрь помещения хранилища.

— Прошу следовать за мной, — закончив с описью, выдаёт Девам завизированные списки принятых на хранение вещей и указывает на неприметную дверку в дальнем конце кабинета.

***

Ну, общага как общага. Три этажа, пластиковые окна, чистенький фасад и впечатляющий палисад со множеством ухоженных цветов. Радует, что общага блочного типа, на четыре комнаты, с отдельными душевой, санузелом и раковинами.

Жилые помещения... Честно, удивлён. Два малых на двух человек, два больших — на трёх.

Комендант, хмурая, сильно не выспавшаяся тётка неопределённого возраста и подозрительно европеоидной наружности, выдав ключи, буркнула скороговоркой:

— Занесёте вещи, спуститесь в подвал, к кастеляну. Возьмёте постельное.

Посмотрев на номерок, выбитый на бирке, потопал к лестнице. Да-а-а... Общага. Военная.

Второй этаж, блок 2–3, комната 232. Тридцать первая и тридцать вторая — как раз те самые, на двух человек. Тридцатая и тридцать третья, соответственно, на трёх.

Судя по голым кроватям — пока что без никого.

Интересно, кого поделят?

Бросив рюкзак на приглянувшуюся кровать, осмотрелся.

Двойной пакет окна, что удивительно — все ручки на месте. Кровати вдоль стен, перед

широким подоконником — письменный стол. Над кроватями висят книжные полки. Обеденный стол, два стула, холодильник, трёхстворчатый шкаф. Всё.

Ну, Николай, устраивайтесь и принимайте хозяйство. Ваше оно теперь на ближайшие пару лет.

Протестировав санузел, отправился искать кастеляншу, а после, когда вернулся с объёмистым тюком, состоящим из матраса, набора наволочек, простыней, пододеяльников, одеяла и подушки сверху — наткнулся на приоткрытую дверь.

— Ника, комендант вняла голосу разума и разрешила поселить с тобой, как свежеинициированной, а потому требующей тщательного наблюдения Девой Флота, курсанта, имеющего медицинский опыт, — улыбнулась Свирь, поднимаясь от застеленной кровати.

— А как же Марина?

— Её на третий заселили, с Викой, — отмахнулась Карина. — Она с детьми хорошо ладит, не то, что я.

Свалив тюк рядом с рюкзаком, с удовольствием потянулся.

— У каждого свои таланты, Карина, — дотянувшись до рюкзака, я вытащил трофейные капральские батончики. — Как насчёт отметить заселение?

Лояльный карманный флот

Пока расквартировывались, пришло время обеда.

Обед по-канмусовски... М-да. Столовая на два десятка столов, каждый на двадцать посадочных мест. Но ни за одним больше полудюжины Дев не наблюдается — тупо за счёт того, что столько еды на одну — никак иначе не влезет.

Поначалу поймал некоторое сомнение, имеет ли смысл делать пару подходов с подносами за едой, как остальные, но, уловив запахи, доносящиеся с кухни, отчётливо понял — теперь это жизненная необходимость.

Что такое обед Девы Флота?

Пять тарелок супа, причём не жиденькой водички с останками трёх-четырёх кусочков трудноидентифицируемых овощей, как это принято в Европе, не дикой смеси молока, перца, рыбных продуктов и прочей экзотики, как принято в Юго-Восточной Азии, а вполне себе нажористые порции густого мясного супа. Гороховый с говядиной, борщ — в вариации со свининой и говядиной, солянка, венгерский бесподобный бограч, и вишенкой на празднике живота — суп-пюре.

Второе: китайской кухни жаркое с курицей, апельсинами и арахисом, тарелка плова, внушительная миска пасты с томатами и толстым слоем сыра и лазанья. Ко всему этому — недетские количества гарниров, плюс рыба, курица и бифштексы-переростки.

Ну и на третье — кексы, пирожные, мороженое — и сгущёнка. ГОСТовская. В довесок к компотам, кофе, чаем и прочим напиткам.

Вычистив содержимое всех трёх подносов до идеального блеска, с удовольствием откинулся на спинку стула и, ощущая приятную наполненность желудка, пришёл к выводу — Деву Флота проще убить, чем прокормить.

Карина, с сомнением посмотрев на пустые подносы, вздохнула и отправилась за добавкой. Девушка игнорировала все сладости, кроме сгущёнки. Как понял — вприкуску с хлебом она могла уничтожать её килограммами.

— А фо, — с набитым ртом удивилась она и, прожевав, продолжила: — Мне глюкозы

много надо, я ведь не танк, в моём деле мозгами очень активно шевелить приходится.

— Я только за, — улыбнулся ей в ответ, решив таки порадовать живот дополнительной чашкой крепкого сладкого чая. — Думающий медик всяко лучше безмозглого коновала.

Но — обед закончен и мы, сдав посуду, топаем обратно в общагу. Хочется поваляться после сытной пищи, покемарить — но нельзя. Дел ещё полно: познакомиться с соседками по блоку, составить график дежурств по СГЗ*, сконтачиться со старшей, уточнив распорядок дежурств по этажу. Нужно ещё выяснить, есть ли здесь кухня — а логика подсказывает, что с таким канмусовским аппетитом обитательниц — её не быть просто не может. Химию, опять же, раздобыть надо для обслуживая подотчётной территории, швабры, тряпки, вёдра и прочую снасть.

Найти прачечную, в конце-концов, да и просто — изучить карту Школы, чтобы не влетать сходу, по причине топографического кретинизма в терминальной стадии, на внеочередные наряды.

Полно, в общем, дел. И все — срочные.

***

Вечернее построение на плацу. Навскидку — чуть больше полусотни Дев. Кр-р-расивые, зар-р-разы. Форма каким-то чудесным образом даже таким молоденьким, как Виктория, визуально накидывает хорошую горсточку лет к возрасту, превращая нескладных девчонок в весьма и весьма симпатичных девушек.

Построение принимает Анна, аватара линкора Нагато, замнач первого и второго курса по воспитательной части, преподаватель истории и практической тактики БД** малых групп, инструктор, флагман третьего курса и, до кучи, глава студсовета. Как говорится, полный набор: спортсменка, комсомолка, умница и просто красавица.

Мако по пути на плац отдельно выделила понятие флагмана. В Школе — это такой неофициальный разводящий конфликтов. Если какие-то проблемы со своим курсом, идём, соответственно, к своему флагману. Со вторым — к флагману второго, которая, к слову, является адъютантом Анны, секретарём студсовета и, попутно, её же систершипом. Если конфликт начинают старшие — однозначно к Нагато обращаемся. Нет, адъютант тоже рога особо умным обломать может, но эффективности и понимания это даст чуть меньше той дозы, что требуется для полного усвоения урока.

Неофициальные должности флагманов курса вообще существуют для того, чтобы снизить процент дисциплинарных взысканий. Ибо любое обращение к офицерам учебной части — это гарантированный залёт всех заинтересованных сторон, включая флагманы курса — им, как проморгавшим конфликтную ситуацию, достаётся сильнее всего. А дальше начинает работать пирамида иерархии, в результате чего виновники торжества получают на орехи дважды: от своих, за неуважение к авторитету флагмана, и от руководства Школы. Наказания варьируются: от банального наряда на приведение в идеальное состояние всех унитазов учебного корпуса до принудительной внеочередной ротации в какую-нибудь глухомань, где вся Школа — это пара-тройка озверевших от одиночества и холода тяжёлых линкоров, а вместо плаца — размеченная окрестными моржами до совершенно золотистого цвета льдина.

У первого курса флагманом временно выступает систершип Мако, аватара подводной лодки Унрю по имени Мики. И не надо смеяться над схожестью имён — они действительно

сёстры. А временный флагман — потому что в первые месяцы обязательно выявится среди новобранцев свой старший по курсу.

Вполуха слушая традиционную малозначащую инфу, я любовался замначем. Форма сидит, как вторая кожа, при том подчёркивает все достоинства великолепного тела. Кепка с коротким козырьком, тёмно-каштановые волосы, собранные в длинный хвост, необычные вишнёво-красные глаза. Голос спокойный, без повышенных тонов, но слышно девушку прекрасно в любой части плаца.

Слух выхватывает отдельные фразы, протаскивая их мимо сознания сразу в память.

Ничего необычного. Построение, переключка по курсам, отдельная переключка для новичков. Рады приветствовать... В конец охреневшие Глубинные... Решительно и бесповоротно... Намотать на винты и распылить гумусным фаршем по пустыням... Мы братья, которые, пусть и сёстры, но всё равно — братья во братстве... Тандем душ, жаждущих отмщения, и сосудов для этих душ, давших новую жизнь... Вместе едины... Враг будет разбит... За нами — Земля...

Психологической накачкой замнач владеет на все сто сорок шесть процентов. Даже я, половину прослушавший, а половину просто не разобравший ввиду смещения фокуса внимания, уже готов, взяв под козырёк, вооружиться первым попавшимся хозинвентарём и идти раздавать праведные звездюлины всем попавшим под горячую руку Глубинным, вне зависимости от типа, пола и вероисповедания.

Анна командует вольно, и старшие курсов, а в случае с Нагато — её зам, ведут народ в казармы и общагу. Новичкам приказано оставаться.

— Мако вас, как подшефных, уже предупредила о традиционном чаепитии у директора Школы. Всё, что от вас требуется — это соблюдать простейшие правила приличия, — Анна тяжёлым вишнёвым взглядом обвела дюжину оставшихся на плацу. — Для тех, кто запомнил, напомню в первый и последний раз: чашки не есть, ложки не жевать, громко не чавкать, чаем не сёрбать и не забывать, что вы находитесь в гостях у Адмирала. Господин директор, конечно, многое повидал и опыта имеет более чем достаточно, но — испорченное настроение директора равно втухание по-чёрному источникам недовольства. Вопросы есть? Вопросов нет. Мако, отведи мальков в приёмную.

М-да. Вот это девушка. Кремень, а не слабый пол. И талантлива: говорить длинными предложениями, впечатывая каждое слово напрямую в подкорку — это далеко не каждому дано.

Француженок, по ходу дела, капитально торкнуло: пока не покинули плац, они постоянно оборачивались, влюблёнными глазами буквально пожирая неподвижно стоящую в сгущающихся сумерках главу студсовета. Да и не их одних — ещё пара незнакомок проявляли те же повадки, а улыбки, полностью подпадающие под описание лёгкой степени дебилизма, только усугубляли картину.

***

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно случайно, лишить ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившимся — пролистать до следующего эпизода.

Не клонувшим на аллерт — вэлкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

Директор, он же, по совместительству, Адмирал Центрально-Восточной Тихоокеанской флотилии Объединённого флота ООН, несмотря на совершенно седую голову, выглядел довольно молодо. Даже множество крупных морщин у глаз и на лбу не накидывало возраст.

А ещё — он полностью игнорировал очарование канмусу. Кроме нашей группы, в коей, без сомнения, первое место по привлекательности занимали французские аватары, а второе делила с сёстрами-госпитальерами Грейс, были и местные, и, как понял, гражданки Южной Америки и, скорее всего, Новой Зеландии, ныне известной как Южно-Тихоокеанская конфедерация, — и каждая из них и в отдельности, и в составе подруг — могла серьёзно посоревноваться с "моей" партией в красоте. Но — Адмиралу было откровенно пофиг.

Тут уж три варианта напрашивается: или его в черепную коробку отлюбили со всей приличествующей страстью предыдущие поколения Дев Флота, или у самого семеро по лавкам, и все в юбках, отчего выработал стойкий резист к малолетним очаровашкам, или же всё совсем печально, и директор является "любителем медного таза, но не яшмовых врат", что полностью срезает все потенциальные предпочтения, кои могла бы выбить очередная акселератствующая мадам с облегчённой версией поведения.

Зато чай у него вкуснячий. И голос — мягкий такой баритон, окутывающий через уши весь мозг. Вот отчётливо понимаю — прессует разговором куда как круче той же Анны, но — мне как-то по боку, равно как французенкам, сёстрам и китаянке, а вот остальных весьма неплохо накрывает.

Ну, в принципе, да. Импозантный мужик, наверное, даже симпатичный, весь в белом — и, к тому же, аж цельный Адмирал. Седенький и с гордым профилем. Девчонки на него бежать должны, не разбирая дороги и теряя по пути трусики.

Прислушался к телу.

Не-а. Вот вообще пофиг на него, как на мужчину.

Ни малейшего отголоска желания.

И это, без сомнения, хорошо.

Вообще, не люблю такую неоднозначность, как по мне, так или, или.

Но, с учётом того, что творится вокруг — как бы жалеть не пришлось. Одно дело — сохнуть хором по одному-единственному мужику на всю Школу, и совсем другое — охренивать от количества половозрелых и не очень сокурсниц, кои все, как на подбор, чертовски хороши.

Но — нет. Душа бастует от таких мыслей и грозит вывернуть тело наизнанку, чтоб не выёживался и мизинчик аристократично в сторонку не оттопыривал: определённо — лучше уж армия девочек вокруг, чем мне, с самосознанием, однозначно идентифицируемым как мужское, выжимать труселя после наблюдения в поле своего зрения директора.

Вынырнув из мыслей, с удивлением заметил, как тело, действуя на полном автомате, наливает из заварника себе очередную порцию чая, руки тягают кексик, аппетитно топорщащийся бугорками изюма, а инициатор самокопания — что-то договаривает:

— ...знать, почему запрещены контакты с людьми? — Адмирал, притворно поморщившись — ну вот прекрасно читается его мимика и моторика, как ни скрывай — потянулся к пухлой папке. — Виктория, вам просмотр данных материалов очень не рекомендуется...

— Но не запрещается ведь? — Пигалица даже как-то воинственно вскинулась, явно готовая отстаивать своё право сунуть нос в готовый ускользнуть мимо её глаз секрет.

— Были бы вы обычным подростком — к материалам, аналогичным содержащимся в этой папке, смогли бы получить доступ только после совершеннолетия и при наличии действующей справки от психиатра. Девы Флота в этом плане имеют не в пример более стабильную психику, про способности к построению логических цепочек вообще молчу. В любом случае, ознакомиться с материалами придётся. И, поверьте мне, лучше уж так, заранее, чем под взглядом сотрудников Особого отдела.

Кажется, уже понял, на что намекает директор. Если догадки верны, то чаепитие до этой таинственной папки — один из скрытых психологических тестов. Проверим.

Директор извлёк из папки толстую пачку фотографий и подвинул их Грейс, как самой близкосидящей.

Листает медленно, на лице — сквозь маску отстранённости — попеременно прорываются выражения брезгливости и омерзения, кожа бледнеет. Не просмотрев и трети, отворачивается к стене и, не глядя, передаёт папку сёстрам.

И Карина, и Марина просматривают фото довольно быстро, но по взглядам видно — ни одной детали не упускают. На лицах — вежливое любопытство, и лишь иногда брови чуть-чуть синхронно вскидываются, дескать: надо же, и такое возможно?

Следующий в очереди я.

Ну да. Прав. На все сто.

Первое же фото — кровать, в ней какая-то неаппетитная масса. На стенах — засохшие росписки и подтёки крови. В перемолотых останках с трудом, но можно опознать то, что некогда было мужчиной.

Следующее фото. Тело по грудь. Всё, что выше — словно срезано кривой бензопилой.

Следующее напоминает предыдущее, с той лишь разницей, что у трупа просто нет головы. Судя по цвету — именно то, что от неё осталось, неживописно расплётано по ближайшей стене.

И так — фото за фото. Без маркировок, без подписей. Но и так всё понятно. Быстр пролистав оставшиеся снимки, передаю стопку французенкам и натываюсь на блестящие любопытством глаза сестёр. Пожимаю плечами, типа — ну, трупы. И что?

Да ничего, — синхронным лёгким наклоном голов возвращают ответ имперские аватары.

А Лилиану начинает тошнить. Общая бледность и характерные подрагивания грудной клетки и гортани. Не удержит в себе.

Быстрее, чем успеваю оценить поведение французенки, подхватываю из рук Марины бумажный пакет — и когда только успела достать? — и, раскрывая в движении, передаю Лилиане.

Вовремя.

В глазах Терезы — сострадание, боль и забота. Поддерживая волосы подруги одной рукой, второй не даёт ей упасть со стула или влететь при очередном спазме лбом в столешницу.

Виктория, подобрав оставленные без присмотра снимки, с задумчивым видом перелистывает их, как школьный блокнот-анимацию и, не выразив никаких эмоций, передаёт дальше.

Вслед за Лилианой выворачивает креолку и азиатку. Обоих, кстати, в вовремя

подсунутые пакеты.

— И что такого? — удивляется Виктория. — В той же Мёртвой Массе, хоть она и без полного погружения, и даже VR не поддерживает, мясо было в разы омерзительнее.

— Это, милые леди, — самым мрачным и серьёзным тоном резюмирует директор, собрав все фото обратно в папку, — то, что остаётся от обычных людей, попавших под эмоциональный всплеск канмусу. Где-то сдавили партнёра в порыве страсти, где-то — отвесили пощёчину, где-то — просто, пробегая мимо, оттолкнули в сторону или же в самоволке нарвались на компанию людей, желающих... кхм... "поближе познакомиться", да.

Часть девушек ёжится. Видимо, там, на родине, у них были какие-то отношения.

А теперь вот до них дошло, что могло случиться с их возлюбленными.

— Вот поэтому после инициации Девам Флота категорически запрещено иметь отношения с людьми.

— Разрешите обратиться, тащ Адмирал? — тяну руку вверх, как восхищённая первоклассница.

— Разрешаю, Николь.

— В Консолидации, по крайней мере, на той базе, где прошла большая часть моей инициации, куратор ничего не говорила о вероятности подобного исхода тесных отношений. Они не в курсе, или?..

— Или. Демократия и толерантность. Ты можешь найти себе пару... мнимую. Персонал вежливо и ненавязчиво даст попятный, оформленный в психологически максимально комфортные рамки. Чтобы даже малейшей обиды не зародилось.

— Принято. Благодарю за предоставленную информацию. Вопросов больше не имею.

— Что же теперь делать? Или, если прижмёт, будете нам смертников подсовывать? — язвит белокурая конфедератка, брезгливо косясь на соседку, вытирающую губы тыльной стороной ладони.

— Нет. У нас на этот счёт есть вполне действующий набор решений, — улыбается Адмирал, с совершенно спокойным видом допивая чай.

Держит паузу, повышая градус заинтересованности.

В конце-концов, заёрзала даже Грейс, что, видимо, послужило индикатором должного уровня внимания к своей персоне.

— Все мы взрослые люди, — сказал директор. — И не надо ухмыляться. Воплощение корабля — так же и его экипаж, включая общий возраст. Юридически не обосновано, конечно, но не суть важно. Важно то, что отношение к вам совершенно не вписывается в привычные людям рамки воспитания.

— Итак, — продолжил Адмирал и, глянув на часы, многозначительно хмыкнул. — Время позднее, до отбоя недалеко уже, а вам ужин-С*** пропускать никак нельзя. Поэтому кратко и без подробностей — всё, что заинтересует, узнаете у вашей старшей по курсу. Заведение, как вы, наверняка, уже заметили, у нас весьма специфичное, контингент — полностью женский...

— А вы? — фыркнула та же конфедератка.

— А я не мужчина. Я офицер, — спокойно обрезал директор. — Продолжу, с вашего позволения. Итак, здесь нет мужчин. Учитывая запрет на связи с обычными людьми и гормональное состояние, свойственное вам в силу биологического возраста организма, вполне вероятны отношения между собой. Попрошу придержать возмущения при себе и дослушать до конца, — говорит жёстко, каждым словом впечатывая снова вострепленную

было блондинку. — Итак, леди. Официально романтические отношения между ученицами не приветствуются, однако — массовых разрушений ни на территории Школы, ни, тем более, снаружи, никто не хочет, и потому, если особо не выпячивать свои потребности, на это смотрят сквозь пальцы как старшие курсов, так и персонал базы. Я не оговорился, Школа — лишь часть базы, и преподаватели, а так же члены преподавательского состава — лишь часть персонала. Включая логистов, штат психологов, а так же таких не очень приятных в общении людей, как представители Особого отдела. Так вот. В выходной у вас достаточно свободного времени, чтобы посетить, кхм, не афишируемую часть Школы, расположенную в квадрате NO-18 относительно карты. В учебные дни доступ туда закрыт, в выходные — автоматика перестраивает лабиринт таким образом, что подход к уже занятым постройкам перекрывается. Так что помешать никому не сможете. Данная территория — единственная, не оснащённая системами активного наблюдения, так что о конфиденциальности можете не беспокоиться. Что же касается мальчиков... Можете обратиться к старшей курса или в студсовет за разрешением доступа в Сеть. Посредством защищённого анонимного канала можете осуществить заказ в любом удобном для вас секс-шопе из списка авторизованных поставщиков, доставят через длинную цепочку пересылок, не нарушая условий конфиденциальности. Тем же, кому таких заменителей мало или не устраивают — в том же квадрате дорожка R2 с аналогичной системой контроля доступа. Роботизированные манекены, конечно, не люди, но — повредить их гораздо сложнее.

— Разрешите вопрос, господин Адмирал? — это, совсем внезапно, тянет ручки Виктория.

— Разрешаю.

— Почему такой акцент делается на интимной сфере жизни?

— Потому, леди Виктория, что Дева Флота, получившая своевременную разрядку, в случае чего не сорвётся на окружающих Девах или, что гораздо плачевнее, на персонале базы. Да и учебный процесс не страдает, в отличие от. И, честно говоря, лояльность подопечных — самый ценный ресурс сейчас. А наиболее простой и эффективной разгрузки, в том числе и психологической, для канмусу найти трудно. Ещё вопросы?

— Разрешите обратиться? — немка чуть ли не ёрзает на стуле. Хм... Её Виктория, случаем, не покусала ли?

— Внимательно слушаю, леди Грейс.

— Что насчёт курения?..

— Потребление табачных изделий разрешено в строго отведённых местах. За курение в непопозволенном месте на первый раз выговор и три наряда вне очереди. Второго раза не будет. Дисциплинарное взыскание и принудительная ротация. За курение запрещённых к обороту веществ — сразу же принудительная ротация с соответствующей отметкой в личном деле. После этого о море можете забыть.

— Принято, — козыряет Грейс, на миг позволив эмоциям пробиться через маску холода. Девушка весьма довольна.

— А не слишком ли много позволяется курсанткам? — снова блонда-конфедератка лезет.

— Нисколько. Во-первых, это ещё не армия. Во-вторых, не имеем права на самодеятельность, и если наверху решили, что вам это положено и ни в коем случае не возбраняется — против приказа идти не имеем права. Ещё вопросы?

А нет вопросов. Француженки, оклемавшись от просмотра мясной коллекции, вообще

чуть ли не светятся от счастья. Остальные, видимо, пока что переваривают полученные данные.

Директор косится на часы, но, кажется, только мы с сёстрами и немкой замечаем этот жест.

— Тащ адмирал, разрешите идти?

— Разрешаю.

И, когда дверь уже готова закрыться за рассыпающимися в благодарностях за вкусный чай девушками, Адмирал добавляет:

— Спокойных снов, леди.

It-#039;s magic

Ужин-С. Спецрацион.

Чего-чего, а коробку для ланча лично в руки под расписку в журнал учёта старшей по этажу — не ожидал. Внутри нашлась уже знакомая шоколадка со съедобной фольгой, пара брикетов размером с ладонь без опознавательных маркировок, консервная банка с открывашкой-ключом, непрозрачный пакетик с какой-то желеобразной массой и два пакетика с скромной надписью: "Концентрат питьевой N4КП-м. Разводить в 200 мл подсолённой воды. Сухим не употреблять". И пластиковая ложечка.

— Чего медитируешь над едой?

Карина, шустро распотрошив один из брикетов, с аппетитом вгрызлась в плитку чего-то, похожего на горький шоколад.

— Да вроде бы наелась уже...

— Пф-ф-ф! Той едой, Ника, ты, конечно, наешься можешь, но только поначалу. Чем быстрее привыкнешь к спецпайку, тем легче будет потом, да и организму только на пользу.

— В смысле — организму?

— Я ведь говорила, и Мако говорила тоже, и, наверняка, и куратор о том же извещала — твоё тело меняется. А некоторые вещества в органическом теле просто физически присутствовать не могут, и организму их выработать неоткуда и синтезировать не из чего. Спецрацион для этого заточен лучше всего.

Ну, надо, так надо. Тем более — раз это говорит не в пример более компетентный специалист.

Последовав примеру Карины, распаковал брикет. Хм-м-м... Пахнет... не шоколадом, это точно. И тяжёлый, зараза: брикетик десять на пять сантиметров, да в толщину в сантиметр, а тянет грамм на триста. Осторожно откусив самый уголок, тщательно разжевал.

На вкус... неопишимо. Ни одного знакомого оттенка, кроме, разве что, лёгкого привкуса гематогена. Но — идёт, как родное, даже, кажется, до желудка долететь не успевает, по пути растворяется.

Второй брикет и шоколадку даже не заметил, как схотмечил.

Желе... Ну, желе как желе. Студнеобразное, тёмное. Сахара почти нет, вкус — что-то незнакомое фруктовое с лёгкой кислинкой.

В банке — брусок какой-то каменной халвы в собственном соку. Понаблюдав за Свирью, решил не заморачиваться и повторить её действия: выловить пальцами начинку и, откусывая, запивать оставшейся в банке жижей. Язык прикольно так пощипывает, как будто пузырьки крохотные лопаются. На удивление вкусно. А жидкость — почти один в один та самая, которой угощала Грейс.

— Я сейчас, — предупредила Карина и, выметнувшись быстроногой ланью из комнаты,

практически тут же вернулась, неся два стакана кипятка.

Нерешительно надорвав пакет, понюхал содержимое. Острый химический запах, но, как ни странно, отторжения не вызывает.

— Да не бойся ты, — рассмеялась Свирь. — Отличный тоник, только сыпать надо сразу два пакетика в одну кружку, иначе ни эффекта нормального не будет, ни вкуса.

Ладно, рыжей медсестричке виднее.

Доверившись ей, засыпал порошок из обоих пакетов в стакан. Ну и помешал ложечкой... Попытался помешать, если точнее. Оказавшись в жидкости, ложка просто и непринуждённо растворилась.

А Карина смеётся. И спокойно ссыпает оба пакета. И изящным движением, словно трубочку в бокал с коктейлем, забрасывает в стакан ложку.

— Прикольный эффект, да? — в серой зелени глаз откровенное веселье.

— Кислота? — учитывая, что во мне металлы растут — чего бы и кислоте тогда в рацион не входить? Для наилучшего протравливания подвижных частей скелета, например?

— Нет, всего лишь некоторые активные добавки, а материал ложки служит катализатором нужной реакции. Не бойся, нам эта микстура никакого вреда не причинит.

И, показывая пример, первая начинает пить.

Пью следом. До странного густая, как глицерин, жидкость, ощутимо прохладная — хотя кипятком за пару минут физически остыть не может, чай, не на северном полюсе сидим. Но — вкусно и весьма питательно.

Довольно отдуваясь и поглаживая совершенно плоский живот, Карина прислонилась к стенке:

— Вот теперь могу точно сказать — я наелась.

— Аналогично.

Даже в душ идти лень, несмотря на общую возрастающую бодрость организма.

— Карина... Вас в Империи по другим стандартам к Школе подготавливают?

— Конечно, — кивнула Свирь. — Насколько в курсе, наша сторона уже который год пытается протолкнуть в ООН более эффективный стандарт адаптации новоинициированных Дев Флота. И, хотя сейчас в этой конторе бюрократии и косности не в пример меньше, чем в начале века, но подобные новшества идут со скрипом.

— Возьмёшь в падаваны, о прекрасная рыцарь-джедай?

Свирь прыснула в кулачок:

— Ты откуда такую древность вспомнила, Ника?

Я пожал плечами:

— Просто помню. В отличие от жизни тела до инициации.

— Фиговый из меня рыцарь, Ника, тем более — джедай. Но информацией поделюсь, это без проблем. Только — завтра, хорошо? Сегодня я уже просто неболтабельна.

— Договорились, — я покосился на шкаф. — Ты в душ первая, или я?

— Иди, мне чуть-чуть полежать надо, усвоить паёк, — вяло отмахнулась Карина и, сграбастав подушку, развалилась поверх неё.

***

*Закрытая распределённая сеть двенадцатого поколения криптокласса "Гордиев узел II"
Виртуальный чат с элементами эффекта присутствия. Визуализация участников в*

виде низкополигональных многослойных сфер, отличающихся цветовой окантовкой рёбер некоторых слоёв и последовательностью анимации.

— Господин советник, есть неувязка с графиком компоновки и отгрузки.

— Слушаю.

— Неполный профиль по объекту линкор "Император Николай I". Метки сняты в процессе неполной инициации, горизонт примальных характерных сигнатур размыт. Соответственно, якоря не к чему цеплять.

— Островные сегодня отчитались о Пробуждении, насколько я в курсе.

— В таком случае запрашиваю повторное сканирование средствами Школы "Дом морей".

— Запрос одобрен.

— Извините, что вмешиваюсь, господин советник, — мигает ещё одна сфера. — Разрешите дополнить запрос уважаемого Константина внеочередным сканированием Дев Флота Свирь и Обь?

— Густав, твоих пташек-то зачем? Они за этот год уже три полнопрофильных скана прошли.

— Это старшие беспокоятся. Они сейчас тесно работают с аналитиками Генштаба...

— "Аналитиками", — передразнивает голограмма. — Разведкорпус Александры хорошую репутацию наработал, и если это с их подачи старшие сёстры зашевелились, значит, есть какие-то пропущенные предпосылки к ведомым подопечными Павла Петровича проектам. Разрешаю.

— Принято, — хором мигают оба абонента советника.

— Константин, вот ещё, пока ты в сети. Что с практическими прогонами пилотного модуля новой серии?

— Информация отсутствует, господин советник. Александра обещала поспособствовать, но давить на загруженного подчинённого не будет до тех пор, пока не появится стабильное окно.

— Хорошо. По получении тестов — дубль отчёта мне, дубль в личную канцелярию Императора, дубль группе Зоеньки.

— Иван Николаевич, — тут же ожила четвёртая голограмма, — что ж вы так ко мне ласково относитесь?

— Зоенька, душа моя, мне ли не знать, сколько на вас нагружено?

— Исходя из поверхностного анализа вербально-интонационной составляющей — вы желаете осчастливить нас новой задачей?

— С вашими комплексными экспертными системами, моя душа, вы рискуете совсем в искин обратиться, — голограмма собеседницы чуть подрагивает, а до советника доносится лёгкий, звонкий смех. — Не хотелось бы нагружать, Зоенька, но — надо. Не настолько сложно, кстати. Я выдам оттиски[1] и маркеры входа для шифрованной подсети Управления, там вы все детали с Константином и уточните. Общая задача: собрать статистику и выстроить графики по пташкам Густава с момента последнего скана.

— Скаляр или по векторам?

— Векторные, Зоенька, если информации будет не хватать или окажется под грифами — делайте прямой запрос на меня.

— Принято. Ещё задачи есть?

— Нет, голубушка.

— В таком случае, до скорой встречи, господа, — и сфера-иконка рассыпается горстью искр.

— Если ко мне вопросов нет, так же поспешу откланяться, — и сфера Густава гаснет.

— Константин, ещё по верфям уточнение. Прими маркер на приват, — и собеседники одновременно уходят в частную зашифрованную субсеть.

***

Анна, покосившись на беззаботно болтающую задранными вверх босыми ногами сестру, лежащую на животе и с упоением читающую свежую книгу, только сегодня доставленную с материка, устало потёрла виски:

— Влада, зря расслабилась.

— Я и не напрягалась, — фыркнула девушка, с сожалением доставая закладку и отодвигая книгу. — Учёба начнётся, там да, придётся побегать.

— В этом году многовато Пробуждённых, не заметила?

Влада, воплощение линкора Мутсу, потянувшись, жестом фокусника вытащила из-под подушки брикет спецпайка.

— Сашкины головастики ещё года два назад говорили, что вероятен всплеск воплощений.

Анна вздрогнула, невольно обхватив плечи:

— Почему я этого вывода не помню?

— Не знаю. Хотя... Да, точно, расширенный отчёт для советника готовила же, точно помню, как Ульяна не могла до тебя минут пять достучаться. Сидишь, глазками хлоп-хлоп, а по взгляду понятно — совсем не с нами.

— Бывает, — грустно вздохнула Анна. Это сейчас отчёты в Управление и советнику легко составлять, рука уже поставлена, да и мозг почти на автомате выдаёт точные формулировки и определения. А тогда... При одной мысли, что будет читать сам советник, поджилки тряслись и кишки ёрзали, словно ожившие. А всего-то два года прошло, да. — Напомнишь? Только вкратце, Владка, без цитат спецов сашкиного корпуса.

— Боишься, что мозги выкипят?

— Нет, боюсь, что под давлением через уши, как через форсунки, выдавит наружу. И придётся ещё и стены в порядок приводить.

Влада усмехнулась: уж насколько сестра педантична и верна врождённому чувству порядка, но вот уборку не любит с самого рождения.

Достав из сейфа ЖУУВД[2], Мутсу устроилась напротив сестры. Одно другому не мешает, а заполнить журнал лучше сегодня, чем подрываться в самую рань и клепать ошибки. А ошибки по утрам точно будут — в отличие от Анны, Влада была на удивление стойкой совой, и, если тело и удавалось поднять по будильнику старшего состава ответственных, то вот мозг — просыпался исключительно после обеда.

— Да и говорить-то особо нечего, если отбросить профессионализмы. У умников сашкиных теория есть, что сейчас проходим пик Пробуждений. А после него будет обязательный спад: больше Глубинных, меньше Дев. Где-то в этой точке пересечения графиков они закладывают ненулевую вероятность повторных становлений воплощения.

— Как думаешь...

— Никак, — печально качнула головой Влада — она прекрасно понимала, о чём — и о ком — думает сестра. — Прежний Дух корабля, но новое тело. Если вдруг случится Чудо и это так и будет происходить, шансов на возвращение прежней сущности чуть меньше, чем ноль.

Нагато, пододвинув к себе толстую пачку бланков и исписанных бисерным, исключительно каллиграфическим почерком листов, отточенным движением сходу сдвинула в сторону треть из них — ровно до того листа, на котором остановилась немногим ранее.

— Ну вот почему у нас всё не так, как в комиксах этих ниппонских?..

— Оу, неужели тебя так прельщает возможность сменить защищённый, нормальный варсьют на недоразумение в виде мини-юбки, высоких каблучков и гротескных фрагментов корпуса прототипа? — ухмыльнулась Влада, стараясь столкнуть сестру с депрессивной дорожки.

— Ни за что не променяю свои доспехи на ветер под юбкой, — хмуро откликнулась Анна. — Я о перерождении... Представь, как было бы здорово... Если бы всё было так, как в этих мангах? Тебя убили, на куски порвали и успешно переварили, а ты — р-р-раз! — и через некоторое время снова в строю.

— Не забивай голову ерундой, Ань. Мы не в какой-нибудь параллельной вселенной живём, а именно в этой. И другой, увы, не дано.

— Знаю, — сравнив две примерно одинаковые кипы бумаг, Нагато с трудом подавила зевок. Давно боевых выходов не было, скоро совсем в кашу превратится. — Мако в дежурство заступает утром, Мики в конвое с материка, будут только к вечеру...

— Намёк на подменить?

— Просьба, — Анна сонным взглядом оценила предстоящий на сегодня фронт работ и потянулась к чайнику. Никаким убойным кофе тут не отмашешься, да и у крепкого чая шансов тоже нет. Остаются концентраты. — Завтра со спецами верфей сеанс связи, сама знаешь, пятью минутами вряд ли дело ограничится. Да и господа Катуго и Мишин вряд ли сделают единственное исключение и не заставят заполнять всю пачку формуляров.

— Не бывает лояльных особистов, — усмехнулась Влада, в душе радуясь, что у неё нет и тени амбиций сестры. — Хорошо, поработаю с молодыми. График стандартный?

— Медчасть оборудование переустанавливают, технари обещали уложиться в двое суток. Так что — первый стандарт в минус, по второму мальков погоняй, нечего им киснуть.

— По рукам, — кивнула Мутсу и, не дождавшись ответа, продолжила заполнять журнал.

***

Только оказавшись в душе, я начал понимать, почему Карина смотрела на мои сборы таким странным взглядом.

На два игрушечных крючка только и можно, что повесить несессер да полотенце.

— Ты как-то быстро, Ника, — и глаза хитрые и понимающие.

— Элита Земли, блин, никто, кроме нас, а на банальных крючках экономят, — проворчал я, стягивая лишние шмотки. Ладно хоть в ботинках идти не надо, выдали стандартные шлёпанцы массового производства Поднебесной. Благо, что не кислотно-розовые, а нормальные тёмно-серые.

На автомате уложив вещи привычной стопкой первой очереди, пошлёпал обратно в душ,

пока соседки не перехватили.

На выходе тоже столкнулся с казусом. На базе было как: сгонял в ванную, там же и вытерся и оделся. А тут... По привычке обмотав полотенце вокруг бёдер, долго пытался понять, чего это у меня мозг как-то нездорово клинит. С трудом, но дошло — с голой грудью рассекать, пусть и по блоку, не есть хорошо.

Ладно. Доверимся рефлексам. Главное — мысли из башки выкинуть подальше и не пущать до тех пор, пока ситуация не разрулится.

И — стоило только освободить мозги от малейших признаков мыслительной деятельности — тело само сдёрнуло полотенце с пояса и легко и изящно обернуло вокруг груди. Хмыкнув, изучил нехитрую конструкцию и, сняв её, попытался повторить, будучи в здравом уме и твёрдой памяти.

Хрена там.

Ну вот что за особая женская магия, а?

Делаю всё так же, даже уголок заправляю ровно там же, где и в предыдущий раз — а оно или на грудь давит и соскальзывает при первом же вдохе, или же сразу норовит упасть к ногам.

Бес с ней, с этой магией. Вновь подавив когнитивные функции, прикрутил полотенце как надо. Повертелся. Сидит удобно, нигде не давит, соскользнуть не угрожает.

— Магия...

Вернувшись в комнату, уселся на кровать и, вооружившись расчёской и зеркальцем, принялся наводить порядок на голове.

— Карина, как думаешь, нас на медосмотр завтра погонят? — при мысли о новом посещении гинеколога всего передёрнуло. В прошлый раз повезло, что у Элис оказалась нужная специализация и, в отличие от сомнительного "ыксперда по Девам Флота", куратор провела все процедуры легко и непринуждённо, не заставляя себя чувствовать трахнутым в особо грубой и жёсткой форме при каждом её движении.

— Я бы на это не надеялась, у медчасти транспорты характерные стоят, для перевозки хрупкого высокоточного оборудования. Это день-два на монтаж, как правило. Так что можно пока отдохнуть.

— Я что-то сильно сомневаюсь, что нам позволят вариться в собственном соку оставшееся до учёбы время. А учитывая поведение некоторых наших будущих сокурсниц — поставил бы на полосу препятствий в полный профиль.

Свирь, поднявшись с кровати, стала собирать мыльные принадлежности:

— Знаю. Стандартная отсечка самых альтернативно-одарённых и изнеженных. Если на уровне Империи — дури сходу поубавит в разы.

Окинув взглядом небогатое содержимое бельёвого отдела шкафа, Карина вытащила полотенце и начала раздеваться.

Наверно, в спецрационе канмусу присутствует какой-то женский аналог брома — вот смотришь на подтянутое, стройное тело с прекрасно сформировавшейся высокой грудью, изящным изгибом спинки, длинными, умопомрачительно стройными ножками и упругими, на диво округлыми ягодицами, прикрытыми короткими шортиками без дизайнерских изысков — мягкого зелёного цвета — в тон цвету глаз — и... Никаких острохарактерных реакций организма. Простое, чистое, незамутнённое наслаждение от возможности лицезреть красивую девушку. Сплошь эстетика и ничего животного.

Проводив взглядом кусочек совершенства, каким-то чудом заброшенный в этот бренный

мир, с удовольствием отметил отсутствие каких-либо признаков возбуждения. Нет, определённо, если и дальше так пойдёт, то на такой расклад я вполне согласен. Всяко лучше, чем терроризировать ни в чём не повинную соседку по комнате.

Убедившись, что волосы достаточно просохли, перепроверил будильник в часах и с чистой совестью завалился спать.

Чую, завтра будет весело.

Отбраковка

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно случайно, лишить ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившись — пролистать до следующего эпизода.

Не клюнувшим на алерт — влкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

Кому доводилось бывать в той же Одессе в самый пик июльской жары, когда даже в тени мысли плавятся в единый малоподвижный комок, а ледяное пиво на открытом воздухе подбирается к точке кипения за жалкий десяток минут... Тот всё равно не поймёт всей фееричности лютого песка, внезапно подкравшегося и сцапавшего за жопку часть излишне расслабившихся после политесов с Адмиралом Дев Флота.

Да, канмусу утомить — задача малореальная, но — заменившая сегодня Нагато Влада с поставленной задачей справлялась на ура.

Начиналось всё невинно и даже благообразно.

Побудка, доклад старшей по этажу о личном составе, построение перед общагой — строились вообще все, даже матёрые старшекурсницы, — потом мыльно-рыльный получас, завтрак — и дежурная по общаге с нездоровой кровожадной ухмылкой, тщательно припрятанной в тени короткого козырька кепки, сдаёт нас в нежные ручки систершипа Анны — линкора Мутсу.

Вот такой вот крен сумеречной логики той неведомой хрени, что додумалась связывать тела подростков и корабли. Два линкора Японии времён Второй мировой — русские красавицы.

Увидев Владу, сёстры как-то очень тихо и неопределённо пискнули, и — с зашкаливающим энтузиазмом приступили к отработке команд линкора.

Мутсу отрапортовалась как младший инструктор по ФИЗО и, сверкая невозможной зеленью глаз и совершенно невинно улыбаясь при том, мягким, даже ласковым голоском, от которого ощутимо зашевелилась вся та небогатая растительность, что осталась при мне после принятия аватарства, обрадовала: на обед можем сегодня не рассчитывать.

Начали с "лёгкой" разминки по версии канмусу — отсюда и до обеда. К полудню, когда солнце совсем выбралось в зенит и даже тот ветерок, что создавался энергичными махами, уже не спасал, Влада, задававшая ритм и скорость разминочных упражнений, недобро ухмыляясь, махнула в сторону дорожки, теряющейся за дальней гранью плаца среди густых деревьев — и скомандовала бег.

Сама, впрочем, встала параллельным курсом и сходу задала темп.

Начали с иноходи, как-то незаметно добравшись до полноценного галопа — да в нём и остались. И галоп — вовсе не преувеличение. Среди будущих первокурсниц наблюдалось

немало вполне себе таких конкретных, не по возрасту физически развитых лошадок, способных составить в плане телосложения серьёзную конкуренцию той же Нагато. Эти же кобылки косились на Владу и совершенно аутентично полуфыркали-полуржали — как понимаю, девицы с какой-то радости взяли в голову, что размер груди напрямую связан с калибрами и рангами. Систершип по этим параметрам довольно чувствительно проигрывала Анне, а акселераткам — тем более, но, судя по всему, непомерно раздутое ЧСВ не по чину наглых девиц её нисколько не волновало.

Бежать галопом по пересечённой местности — то ещё удовольствие. Особенно когда жара и полное безветрие. И солнце буравит прямо в темечко нещадно нагревающейся тёмно-синей форменной кепке.

Ногам тоже не очень-то комфортно — всё же ботинки высокие, шнуровка тугая и о вентиляции тут остаётся только мечтать. С другой стороны — утром успел в чистые стопы втереть несколько горошин пасты, да нацепил носки из выданных — добротные, без синтетики, с уплотнённой подошвой повышенной впитываемости.

Бежишь, мысли где-то в эмпиреях летают, ноги сами несут — и вполне уверенно. Скатиться в бочажок и, не снижая скорости, выбраться по другую его сторону? Не вопрос. Перепрыгнуть траншею или противотанковый ёж? Не проблема. Даже просочиться через вразной насыпанные бетонные болванчики, похожие на переевший стероидов "чеснок" — влёгкую.

Тем более что инструктор подаёт личный пример, ещё и укоризненно так отчитывает особо ворчливых. И — без мата. Но, как ни странно, до адресатов всё равно доходит быстро.

Минут через полчаса начал замечать нездоровое шевеление в бегунах.

— В точности по имперским стандартам, — поравнявшись со мной, с довольной моськой оскалилась Свирь. — Лапки потеть начали во всяких модных носочках. К концу забега гарантирую кровавые мозоли и, если кому особо не повезёт, серьёзные лишние отверстия, может, даже до костей.

Дышит при этом ровно, с дыхания не сбивается. Явно дружит со спортом.

— А чего там модного?

— В этом году самый шик — носки с содержанием шёлка до пятидесяти пяти процентов, с мозаичным рифлёным орнаментом в двух-трёх тонах. Рифление — из усиленной шёлковой нити.

Нет слов, одни междометия.

— Ещё минут тридцать бега, — белозубо улыбается Карина, — и эти цветочки начнут мутировать в кактусы. Как раз остальной организм раскачается и начнёт активно потеть.

Не снижая скорости, повертел головой. Ага, белокурая макушка почти в самом арьергарде мелькает — на уровне грудей тех самых акселераток, кои, похоже, твёрдо решили показать, у кого на этой полосе калибры больше. Дуры малолетние, чесслово.

— За Викторией бы присмотреть... Совсем ведь дитёнок ещё.

— Первую половину Марина мониторит. За егзой — отдельно наблюдает, не бойся.

А я и не боюсь. Девчонка лёгкая, малогабаритная — килограмм под тридцать пять если веса в ней вместе с ботинками наберётся — уже можно считать хорошо упитанной, — такую и на закорках дотащить не проблема — с нынешними-то физическими параметрами, уходящими далеко за пределы обычных человеческих возможностей.

И мы бежим дальше.

Свирь права — тело начинает активно потеть. Волосы на висках и загривке мокрые, топ

и лёгкая хабэшная куртка насквозь на спине промокли, спереди чуть получше, но сугубо за счёт встречного напора воздуха. Про последние девяноста вообще молчу.

А часть бегущих постепенно сбавляет темп — на лицах мученические гримасы, и рисунок бега какой-то дёрганный.

А Влада, видя активно сдувающихся бегуний, резкими командами взвинчивает темп.

Начинаю догадываться. Где моднявые носочки, там и до не менее моднявого нижнего белья недалеко.

Чуть ускорившись, нагоняю Карину — Свирь бежит с невидящими глазами, с совершенно отвлечённым выражением лица.

Чувствую — нельзя отвлекать.

Через пару минут медсестричка выныривает из транса:

— Да, Ника?

— Ты прям настоящий пророк, — киваю на сочащиеся ощутимо густыми эмоциями страдания спины первой линии.

— Куклы пустоголовые, таких везде хватает, — пожимает плечами Свирь. — Кураторы всегда разъясняют этот момент, но, как видишь, некоторые считают, что они умнее всех.

— Думаешь, сойдут с дистанции?

— А кто им позволит? — как-то зло и колюче откликнулась Свирь. — Мозгами шевелить надо, а не сиськами мериться.

— Втухание чую...

— Во-о-от, — тихо рассмеялась Карина. — Вчера только в падаваны записалась, а сегодня уже ближайшее будущее видишь.

— Как правило, за отдельных строптивых влетает вся группа, — на несколько секунд замолк, сберегая дыхание на банальной дорожке из шин.

— Воспитательный элемент, — проскочив препятствие, назидательно подняла палец вверх Свирь. — Как в анекдоте: добровольно и с песней!

А потом стало не до шуток.

Почти треть группы хромала, попеременно едва не сходя на шаг, а пара особо отличившихся и вовсе — со слезами на глазах плюхнулась в придорожную пыль с явным намерением сдохнуть на месте.

Осмотревшись, убедился, что все знакомые Девы вполне в порядке и попыток сойти с дистанции не предпринимают, чуть сбавил ход.

— Сопли втяни, красавица, — остановившись рядом с сидящей растрёпанной девчонкой, протянул руку.

Ноль реакции. И глаза пустые.

— Аллё, на баркасе, буксир принимай, — легонько, прекрасно помня содержание фото, похлопал по щекам.

— А? Что? — голос страдальческий. — Дайте мне умереть...

— В санчасти стенать будешь, — реакция есть, уже хорошо. — Руку давай.

— Зачем?

— Мы не в детском садике. Вопросы потом, — и почти криком: — Руку!

Вздрогнула. Послушалась. Протянула.

Рывком поднимаю с земли, закидывая руку за шей, и, придерживая за бок, задаю темп. Вес особо не ощущается, хотя девочка весьма и весьма хорошо развита. Но лапками шевелит едва-едва. Мы таким ходом к утру если до финиша доберёмся, уже хорошо будет.

Слева от молча глотающей слёзы девчонки выныривает одна из девушек, стабильно и ровно державшихся в хвосте колонны с самого старта и, кивнув, подхватывает страдальцу со своей стороны. Рост у нас с ней примерно одинаковый, так что развесовка не хромает, а бежать становится гораздо легче. Впереди схожая картина — Грейс в паре с незнакомой ярко-рыжей девушкой подхватывают упавшую на дальней стороне обочины, и, взвалив безвольное тельце в потемневшей от пота форме на плечи, неторопливо набирают заданный инструктором темп.

Вот скажи кто, что две модельного телосложения девицы смогут тащить на плечах третью, при том держать темп основной колонны — не поверил бы.

А так — вполне уверенно буксируем, а подопечная, совсем спёкшись, безвольной куклой висит на нас и не дёргается, что, в принципе, есть довольно хорошо — всяко лучше, чем постоянно контролировать, куда ставить ногу и избегать зацепов.

И мы бежим.

Форма мокрая насквозь. Если бы не подклад кепки, то и глаза давно бы уже залило едкой солёной влагой.

Периодически рядом мелькает на удивление свежая Свирь, находящаяся в состоянии, близком к трансу, и тогда по телу разливается странное ощущение бодрости и лёгкости. Проведя накачку, медсестричка уходит к следующей троице, и ещё к одной...

Транспортируемая иногда слабо шевелится, но попыток перебирать копытцами не предпринимает — соседке хватило разок раздражённо шикнуть, чтобы девчонка поняла всю глубину своего положения и больше не отсвечивала.

Солнце уже почти докатилось до горизонта, когда забег всё же кончился.

— Стройся!

И мы пытаемся изобразить шеренгу перед Мутсу.

Чуть покачивает, в ботинках — хлюпает. Мокрая одежда липнет к телу, неприятно холодя разгорячённую кожу. При этом, что странно, дыхание всё равно спокойное и ровное, будто и не месили пыль перекопанного полигона с полудня, а совершали послеобеденный променад по парку.

А девчонку ноги не держат. Упорно пытается встать хотя бы враскоряку, максимально разведя в стороны бёдра, шипит, молча глотает слёзы — и падает. Почти падает. Мы-то её не отпускали.

Влада окидывает ощутимо стальным взглядом нашу кривую шеренгу.

— Инвалидский спецназ — батальон "Боевые протезы"[1], - с неприязнью цитирует Мутсу старую песню. — Инструкции для слабаков?

Наша ноша вздрагивает и старается виновато опустить голову ещё ниже. Радует, что небезнадёжная.

Какая-то из акселераток прямо из строя пытается качнуть права. И, едва успев сказать пару слов, вылетает из шеренги спиной вперёд. Боковым зрением только и успеваю увидеть мелькнувшие пыльные ботинки с как-то по-клоунски заправленными в них посеревшими штанинами, да размытый росчерк уже вернувшейся на место Влады.

— Ещё желающие есть? — жёсткий взгляд. Я и не знал, что нежная зелень глаз может быть настолько холодной. Под этим колючим взглядом, медленно обводящим строй, очень сильно хочется на горшок. Ибо там — всяко безопаснее, чем рядом с этой стройной зеленоглазкой. — Выскочка, в строй.

Чуть выпрямив спину, краем глаза вижу, как любительница прав и свобод, бережно

держась обеими руками за живот, пошатываясь, ковыляет обратно.

— Для особо непонятливых поясню: демократия, толерантность, права и прочие сомнительные дары свободного и прогрессивного человечества остались для вас за забором в тот момент, когда вы пересекли КПП Школы. Старшая группы — доклад.

И — тишина. Не организовались ещё по ранжиру и толкового старшего не назначили.

Но — сестрички удивили. Короткий шаг из рядов, и Марина, вытянувшись во фрунт, звонким голосом начинает:

— Докладываю. Старшая группы в данный момент не назначена. Согласно Уставу ВМФ РИ, докладывает старший вымпел ордера медицинского сопровождения. Курсант Марина, ГС Обь, — и, дождавшись одобрительного кивка, продолжает: — Сошедших с дистанции нет. Группа в сборе. Трём единицам требуется неотложная медицинская помощь. Ещё четыре имеют некритические повреждения организма, вторая очередь.

— Вольно, Обь. Отр-р-ряд — смир-р-рно! Слушай мою команду. В колонну по три станю-ись! Обь — за старшую. Всем в душ и на ужин. Для трёхсотых — организовать временный лазарет в пустующих блоках общежития. Контроль беру на себя. Вольно.

Почему тройная колонна, когда в таких случаях положено по две? Очень просто: носилок нет, а модницы на ногах стоять тупо не могут.

— Отряд, внимание! — командует Марина. — Все свободные — за Мариной, ГС Свирь. Раненые и сопровождение — за мной.

— ГС Обь, — доносится в спину ровный голос Влады. — После ужина — ко мне на доклад.

— Есть после ужина на доклад, — довольно сверкает зеленью глаз Марина и, поторапливая нас, во главе разделившейся колонны направляется к общаге.

Шёлк — это по-нашему

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно случайно, лишить ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившись — пролистать до следующего эпизода (отмечен знаком ***).

Не клюнувшим на алерт — вэлкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

То ли старшую по общаге уже предупредили, то ли та и без того была в курсе методик обучения Влады, но — при нашем появлении адъютант старшей сопровождала нас в пустой блок на первом этаже.

Этот отличался компоновкой жилой части — две комнаты на четырёх человек, отдельный санузел и вместо душа — квадратная ванна метр на метр с невысокими бортами.

Кровати... Да какие, к чёрту, кровати? До боли знакомая решётчато-ячеистая конструкция с плотным, почти не гнущимся матрасом поверх. Таких — три, четвёртая — на довольно высоких ножках, поверх пружин — лист ДСП в пару пальцев толщиной, скромненько прикрытый тонким матрасом.

— Раненых на стулья. На постели не укладывать. Присмотрите, чтобы не упали, — отдав распоряжение, Обь на несколько минут покидает комнату, а возвращается уже с набедренной малой аптечкой и связкой рулонов в пластиковой упаковке под мышкой.

Первым делом из аптечки достаёт вытянутый баллон и аэрозолью из него тщательно

обрабатывает матрас самой высокой койки и руки. Отчётливо пахнет антисептиком и спиртом. Следом из свёртка достаётся рулон с зелёным уголком, надрывается, и бледно-зелёная водостойкая простынь накрывает ложе.

Марина, прищурившись, обводит пострадавших взглядом похолодевших зелёных глаз, и указывает на всё ещё пребывающую без сознания девушку, сопровождаемую Грейс и рыжей.

— Одежда?

— Куртку. Остальное — как уложите.

А на стуле расплывается красное густое пятно.

Обь ловко снимает с уложенной девушки ботинки, носки и штаны.

Епздец феерический. Вокруг развилки просто нет живого места. Под ярким светом ламп дневного освещения кровь выглядит почти чёрной — и на её фоне ярко-красным выделяется раздражённое мясо, выглядывающее через разошедшуюся кожу.

— Кто блеванёт — будет до конца курса каждый день, без выходных и праздников, чистить санузлы во всей общаге. Зубной щёткой и до блеска, — и сейчас ничто в моторике и мимике девушки не напоминает о её юном возрасте. Словно закоренелый, матёрый хирург, большой и угрюмый, смотрит её глазами на нас.

Отточенным движением Марина извлекает из аптечки длинный толстый пенал, тот раскладывается в этажерку с несколькими стеллажами. Достает, не глядя, ножницы и пинцет и, мурлыкая под нос какую-то смутно знакомую мелодию, начинает деловито срезать с пострадавшей узкие полоски нижнего белья.

Слава Тьме, что хватило мозгов подобное не приобретать не смотря на все старания и крайне убедительный голос продаванки.

Месиво.

— Смотрите и запоминайте, — говорит Марина, и, ловко орудуя ножницами и пинцетом, начинает извлекать из тела незадачливой Девы останки трусиков. Именно из тела — шёлк, и сам по себе не приспособленный к растягиванию, в усиленной версии вообще мало чем отличается от стальной проволоки, а натёртые, раздражённые ткани организма имеют неприятное свойство опухать и расширяться. Как результат — игривого покроя стринги легко и непринуждённо засели в околопаховой и филейной части.

Рыжая, побледнев, просит разрешения на продышаться и, дождавшись разрешающего кивка госпитальера, пулей вылетает из комнаты.

Уложив орудия на невесть откуда и когда появившуюся марлю, сложенную в несколько слоёв, Обь достаёт ещё один баллончик. Грейс, бледноватая, но смелая, ассистирует медсестре, без видимых усилий поворачивая бессознательное тело. Аэрозоль густой массой оседает на повреждённых тканях, и, испуская отчётливо металлический запах, густеет на ранах, буквально в считанные секунды закрывая непредусмотренные базовой конструкцией отверстия быстро темнеющей, маслянисто поблескивающей плёнкой.

Не дожидаясь распоряжений и рискуя стать жертвой инициативы, пяткой кисти вдавливаю колпачок аэрозоля и обрабатываю руки. Закончив с антисептиком, забираю из связки пластиковую упаковку с белым уголком — и иду застилать койку. Наша девчонка сидит с самым подавленным видом и, судя по трясущимся коленкам и опухшему носику, пытается понять, настолько ли у неё всё плохо, и если да — то как не зареветь? Падать в обморок не собирается, и то хорошо.

Управившись с первой, попутно и две оставшиеся застелил. Ну а что? Мне не тяжело, а Марине всяко меньше раздражения и дёрганий.

Смыв остатки крови с медленно приходящей в себя девушки, Обь командует нам перенести её на койку. Рыжей ещё нет, а я ближе всех — так чего бы не помочь?

Следующей идёт наша бедолага.

Скидывает куртку и трясущимися руками, не вставая со стула, пытается справиться с застёжкой ремня.

— Балда, — фыркает напарница и, присев перед девчонкой, стаскивает с неё обувь. — Через голову штаны снимать собралась?

Но — одежда снята и жертва моды уложена на продезинфицированную простынь.

И всё не так плохо. Всего лишь массивные натёртости, пара водянистых мозолей да общая припухлость близлежащих тканей.

— Ну, слава богам, что у тебя мозгов хватило не натягивать стринги, — на удивление добро улыбается Марина. — Но выбор белья — так себе, незачёт. Слишком много синтетики. Урок запомнен?

— Д-да, — не говорит, буквально пищит перепуганная девушка.

Большого труда стоит не рассмеяться: суровая медсестричка многозначительно поигрывает пинцетом и ножницами, с каким-то исследовательским интересом изучая подопытную.

— Не бойсь, — усмехается Обь. — Эту тряпочку и без разрезов снять можно. До утра отлежишься, потом отправим дежурную в хозсанчасть, раздобудем тебе детской присыпки. Если в туалет надо — говори сейчас, пока есть кому тебя сопроводить туда и обратно.

— Н-н-не х-х-хочу, — заикаясь, мотает головой.

— Ты откуда, вся такая испуганная, взялась, дитё?

— Н-н-ночью прибыла.

Взгляд Марины заметно смягчился.

— Куратор информацию по одежде довёл?

— Д-д-да.

— Так чего же в синтетике прибыла?

— Б-б-багаж потеряли в аэропорту...

Я покачал головой: бред же полный. Хоть и смутно всё в памяти осело, но — багаж сами выгружали, тащили сами — как и, главное, где — его можно просохатить на площадке, на которой количество камер и сканеров превышает все мыслимые пределы?

— Ну вот где можно потерять багаж? Там же три человека в зале не разойдутся, не столкнувшись, — видимо, Обь решила выпытать всё из девчонки, пока та от шока не отошла.

— В-в-вы п-п-про как-к-кой аэропорт?..

— Зайка, хватит заикаться. Чай, не аппендицит тебе без наркоза вырезать будем... — в глазах госпиталяера начало протаивать понимание. — погоди, ты что, гражданским транспортом прибыла?

— Т-так точно, госпожа медикл офицер! — И впрямь, собралась с духом и даже буквы реже дублирует.

История девчонки оказалась проста и весьма неприятна. Выходец из какой-то Тьмутаракани, затерянной между сферами влияния Школы Сидней и Школы "Дом морей". Самоинициировалась, но, ввиду лакуны в сети сенсоров и отсутствия на родном острове хоть каких-то специалистов, имеющих отношение к тематике канмусу, два года прожила жизнью обычной школьницы. Ну, почти обычной. На физическом воспитании не уставала, кушала всякую гадость, кою требовал организм, втайне от чужих глаз, чтобы с ней не

провели обряд изгнания демонов особо фанатичные аборигены. А потом кто-то из имеющих доступ к интернетам во время очередного наводнения заснял девчущку, спокойно бредущую по воде между макушками придорожных кустов и фрагментов не до конца утонувших автомобилей, при том полностью игнорирующую чудовищное течение...

Так о ней узнали в родном правительстве, и, видимо, пришли к выводу, что лучше добровольно сбагрить Деву Объединённому флоту, чем долго и нудно объясняться с вояками ООН, почему сенсоров нет и вообще по данному направлению всё грустно и печально, взяли самый дешёвый билет — оказалось, до Токио долететь дешевле, чем до Сиднея, несмотря на значительную разницу в расстояниях в пользу последнего — вручили на прощание баул со скромным набором сменки, кратко проинструктировали и вежливо распрощались с обузой.

— Так чья ты аватара, Зайка?

— Н-н-не могу з-з-знать, госпожа медикл офицер, — и разревелась.

Так бы все и стояли и хлопали глазками, пытаюсь сообразить, как такое Чудо-Юдо вообще может существовать и каким образом успокоить, да подоспела гвардия.

— Капитан медицинской службы Школы "Дом морей" Киао Ин, — азиатка в белом халате, говорящая на чистейшем русском, стремительной молнией буквально втекла в комнату, на ходу распаковывая стерильный пакет с перчатками. — Ён, Сато, ящик в нулевую.

Следом за ней вошли ещё две женщины, на вид — чуть моложе самой капитана, и, синхронно сбросив с плеч горбатые рюкзаки полевых аптечных модулей, споро начали цвиркать зип-застёжками, греметь железом и шуршать проводами.

— Курсант Марина, ГС Обь, — вытянулась медсестричка. — Докладываю: первичная диагностика по результатам ФИЗО выявила трёх Дев с серьёзными повреждениями кожных поверхностей паховой и ягодичной областей. Детальный осмотр пациента номер один показал: множественные повреждения кожного покрова механического непроизводственного характера. Мышцы, связки и крупные кровеносные сосуды не повреждены. Имеется общая опухлость и раздражение прилегающих тканей. Раны обработаны и закрыты "липучкой" алеф-класса...

— Вольно, девочка, — отмахнулась капитан и, бросив короткий взгляд на Зайку, быстро прошла до первой девушки.

— Каждый год одно и то же, — заглянув под приподнятую простынь, посетовала Киао Ин в потолок. — Как будто инструкции пишут для галочки. Ну, хотя бы без интимного пирсинга и декоративного металла в белье, и то хлеб. Молодец, Марина, плёнка легла как надо. Да и ранки неглубокие, быстро поправится. ФИЗО кто вёл, Анна или Влада?

— Влада, — с явной неохотой призналась Обь.

— Тогда странно, почему пациенток всего три, и ни одной с обширными гематомами.

— Простите, капитан?..

— Из года в год у молодых да преждевременно спелых моча промеж ушей закипает, то про права вспоминать начинают без разрешения старшего по званию, то в открытую вызов инструкторам бросают, то пытаются в укромном месте втихаря толпой объяснить, у кого калибр главнее и термоклин уже. Заканчиваются все эти метания отчаянных да буйных, вполне естественно, койко-местом в лазарете.

Вернув простыню на место, капитан приподняла веко пациентки и, удовлетворившись результатом осмотра, уже не торопясь прошествовала к третьей неудачнице.

Марина, покосившись на как-то подавленно выглядящую Зайку, кивнула чему-то

своему:

— Сопровождающие, — глянув на изящные часики на запястье, хмыкнула. — На ужин не успеете, если сейчас в душ пойдёте. Пятиминутный перекур, никуда не расходитесь, ждёте меня. Всем спасибо. И да: не забываем промывать руки тщательно и с мылом. Особое внимание ногтям. Вольно.

***

Густой запах зелени почти оглушил. После комнаты, заполненной запахами антисептиков и медицины, дышалось на удивление легко и свободно.

Покосившись на остальных сопровождающих, переминающихся в ожидании Марины с ноги на ногу, последовал в курилку за Грейс.

Огороженный пяточок располагался аккурат за общагой, в закутке, образованном основным зданием и одноэтажной хозпостройкой причудливо ломанной формы. Три лавочки буквой П, массивная урна-пепельница, похожая на распиленный пополам бублик, с цветочной кадкой по центру. В кадке — яростно колосится множеством длинных листочков какой-то незнакомый цветок. Вокруг — можжевельниковые кусты.

— Угостишь?

Немка протянула чуть смятую твёрдую пачку жёлто-бронзового цвета и зажигалку. По центру нарисован какой-то герб со свитком, основательно погрызенным щитом и перекрещенными копьями, и над ним полукругом на гибриде кириллицы и латиницы название "Злата Герцеговина". Средней крепости, с фильтром.

Осторожно прикурив от пляшущего язычка огня, вернул вещи хозяйке.

— До сих пор трясёт, — пробурчала Грейс, безуспешно пытаясь синхронизировать руки и сигарету.

— Давай помогу, — забрав зажигалку, подпалил никотиновую палочку, крепко сжимаемую жемчужно-белыми зубками.

Жадно затянувшись, немка зябко обняла себя за плечи:

— Николь, вот как можно быть настолько безмозглыми?

Примостившись на лавочку, с удовольствием вытянул ноги. Сейчас бы сбросить ботинки, да босиком пробежаться по зелёному ковру, а потом по приятному влажному песку берега...

Эх, мечты, мечты.

— Мне показалось, что тебя больше вид крови напярк.

— Да ладно — кровь, как будто не видела её никогда, — хмыкнула аватара Гнейзенау, задумчиво глядя на мелко подрагивающие пальцы и пляшущий в воздухе хвостик дыма. — Я таких дырок в теле вживую просто раньше никогда не наблюдала...

В две затяжки сократив сигарету на треть, девушка неторопливо выпустила длинную струйку сизого дыма.

— Нет, вру. Петер был, ему какой-то араб ножом грудь при ограблении распластал. Но там-то ладно, полоска в три с небольшим сантиметра, да в глубину — только мышцы чуть-чуть разрезало. Но вот чтобы так, вкруговую... — прикурив от внезапно закончившейся сигареты вторую, Грейс точным движением отправила окурки в урну. — Зачем нам вообще этот забег сдался? Мы же, вроде как, боевые корабли, а не морпехи?

Я пожал плечами:

— Думаю, это прогон на сплоченность. И попутный тест на выявление самых неадекватных или психованных. По крайней мере, я бы так и сделал, получив на руки толпу девочек-ромашек, у которых извилины на полушариях только-только начинают прорисовываться, а ликвор благополучно заменяется адской смесью гормонов и невхерственного чувства собственного величия. Как же — да ведь мы, да ведь цельные боевые корабли, да нам пятки целовать должны, да что пятки — в клюзы взасос обязаны! — и добровольно во всяких не очень публичных местах вылизывать...

Гнейзенау тихонько рассмеялась:

— Я как-то не пыталась думать с такой точки зрения... Спасибо за пищу для размышлений, Никки.

С сожалением дотянув последнюю затяжку на удивление мягкого и ароматного табака, погасил окурочок о подошву ботинка и поднялся:

— Идём?

Птички-ёжики

После усиленного ужина всю ораву погнали на вечернее построение. Марина, дотащив нашу группу до плаца, передала с разрешения Нагато полномочия сестре и, козырнув, идеально печатая шаг, отправилась на доклад.

Честно — ожидал разбор полётов, жёсткий и без предварительных ласк.

Но — обошлось. Анна объявила благодарность за проявленную инициативу и находчивость в отношении менее устойчивых товарищей, официально повесила на любительницу разговорчиков в строю позывной "Выскачка" и скомандовала вольно.

Добравшись до общаги, с ходу ломанулся в душ. И, матерясь под нос, поплёлся обратно — раздеваться. Вешалок за день, увы, не прибавилось.

Зато в комнате нашлась обновка — несколько нерационально установленный под обеденным столом по-казённому угловатый шкаф сушилки для обуви со сменными пакетами поглотителей запаха. Ну, в принципе, логично. Сырая обувь бойцу энтузиазма не прибавляет, равно как и чарующий аромат потных ног, будь они хоть трижды девичьими.

Из душа вернулся довольным и даже приободрённым: тщательный осмотр стоп и прилегающих к тазу окрестностей ни раздражения, ни мозолей не выявил. Развесив на модульную сушилку, установленную за окном, постиранное бельё, забрался с ногами на кровать и приступил к войне с волосами.

Свирь, всё это время с самым сосредоточенным видом заполнявшая разлинованную в сложноструктурную таблицу тетрадь, с довольным видом черкнула пару строчек в самой последней графе и, зевнув, вытянулась на кровати.

— Вопросы, падаван юный, чую накопились ко мне у тебя, — старательно пародируя зелёный гибрид гремлины и чебурашки, известный под оперативным псевдонимом "магистр Йода", протянула Карина.

— Есть такое, — отложив расчёску, уставился в окно. Стемнело, по набежавшим со стороны океана низким облакам жадными лапками шарят дальнобойные прожекторы комплексов береговой обороны, приятная прохлада солоновато-йодистого ветерка врывается в приоткрытое окно, наполняя комнату иллюзорным плеском волн.

— Что там с любителями стильных носочков?

— А, ерунда, — усмехнулась Карина. — Подвижность же не потеряли. Ткань в кашу — пот канмусу с повышенным содержанием гемоглобина и органики в следовых количествах — растворяет любую тряпку. Мозоли с палец, у очень удачливых — пара весьма забавных

для хирурга рассечений. "Липучкой" Марина зальёт, спецужин сгрызут — к утру только немного хромоты останется.

Пошевелив пальцами вытянутой ноги, попробовал представить, где и, главное, как надо рассечь кожу, чтобы заинтересовать профильного специалиста по кройке и шитью человеческих организмов, и, так ничего путного и не сообразив, повернулся к Карине:

— Или лыжи не едут, или я чего-то не понимаю. Если судить по фото, предоставленным Адмиралом, в нас, вот таких вот крошечных, каким-то образом умещён полноценный корабль. По крайней мере, по моменту силы, скорости хода и выносливости — где-то запредельно далеко от людей. При... кхм... Пробуждении..., - чувствую, что от смущения щёки краской наливаются, а поделаться ничего не могу, — в общем, было ощущение, что кожа корабельному бронепоясу по прочности не уступает. Так почему обычное человеческое бельё калечит нас едва ли не сильнее, чем Глубинные?

— Ника, ты комиксы прошлого века какие-нибудь знаешь? — начала издали Свирь.

Заглянул в память. Девственно чисто. Никаких откликов или ассоциаций.

— Вроде бы нет...

— Да не особо и важно, не напрягайся так, — улыбнулась Свирь. — В те времена, когда ОША ещё назывались США, весьма популярен был комикс про последнего жителя планеты Гриптон, Ак Ына, которого спасли родители, ещё младенцем отправив на Землю. Впрочем, сюжет не важен. Важны его способности. Ак Ын, как единственный и последний наследник своего мира, получил в своё полное распоряжение некое поле Алт Ына, которое помогало его народу выживать на родной, но оттого не менее негостеприимной планете.

— И?

— Это поле, сосредоточенное исключительно в границах его тела, давало ему огромные способности, выходящие далеко за рамки возможностей людей и их вооружений. Запредельная выносливость, устойчивость к внешним повреждениям, от которых обычного хомо сапиенса распределит равномерной молекулярной взвесью по огромной площади, многократно увеличившаяся сила... Ничего знакомого не замечаешь?

Я потряс головой, словно от этого нехитрого действия паззлы в мозгах способны быстрее сложиться.

— Раз уж у нас, как у себя по хате, сначала шастал Туманный флот, а потом Глубинный — и в девочках стали воплощаться корабли... Ты хочешь сказать, что у пиндосов был свой оракул, предсказавший весь тот бред, что происходит сегодня во всём мире?

— Ты не в ту сторону копаешь, Ника, — вытащив из несессера маникюрные ножнички, Свирь кинула их в мою сторону. — Попробуй отрезать несколько волос.

Пожав плечами — всё равно подравнять надо — выставил зеркальце на стол и на скорую руку удалил неряшливые "зубчики", выбивающиеся из общей линии канта причёски.

— Позволишь? — забрав у меня ножницы, Свирь молниеносным движением отделила несколько волосков от пряди, спускающейся с виска, и, прицелившись где-то посередине, быстро свела кольца.

Негромко хрупнуло, раздался звонкий металлический звук, словно лопнуло что-то — и, приоткрыв рефлекторно зажмуренные глаза, вижу в руке Карины рычаговую часть инструмента. Лезвийная — в виде мелких осколков — украшает собой уголок стола, часть кровати, ногу и пол.

— Вот такие дела, Ника.

Помогая собирать осколки, добавляет:

— И с одеждой нечто схожее происходит. До сих пор не выяснено, ни на каком конкретно расстоянии заканчивается зона личного поля, ни из чего это поле состоит и чем именно генерируется, ни того, как долго и каким образом воздействует на близлежащие предметы. Но одно знаем точно: одежду, прилегающую непосредственно к телу — повредить обычными методами невозможно, но эта одежда — находясь на нас — влияет на наши тела, как на совершенно обычные. Наденешь синтетику, познакомишься с опрелостями и раздражением кожи, взбрѣдѣт в голову модное неудобное бельѣ использовать — познаешь изысканную радость натѣртостей, мозолей, а так же поверхностных и проникающих ранений в самых, так сказать, интересных и сладких местах. С другой стороны — можешь хоть автобан поперѣк перебегать или под танк ложиться — и причѣску сохранишь, и пуговиц с формы не растеряешь.

— Ерунда какая-то... То есть, если мне в лоб пулю пустят — даже не моргну?

— Моргнѣшь — рефлексы побороть сложно. Но — даже ссадины не будет. А вот инерция этой пули и еѣ импульс, переданные в кости черепной коробки, как довольно высоко отстоящей от центра тяжести тела — гарантированно если и не кувыркнут, то, как минимум, пошатаят твой организм в трѣхмерном пространстве координат.

Я покачал головой:

— Выходит, Выскочке ничего не грозило?

— Пф-ф-ф, — усмехнулась девушка. — Да что ей будет? Сильная, но лѣгкая, как птичка-ѣжик, максимум — ботинки в полѣте потеряет.

— А за живот почему держалась?

— Ну не знаю, может, зверски пучило еѣ с утра, или на старых человеческих привычках усвоила, что кулаком в брюхо — это очень больно, и до сих пор от этих привычек не избавилась. Если хочешь, можем за курилку сбегать — там на мне проверишь, как одна Дева Флота переносит удар другой Девы Флота.

Я покосился на Карину. Лицо серьезное, и во взгляде — налившемся стальной серостью — ни капли шуток.

— Тебе — верю. И вообще, Карина, руку на женщин поднимать — неместно для офицера Российского Императорского флота.

Сев рядом, Свирь уткнулась лбом в моѣ плечо.

— Ника, чем быстрее усвоишь, тем будет лучше. Мы — не женщины, мы — аватары кораблей в приятной, но хрупкой оболочке. Вызубри эту истину так твѣрдо, как только можешь, и, обещаю, очень скоро увидишь — в дальнейшем от осознания этого факта тебе будет только легче. Особенно — когда станут выпускать в бои с Глубинными.

— Они-то тут при чѣм?

— Тѣ-о-оплая, — Свирь, хихикнув, потѣрлась носом о моѣ плечо. И прежним тоном продолжила: — Легко потерять соображалку, увидев Дочь Бездны. И благородные порывы тут будут очень своевременным, но неуместным надгробием.

— В смысле?

— Ты фото и видео смотрела в Сети?

— Ага. То, что было в открытом доступе.

Карина, зевнув, с явной неохотой отлипла от плеча и, потянувшись, переместилась на свою кровать.

— Прости, всё привыкнуть не могу, что ты в Консолидации инициировалась. У них Сеть лютые цензоры пасут, ВКФ[1] начала века в сравнении с нынешним положением

просто казачья вольница. Наверняка до сих пор ни видео в высоком разрешении, ни записей боёв, ни подробных исследований не предоставлено. Так?

Я поковырялся в памяти. А ведь верно.

— Дева Флота — это не только боевая единица и подросток в одном флаконе. Это и честь офицеров, и их мировоззрение, и привычки — ставшие единым целым с Духом корабля. И вот, движимая этой самой честью, Дева видит несчастную девушку, выглядящую так, словно её всю жизнь в темнице держали, битую и лomanую, и, в конец озверев, сшили в единое целое с металлоорганическим модулем. И бежит спасать несчастную. И бесславно гибнет в пасти её фамильяра, а зачастую — самые мягкие и вкусные части тела с аппетитом дожираются той самой несчастной и невинно угнетённой.

— А зачем...

— Почему жрут нас? — Свирь как-то зло ощерилась. — Есть весьма правдоподобная теория, что таким образом они собирают материал для собственной эволюции. Им, на самом деле, вообще без разницы, что жрать — металл кораблей, БЧ орудий, бетон и арматуру пирсов, людей или же своих из тех, кто слабее.

Я невольно вздрогнул. Каннибализм — не то явление, для которого у любого уважающего себя человека есть оправдание. Человек может есть акул, акулы могут есть людей. Но человек — человека — это как-то за рамками добра и зла.

— Ничего, Ника, начнётся учёба, нам сольют полный пакет материалов для ознакомления и, будь уверена, даже обладатели самых стальных нервов и титановых желудков не раз расстанутся с пищей при изучении того, что есть Глубинный флот.

Свирь хотела ещё что-то сказать, но короткий стук и тут же открывшаяся дверь прервали её на моменте вдоха.

Давно забытые рефлексy подбросили тело с кровати, и, прежде, чем успел хоть что-то сообразить, оформили меня в стойку смирно. Что забавно, Карину точно так же выметнуло с постели — и совершенно сходным же образом разместило слева от меня.

— Отставить доклад, — усмехнулась Влада, аватара линкора Мутсу, входя в комнату. — Вольно.

Внимательным взглядом насыщенно-зелёных глаз младший инструктор с нарочитой небрежностью и даже некоторой ленцой окинула помещение и, прикрыв за собой дверь, вошла внутрь.

В таком виде — без кепки и с распущенными волосами, Мутсу выглядела просто потрясающе. Форма девушкам редко идёт... И это — то самое редчайшее исключение.

Пока одна часть сознания откровенно любовалась инструктором и при этом контролировала лицевые мышцы, вторая лихорадочно соображала, к чему может придраться начальство, нагрывшее с внеплановой проверкой вверенного личного состава. Как минимум — открытое окно и мятые постели. И, пусть сейчас двухчасовое окно личного времени перед отбоем, если у адъютанта плохое настроение — и до полотенца, заменяющего аккуратно повешенную для просушки форму, догребётся.

— Вы молодцы, мальки, — огорошила Влада и, шагнув вперёд — совершенно внезапно обняла Свирь, с какой-то нежностью взъерошив ей волосы и чмокнув в макушку.

— Если бы Аня не сказала, я бы вас с сестрой так и не узнала, — мурлыкнула Мутсу, продолжая тискать разублабленную девушку.

— Тащ госпожа младший сержант, прикажете удалиться? — выпалил я, вполне соображая, что лишним тут быть несколько некомильфотно.

Влада, вновь зарывшись носом в волосы девушки, сверкнула поверх рыжей шевелюры искрящейся зеленью глаз:

— Николь, не кипиши. Всё порядке, — и отстранившись от медсестры, удерживая ещё на расстоянии вытянутых рук, покачала головой. — Ну вы и вымахали, головастики! Вот же, совсем недавно, пищали и за пояс в прыжке цеплялись... Рада видеть тебя вновь, стрекозка.

...А потом сидели, пили чай с печеньками и полученным спецрационом, я потихоньку отходил от контраста в поведении Влады, а прискакавшая вскоре после инструктора Марина напару с сестрой плотно наседали на уши Мутсу.

Встрепенувшись, инструктор прикрыла глаза, ликом на миг преисполнившись отрешённости, достойной Будды, и, с видимым сожалением покинув занимаемый стул, встала.

— Пятнадцать минут до отбоя, мальки. Засиделась я с вами. И главного не сказала, да.

Влада хитрым взглядом окинула нашу троицу и широко улыбнулась:

— С обеда вас снимают с подготовки. Технари утром заканчивают монтаж новых сканеров, полтора часа плюс-минус час на контрольные тесты, и вам назначено быть первоиспытателями.

— Но, Влада... — дёрнулась было Обь, но наткнулась на серьёзный взгляд младшего инструктора.

— Никаких "но", стрекозы. Ваши старшие продавили повторный скан. С визой советника.

Последнее слово было сказано, вроде бы, и без каких-то ударений или интонационно-смысловых выделений, но прекрасно прочувствовалась опущенная приставка "Особый".

— А тебе, Николь, полный скан пройти просто жизненно необходимо, иначе ничего, кроме тренировок, в активном режиме использовать не сможешь.

Я задумчиво почесал в затылке:

— Вроде на базе в ЕК сканировали же?

— То, что они насканировали по Деве с вялотекущей длительной инициализацией, можно с чистой совестью использовать в туалете. Даже больше толку будет. Анкерам тренировочного съюта без разницы, к чьей структуре прилипать, хоть к ТАРКу, хоть к супермонитору, хоть к ялику какому перекачному. А вот на имперских верфях без нормальных данных тебе варсют делать не возьмутся — доспех-то что, не сложно новый склепать, а вот самоубившуюся на стендовом тесте из-за рассинхрона и сбоя управляющих контуров Деву — не вернуть. Оно тебе надо?

— Рано мне умирать.

— Вот и я так думаю, Николь. Так что никаких "не хочу" и "не буду" — после обеда десять минут на перекурить и оправиться — и ласточками к санчасти.

— Есть к санчасти после обеда, — хорошо так, хором в три глотки, гаркнули, аж в ушах немного зазвенело.

— Дежурных по этажам предупрежу, чтобы после отбоя ещё с полчаса не дёргались — как раз помыться успеете.

— Да не... — попыталась что-то возразить Карина. Безуспешно, впрочем.

— Никаких "нет", стрекозы. Я ваше время отняла — мне его и компенсировать. Добрых снов, мелочь, — и вышла, оставив после себя — по крайней мере, в моём сознании — звук отчётливо рвущегося шаблона. Ну вот просто не увязываются между собой образы сурового и необщительного инструктора и милой, улыбчивой девушки.

Попрощавшись с нами, Марина убежала, а Свирь, широко и открыто, совсем по-детски улыбаясь, отправилась в душ.

Перепроверив надёжность закреплённой за окном одежды, как-то разом ощутил состояние душевного перенапряжения и, оставив не заданные Свири вопросы на завтра, завалился спать.

Дефективная

Где-то на территории Империи

Знает ли кто-нибудь, каково это — осознавать свою полную бесполезность? Понимать, что ты — именно ты — реально можешь приносить пользу, быть полезной, — быть. Можешь... Могла бы. Не здесь, не сейчас. И, увы, не ты...

Бледнокожая девушка сидит на срезе-ступеньке чудовищного монстра из армированного бетона, именуемого военными — сухой док.

Сверху ощутимо давят тысячи тонн горной породы, удерживаемой лишь за счёт рангоутов, рёбер жёсткости и усиленных многослойных стен. Странно так: понимать, что вот этот природный купол над головой — с лёгкостью выдержит попадание МБР, сохранив всё, прикрытое собой, в полной безопасности, уберёжёт от проникающего жёсткого излучения, и через безумно сложную многоступенчатую систему фильтрации и рекреации — доставит воздух, очищенный от отравы. И если рухнет — девушка даже пикнуть не успеет. Наверное, сигналы боли, бегущие от раздрабливаемых, прессуемых участков тела просто не успеют добежать по нервной системе до мозга, чтобы оповестить о наступившем конце.

Девушка встаёт на край среза и идёт, балансируя руками, по самой кромке — идеально ставя стопу — так, что подошва простых армейских ботинок, некогда выполненных в окраске "пустыня" — одной своей половиной остаётся ровно на поверхности — и второй половиной — висит над ямой, частично освещаемой тусклыми огоньками дежурного освещения.

Иногда ей хочется отпустить контроль тела, и пусть гравитация решит за неё: продолжать ли ей своё существование, так созвучное в неуловимых интонациях с обросшим пошлыми смыслами словом "функционирование", или же всё закончится в краткие секунды полёта и некоторое время, нужное телу, чтобы осознать количество повреждений и остановить свою работу под пиковыми тактами болевого шока.

Хочется, да... Но, во-первых, она твёрдо знает: даже если упадёт с гораздо большей высоты, с ней, по сути, ничего страшного не случится. А, во-вторых, внутри, где-то под рёбрами, жаркой болью бьётся понимание: это не решит проблему.

Есть и третья причина, конечно, но её и в причины-то вносить как-то... низко? Да, именно так. Потому что тот сильно пожилой мужчина, смотрящий на неё так, как не смотрят даже сёстры, и постоянно радующий всякими сладостями — он вне категорий. За все годы, проведённые в доке, каждое своё дежурство он разрешает сидеть в его каморке, поит вкуснейшим чаем и рассказывает разные, смешные и не очень, вещи, имевшие место быть в его жизни. И называет её — внучка. И относится не как к чему-то непонятному и сложному, а как к живому, свободному, разумному — и полезному! — созданию.

И она, глядя на этого человека, понимает — то, что руководит её существом, её сущностью — оно калечное и неправильное.

И впору бы прокричать об этом, посоветоваться с сёстрами, да хоть просто — рассказать о наболевшем ближайшей стене... Но — внутренние жёсткие рамки не

позволяют это сделать. Запрещают, ломают волю, дают разум...

А от неё даже толку никакого нет. Все сёстры — не в пример более сильные, умны, адаптивны, в конце-то концов.

А этот мужчина, суровеющий лицом при малейшей попытке обратиться к нему по званию, каждый раз расплывается в улыбке, слыша её неловкое и смущённое "деда Игнат", и спокойным, ласковым голосом говорит:

— Нет бесполезных, внучка, есть лишь нерациональное применение способностей вверенного личного состава.

Девушка с лёгкостью взлетает по толстому бетонному бортику на верхний уровень, угол наклона в сорок градусов её нисколько не беспокоит. Там, наверху, в считанных метрах от несущих рельс крана, находится разукомплектованный дублирующий пункт контроля, он же — резервная сторожка, он же — её нынешний дом, чуть выступающий вперёд над срезом верхнего уровня дока.

Часы показывают половину девятого. Через десять минут деда Игнат закончит обход, собрав данные с узлов обеспечения безопасности, целостности и контроля, и ещё через пять минут поднимется к ней. Наверняка с чем-нибудь вкусным.

Старенький надёжный электрочайник на кипячение воды тратит ровно девять минут и пять секунд. Крупнолистовой чай с щепоткой чабреца, завариваемый в традиционные два подхода, полностью раскроет вкус, насыщенность и цвет за пять минут и тридцать две секунды.

Когда ты — бесполезный и беспомощный балласт, не первый год живущий в резервном сухом доке, совершенно не имеющий применения во внешнем мире, у тебя в полном твоём распоряжении внезапно оказывается просто непредставимая прорва времени. И этого самого времени с избытком хватает на всё. Вручную, старенькой металлической линейкой измерить общий объём дока, площадь стапелей и высоту подъёмников... Вычислить оптимальное время заварки. Перечитать от корки до корки составленную когда-то давно для сотрудников библиотечку, расположенную в не до конца законсервированной зоне отдыха.

И — его более, чем достаточно, чтобы покопаться в себе. Чтобы придти к простому выводу: она — дефективная. Что-то с ней происходит совсем не так, как надо. А как это — как надо — никто и не знает.

А вот чувство неправильности есть. И от этого почти физически больно. Больно оттого, что не просто не можешь найти источник раздражения — больно от того, что даже направление этого дискомфорта постоянно ускользает из рук...

Девушка смотрит в идеально чистое узкое зеркало, вставленное когда-то давно в самодельную деревянную рамку, прикрученную саморезами к стене. Оттуда, из зазеркалья, на неё смотрит светло-кариими глазами, исполненными боли и непонимания — за что? — она же.

Хотя бы недоразумение.

Осколок бесполезности.

Дефективный элемент бытия.

Цирк на выезде

Побудка, короткая разминка и пробежка.

Заканчивая положенные перед завтраком санитарно-гигиенические процедуры, нереально остро ощутил — если уж с самого утра кажется, что вторые сутки на вахте стою, то до обеда дожить — становится более чем серьёзной заявкой на подвиг.

Но всё оказалось гораздо веселее. В прямом смысле — на построении после завтрака Анна объявила пятнадцать минут на сборы: полотенце, шлёпанцы, купальники, смену белья — и идём отрабатывать первичное взаимодействие канмусу с водой.

При упоминании о воде даже кислые после вчерашних злоключений с бельём любительницы игнорировать инструкции заметно оживились и сходу перестали хромать и шипеть сквозь зубы.

Пребывая на волне всеобщего энтузиазма, шустро собрался — и уже через пару минут на объявленной Нагато точке сбора нетерпеливо попинывал асфальт в окружении беспокойной стайки столь же охочих до водных процедур Дев Флота.

— Надо же, — краешком губ улыбнулась Анна, когда все построились в шеренгу, сгрузив малые учебно-тактические рюкзаки к ногам. — Семь минут ровно. Заявка на рекорд последних двух лет.

И повела на обучение.

Подспутно рассчитывая на прибрежный спецполигон, всё же понимал, что в море нас вряд ли раньше официального начала занятий потащат. И не ошибся.

Бассейн... На карте Школы он казался не таким внушительным. То ли не обновляли её долгое время, то ли в пику проискам потенциальных подлых врагов вводили в некоторое заблуждение.

Это не просто синенький прямоугольничек на карте — это, Тьма побери, настоящее произведение инженерного гения! Пять огромных бассейнов, соединённых каскадом, от "лягушатника" полста на полста метров для Дев Флота, никогда ранее не видевших столь крупных водных просторов (да, по пути Нагато поведала историю о детях гор и пустынь, ставших аватарами — и до дрожи в коленях боявшихся войти в волны), до сверхглубокого, предназначенного для подводниц.

Ни шезлонгов, ни пляжных кабинок не наблюдалось, что, впрочем, было вполне ожидаемо. Зато имелось две низкорослых постройки самого казённого вида, на которые, судя по всему, воспитанницы Школы периодически совершали набигания с целью приобщить кусочек армейского функционала к гражданским свободам. По крайней мере, в пользу этого говорили аккуратные клумбы и симпатичная синяя, с зелёными прожилками, покраска некогда бесцветно-серых стен.

Соответственно, одна постройка — для раздеться и принять душ, вторая — если однозначно интерпретировать рисунок в половину двери — нужник на несколько посадочных мест.

Выполняя команду Нагато, строем вошли внутрь раздевалки, разобрали ящики для личных вещей и переоделись. Я, как самый умный, ещё в общаге влез в купальник — привыкать к окружению девичьими прелестями, конечно, нужно, и чем быстрее, тем лучше, но... Вряд ли будущие сокурсницы поймут, если буду откровенно пялиться на них и капать слюной. А пялиться буду. Что ж я, себя не знаю, что ли? Так что ну нафиг, лучше, пока занятия не начались, на Карине потренируюсь.

Упаковав шмотки и рюкзак в ящик, влез в шлёпанцы и, зажав полотенце под мышкой, замер чуть слева и немного позади переодевающейся вместе со всеми Анны.

— Госпожа инструктор, курсант Николь, линкор "Император Николай I", переодевание закончила.

Хосспаде, Анечка, всеми богами, морскими и не очень, заклинаю: делай что хочешь, но не оборачивайся. Тут от одного только вида гладкой, изумительно красивой спинки, плавно

перетекающей в узкую талию и умопомрачительное перевёрнутое сердечко ягодиц сердце как заполошное бьётся и против воли кровь к щекам приливает... Что ж будет, если повернётся?..

— Быстрая ты, Николь. Сейчас бегом в душ и на построение, — не обернулась. Спасла беднягу.

— Есть бегом в душ, — отдав честь великолепной спине, глядя строго перед собой и чудовищным усилием воли запрещая мозгу обрабатывать информацию, поступающую с периферии, вламываюсь в душевое помещение.

Благо, старые методы экстренного тушения гормональных порывов и на этом теле работают. Вода — ледяная, напор — бешеный. Что ещё для охлаждения юности порывов надо?

Пара минут на отмокание — это вполне достаточный отрезок времени, с лёгкостью вмещающий в себя, между тихими матерками сквозь стучащие зубы и вздрагивания от судорожно сокращающихся мышц, так же и некоторую возможность подумать. Точнее даже — попытаться понять, на какие триггеры моё тело столь бурно отреагировало.

Нет, без сомнения, спинка инструктора выше всех возможных похвал. И да — мне определённо нравится эта часть женского тела. Но не настолько же, чтобы сходу резьбу рвало?

Значит, что-то другое.

Гормоны? Определённо. Но они здесь — лишь усилитель.

Осталось понять, усилитель чего.

Перебрав воспоминания, кажется, понял. Нечто почти неуловимое витает вокруг девушки... Сродни той самой гипотетической ауре власти... Но в случае с Нагато — это ни разу не гипотетическая мистическая хренотень.

И в мозгах щёлкнул замочек какого-то запасника информации.

Нагато — флагман.

Дева Флота, имеющая право отдавать приказы, требовать их исполнения и отвечающая за наши жизни.

Выбравшись из душа, не растираясь, прошлёпал на улицу, на ходу обдумывая догадку.

Кажется, причина внезапного приступа возбуждения более-менее прояснилась.

Странное чувство лидера, ощущение его ответственности за всех в целом и за тебя конкретно, вселяющее просто сумасшедшую гордость и готовность выполнять все приказы флагмана, — всё это ложится на толстенную подушку гормональной накачки молодого организма, проходящего самый пик пубертатности. Поёжившись — то ли от порыва внезапно холодного ветра, то ли от осознания того, до чего я додумался, — я покосился на первых выходящих на построение.

Довольные лица, влюблённые взгляды, украдкой бросаемые на Анну, перешёптывания на ушко и смущение вкуче с румянцем.

Кажется, это называется импринтингом.

Чувствую — шевельни Нагато пальцем, и эта стайка девочек-одуванчиков ломанётся выполнять любую её прихоть.

Интересно, а сам я побегу, влекомый инстинктом подчинения флагману?..

Ладно, поживём, увидим.

Из размышлений я вынырнул весьма вовремя: последние переодевшиеся только-только занимали место в строю.

Рядом обнаружилась довольная физиономия Карины. Легонько толкнув меня плечом в плечо, чуть склонила голову и едва различимо прошептала:

— Смотри, Ника. Модные тряпки, часть вторая.

Хоть нам и выдали купальники в числе прочего, полагающегося курсантам, но свой я пока только распаковал и сравнил с уже имеющимся. Кроме расцветки и более длинного охвата бёдер — разницы никакой. Так зачем привыкать к новой вещи, если есть старая, и про запрет на ношение никто ничего не сказал?

Свирь щеголяла в купальнике, отдалённо похожем на мой — с той лишь разницей, что ягодицы обхватывались чуть выше, а плечи на ладонь прикрывали узкие рукава.

Многие вышли в казённых купальниках закрытого типа, даже Выскочка, похоже, прониклась мыслью, что по части комфорта армейские наборы ничуть не уступают тому, что осталось за КПП. А вот до некоторых не дошло. Ну, или с физикой у них совсем всё печально и грустно. Нет, понимаю, мода, все дела, выделиться хочется, статьями своими потрясти на зависть тем, кто не может похвастаться столь богатыми объёмами... Но с головой-то дружить хоть иногда надо? Надо. Но, видимо, рациональность мышления и ультра-супер-микро-купальники — вещи в принципе несовместимые.

Анна, покосившись вишнёвым взглядом на особо выделяющиеся экземпляры, только покачала головой, да едва различимо пробурчала с какой-то затаённой обречённостью:

— Детский сад, штаны на лямках...

А фигурка у флагмана — ням-ням-ням. Даже армейский тёмно-синий купальник с тремя узкими полосками жёлтого цвета по левому борту сидит, как родной, и всё, что нужно — подчёркивает и акцентирует.

— Итак, товарищи курсанты и будущие первокурсницы, — по-сержантски заложив руки за спину, Нагато неторопливо двинулась вдоль строя. — Многие из вас наверняка уже задаются вопросом: а какого буя, я прошу прощения за слово "какого", вас, таких красивых, молодых да ранних и, без сомнения, разносторонне развитых очень индивидуальных личностей, собрали в этой всеми богами забытой Школе? Ответ прост. Мы вас собрали здесь по одной простой, но очень веской причине. Каждая из вас теперь — это не просто несколько десятков килограмм очарования, милоты и стерживности вкупе с чувством домашнего очага. Вы теперь, хотите того или нет, Девы Флота. Как говорят аборигены — канмусу. Выход из этого, без сомнения, почётного и уважаемого положения — исключительно вперёд ногами. Тем, кому не повезёт оказаться в пасти врага... Тем совсем не повезёт.

— Итак, — Анна продолжает вышагивать вдоль шеренги. — Чтобы не стать обедом, а то и изысканным десертом к ужину для кого-то из бледней Флота Глубины, вам, в первую очередь... Кстати, да.

Остановившись, Нагато идеально отточенным движением повернулась через правое плечо к нам:

— У кого есть идеи, что является первоочередным для Девы Флота?

— Вооружение? — помявшись, подняла руку худенькая девчушка где-то на другом конце строя.

— Ещё варианты?

— Скорость? — Вот честно, сложить два и два для девчонок — явно задача за пределами реального. Или это во мне кэп обрёл воплощение вместе с линкором?

— А ещё?

— Сплоченность действий эскадры?

— Ещё?..

Мда... С такими Машами каши не сварить...

— Ладно, малышки, вижу, варианты кончились. Запомните: в первую очередь для канмусу важна даже не способность правильно оценивать свои силы, а банальное умение держаться на воде и не зарываться в волну. Зарылись, потеряли ход, подвели под похоронки всю эскадру.

То ли это меня так нахлобучивает после ледяного душа, то ли и в самом деле в глубине тёмно-рубиновых глаз на несколько секунд мелькнула запредельная, ничем не заглушаемая тоска?..

Встряхнувшись, Нагато улыбнулась подошедшей Мутсу, облачённой в такой же купальник, и уже гораздо мягче сказала:

— Итак, малышки. Не имеющие опыта первого хождения — шаг вперёд. Не имеющие уверенности в себе — шаг вперёд. Те, кто считает, что уже достаточно уверенно держит волну — шаг назад.

Я не гордый. Шаг вперёд, замереть.

Боковым зрением вижу ещё полдесятка таких же неопытных, и сестёр среди них нет. И вообще — из знакомых мне — только вчерашняя напарница по полосе препятствий и лазарету, тихая и молчаливая. Блин, имя бы надо узнать, а то трое суток тут, а почти никого не знаю.

— Неопытные — поступаете в распоряжение младшего инструктора Мутсу. Остальные — ласты в руки и за мной бегом-а-арш!

— Итак, мелочь, — приподняв уголки губ в улыбке, Влада прошла вдоль нашего строя. — Для начала представьтесь: имя, воплощение, причина отсутствия опыта. Голова — ты, — и пальцем так невинно и обличающе тыкает в мою сторону.

— Курсант Николь, линкор "Император Николай Первый". Опыт отсутствует ввиду длительной вялотекущей инициализации. На данный момент Пробуждение завершено.

— Курсант А, эскадренный миноносец тип 051 "Кайфэнь", инициация завершена за сутки до вылета.

— Курсант Джуби, минный заградитель "Сиратака". Не умею плавать...

Если при упоминании имени аватары Кайфэнь Влада весело сверкнула враз потемневшей зеленью глаз, то при реплике Джуби, вопреки ожиданиям, даже не усмехнулась.

— Ничего, малышка, мы твой недуг в подвиг для Человечества обратим. Поставим поддержкой эскортных, и вы и Глубинных плавать отучите.

— Есть обратить недуг в подвиг, мэм, госпожа товарищ младший инструктор, мэм!

Судя по поджатым губам и едва заметно подрагивающим плечам, Мутсу стоило огромных усилий, чтобы не рассмеяться. Удержалась. Умничка.

— Курсант Камилла, мэм. Эскадренный транспорт снабжения типа Лайнесс "Спика", мэм. Опыт есть, но недостаточен. Чувствую неуверенность в собственных навыках, мэм.

— Ты из ОША?

— Никак нет, мэм. Панобщность Африкаанс[1], мэм.

— Давай без мэмканий, курсант. Ухо режет.

— Простите, что?

— Эх, молодежь, — как-то печально вздохнула Мутсу. — Перед началом обучения вам

выдадут методички. Там чёрным по-русскому, а местами даже и на английском, будет прописана официально принятая здесь форма обращения к преподавательскому и офицерскому составу. И всяких "сэр", "мэм" и прочих лингвистических безобразий там не предусмотрено. Лучше сразу привыкай.

— Так точно, товарищ младший инструктор!

Жжот Спика. Маленькая такая, тоненькая, тростиночка натуральная — а ты ж вон гляди, полноценный ЭТС.

— Следующая.

— Курсант Ариэлла, — о, а вот очередь и до вчерашней знакомой незнакомки дошла, — Левиафан, подводная лодка типа "Дольфин". Опыт хода есть, уверенность есть, но знания никогда лишними не бывают, госпожа младший инструктор.

Вот такой ответ Владе явно понравился.

— Курсант Синтия, лёгкий крейсер Сидней.

— И?.. — Мутсу развела ладони, явно пытаюсь жестами подтолкнуть девушку к продолжению речи.

— И всё, — с какой-то рассеянностью и, возможно, обидой ответила Синтия.

— Же-е-есть, — тихо выдохнула инструктор, по ходу дела забив на мизерный шанс получения ответа.

— Итак, мелочь. Слушай мою команду. По одному, начиная с Николь, начинаете движение от этого бортика до противоположного. Пока одна не выйдет, вторая не суётся. Я на подстраховке. Начинай.

Ёптыть... Как-то стрёмно.

Ну и что, что лягушатник? Полметра воды — это несерьёзно. С другой стороны, если у меня исусьей силы не окажется?

Конфузец будет-с.

Оставив шлёпанцы у бортика, нерешительно поднялся на двадцатисантиметровый кант из какого-то скользкого, приятно пружинящего материала.

— Николь, не бойся, это ещё не учёба, санкций не будет, — подбодрила меня Влада.

Хм... А Выскочка тогда за что летала?

Хотя нет, тут как раз-таки всё логично. Лучше пламенеющие праведным гневом жопки особо буйных по мере поступления, практически по одиночке, гасить, чем потом тратить нервы и авторитет, имея контры с толпой неуравновешенных подростков.

Ладно, помирать, так с песней.

И я смело шагнул вперёд...

Первая мысль, когда нога с радостью начала уходить под воду, а я поймал жуткий крен на нос и понял, что — всё, богатством метафор и прочих лингвистических витиеватостей не отличалась от слова "вообще", разве что пара союзов да междометие мелькнули, связуя между собой конструкции неофициального разговорного.

А потом... Там, где кожа ног соприкасалась с водой, последняя как будто основательно изменила плотность — или свои свойства? — и стопу ненавязчиво так, но более чем настойчиво вытолкнуло обратно.

— Евпатий коловратом... — только и успел не то прошептать, не то и вовсе взвизгнуть, прежде чем ноги бодренько разъехали в стороны и я всеми своими компактными последними девяноста плюхнулся в воду.

Тёплая ладошка Влады упёрлась промеж лопаток и с неотвратимостью промышленного

пресса подтолкнула вперёд:

— Николь, на коньках каталась? Тут та же механика действует.

Прикольненько так... Как будто пытаешься двигаться по скользкому батуту. Особенно сильно это ощущается, когда валяешься на спине или сидишь на попе. А на ноги поднимаешься — и в самом деле, как на коньки встал. В смысле, так же скользко и несколько непривычно, как будто много-много лет на лёд не выходил, и мозг просто не может вспомнить, правильно интерпретировать и выдать команды, предназначенные для ног.

Изрядно косолапя, потоптался на месте, выбросив из головы все левые мысли. Вроде держусь.

Как там правильно? Как в том анекдоте: расслабься, и Мать-Природа поможет?

Скользкий шаг, второй, третий... Короткий свист ветра в ушах — и едва успеваю подпрыгнуть, чтобы не снести бортик.

Красивый прыжок, наверное, получился. Высокий, длинный. Метров двадцать по воздуху отмотал, умудрившись в полёте развернуться. И ещё столько же скользил афедроном вперёд по коротко постриженной густой траве зелёной полосы.

На бортике стоит Мутсу, и без палева так, от бедра, показывает большой палец.

С сожалением проводив взглядом великолепно скроенную фигурку крайне эффектной девушки, отправившейся к следующей испытательнице водного бега, поспешил слинять с трассы — если меня так вышвырнуло, то и остальных вполне может на то же расстояние катапультировать.

Добравшись до стартовой точки, понял, что та фигня, которую я принял за канавки ливнеотводов, вообще-то предназначена для пафосного омовения ног, или, как более ёмко охарактеризовала Мутсу, полоскания ласт.

Она же, прислушавшись к выкрикам, доносившимся со стороны второго бассейна, жестом остановила собравшуюся было приступить к пробам воды китаянку:

— Итак, девочки, прошу обратить внимание на группу инструктора Нагато. Сейчас будет цирк.

Там, метрах в двухстах от нас прямо по курсу, вдоль дальнего бортика, создающего узкую ступеньку перед высоким массивом каскадной перегородки, лицом в нашу сторону стояли те, кто имеет опыт общения с водой в своей новой ипостаси.

Анна резко махнула рукой, дублируя жест мерзким верещанием свистка...

И начался цирк. С конями, ага.

По команде девушки стартовали, почти мгновенно набрав приличную скорость — судя по клинью взметнувшейся из-под ног воды, Девы решили или прыгать через каскадный разделитель водных объёмов, или на ходу по короткой дуге брать поворот. Мелькнули лёгкие фигурки Марины с сестрой, в бурунах побелевшей воды пронеслась знакомая макушка Виктории... Стайка Дев сделала бодрый быстрый круг и пошла на второй заход, набирая ещё большую скорость.

А потом раздался нестройный хоровой визг на три персоны — это те самые юные дарования, что школьному или личному закрытому купальнику предпочли отдельные, проходящие под категорией "захлебнись-слюной-от-моей-фигурки", разом остались без ничего.

А вот нефиг с физикой не дружить. Она мадам, конечно, местами зубодробительная, но тут же школьная программа, даже без углублённого изучения для альтернативно-одарённых.

Собственно, цирк продолжился, ибо забавно пытающиеся рефлекторно прикрыть наготу девушки скорость погасить не успели и, разбрасывая вокруг себя крошки каскадной конструкции и сорванный отделочный материал, десантировались в лягушатник, по инерции докатившись почти до самого бортика.

Пытаясь прикрыться, впрочем, без особой эффективности, красные, с опухшими щеками и носами, Девы-нудистки молча выбрались на сушу и, быстро-быстро перебирая лапками, засеменяли обратно к продолжающим нарезать круги под чутким руководством Нагато канмусу.

— Вот так, девочки, — мягко улыбнулась Мутсу. — Физика — наше всё, аэродинамика — наш неофициальный устав. Урок усвоен?

— Так точно, — в шесть голосов рявкнули, а если по звону в ушах судить — полное ощущение, что при поддержке детского хора в полном составе. Включая резервный.

— Продолжаем занятие. Кайфэнь, не сачкуй, Николь же справилась, и ты справишься. И китайка, кивнув, с самым решительным видом направилась к бортику.

Санчасть

Мандраж — штука коварная.

— Реально — а если вдруг окажется, что на базе криво насканировали моё воплощение и я вообще ни разу не линкор?

— Медальку какую-нибудь получишь, — усмехнулась Грейс на моё высказывание, подкурив и передав мне сигарету — сам я категорически не мог попасть огоньком в срез, руки вытворяли такие кренделя с впечатляющей амплитудой, что Альцгеймер нервно курит в сторонке. — Как первая в мире, с чьей идентификацией промахнулись.

— Не смешно, — буркнул я, гипнотизируя взглядом тусклый огонёк, ещё проглядывающий сквозь шапку пепла.

— Это тебе не смешно, — толкнула плечом в плечо присевшая рядом блондинка. Накрыла свободную трясущуюся руку ладонью. — Мне вот вчера тоже не до смеха было.

— Это да... Но серьёзно, — я посмотрел во внимательные, умные глаза аватары Гнейзенау. — Вдруг окажется, что я не линкор, а какая-нибудь, прости Тьма, шаланда? Или там, не знаю, вообще плавучая батарея.

— Калибры у тебя для батареи мелковаты, — хмыкнула Грейс, многозначительно стрельнув глазами на мою грудь. — И скорости избыток для малоподвижного комплекса.

Приятная девушка, что ни говори. А уж когда маску Снежной королевы снимает, так вообще — уруру в полный рост.

— Перекур заканчивается, — вздохнула Грейс, покосившись на массивные наручные часы в исполнении для хардкорных экстремалов.

— Благодарю за поддержку, Грейс, — кивнув девушке, затушил окурок о бортник урны и побежал к санчасти.

***

Влада спокойно провела нас внутрь и, встретившись глазами с капитаном, стоящей за сплошной толстой прозрачной перегородкой у какого-то прибора с планшетом, указала нам в сторону двери без опознавательных меток.

Внутри оказалась общая душевая и раздевалка. Место приёма водных процедур — какое-то странное: вертикальные трубки делят душевое пространство на строгие квадраты

полтора на полтора метра, образуя пять ячеек. Сверху, вместо привычного подсолнуха распылителя, сплошной ряд таких же труб. Шлёпанцы в вакуумном пакете, два одноразовых полотенца и халат в такой же упаковке. Видимо, чтобы бациллами своими особыми канмусовскими не трясли где ни попадя.

Смирившись с тем, что рассматривания сестричек не избежать, героически упаковал шмотки в прилагающийся пакет, оставил его в предназначенной для этого дела ячейке и смело прошагал в душ, автоматически включившийся через пару секунд после того, как я потоптался в центре, пытаюсь понять механизм включения и регуляции. О чём-то непринуждённо переговариваясь, Свирь и Обь заняли свои места. Кр-р-расота спасёт мир, да? И меня, попутно, скачками гормонов доконает. Но ничо, прорвёмся. Главное — зубами к стенке встать и по сторонам не зыркать, как бы того ни хотелось.

Дыши ровно, Коля, ме-е-едленно и пече-а-ально. И водичку похолоднее делай. Во-о-от, совсем другое дело, особенно когда со всех сторон вода льётся. И боковое зрение игнорируй. Да, зачётная попа, и у сестрички ничуть не хуже, но коситься не надо. И вообще, мордашку лучше вверх задрать, чтобы соблазна не было. И в память зарубочку — выкроить время и поговорить с Кариной по душам, может, чего дельного подскажет. Или пилюлек каких от соблазна отсыплет.

Рядом включается ещё одна ячейка — капельки тёплой воды, пробивающиеся сквозь завесу, создаваемую сложной системой форсунок с изменяемым вектором направления струи, создают весьма интересный контраст при соприкосновении с кожей.

Каштановые волосы, закрытые глаза, нежно-розовое аккуратное плечико с бегущей к шее косточкой ключицы...

Рука сама вдавливая сенсор контроля холодной воды до упора. Мало мне сестёр, ещё и Мутсу рядом пристроилась. Нет, компания выше всяких похвал — любую без макияжа на обложку топовых журналов выпусти — конкурентки, осознав свою полнейшую несостоятельность, сами на колготках удавятся. Но, блин, нельзя же столько прелестных нифм — и на таком узком пяточке собирать!..

Температура воды резко поднимается до приемлемого уровня.

Встряхнувшись, медленно поворачиваюсь влево.

Влада. Стоит в расслабленной позе, понимающе улыбается. Делает шаг — и уже ощущаю тепло её дыхания на щеке:

— Переохлаждение — это последнее, что тебе сейчас нужно, Николь. И нечего смущаться. Здесь, — пальцы Мутсу легонько сжимают моё плечо, — все всё прекрасно понимают. Так что будь менее стеснительна.

Вот понимаю, что говорит, и даже слова через уши в мозг попадают — но, попадая, оседают где-то на периферии. У сознания есть цель более важная: оно радостно впитывает информацию, бурным потоком льющуюся с поверхности кожи. Тёплое дыхание и рука на плече; мокрые волосы, щекочущие ключицы; упругость груди, соприкасающаяся со мной... Всё это вызывает просто неопишемую бурю эмоций, ливнем затопляющих разум, гасящих малейшие признаки адекватного восприятия окружающей действительности.

А вот подкорка работает как надо:

— Принято быть смелее, госпожа младший инструктор.

— А ты забавная, — хмыкает Мутсу. — Попроси потом Карину рассказать тебе о Китобойце, скажи — я рекомендовала. Она поймёт.

— Будет сделано.

— Да не прыгай ты в стойку смиренно при каждом слове, Ника. Пол скользкий, а капитана хлебом не корми, дай только касторку прописать.

При упоминании о касторке желудок рефлекторно дёрнулся, а по телу пробежала крупная дрожь, начисто сбив весь эмоционально-чувственный накал и вернув мозгам власть над телом.

— Во-во, — хихикнула Мутсу, став вновь той же вчерашней Владой — улыбчивой и приятной девушкой с безумно притягательной зеленью глаз. — Это у неё любимое лекарство, особенно для тех, кто любит сачковать от нарядов или прогуливать занятия.

— А тут разве прогуливать можно?

Влада, вернувшись в свою ячейку, замерла, запрокинув лицо навстречу воде.

— Нельзя, — инструктор философски вздохнула, опустив голову. — Но когда это останавливало страждущих?

— Никогда.

— А вот после пары прогулок к госпоже Ин извилин на полушариях мозга заметно прибавляется. А желание гулять, наоборот, резко идёт на убыль. Очень уж ядрёная у неё химия. Особая, канмусовская. Спецзаказ.

***

— Вот, товарищ капитан, привела подопечных соответственно списка, — Влада кивнула в нашу сторону и спокойно заняла стул в дальнем уголке помещения. Стул, что характерно, был там не один, и в составе малого ордера на четыре вымпела окружал простенький такой стол. С чайником, тарелкой с булочками и чашей с фруктами.

— Здравствуй, Марина, — приветливо кивнула капитан, — а это, надо полагать, Свирь и Император Николай Первый?

— Так точно, госпожа капитан.

— Милочка, — поморщилась Киао Ин, — давай без званий, мне погоноголовые со своими военными рефлексами итак уже оскомину набили.

Влада, успевшая за это время сообразить себе чая, громко фыркнула, подняв из огромной кружки основательное облачко пара и жидкости.

— Мутсу ещё адекватно себя ведёт, — ухмыльнулась Ин. — А вот профильные вояки... Хоть вешайся. Так что лучше по имени.

— Принято, лучше по имени, — отрепетовала Обь, пытаясь щёлкнуть отсутствующими каблуками. — Позвольте вопрос.

— Задавай, — если и нельзя мимикой выразить такое действие, как фейспалм, то капитан оказалась очень близка с совершению прорыва в мимическом мемовыражении.

— Как там Зайка?

— Зайка? — Китайка очень забавно зашевелила бровями, явно разогнав мыслительную деятельность на максимум.

— Катарина, её сюда прислали с прочерком в отчётной сканоформе.

Капитан улыбнулась:

— Жива твоя Зайка, сегодня ещё в лазарете отоспится, и с утра выпишу. На сканер вечером отправлю, когда у неё нервная деятельность к стандарту вернётся. А про остальных ничего узнать не хочешь?

— А что им делается, госпожа Киао? Здоровье как у лошади, гонора как у не знаю

кого. С регенерацией Девы — дня за три залатаются. Или вы их в саркофаге маринуете?

— Конечности на месте, органы на месте, сквозных дырок нет, до учёбы ещё далеко — что им делать в восстановительном бульоне? Полежат, образумятся, — капитан, поправив лацканы халата, кивнула в сторону прозрачной вертикальной капсулы, установленной на монструозного вида станинах. — Кто первой желает?

— Можно мне? — вытянула руку Свирь.

— Можно, — капитан Ин подошла к аппарату и что-то быстро отщёлкала на узкой пластине встроенной клавиатуры.

Магово-чёрный объём, занимающий добрую треть стены, протаял в глубину, сходу запестрев десятками ровных графиков, нулевых диаграмм, информационно-техническими блоками, в показаниях выдающими нули и аббревиатуры "НД", а сама капсула, разделившись на две продольные половины, раскрылась. С пола и верхушки, как в каком-нибудь фантастическом фильме, навстречу друг другу стали прорастать металлически поблескивающие фермы, они на ходу ветвились, переплетаясь между собой, а вслед за ними не то катилась, не то сыпалась волна тёмного порошка, на ходу налипающего на формирующуюся решётку — создавая в результате что-то вроде неглубокого ложементта.

В это же время один из цилиндров, закреплённых на потолке, выскользнул на несущих и, на ходу занимая вертикальное положение, опустился почти до пола.

Свирь уверенно, словно всю жизнь с подобной аппаратурой возилась, подошла к цилиндру и, плавно шевельнув плечами, выскользнула из халата. Коснулась тонкой кистью металлического бока, и в конструкции открылась обыкновенная дверка. Следом за халатом внутри скрылись и оба полотенца. Аналогичное движение — и дверка закрывается, а аппарат так же бесшумно возвращается на исходную.

Карина оставив обувь на полу, легко поднимается по выдвижным ступенькам и, развернувшись к нам лицом, со спокойным лицом ложится внутрь.

Краем сознания отмечаю, что действие аппаратуры сейчас интересует гораздо больше, чем совершенное тело аватары, и продолжаю с любопытством наблюдать за работой совершенно фантастических механизмов.

Снизу поднимается странная подушка — подперев стопы девушки, она приподнимает Карину ещё немного выше. Тихо скользит створ, герметизируя капсулу, а из ложементта вырастают натуральные такие фиксаторы — широкими лентами они обхватывают ноги, руки, талию и грудь Свири, а на голову нарастает что-то совсем монструозное, похожее на гибрид противогаза, дыхательной маски и растопырившего все иголки в боевое положение дикобраза. Из-под ложа выныривают две похожие на ребристые щупальца трубки и легко, словно в кисель, влипают в маску.

На экране разворачивается выскочившее на передний план окно в четверть доступного объёма, разбитое на три неравных области: схема капсулы с обследуемой, её же трёхмерная модель без детализации и скупые строчки совершенно ничего не говорящих мне символов.

Капитан, насвистывая что-то себе под нос, вновь отстукивает набор команд на консоли капсулы и та, издавая мерное тихое гудение, начинает заполняться мягко флюоресцирующим раствором. Карина внутри этого прозрачного саркофага похожа на русалку или наяду, решившую вздремнуть в спокойных водах лагуны: распушились волосы, не полностью накрытые маской, блики от сигнальных диодов аппаратуры, преломляясь в похожем на стекло материале камеры, скользят по расслабленному телу.

На экране окно с надписями стягивается в точку, и Киао Ин небрежным касанием

отправляет оставшуюся конструкцию в нижний левый угол рабочего объёма. Быстро тыкает в несколько строк, опускает из верхней части дисплея хитро изломанную шторку допанели, щеголяющую двумя рядами оранжевых пиктограмм и, вдавив несколько из них, отправляет панельку обратно.

И, едва ощутимо жужжа, станины приходят в движение, плавно и неторопливо переводя капсулу в горизонталь.

Потолочный сегмент, ожив, начинает перестраиваться, наращивая над капсулой какую-то сюрреалистичную громаду линз, щупов, антенн, чего-то, похожего на разнокалиберные параболические тарелки.

И как-то сходу, без указок капитана, объём экрана вспыхивает выдержанными в неяркой гамме цветами, бегут надписи, всплывают и тут же сворачиваются окна, вызывая лёгкий приступ мигрени. Китайке, впрочем, вся эта свистопляска никаких неудобств не доставляет: бросая короткие взгляды в хаотично, как на мой взгляд, выбранные области экрана, она что-то бодро набивает в планшете.

А ведь красивая женщина. Чёрные с синевой волосы, чуть вытянутое личико, на удивление крупные для азиатки глаза тёмно-карего цвета. Фигурка стройная и ладная — и запахнутый халат совершенно не скрадывает её гибкости и лёгкости движений.

А мне почему-то казалось, что после такого цветника, каким является скопление Дев Флота, обычная человеческая женщина уже никогда не сможет быть для меня привлекательной. Ан нет.

— Мелочь, на лавку, — тихо шепчет Мутсу, указывая на ранее не замеченный предмет мебели, скромно затесавшийся между двух узких перегородок чуть в стороне от стола. Сама Влада в это время откуда-то из-за чайника извлекает ещё более объёмистую кружку и неторопливо начинает готовить чай. Судя по количеству заварки и сахара — очень крепкий и очень сладкий.

А жизнь на дисплее постепенно замирает, капитан лёгким движением хитро сложенных пальцев сдвигает всю информацию к левому краю, оставив на правой половине только фотографически достоверную модель Свири. Небрежно набрасывает фильтры, после каждого из них вокруг виртуального тела Карины нарастает что-то вроде размытых разноцветных слоёв, каждый из которых обзаводится отдельной выноской с совершенно зубодробительными формулами и наборами символов и цифр.

— Забавно, — усмехается капитан и, чуть оживившись, с ещё большим усердием начинает насиловать планшет, то и дело бросая короткие взгляды на продолжающую обрастать слоями трёхмерную модельку.

Марина с искренним интересом всматривается в показания, выводимые на экран, и по лицу её понятно — девушка вполне себе в этой теме рубит фишку.

Так же без внешних действий капитана всё, происходящее на экране, замирает и словно накрывается сверху тонированным стеклом — краски становятся тусклыми и блёклыми, графические элементы вообще почти исчезают. Вновь жужжат станины, возвращая капсулу в вертикальное положение, пыхтит помпа, откачивая жидкость, и стрекочет упрятанный куда-то в недра пола компрессор. Проходит меньше минуты — и фиксаторы втягиваются в ложе, а саркофаг с тихим шипением раскрывается. Карина, отлипнув от ложементов, спускается на пол и, накинув на плечи халат, а на волосы припасённое сухим полотенце, занимает место рядом с Владой, с благодарным кивком принимая ещё исходящее паром питьё.

Не говоря ни слова, Марина встаёт и повторяет последовательность действий,

совершенную Свирью. Десять минут — и вот аватара присоединяется к Карине, обхватив чуть подрагивающими руками округлые бока такого же монстра, каким вооружена её сестра.

— Николь, ты идёшь?

— Иду.

Так, вещи в цилиндр, тапки — снаружи.

— Госпожа Ин, мне нужно что-то знать, когда буду внутри?

— Ничего необычного, простое усиленное сердцебиение. Простая дыхательная гимнастика, в Империи её преподают с первого класса.

— Я не из Империи, увы.

— Разве? — Потыкав изящными пальчиками, совершенно примечательными коротко и тщательно подстриженными ноготками, в планшет, капитан рассеянно улыбнулась: — Виновата, эти данные вполглаза просматривала. Что ж с тобой делать?..

Прищурив глаза, китайка медленно обошла вокруг меня.

— Могу ужасики на внутренние проекторы спроецировать. Вас, конечно, такими пронять сложно, но других пока не положено.

— А что именно требуется, госпожа капитан?

— Киао, Николь, просто Киао, — поправила меня медик. — Нужна стабильная психологическая накачка, дающая усиленное сердцебиение и, в идеале, хоть какой-то всплеск эндорфинов и дофамина.

— А кроме ужасиков что-нибудь можно выбрать?

— Музыка разве что... Но, извини, у твоего поколения вкусы... Отсутствуют совершенно.

— Если я правильно понимаю, данные с моего плеера были успешно выгружены во внутреннюю сеть... Можно поставить оттуда, папка "Ирокез". Гарантирую — нужную дозу гормонов выдам стопроцентно.

Брови капитана полезли на лоб, а голос сорвался на свистящий шёпот:

— Информацию о считывании в открытом доступе не оставляют...

Я отмахнулся:

— Как будто безопасники с годами меняются. Я бы к ним всё уважение растеряла, если бы они не вытащили данные с моего плеера. Не удивлюсь, если утянули прямо в кабинете интенданта. Так что, если можете получить образ, поставьте, пожалуйста, музыку из указанной папки.

— Ложись и не бойся, — китайка кивнула на капсулу. — Попробую выцарапать заказ.

Ладно. Добудет музыку — хорошо, нет — попробуем и так справиться. Память хоть и не радует... Но слова, вынимающие душу, из головы никуда не делись.

И я шагнул в саркофаг.

Но я опять поднимаю изрубленный щит...

Забавно так внутри этой капсулы.

Ложемент — мягкий, неожиданно уютный, словно сохранивший тепло тел сестричек, и по фактуре — приятная шершавость совершенно не напрягает кожу. Подъёмник, упёршись в стопы, подталкивает вверх. Совершенно беззвучно по телу ползут фиксаторы, отсюда, изнутри, они выглядят совсем иначе, чем снаружи. Толстые, с матовым блеском, с едва уловимыми проблесками на плоскостях.

От нарастающей маски вообще забавные ощущения — не то толпа вежливых муравьёв топчется по голове, не то слегка шершавый, широкий и очень сухой язык ненавязчиво

изучает внешнюю топологию черепа.

Жидкость, поднимаясь снизу, вроде бы неторопливо заполняет доступный объём капсулы, а окуляры затягиваются тёмной плёнкой, погружая в симпатичный такой полумрак ограниченного обзора. Такое забавное ощущение — кожей чувствовать пусть не состав этой массы, но отличия — это точно не вода, ни пресная, ни морская. Там, снаружи, она воспринимается совершенно не так, как здесь — густая, неторопливая, комфортной температуры. Создаётся впечатление, что по телу пробегают схожие с электрическими разряды: там, где они касаются кожи, возникает кратковременный очаг приятного пощипывания.

Чувствуется лёгкое головокружение — кажется, в маску подаётся перенасыщенная кислородом дыхательная смесь. Вкупе с чувством невесомости оно создаёт крайне интересные ощущения. Ни звука, ни визуального сопровождения — слышу только своё дыхание, чуть учащённое, но при этом глубокое, да очень явственно подрагивает кожа на груди — над сердцем.

И ещё забавный факт: не чувствуя положения тела, отчётливо понимаю при том, что капсула переходит в горизонт.

И, как только саркофаг переходит в режим сканирования, в уши, постепенно нарастая, начинают литься плавные волны музыки[1].

Мелодия поднимает, несёт сквозь вечность и бесконечность — с вменяемой дозой пафоса и невольной дрожью в теле. Губы растягиваются в улыбке: капитан всё же выцыганила образ, снятый с плеера.

Волны музыки захлёстывают меня, пронизывают насквозь, и, подстраивая реакции тела под себя, превращают меня — в мелодию, и мелодию — в меня.

Время... Время теряет свою суть, растворяется, поджав хвост, уходит на невообразимо дальний план, сопровождаемое грозным и бесстрашным кружевом магии, создаваемой отдающим всю душу своей работе оркестром.

И, едва только последняя дрожащая нота успевает раствориться в окружающем сумраке, ей на смену приходит другая[2]. Обволакивающий голос окутывает мягким, надёжным коконом — и уносит ещё дальше.

А перед глазами-душой разворачиваются последние события в жизни меня-корабля.

Рвётся металл бронепояса, взрывы вырывают из бортов огромные куски корпуса, обнажая искорёженные, измочаленные чудовищным оружием шпангоуты... И люди-я, горящие, заживо разрываемые залпами врага, живут со мной-кораблём как один организм, действуют, как единое целое... Есть цель, есть приказ, и надо выполнять. Выполнять во что бы то ни стало. Пока есть хоть один живой на борту — корабль не мёртв.

Те, кто я, знают, что у них нет никаких шансов. Знают, что обречены. И знают, что не отступят. Их мысли наполняют меня-корабль, эмоции и воспоминания столь сильны, что ядредноут, реликтовый осколок древней войны, просто не имею права предать тех, кто вверил мне свои жизни. И я держу попадания. Я, созданный для боя, принимаю его — зная-ощущая-предчувствуя, что этот бой — последний в более чем столетней жизни...

Я — металл и орудия, хранящие тех, кто принял вызов. И я чувствую, как там, на моих палубах, в машинном отделении, в погребах и на мостике, в пунктах управления — плечом к плечу рядом с живыми встают те, кто ушёл навсегда, встают, чтобы отдать последний долг, встают — чтобы увести с собой тех, кто сегодня погибнет.

Обваренные пальцы, оставляя на металле заглушки полоски кожи и сукровицы,

вкручивают кремальеру — до упора. Сил не хватает, но — призрачные руки ложатся на рукоять — поверх искалеченных — и заклинившая, сместившаяся от удара громада переборки сдаётся, впуская в изломанные пазы толстые стержни запорного механизма. Вода прибывает, но я-человек уже ничего не сможет сделать — всё, что можно, уже выполнено. Другим — дан шанс прожить дольше. Пальцы, уже не чувствуя боли, вытаскивают из мятой пачки сигарету... Четыре неторопливые затяжки — и изолированный отсек полностью заполняется водой...

Кровь уже не хлещет — просто сочится из культи, измочаленным обрезком торчащей чуть ниже локтя... От жгута толку немного. Шипение иньектора — в ту немногую кровь, что ещё осталась в теле, поступает чудовищный набор химии... Одна из вариаций коктейля "последнего рывка": то, что остаётся от организма после его действия, уже никогда не будет способно вернуться к нормальной жизни... Злая улыбка бледных, обескровленных губ, и упрямство, сменяющее мутность взгляда. На электронику надежд нет, спеклась ещё в прошлом залпе... Значит, ручное наведение. Крупной дрожью трясутся станины, трассера уходят к тёмным громадам вражеского построения... Аппаратура, рассчитанная на управление здоровым человеком, отказывается подчиняться... И там, где не хватает второй руки — её заменяет призрачная, и мрачная, тяжёлая улыбка в седые усы полностью повторяет улыбку живого... Встречным залпом и орудие, и человека испепеляет...

Лица... Мысли... Эмоции...

Здесь некому бояться — страх остался на берегу.

Здесь нет лишних и нет подневольных — шли только добровольцы.

Здесь нет страха — он давно уже перегорел и осыпался пеплом.

Здесь есть робкая надежда, и только она — что ценой своих жизней мы — люди и корабль, живущие как один организм — оттянем врага на себя, позволим тем, кто на берегу — закончить поспешную эвакуацию.

И рвётся металл, и детонируют боеприпасы, и вода, сминая стальное тело, врывается внутрь... И держусь, сколько есть сил. Держусь — потому что по-другому нельзя...

И живые плечом к плечу с теми, кто вернулся, стоят против врага, отдают свои жизни — чтобы жили другие...

...И в ушах ещё бьются — пересиливая грохот сердца — финальные строки песни, а перед глазами медленно тают воспоминания прошлого...

...Небесная гладь приветствует взглядом

Эпоху бессмертия наших сынов.

Космических даров.

Людей — богов?..

Маска освобождает лицо, фиксаторы отпускают тело, и я провожу дрожащей рукой по лицу — и на руке остаются пот и кровь.

Дискомфорт, не несущий боли — прокушенная губа опухла, а то, что сейчас заменяет мне кровь — такое же красное и быстро густеющее — уже превратилось в шершавую плёнку.

— Людей — богов?.. — слова с трудом проталкиваются через иссохшее горло, но злой, похожий на карканье смех сложно остановить.

В руки толкается большая чашка чая, раскрытая ладонь Влады подталкивает её снизу к моему рту — и я пью обжигающе-горячий напиток, совершенно не чувствуя ни боли, ни

неудобства — что там какой-то кипяток, когда кожа ещё чувствует жадное, всепожирающее пламя детонирующего БК, когда лёгкие ещё помнят, как, обваренные паром, они заполнялись угарным газом, чадающей едкой химией и водой? Кипяток — ничто. Мелочь.

И я пью, ощущая, как дрожь отступает, наполняя мышцы злой бодростью. И дышится совершенно по-новому. И движения объёмов воздуха ощущаются как-то иначе. Словно там, в саркофаге — выросло новое тело, которому открыты совершенно иные горизонты. И у которого жизнь только начинается.

— Капитан, — прижав кружку к груди, с благодарностью киваю Владе, набросившей на мои плечи халат. — Кто я?

Китайка, наклонив голову к плечу, смотрит на меня совершенно непроницаемым взглядом.

— Линкор "Император Николай Первый", кто же ещё? Не без странностей, конечно, но не особо выбивается за пределы нормы.

— В смысле?

— В том смысле, что, если верить показаниям сканера, вместе с дредноутом погибло несколько тысяч человек. При официальных — шестистах семидесяти двух добровольцах, поднявшихся на его борт.

А воспоминания той жизни, колыхнувшись, словно подсвечивают призрачные фигуры. Старпом, прячущий усталую улыбку в усы, наваливается на кремальеру, с которой не справиться искалеченному живому. Младший матрос в робе образца середины прошлого века, подпирающий спиной бронезаслонку — и по сотым долям миллиметра помогающий механизму сдвинуть её с заклинивших направляющих. Канонир, встретивший победу в далёкой Первой мировой — и помогающий наводить орудие. Командир, почерневшей от гари рукой глядящий металл развороченной рубки — и шепчущий с каждой секундой слабеющим голосом кораблю что-то нежное и успокаивающее, приободряющее — как искренне и трепетно любимой женщине... Механики, радисты, минёры, матросы, навигаторы... Тысячи лиц. Тысячи жизней. Тысячи судеб. Перед глазами несётся нескончаемая вереница лиц — тех, кто в разные годы отдавал себя, а то и свою жизнь кораблю — тех, кто пришёл, чтобы вместе с ним принять последний бой.

— Всё в порядке, капитан, — и плотно поджатые губы ломаются мрачным, хищным оскалом. — Со мной — все мои мёртвые.

Главный калибр как частный случай конституции

Остаток дня лихо смазался в нечто типа "моргнул — уже утро", только всё уложилось в момент разом повисших на мне сестёр, радостно что-то щебечущих на инопланетном медицинском языке, а после этого приятного приёма из недр саркофага — как-то вдруг совершенно внезапно обнаружил себя уже в комнате, растирающим медленно сохнувшие волосы и пялящимся в низкие предгрозовые облака.

При взгляде на тёмные массивы грозового фронта по языку начинал скользить странный металлический привкус, словно старательно вылизываешь не до конца разряженную батарейку "Крона". Металл и пощипывания. Забавно.

Свирь, увлечённо читающая какую-то книгу без опознавательных знаков на обложке, потянулась и, положив чтиво на живот, повернула голову ко мне.

— Очнулась?

— Вроде... Что это было?

Девушка, хмыкнув, вновь потянулась:

— Физиологически — лёгкий шок, психологически — порог осознания и принятия.

— А если по-пролетарски, без умных слов?

Карина, сладко зевнув, повернулась на бок:

— Ты приняла своё воплощение. Без гнева, отрицания, торга и прочей белиберды, свойственной психопрофилю обычного среднестатистического человека. И, — поспешила продолжить госпитальер до того, как я произнесу хотя бы слово, — нет, это не оскорбление и не предъявление тебе обвинений в психопатологии. Девы Флота — не люди, как бы схоже не выглядели.

— Да тут у любого хуманса фляга протекать начнёт, окажись он на нашем месте... Но ладно, — пощупав волосы, с недовольством обнаружил, что их ещё сушить и сушить. — У меня как-то всё в точку сжато с момента выхода из капсулы... Вы чего на мне повисли-то?

— А что? — серо-зелёные глаза хитро поблескивают, на губах играет совершенно не интерпретируемая улыбка. — Неприятно?

Чувствуя, как щёки начинают гореть, невозмутимо выдал:

— Да вовсе наоборот. Неприятен, разве что, тот факт, что сам ничерта не помню. Обидно это, когда тебя такие милые создания тискают, а ты из этого только самые первые секунды помнишь.

— Ерунда, — хмыкнула Карина, старательно изучая потолок и делая вид, что это не смущение красит её щёки, а просто в комнате слегка душно.

— Ладно, — поняв, что от Свири сейчас вряд ли чего-то большего добьюсь, быстро сменил тему: — Влада сказала, что ты можешь рассказать о Китобойце... И о том, какое отношение он имеет ко мне.

— Не он, — фыркнула Карина и в одно плавное движение села. — Она. Евгения, воплощение базового тральщика Китобоец. Гроза всех Дев Школы Шикотан, любвеобильная аватара, совершенно не имеющая инстинкта самосохранения... Ей, по факту, в открытую воду вообще нельзя выходить... Но Женю это никогда не останавливает.

— А я при чём?

— Судя по тому, что показывала аппаратура при твоём сканировании, у тебя ментальная сигнатура общего психопортрета очень близка к аналогичным у Китобойца, Хорнета, Шернхорста, Аквиллы и ещё около сотни Дев Флота. То есть, вы почти поголовно воспринимаете себя мужчинами, даже не смотря на явное несовпадение когнитивных схем и анатомической составляющей.

Пошарив под матрасом, вытащил батончик НЗ — за разглагольствованиями Карины организм ненавязчиво стал намекать, что пора бы и спецрациона отведать.

— Ну... Тут согласен, — кивнув с важным видом, откусил внушительную часть нешоколадной шоколадки. — И... тебя такой расклад не смущает?

Свирь, хихикнув, вытянулась на постели:

— А должен смущать?

— Наверно.

— После фривольных шуточек и намёков Китобойца, сделанных ею каждой увиденной Деве — меня уже вряд ли что-то смутит. Ну, если только не будешь подкрадываться на дистанцию рывка и хватать за задницу. Ведь не будешь?

— Соблазн, конечно, велик... Но воздержусь, — я кивнул с самым серьёзным видом. — Ладно. Шутки в сторону, Карина. Если тебя такое соседство напрягает — ты прямо скажи, думаю, сможем расселение без лишнего шума проверить.

Свирь мгновенно села, возмущённо сопя. Миг — и едва успеваю поймать подушку, запущенную хрупкой девичьей рукой с силой добротного пушечного ядра. От контакта с мягким элементом постельного декора меня капитально приложило к стене. Медленно обернулся — вмятин нет, даже обои не порвались.

— Ни. За. Что, — впечатывая каждый звук во враз промёрзший воздух, по слогам выдохнула Карина.

Ощупав затылок, осмотрел ладонь — крови нет, под волосами шишка расти не собирается. Отложив подушку в сторону, внимательно посмотрел на девушку. Глаза — ледяные, зелени почти нет, только серая стылость северных вод. Дыхание учащённое, пальцы чуть подрагивают. Зрачки почти не видны, крохотные точки, едва ли превышающие по размеру ушко иголки.

— Что я сказал не так? Только честно.

— Честно? — От взгляда из-под прищуренных ресниц по коже мурашки бегают — как будто Океан смотрит через глаза Свири на такого тупенького и непонятливого меня.

— Именно. Вот как для дубового солабона, всю срочную истово ломавшего табуретки и кирпичи о собственную голову на показательных.

Карина как-то разом оттаяла и смягчилась.

— Ладно, буду считать, что мужского в тебе ещё больше, чем в известных мне канмусу с мужским психопортретом, — осуждающе качнув головой, Карина прислонилась к стене. — По списку. Первое. Обладателей сходных психопрофилей держат либо с такими же, либо, если других таких нет, всеми силами стараются изолировать от ещё неиспорченных Дев. Второе. Относительно меркантильный интерес — я на одних только наблюдениях столько материала соберу, что моё имя внесут в списки составителей сводной базы данных, со всеми причитающимися регалиями и привилегиями, включая вкусные уровни допуска и доступ к новейшему оборудованию. Третье. Я нигде не говорила, что меня каким-либо образом напрягает твоя компания. Четвёртое. С атипичным психопортретом и, судя по всему, безнадёжной амнезией базового тела, проблем ты нахватаешься преизрядно, может, даже как Хорнет, всю учёбу на внеочередных нарядах просидишь. Пятое. Твоё офицерское стеснение при виде голого женского тела — это уже отдельная, прямо-таки массивная проблема. Я понимаю — совесть не позволяет подсматривать, все дела... Только вот привыкать-то придётся всё равно. И пусть лучше я помогу, чем ты насобираешь выговоров и нарядов за неуставное поведение и общую слоупочность. И, наконец, шестое. Ты — линкор. С тобой просто-напросто надёжно.

Несколько минут я сидел, переваривая сказанное Свирью, и, в принципе, каких-либо разительных расхождений с собственными выводами не нашёл.

— В целом, радуется, что я не такая уж белая ворона... И даже с пятым согласен полностью: привыкать надо, другого-то тела не будет. Но вот шестой пункт... Вот тут не понимаю.

— А чего не понимать? — Карина, соскользнув с кровати, примостилась рядом и уже совсем привычным образом уткнулась носиком в плечо. — Госпитальные суда, плавдоки и плавбазы, равно как и базовые тральщики и прочий окологбереговой и не очень "стеклянный флот", всерьёз мало кто воспринимает. Да и срываться на таких — не в пример проще, чем на равном себе по силам или, тем более, на инструкторе...

Вскинувшись, Карина жарко зашептала в ухо:

— Ты не подумай, что вот так...

— Что просишь защиты?

— Угу... — боевитая леди разом съёжилась и осунулась.

— Пф-ф-ф! И не подумаю. Первый закон войны каков? Поднявший руку на медика — да без хлебобрезки останется. Извини за прямоту.

Тонкие ручки совершенно неожиданно стиснули меня.

— Спасибо за понимание, Ника.

— Рано ещё, — хмыкнув, потрепал девушку по макушке. — Ты бы для начала всё же объяснила, почему вы на мне повисли там...

Хихикнув, Свирь расслабленно повисла на моём плече:

— А что мы ещё должны были сделать для шокированной Девы Флота, уплотнившей наши поля взаимодействия?

А вот тут уже мне пора всячески недопонимать.

— Что за поля?

— Ай, забей. Ты всё равно нифига не поймёшь... Если без терминов — ты уплотнила наши поля так, что мы теперь можем использовать более современные съюты без дополнительной химии в крови и долгих часов под гипноиндуктором.

— В смысле?

Карина, повозившись на плече, плавным движением соскользнула мне на колени и улеглась, свободно забросив стройные ножки на спинку кровати:

— А, ты же всё равно ничерта не знаешь... Думаешь, тебе так и светит остаток жизни рассекать в броне образца конца прошлого века? Не-е-ет. Твои поля настолько плотны, что любой хэвик без проблем потащишь. Да и мы... Нам теперь, как минимум, можно смело облачаться в спидер-доспехи, и проседать по медпомощи не будем, скорее, совсем наоборот.

Я потряс головой.

— В смысле — хэвик? И что за спидер?

Извернувшись, Свирь взъерошила мои волосы:

— Ника, солнце, своим Пробуждением на орбите ты раскачала плотность наших структур на два-три порядка. Да, особисты теперь начнут тебе мозг канифолить без смазки и строго промеж полушарий... Но если совсем тяжко будет, ты скажи, а там мы старших дёрнем, чтобы компетентные товарищи, — изящный пальчик ткнул куда-то в потолок, — особо подозрительным по тыковке постучали вежливо.

— Это, конечно, звучит эпично настолько, что даже сама преисполняюсь пафоса и превозможания... Но если по-человечески?..

Карина, хмыкнув, ухватила за прядь моих волос и принялась их медленно пропускать между пальцами:

— Вот ты умная, Ника, а порой ведёшь себя, как стопроцентно сформировавшаяся законченная блондинка, — и, прежде чем что-то успел сформулировать на данный постулат, Карина, лихо выгнувшись, мягко поцеловала меня в щёку. — На учёбе всё расскажут, Ника. Но если ты настолько нетерпелива...

Я, старательно делая вид, что сейчас абсолютно ничего не произошло, закивал головой: типа, да-да, я именно из таких, которым горит до тех пор, пока не узнают.

— Скажем так, — вздохнула Карина, с самым загадочным видом перебирая мои волосы. — Первые образцы съютов... Они рвали мозг и шаблоны в хлам. У Анны спроси если хочешь, каково это — таскать на себе пару сотен килограмм абсолютно бесполезного хлама только из-за того, что эта груда металла позволяет тебе задействовать собственные

способности? Вот толку тебе от двойной носовой продольной полупроекции весом каждой в полтора центнера, если тебе от неё нужно только активировать носовые орудия?..

— Никакой.

— Во-о-от. Эхо первых съютов, кстати, у аборигенов Нихона до сих пор живо и активно. Вот по-любому же ты видела местные комиксы?

— Видела. Бред и ересь...

— Да не совсем. Это называется политика и имиджмейкинг. Лет через десять-двадцать, глядишь, скинут журналистам и писателям вторую волну эскизов съютов...

— Деза?

— Да какая деза, — фыркнула Карина и, ещё провернувшись, уткнулась носом мне в складки халата, прикрывающие живот. — Так, распределённый во времени коэффициент применения здравого смысла.

— Зачем? Вроде бы враг-то общий...

— Это для понимающих — общий. А для многих, в частности, политических радикалов и религиозных мудаков, разменявших смысл бытия на служение своду законов, созданных агрессивным народом против других народов — это равнозначно красной тряпке перед глазами быка. И да, я в курсе, что быку пофиг на цвет и его волнует только анимация видимой раздражающей картинки. Так вот. Там, где мы видим врага — некоторые альтернативно-одарённые — видят божий промысел и кару небесную за грехи наши, и так далее и тому подобное, — грустно вздохнув, Свирь, оттолкнувшись от спинки кровати, калачиком свернулась на моих коленях. — И объявляют крестовые походы, джихады и прочую ересь против нас.

— Не понял...

— Думаешь, от скупости сердечной и чёрствости врождённой нам запрещают пользоваться техникой, взаимодействующей с Сетью? Фиг там. Даже на официальных картах координаты Школ обнулены до уровня плюс-минус тысяча миль по всем сторонам света. Трафик со спутников, конечно, фильтруется, но... Лучше перестраховаться. Здоровая паранойя — она, как бы, жизнь очень неплохо продлевает.

— Хочешь сказать, мало нам Глубинных — нам ещё и внутренние штафирки крайнюю плоть отгрызть грозят?

— Именно, — хмыкнув, Карина вновь извернулась и, устроившись поудобнее, сграбастала мою ладонь и водрузила её себе на макушку.

— Но ты не дёргайся, — после некоторой паузы произнесла Свирь. — В самом начале обучения эту тему расковыряют со всех сторон. С доводами и примерами.

Чувствуя, что ещё немного, и мозг запросит экстренную эвакуацию, улыбнулся девушке:

— Всё равно мало что понимаю... Но сделаю вид, что всё дошло в наилучшем виде. Ты лучше расскажи, чего это опытные девчонки полезли под руку Нагато в купальниках?

Свирь, трогательно прикрыв рот ладошкой, рассмеялась.

— Дуры потому что. Некоторым простительно — у них, кроме обычных крытых бассейнов ограниченного водоизмещения, для набора опыта ничего не было. А другие... Скажем так — они решили, что своими отнюдь не подростковыми массогабаритами смогут впечатлить флагмана на подбор их в свою эскадру. Глупое решение, у Анны, во-первых, в крови отторжение подобных подлиз, и, во-вторых, эскадра у неё давно сформирована и сработана.

— Ладно, — пальцы непроизвольно принялись ерошить мягкие волосы Карины, отчего

Свирь, прикрыв глаза, с блаженной улыбкой едва ли не замурчала. — Ещё вопрос, наверно, последний на сегодня: какая существует связь между калибрами и объёмом груди?

Девушка, ощупав свою, в задумчивости уставилась на потолок.

— Если прямая, то я, как минимум, лёгкий крейсер, Маринка — тяжёлый крейсер, та же Айова — вообще плавучий форт береговой обороны, а ты и Влада — так, фрегатики залётные.

— Значит, связи нет?

— Вообще никакой. Хотя у некоторых силуэт башен ГК и характерные элементы тела очень схожи, что, в принципе, и легло в основу подобных алогичных слухов. Но количество таких схожих столь мало, что вполне вписывается в статистическую погрешность.

С явным сожалением покинув мои колени, Карина, потянувшись, протяжно, до невозможного сладко зевнула и, встряхнувшись, стала собираться в душ.

— Никуда не уходи, Ника. Вернусь — и будем учить тебя привыкать к женщинам в строгом и лаконичном дезабилье, — и, мурлыкая под нос что-то мелодичное, Свирь выскользнула за дверь.

— Я попал, — признался я отражению в зеркальце.

Отражение, усмехнувшись, подмигнуло, мол, не сцы, просто расслабься и получай удовольствие.

— Так точно, ма шер колонель, — козырнув отражению, погрозил ему же расчёской и принялся наводить порядок на голове: учёба, вне зависимости от преподаваемого предмета и места проведения, остаётся учёбой — и к ней любой уважающий себя курсант обязан подходить соответствующе, с энтузиазмом и приличным видом. Даже если из приличного — только и есть, что одно полотенце.

Настоящий воин

Дни, оставшиеся до учёбы, пролетели незаметно. Ещё бы их заметить, когда сёстры-инструкторы решили воплотить основной принцип срочной службы: чтобы солдат хернёй не страдал, его нужно засношать до полного удовлетворения и единственного желания — доползти до койки и рухнуть спать.

Увы, с Девами такой расклад не канает в силу исключительной выносливости и устойчивости к повреждениям нежных девичьих тел.

Однако ни Анну, ни Владу этот факт никоим образом не останавливал, девушки всерьёз решили пройти путём настоящих героев — и напор на физическую культуру умело разбавляли дополнительными занятиями по общим дисциплинам. Зубрить, переучивать, повторять и изучать приходилось такие объёмы базовых знаний, что к вечеру мозг, видя кровать, отключался автоматом, а тело уходило на автопилот.

Карине приходилось едва ли не хуже — ей с сестрой, в довесок к общим дисциплинам, капитан Ин щедро отгрузила дополнительные часы по профильной медицине. Однако девушке это ничуть не мешало проводить приручение дикого меня к виду обнажённого женского тела: каждый вечер Свирь, приходя из душа, шастала в неглиже по комнате, и если поначалу я так и норовил отвернуться или, когда таковой возможности не предоставлялось, отчаянно произвольно краснел и отводил глаза, то уже через недельку воспринимал прелести рыжей аватары как что-то совершенно естественное и более чем уместное.

И с Грейс общение неплохо наладилось. Сперва немка проконсультировала по сортам табачной продукции и даже показала, в какой глухомани запрятан магазинчик со всякими приятностями, начиная от сигарет и заканчивая всевозможными лаками, шампунями и

прочими нитками-иголками, а после того, как их вместе с французенками и Викторией сгоняли на повторный скан, и вовсе — подошла в курилке и очень нежно обняла.

— Спасибо, — аватара Гнейзенау говорила по-русски, тщательно подбирая слова и жёстко контролируя артикуляцию, отчего речь получалась на удивление чистой, а акцент почти не ощущался. — Я твоя должница.

— Какие, к чёрту, долги? — Я тогда чуть сигаретой не подавился от неожиданности.

— За то, что мы оказались рядом с тобой там, в небе, когда ты прошла через Пробуждение, — Грейс говорила медленно и очень размеренно, отчего её голос полнился вибрирующими обертонами, от которых мозг просто залипал на звуковой ряд, а тело и вовсе начинало гореть практически неконтролируемым желанием. — За то, что избавила от мук и боли химической раскочки. Мы за это тебе крепко задолжали. По крайней мере я — точно.

Она в тот вечер говорила и говорила, попеременно сбиваясь с русского на более привычный английский, а то и вовсе на родной немецкий, из её уст звучавший дивными фолковыми напевами. Рассказывала о себе и подготовительных курсах, о тех Девах, которых видела на родной базе, обещала, по окончании учёбы, обязательно устроить настоящий локальный октоберфест, с национальными нарядами, пивом и натюрлих бавариен сосисками.

В общем, ни разу она не ледяная. Просто серьёзная девушка, со всей ответственностью подходящая к поставленной задаче. Пунктуальная, умная, готовая учиться столько, сколько надо. После той встречи в курилке она частенько в личное время стала зависать у нас, со всей врождённой расовой педантичностью яростно вгрызаясь в изучение русского — учитывая протекторат Империи, знание вовсе не лишнее, ибо на великом и могучем здесь разговаривали едва ли не больше, чем на английском.

И за три дня до учёбы нам выдали форму и канцтовары, объёмом последних намекнув, что мозги прокачивать будем долго, упорно и со всем полагающимся тщанием.

Одно радовало — форма шла в двух обязательных равнопринятых вариациях, с юбкой и брюками. Грейс не без гордости пояснила, что благодарить за такую щедрость надо Шернхорста — боевая аватара, заручившись поддержкой таких же "неправильных", не желающих носить юбки, в своё время смогла продавить брючный вариант. Не без проблем, конечно, но второй юбочный комплект заменили брюками.

При виде юбочной версии, по прибытии в комнату сходу примеренной Свирью, челюсть отпала, а в мозгах заиграли волюнки Храброй Шотландии[1]. Белая рубашка, приталенный чёрный пиджачок на три пуговицы, короткий галстук-бабочка на два язычка, классические туфли с квадратным носом, непрозрачные чёрные колготы и — вишенкой на торте — килтообразная тёмно-красная юбка, на половину ладони не достающая до колен. Не недоразумение из мультиков про школу, не унитарная безликая плиссированная школьная форма, принятая в учебных заведениях приютившей нас страны — но при этом выглядящая органично, аутентично и — совершенно не по-граждански. Смотришь на Свирь и понимаешь — девушка явно к военным отношение имеет.

Чёрная пилотка с символом Школы, широкий пояс и брошь довершали комплект. Причём в данном случае блестящая бляха заколки — не только украшение, но и запасной ремкомплект на экстренный случай: с обратной стороны эмблемы приютились в специальных креплениях две иголки с намотанными восьмёрками нитками красного и чёрного цвета и пара булавок. К первому занятию обещали выдать нашивки со знаками различия и курса.

А комната постепенно начала обрастать дополнительным оборудованием. За время, что мы проводили в полях и учебной аудитории при библиотеке, техники и прочий персонал Школы монтировал дополнительные шкафы, книжные, бельевые и спецхран для гидрокомбезов, прокидывал сеть, менял занавески на жалюзи. Одно плохо — для душевой дополнительные крючки зажили совершенно. Но, видимо, в качестве компенсации, оснастили двухуровневыми полочками под всякие мыльно-рыльные приблуды.

Методички ничем особенным не удивили, кроме, пожалуй, приятной мелочи: в отличие от армии, на кроватях в личное время можно хоть прыгать, хоть на ушах стоять — не карается и не пресекается.

Расписание занятий и общий распорядок дня... Впервые просмотрев листок, со стоном попытался забиться под подушку. Учёба, учёба и ничего, кроме учёбы. Второй раз изучив изложенное расписание, пришёл к выводу, что всё не настолько и плохо. До завтрака — построение, разминка и санитарно-гигиенические процедуры, после — построение и общие образовательные дисциплины, обед, полчаса личного времени, четыре часа занятий по специализации и до самого ужина практика, ужин, полчаса личного времени, практика. Два часа перед отбоем личного времени, специальный ужин, отбой.

Заодно наведались в прачечную. Это вообще отдельная песня. Отдельный одноэтажный корпус, разбитый на крупные комнаты: помещение с рядами стиральных машин, помещение для отпаривания и глажки, отдельная подсобка с горкой тазиков для вещей, требующих ручной стирки, склад необходимой химии, чулан со всевозможными швабрами, вёдрами и прочим уборочным спортивным инвентарём, и туалет.

Официальный день стирки — пятница, с обеда только два часа на спецдисциплины, остальное — на стирку, глажку, сушку и прочие связанные занятия. Официальный банный день — суббота. Да, Мать-Тьма, да! Здесь банный комплекс эпичен и впечатляющ — сауны, термы, парилки... Время на посещение после обеда — не ограничено вплоть до ужина. Можешь хоть быстренько ополоснуться и бежать дальше по своим делам, а можешь отдохнуть как следует. Впрочем, тех, кто рассчитывает отхалявиться, воспользовавшись первым вариантом, ждёт огорчение: празднующихся по Школе, кроме воскресенья, быть не должно, и инструктора или преподаватели с удовольствием припрягут на социально значимые работы и наставят на путь истинный тех, кто так неблагоприятно пользуется предоставленным послаблением.

Ещё выдали мобильники и учебные планшеты, всё в защищённом исполнении, прорезиненное, ударостойкое. Смартфоны отличались отсутствием камер и, судя по настройкам, были лишены систем геопозиционирования. Уже залитая книга контактов вверху списка имела номера преподавателей, завучей, инструкторов, старших по курсу и членов студсовета, остальное место занимали номера однокурсниц. Возможность ковыряться в настройках жёстко урезана, весь потолок — поменять картинку рабочего стола, да изменить тему и визуальное отображение уровня приёма сигнала и заряда батареи. Связь работает только в пределах Школы, при попытках несанкционированного удаления от территории базы — отправляет уведомления на КПП, флагману и дежурному, гарантируя эпическую пачку новых ощущений и познание глубинного смысла слова "втухание".

Планшеты... Ну, планшет и планшет. Камер привычно уже нет, приложений — тьма, от банального калькулятора до полноценного САПРа, отдельно хранятся учебники, методички, пособия и прочая полезная мелочь. Доступ к учебной сети осуществляется по воздуху, таким образом с внутренних серверов можно утянуть обновления ПО, получить какой-либо

специализированный софт или оставить заявку на его установку, заглянуть на школьный портал, ознакомиться с персоналиями педагогического коллектива и студсовета, оставить вопрос в электронной приёмной, уточнить расписание занятий и распорядок дня и узнать изменения в них, коли таковые будут.

Умная электроника автоматом переводит девайсы в беззвучный режим при начале занятий и намертво блокирует доступ к нежелательному на время обучения софту. Даже смску не отправишь, пока не отзвенит звонок.

Вообще, при таком наборе техники тетради не очень-то и обязательны, но тут уже дело привычки. Конспекты и домашку можешь хоть в письменном виде сдавать, хоть распечаткой, хоть так отправлять на преподский сервер — в электронном виде файлы подписывались индивидуальным ключом, юридически приравнивая электронку к физическому носителю.

И тут уже воля курсанта — хочешь, набиваешь тексты с проекционной клавиатуры и рисуешь всевозможные схемы в профильных приложениях, хочешь — оттачиваешь почерк и скоропись в шестидесятилистовых общих тетрадях формата А4.

***

Едва только я успел сгрузить пакеты на кровать, как Свирь, тихонько подкравшись сзади, положила обе руки мне на плечи и, прижавшись грудью к спине, промурлыкала в ухо: — А теперь примеряй.

Я покосился на принесённые вещи:

— Сначала в душ сбегая, мокрая, как не знаю кто.

— Ла-а-адно, — и, щекотно выдохнув в затылок, Карина выпустила меня из приятного плена. — И не вздумай сбежать.

— Куда я в полотенце из общаги денусь?

— Ну, Синтию же это не остановило.

Вспомнив неуклюжую бедолагу, невольно хмыкнул — аватаре Сиднея на днях приспичило экстренно сменить шампунь, и она не додумалась ни до чего иного, кроме как на своих двоих метнуться за забор до ближайшего магазинчика аборигенов. Прямо из душевой.

Так девчонку патруль и принял: висящей на внутренней стороне забора, без полотенца и в одном нижнем белье. Армейское бельё показало, кстати, себя с самой лучшей стороны — Синтия, зацепившаяся бретелькой бюстгалтера за один из хитро раскиданных штырей, украшающих верхушку укрытого в зелени забора, так и провисела в позе незадачливого парашютиста до прибытия охраны.

— У неё вообще с инстинктом самосохранения всё плохо.

— Не без этого, да, — Свирь, сунув мне в руки полотенце, которое я безуспешно искал в шкафу, лёгким шлепком по афедрону придала направление в сторону двери. — Иди уже, и не заставляй леди ждать, это неприлично.

— Так точно, вась-сиясь! — и выкатился из комнаты.

Чуть позже, вновь убедившись, что крючков так и не добавилось, вернулся обратно, посвежевший и в весьма приподнятом настроении: сегодня, считай, халява, завтра — вообще полный отрыв на банных процедурах, послезавтра — что-то массовое, подготавливаемое студсоветом в условиях строжайшей секретности. А там и понедельник — первый день

учёбы.

— А тебе идут брюки, — оценивающим взглядом окинув меня, Свирь улыбнулась и чуть поправила галстук. — Вот так — совсем прекрасно.

Брюки — это да. От обычных отличаются высоким поясом, перекрывающим нижние рёбра, и двойным рядом недекоративных пуговиц. Методичка указывает, что носить можно как с комплектными подтяжками, так и с ремнём. Чёрные, без стрелок, довольно просторные и совершенно не стесняющие движения — ради проверки вытянулся в вертикальный продольный шпагат с упором на стену — даже промеж полупопий швы не упёрлись. И ткань — натуральная, мягкая, не электризуется и к ногам не липнет. Мастер, подбиравший материал и шивший форму, определённо достоин всяческого уважения.

Покрутившись перед ростовым зеркалом, являющимся заодно и дверкой нового платяного шкафа, довольно хмыкнул. Рубашка, брюки и туфли на едва заметном каблуке — на девушках смотрятся стильно.

Шевеление сбоку — и, развернувшись, ловлю пиджак, брошенный Свирью:

— Без него тебя на занятия не пустят, красotka, — и подмигивает с видом самым честным и невинным, попутно умудряясь завернуться в юбку.

Фыркнув, облачаюсь в пиджачок, косясь в полглаза на стройные ножки Карины, то и дело мелькающие среди тёмно-красных волн ткани. Брошку на левый нагрудный карман. Немного смущают прямоугольные уплотнения ткани на рукавах — симметричные на плечах и предплечьях, веет от них какой-то тягучей приятностью. Прикрыв глаза, ковыряюсь в ощущениях, ведь чувствовал совсем недавно что-то схожее. Поймав хвостик вёрткой мысли, вытаскиваю беглянку наружу. Точно, лёгкая намагниченность.

А я ещё думал, каким образом будем крепить нашивки. Простое и элегантное решение, однако.

Лёгкий перестук каблуков — и Свирь встала рядом, округлым бедром чуть подтолкнув в сторону. Ну да, вставать на пути между девушкой и зеркалом, пожалуй, не лучшая для сохранности здоровья идея.

— Ты это куда? — и нежной, но твёрдой лапкой подтянула собравшегося было слинять меня поближе к себе. — Вроде неплохо, да?

Стоит рядышком, макушка на уровне моего уха. Пилотка строго по методичке надета, пиджак подчёркивает тонкую талию, а крупная клетка юбки характерной компоновки и широкий кожаный пояс вкупе с туфлями и гольфами — вид госпитальеру придают лихой и боевитый.

— Красивая, — легонько приобняв девушку, ещё раз посмотрел в зеркало. — Очень.

— Скажешь ещё, — хмыкнула Карина, опуская глаза. И краснеем мы исключительно от духоты, ага.

— И скажу. И не раз, — и, подмигнув отражению Свирь, с сожалением отлипаю от её тёплого бока. — Усё, примерка завершена, я доволен.

— А юбку?

— В брюках похожу как-нибудь.

— Ничего не знаю, — развернувшись, Свирь упрямым буксиром дотолкала меня до кровати и, подхватив вышеозначенный предмет и забросив его себе на плечо, принялась деловито освобождать меня от брюк. — Вот нафига столько пуговиц, а? Могли бы и обычной липучкой обойтись...

А сопротивляться рыжей вообще не хочется. Как успел заметить, даже принципиально

неостановимая Виктория в её присутствии предпочитала особо не ёрзать, не говоря уж об остальных. Есть в сестрёнках что-то такое, что основательно приглушает любые мысли о сопротивлении.

— Да не дёргайся ты, — с напускным недовольством бурчит Карина, воюя с последними пуговками. — Поотрываю же всё нафиг.

— Пришью, делов-то.

Повинуясь требовательным движениям девушки, расстаюсь с брюками, словно с частью самого себя.

— Карин... Солнышко... Может, не надо?

— Надо, Федя, надо, — и, приложив юбку к моему телу, чуть отстранившись, критическим взглядом оглядывает меня.

— Да я их совершенно носить не умею... И вообще, не мужское это дело — в юбках шастать. Извращениями всякими попахивает.

— Балда, — широко улыбнувшись, Свирь расстёгивает юбку и начинает процесс облачения меня в это... это. — Ты воинов уважаешь?

— Уважаешь.

— Вот и представь, что ты — настоящий шотландский воин, а это не юбка, а твой клановый килт.

Тихо щёлкнула магнитная застёжка, и Карина, сделав пару шагов назад, с профессиональным прищуром осмотрела меня.

— Понял. Я воин. Настоящий, расово верный шотландский воин.

И, присев на краешек кровати, полез под юбку.

— Ты чего это делаешь?!

— Балда, — передразнив аватару, наставительно поднял палец вверх. — Я — настоящий воин в килте. А настоящим шотландским воинам по Уставу не положено носить трусы[2].

Зажав руками рот, Свирь зарылась лицом в подушку. Плечи подрагивают мелко-мелко, тело дрожит.

Йоптыть... Это что, до слёз девчонку довёл, что ли? В два шага долетев до кровати, аккуратно присел рядом с Кариной, осторожно коснувшись мелко дрожащей спинки:

— Солнце, я тебя обидел?..

Свирь затихла, кажется, вообще дышать перестала. А потом поднялась, краснолицая и довольная:

— Да чтоб меня все так обижали, — тихонько посмеиваясь в кулачок, девушка уткнулась лбом в моё плечо. — Просто истерично ржать — несколько неприлично для воспитанной девушки. А не ржать я не могла, прости.

— Воин, — фыркнув, аватара Свири вновь попыталась влипнуть в подушку. — Шотландский!

— Килт есть? Есть. Значит — воин, — с важным видом кивнув логичной и простой смысловой конструкции, всё же поднялся и прошёл до зеркала.

Непривычно так. Как будто в банном полотенце ходишь, а оно мало того, что не спадает, так ещё и свободно болтается, не мешая двигаться. И снизу поддувает прохладным воздухом. Непривычно.

— Клеймора тебе не хватает и волынки. И пледа через плечо, — отсмеявшись, Карина окинула меня придирчивым взглядом и удовлетворённо кивнула. — Как запаску оставь, очень хорошо подчёркивает бёдра и стройность ног.

— Стройность ног испортят кривые колготки, — пару раз обернувшись вокруг оси, стал раздеваться. — А ты чего в гольфах, а не в уставном?

— А ты сноску не читала разве? Там чёрным по белому написано: начиная со второго курса, ученикам разрешено носить форменные гольфы или гетры.

— И когда это тебя на второй курс зачислили?

— Никогда, — пожал плечами, Карина вытянула ножки и, покачивая стопами, уставилась на носки обуви. — Но должна же я быть уверена заранее, что такая форма будет на мне хорошо смотреться?

Молча кивнув, принялся упаковывать учебную форму в чехлы-вешалки, периодически поглядывая на любующуюся собой Свирь.

Женщины...

Обновка

Российская Империя

Где-то

Ульяна, аватара стратегического разведчика Урал, сдвинула в сторону толстую пачку исписанных мелкими буквами и мозголомными формулами листов и устало растёрла глаза.

— Сашка, у меня уже мозги кипят, — страдальческим тоном проговорила девушка, с недоумением косясь на внезапно остывшую кружку чая. И когда только охладиться-то успел, вот ведь наливала?

— А тебе варсят СНО[1] для чего дали, голова? — Невысокая сероглазая девушка с волосами чернее воронова крыла, с симпатичными ярко-красными прядками, украшающими длинную косую чёлку, наконец-то справилась с неудобной форменной пряжкой и выбралась из плотного комбеза, оставшись только в неброской серой майке и ажурных чёрных трусиках. Поёжившись, воплощение корабля управления Жданов легко запрыгнула в широкое кресло и тут же завернулась в подхваченный со спинки плед. С тоской взглянув на остывший чайник, нехотя дотянулась до него и ткнула кнопку включения.

— Понимаю бы, стандартной боевой. Но — специально для тебя же создавали! А ты его на стенде держишь и только что пипидастром не обхаживаешь.

— Не поверишь — стра-а-ашно, — Ульяна, выпучив глаза, боязливо втянула голову в плечи, всем своим видом показывая всю степень страшности.

— Боишься, что голову откусит? — фыркнула брюнетка, с задумчивым видом выбирая, что имеет сейчас наивысший приоритет — свежее яблоко или, всё же, вон те золотисто-коричневые, пухлобокие венские вафли с соблазнительно выглядывающей между слоями варёной сгущёнкой и сливочным кремом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Аватара разведчика покосилась на командира:

— Я же не корабль сухопутного флота, созданного сумеречным гением Вещего Олега.

Саша только покачала головой, сверля взглядом не торопящийся закипать чайник.

— Надевай. Это приказ.

— Есть выполнять приказ! — Аватара Урала на автомате бросила руку к голове, щёлкнула каблуками (виртуально, ибо в домашних тапочках щёлкать-то, в принципе, и нечем) и направилась в сторону управляющего контура стенда.

Рано или поздно, но — всё равно придётся опробовать обновку.

В глубине души Ульяна даже была благодарна командиру за то, что та отдала приказ

сейчас. И за то, что находится рядом в такой ответственный момент.

Подходя к стендовой бронезаслонке, девушка рефлекторно взглянула в отполированную до зеркальности стальную поверхность. Лицо бледное и осунувшееся, веснушки, опять же, зар-р-разы вездесущие, вновь проклюнулись, густо усеяв переносицу, скулы, шею и ключицы. Ульяна недовольно поморщилась. Каждый раз, как начинает нервничать, эти пятнышки вылазят по всему телу, особенно густо осыпая лицо, плечи и грудь. И ладно бы она была рыжей — тогда бы можно было смириться. Всё же для них это вполне нормально. А тут — даже не русые. И не соломенные. Белые с серебристым оттенком. Вот как бывает... Бегаешь себе полноценной жгучей брюнеткой, бегаешь, а потом — бац! — инициация — и просыпаешься уже седой и с невозможными для людей густо-жёлтыми, почти оранжевыми глазами. И неизвестно откуда выбравшимися веснушками.

Тихонько пискнул сенсор, опознав отпечаток ладони. В левый глаз на миг ударил ослепительно-яркий луч, считывая рисунок сетчатки, структуру радужки и параметры хрусталика. Кожа привычно зачесалась — сотни любопытных лучей сканирующих систем, десятки перекрывающихся полей сложной конфигурации и добрая дюжина излучений и волн широкого диапазона сейчас сравнивали параметры аватары с эталоном, прогоняли через блоки вычислительных модулей тысячи параметров, ориентируясь в своём выборе на известные только молчаливым головастикам спецнаба ключевые маркеры.

Две секунды работы комплекса распознавания и тяжеленная (вряд ли даже три канмусу поднимут!) бронезаслонка ушла в стену, открыв доступ внутрь стендового бокса.

Ближайший стенд — привычный варсьют "Скоба"[2], на втором стенде — СПСО[3] с асимметричными горбами экспериментального широкодиапазонного камуфляжного комплекса "Морок-2м", совершенно незаменимый в боевых походах на дальние дистанции. И третий — та самая новинка. Визуально — больше похожий на гибрид гидрокостюма и лёгкого скафандра, чем на обычный варсьют Девы Флота. Оснастка — модифицированные системы обработки, хранения и передачи информации, парные комплексы ЗКМВ[4], ПАК[5], лазерно-передающая система... И — совершенно необходимый головной обруч централизованной системы управления и контроля. Без него, при очень сильном желании, Ульяна, конечно, смогла бы использовать варсьют. Только толку в том? От пяти процентов прироста производительности ей ни горячо, ни холодно, а ресурсов и энергии будет тратиться — мама не горюй!

Нерешительно замерев перед матовым, серо-стальным совершенством варсьюта, Урал, собравшись с духом, сорвала контрольные пломбы.

Интеллектуальная боевого доспеха, находящаяся в режиме пассивного наблюдения, опознав спектральный отпечаток хозяйки, заложенный в матрицы ещё на заводе, разблокировала суставы и замки съёмных элементов. Стенд, поймав активность варсьюта, включился в работу, тонкими направленными электромагнитными полями повышенной мощности размыкая соединительную псевдоткань защитного покрова и контура поддоспешной компенсационной прокладки.

Стена-дисплей, расположенная напротив стендов, расцвела скупыми строчками графиков, диаграмм, тестовой информацией и проекциями варсьюта с подсвеченными узлами активных систем, а с потолка опустился цилиндр личного вещевого шкафчика.

Попереминавшись с ноги на ногу, словно ожидая отбоя команды, и так его и не дождавшись, девушка стала раздеваться.

Можно бы, конечно, и потянуть... Но — Саша может уйти, а без её безмолвной

поддержки — будет не в пример тяжелее.

Совсем немного времени — и молодая аватара осталась только в чёрных с фиолетовыми вставками трусиках-шортиках. Ульяна, коротким жестом заблокировав развернувшееся было в автоматическом режиме окно видеозеркала, откровенно подзависла, пытаясь вспомнить, что же говорилось в инструкции об оптимальной одежде.

Нет, был бы это обычный варсьют — не было бы и проблем. Влезаешь в гидрокостюм, хоть укороченный, хоть полнопрофильный, и — вперёд, в броню. А здесь...

Осторожно коснувшись мягкого материала компенсационной прокладки, всё же вспомнила: в краткосрочной перспективе — оптимально нижнее бельё, в перспективе долгого ношения — строго без одежды, иначе комплекс санитарно-гигиенического обеспечения просто не справится с поставленной задачей и загадит неутилизованными продуктами жизнедеятельности все внутренности доспеха.

Ульяна задумчиво почесала макушку, соображая, сколько ей придётся носить варсьют и, придя к выводу, что вряд ли дольше суток, а уж столько-то она без проблем выдержит без посещения туалета, смело взошла на стенд, бесстрашно ложась в гостеприимно распахнутое тёмное нутро спецдоспеха СНО, ещё сохранившее, несмотря на встроенные абсорберы, резкие запахи отдушки и антисептиков.

Умные системы варсьюта, синхронизировавшись с энергетическими якорями полевого набора девушки, в течение считанных секунд провели тестовые замеры и, не найдя отклонений, приступили к герметизации швов. Ульяна, не удержавшись, хихикнула — очень уж щекотно скользит по коже бархатистая, нежная на ощупь псевдоткань, подстраиваясь под тело оператора.

Спустя десяток секунд щёлкнули запорные замки стенда, освобождая от блокираторов варсьют, и аватара нерешительно сделала первый шаг.

А ничего так, удобно. Миомерные мышцы и умная подсистема развесовки и поддержания равновесия почти полностью снимают нагрузку на тело, в результате чего доспех ощущается ничуть не тяжелее зимней полевой формы. Ну ладно — формы с обязательным рюкзаком по протоколу малых походов.

Ульяна, развернув видеозеркало, надела обруч, тем самым замкнув себя и варсьют в единый боевой контур. Тихонько застрекотали автоматы первой очереди системы дополнительной защиты носителя, наращивая сегментированную броню воротника.

Обернувшись вокруг оси, Ульяна подмигнула своему отражению и — совершенно лёгкой походкой вышла из бокса.

— Янка, ну ты и конфетка, — улыбнулась Саша, пододвигая подчинённой вторую кружку. — Как съют?

— Непривычно, — неопределённо пожалала плечами Урал, рассматривая ладони. Бронирование тыльной части контрастно отличалось от мягкости материала рабочей части. Интеллекtronика варсьюта, случись что, закроет чешуйками брони вообще всё тело, а СЖО[6], перейдя в автономный режим, позволит жить внутри кокona довольно долгое время.

С самым решительным видом девушка шагнула к рабочему месту, но... была остановлена командиром:

— Никакой работы, пока нормально не поешь.

— Но ведь физику...

— Физика никуда не убежит. Тем более — от самой умной головы Империи, —

польстила аватара корабля управления разведчику. — Ты, вообще, когда спала последний раз?

— Дня четыре назад. Вроде бы...

— Балда ты, Янка, — Саша подвинула подруге вазу с фруктами и, запустив руку в ящик, вытащила увесистую банку спецНЗ. — Лопай, чуда головастая. Мне твои мозги сейчас нужны, как ничьи другие.

Урал фыркнула, на миг представив аватару Жданов со стеклянными глазами и вытянутыми вперёд руками, непрерывно повторяющую, как в старых ужастиках, мантру: "Мозгхи-и-и-и!"

— А вот щаз я тебе ложкой в лоб оформлю, — притворно ощерилась Жданов, — за неуважение к вышестоящему офицерскому составу.

— Всё-всё, молчу и ем, — вскинула руки Ульяна и, в подтверждение своих слов, с аппетитом набросившись на фрукты, споро заработала челюстями.

Взгляд воплощения корабля управления стал серьёзным:

— Урсула просит помощи с расчётами по нашей теме. Её девочки зашиваются по полной, плюс кадровый некомплект — почти все сильные аналитики направлены в ГШ Объединённого флота. Глубинные снова нездоровое шевеление на северо-востоке Атлантики устроили.

— Помогу, чем смогу. Да и математики у неё хорошие, а без них профильные уравнения ковырять — никакого времени не хватит. Саш.. Что командование отвечает на наш запрос?

Жданов скорчила недовольную гримаску:

— Пока тишина, Ян. Павел Петрович разводит руками, говорит, если и этот запрос завернут, придётся просить личной аудиенции Императора.

Тяжело вздохнув, Урал запила недовольство чаем. Вот как так у Саши получается — в меру крепкий, в меру сладкий, в меру выдержанный по температуре — который пей и пей кружками, не устанешь, а у неё — жижка жижей, то густоты мало, то сладкого перебор, то по крепости такая ерунда, что даже несерьёзно?.. А ведь чайник один и заварка одна... Магия, не иначе.

Аватара корабля управления, не дожидаясь задумавшейся главы аналитиков, вскрыла НЗ и молча придвинула банку подруге, а то с неё станется, зацепившись мимолётным взглядом за бумаги с расчётами, вновь позабыть про пищу и уйти с головой в мир формул, уравнений, теорий и версий. Что, конечно, и неплохо... Если без фанатизма.

Но Урал и "без фанатизма" — вещи несовместимые. Увы.

Встреча

Российская империя

Полярный Урал

ЗНИИ "Эльбрус-5"

Личные апартаменты руководителя

Моложаво выглядящий высокий мужчина, заложив руки за спину, неторопливо прохаживался вдоль стены, с искренним интересом разглядывая репродукции картин российских художников-маринистов. На Т-образном столе покоились тонкая папка и тактический планшет, оставленные им сразу же по прибытии.

— Рада вас видеть, Константин Михайлович, — в беззвучно открывшиеся двери лёгким, упругим шагом вошла статная, удивительно красивая молодая женщина. Её очарование

ничуть не портили ни побитые пылью офицерские берцы, ни бесформенный комбез, ни широкий технический пояс. Накинутый на плечи светло-синий халат подчёркивал глубокую синеву глаз, а длинные волосы цвета зрелой пшеницы, собранные в торопливый небрежный хвост, только усиливали приятные впечатления.

Мужчина, плавно развернувшись на каблуках ненавязчиво дорогих туфель, открыто улыбнулся, делая шаг вперёд и распахивая объятия:

— Зоя Владимировна, моё почтение, — официальный поцелуй тыльной стороны протянутой ладони — и дружеские объятия следом. — Сразу к делу?

— Ко-о-остя, — с ехидными интонациями протянула женщина, подхватив Константина под локоток и настойчиво ведя его к перегородке, скрывающей обеденную зону. — Ну где твои манеры, орёл?

— Сокол, — тактично поправил мужчину, обозначив едва заметную улыбку.

Старая не то игра, не то забава: Зоенька старательно делала вид, что не может запомнить позывной старого друга, а мужчина подыгрывал, мягко поправляя женщину.

— Хорошо, что не гриф, — и оба широко улыбаются.

Пять с небольшим лет назад ему и в самом деле хотели сменить позывной на Грифа. Он тогда воистину чудом выжил, компактная сварочная маска полного цикла уберегла глаза и дыхательные пути, а вот волосы... Волосы перестали существовать почти полностью, своими небогатыми остатками буквально в считанные секунды из роскошно-чёрных обратившись в пепельно-седые, жиденьким воротничком прикрывающие шею и совсем немного — виски.

Если бы не воспитанники Густава, тогда ещё действительного советника Императора по прогрессивной медицине, быть бы ему сейчас при шрамах и пугать окружающих жуткой кожей, обтягивающей большую часть черепа. Но — сvezло, искусственная кожа прижилась, даже волосы восстановились в прежнем объёме.

— Костя, ты тут пока похозяйничай, а мне ополоснуться надо.

— Снова самостоятельно серверные грозди под экспертные разворачиваешь?

— А куда деваться? Техники, пока всё не раскурочат, внутрь не сунутся, и на горячую подключать не будут. А доохранилище под нормальную развёртку ещё не закончили. Так что — всё сама делаю.

Константин, кивнув, развернулся к кухонной части обеденной зоны, пытаясь по памяти восстановить, где и что у хозяйки тут хранится. За его спиной женщина, нимало не смущаясь, освободилась от рабочей формы и, забросив одежду в ячейку приёмника универсального прачечного комплекса, совершенно естественно плавно покачивая округлыми бёдрами, прошлёпала босыми ногами по резинопласту напольного покрытия до полупрозрачной, дымчатой дверки душевой кабины.

Мужчина, тем временем вспомнив расположение нужных предметов и продуктов, извлёк из вращающегося шкафчика джезву и две большие чашки — он был прекрасно осведомлён о предпочтениях Зои, с нескрываемой язвительностью и презрением отзывающейся о любителях "мелкописечных" кружечек-напёрстков, рассчитанных на один глоток. По её мнению, вкус настоящего кофе можно распробовать во всём его богатстве только и исключительно из хорошей, вместительной чашки. Кружка, конечно, тоже подойдёт, но ей ни за что не передать те нотки тепла и ласки, что способна подарить бережно удерживаемая обхватом ладоней чашка.

Константин такую точку зрения и понимал, и разделял.

Пока перемолотые зёрна доходили до кипения, мужчина, заглянув в холодильник,

только сокрушённо покачал головой и надолго прилип к сенсорному дисплею системы доставки.

Через двадцать с небольшим минут Зою, вышедшую из душевой, на ходу надевая длиннополый халат, встречали горьковатый аромат кофе и почти забытый запах яичницы с беконом, томатами и зеленью.

— Зоенька, ты, конечно, круче гор, но кушать-то надо. У тебя в холодильнике даже мышка аннигилировалась.

Женщина удивлённо вскинула бровь:

— Мышка?

— Ага. Мышка, сдохшая там гораздо ранее ввиду полного обнуления всех возможных пищевых цепочек.

Зоя, усмехнувшись в кулак, отмахнулась от претензии:

— Я последние пару лет тут только сплю, да кофе готовлю. У интиков[1] кофеварка ужасная, а спецпайки — они везде одинаковые.

Константин, спохватившись, быстро обошёл вокруг стола и, в полном соответствии с этикетом, помог хозяйке апартаментов занять место.

— Прости, со всеми этими отчётами и проверками совсем о манерах забыл.

— Уфу, — кивнула Зоя, с аппетитом уминая настоящую (!) домашнюю (!) еду. Скромную и непритязательную, но для желудка, долгое время не знавшего ничего, кроме пусть и довольно разнообразного, но, всё же, однотипного рациона — это был настоящий праздник.

Константин, пододвинув чашку кофе поближе к собеседнице, с едва заметной улыбкой любовался женщиной.

На вид — едва ли и двадцать пять дашь, даже морщинок нет, лицо чистое, правильное, красивое. Впрочем, и остальное тело ничуть не хуже — не смотря на долгое отсутствие некогда привычных тренировок, Зоя сохранила девичью статью и соответствующие формы.

— Ты не будешь? — женщина вежливо указала зубчиками вилки на так и не тронутую порцию Константина.

— Эх, Сойка, забросила ты себя совсем, — грустно вздохнув, мужчина пододвинул блюдо. — Конечно кушай, для тебя ведь старался.

Спустя несколько минут и вторая тарелка сияла первозданной чистотой, а Зоя, довольно щурясь, вдыхала аромат кофе.

— С корицей... Помнишь ещё, друг, — и, сделав осторожный глоток, довольно кивнула. — Идеально, Костя. Я тебя обожаю.

Мужчина усмехнулся:

— Лишь бы Софья не узнала о таких признаниях.

Синие глаза Зои чуть протаяли, поймав неуловимый серовато-голубой оттенок, столь характерный для неё в моменты приподнятого настроения.

— Что ж за чудо-юдо ты в жёны себе взял, Костенька? Тебя! Практически лучшего бойца Экспедиционного корпуса!..

— Обычная женщина, — чуть порозовев, перебил Зою мужчина. — Красивая, умная, приятная. Не будь в ней ирландских и венгерских корней, вообще решил бы, что твоя сводная сестрица.

— Боги, — фыркнула Зоя, внимательным взглядом изучая друга. — Смертник! Бойтся собственной супруги!

— Не боюсь я, — отбоярился Константин. — Просто Софья — натура горячая, сначала делает, потом думает. Не хотелось бы инцидентов. Тем более, ей нервничать сейчас нельзя.

— Какой срок?

— Месяц, и в родильное. Двойню жду.

— Поздравляю, — Зоя, окинув новым, совершенно нечитаемым и непонятым взглядом мужчину, улыбнулась. — Беруши сразу покупай. Или проси у советника долгую командировку куда-нибудь в запретку.

— Приму к сведению, — кивнул Константин. — Твоей егозе сколько уже? Десять?

— Тринадцать, Костя.

Мужчина невольно присвистнул:

— Время просто летит... Первичные профориентационные тесты уже сдала?

— Сдала. Догадаешься, в какой области одарённость?

— Не удивлюсь, если по твоим стопам: искины, самообучающиеся нейросети и интеллектроника.

— Почти не удивился, можно считать. У Миры на руках направление в твою вотчину, Костя. Будет в вашей Академии гранит грызть.

Лицо мужчины вытянулось.

— Именно по моему профилю?

— Да. Тестирование показало очень высокие способности именно по особому сегменту твоих верфей в области машинного конструирования, а так же смежной и практической физики.

— Это ж сколько баллов твоя дочь набрала?

Являясь куратором спецфакультета, Константин, по идее, должен был помнить проходной балл, но основная работа последнее время съедала все силы, и эту часть объёма ответственности на себе тащил его заместитель.

— Два-два-три.

Мужчина с нескрываемым подозрением посмотрел на Зою:

— Ты от кого такую гениальную родила, Сойка?

— А мои гены уже не котируются, да?

Константин в примирительном жесте поднял руки:

— Понял, был не прав, исправлюсь. За ней особый присмотр установить?

— Только если у тебя на курсах есть индивидуумы с нестабильным психопрофилем.

Она девочка спокойная...

— ...пока не начнут давить любимые мозоли, — закончил за Зою мужчина. — Вся в тебя. Признавайся, ещё и поднатаскала по спецуре?

Женщина довольно улыбнулась:

— Стандарт: рукопашка, лёгкое стрелковое, базы по партизанской, диверсионной и контрдиверсионной борьбе, некоторые специфические навыки по обращению с компьютерной техникой и интеллектроникой.

— Кошмар, — Константин в притворном ужасе схватился за голову. — Мне ещё маленького специалиста с навыками бойца Экспедиционного корпуса у себя под крылом не хватало.

— Да брось ты, Костя. Мира — человек адекватный, все стандарты самоконтроля, включая дополнительные и расширенную версию, на твёрдой платине[2], - допив кофе, Зоя с наслаждением откинулась на спинку стула. — Вкусный напиток у тебя получается, Сокол.

— Научить?

— Лучше на верфях своих головастых озадачь нормальной кофеваркой. Всех желающих ведь не обучишь.

— Хорошо. Теперь к официальной части перейдём?

— Тебе так быстро надоело моё общество? — в глазах — весёлый блеск, на губах — неуловимая улыбка.

— Сойка, времени у меня сегодня совсем мало, прости. К советнику ещё надо добраться...

Зоя, ничуть не смутившись, понимающе кивнула:

— В одном бульоне варимся, Костя. Ты же по задаче советника в мои тьмутаракани наведался?

Мужчина, кивнув, встал из-за стол и направился к принесённым ранее предметам, в то время как хозяйка, оценив количество оставшегося в кофемолке кофе, вооружилась джезвой и приступила к неторопливому ритуалу приготовления божественного напитка.

— Графики по пташкам Густава я скинула, уплотнения у них в сравнении с прошлым эталоном серьёзные...

— Да, я ознакомился. Советник запросил рескан всего состава джампера. Придётся моим красавицам основательно пересчитывать весь массив, а не только анкерные точки и сигнатуры.

— Про пассажиров в курсе, а пилотов — тоже?

— Да. Всё же первое Пробуждение на орбите, событие по всем параметрам уникальное. Техники Первого джампер уже чуть ли не на молекулы разобрали и каждый фрагмент обнюхали. По пилотам — их тоже немного задело, девочки Густава и его преемника плотно за них взялись. Так что, похоже, выборку тебе придётся расширять, причём значительно.

Зоя, кинув взгляд через плечо, кивнула:

— Мои подопечные просчитали эту вероятность самой вероятной, так что — готовы приступить к анализу, с тебя и остальной группы материалы.

— Будут тебе материалы, инфоедочка. По пилотам, скорее всего, твоих аналитиков и экзотбиологов Густава объединят, насколько в курсе, есть некоторые качественные изменения.

Услышав последние слова, женщина всем корпусом развернулась к Константину:

— Искусственные эсперы?

— Рано ещё говорить об этом, Сойка. Но шансы немаленькие.

— Принято. Буду готовиться.

Разлив кофе по чашкам, Зоя вернулась за стол, кивнув другу на пустующее место:

— Эти данные ты мог и через подсеть скинуть. Для личного визита в нашу глухомань нужны какие-либо более веские причины.

Мужчина, небрежным жестом поправив воротник кителя, кивнул:

— Помощи в расчётах попросить хотел. Всё же разовый перерасчёт уже готовых наборов на семь Дев — задачка почти невыполнимая моими ограниченными силами. Мне бы ещё две-три светлых головы, чтобы в сроки уложиться...

Зоя, сдвинув посуду к центру стола, отстучала хитрую комбинацию по ребру столешницы, превращая матово-белую поверхность в активный дисплей. Константин ничего, кроме изменения фактуры поверхности, не видел — рабочий объём был виден только глазам Сойки. Линзы ли использует, или уже на имплантаты перешла, мужчина сказать не мог, да и

не беспокоил его этот вопрос: некогда самый высококвалифицированный техник-интеллектуал особой роты Экспедиционного корпуса ни импульсивностью, ни невзвешенностью решений никогда не отличалась. Да и неприлично это — лезть в чужое тело без согласия его владельца.

— Если советник даст добро, — глаза Зои совершали быстрые движения, а левая рука характерными скупыми жестами совершала манипуляции со скрытыми от посторонних глаз массивами данных. — Да, если будет добро, одним специалистом совершенно точно смогу поделиться.

— Прекрасно, — не удержавшись, Константин потёр руки. — Я и на такой результат не рассчитывал, если честно.

— Должен будешь, — усмехнулась Зоя.

— Ради тебя — всё, что угодно, Сойка.

— Ну-ну, — фыркнув, женщина продолжила изучать видимые только ей материалы. — Кстати. При личной встрече с Иваном Николаевичем задай ему вопрос по Одиночке. Может, хоть так сумеем ребёнка расшевелить.

— Алина всё так же в депрессии?

— Увы... Благо, с куратором у неё хорошие отношения. Остальных вообще не замечает...

— Бедная девочка... — тяжело вздохнув, Константин подвинул планшет и папку поближе к Зое. — Постараюсь расшевелить советника, не дело это, когда ребёнок чахнет в четырёх стенах.

Зоя согласно кивнула:

— Отшельница. Почти каноничная. Думаю, небольшая встряска ей только на благо пойдёт.

Тихо пискнули часы на руке мужчины.

— Джампер через пятнадцать минут, Зоенька... Быстро время летит...

— Иди-иди, — улыбнулась женщина. — Увидимся ещё.

— Увидимся, — кивнул мужчина и, обняв Зою, мягко поцеловал её в бархатистую щёчку.

— Костя... — голос руководителя ЗНИИ догнал главного по императорским спецверфям в тот момент, когда он уже почти прикрыл двери. — Если Алину подключат к твоей группе — позаботься о ней, хорошо?

— Как о родной дочери, — строго кивнул Константин. — Ночи, Сойка.

— Мягкой посадки, Сокол, — улыбнулась женщина уже закрывшейся двери.

Freundschaft

Грейс, кутаясь в обязательную простынь, боязливо заглянула внутрь и тут же захлопнула дверь.

— Николь... Ты уверена, что это — нормально?

Нездоровое подозрение, закравшееся в голову ещё при попытках убедить Гнейзенау составить нам с сёстрами, Ариэллой и Зайкой компанию, обрело плоть и монументальность полноценной догадки.

— Так. Грейс. Стоп. Ты никогда раньше ни в чём подобном не бывала разве?

— Нет, — как-то жалобно, втянув голову в плечи, призналась девушка.

— O mentora, o tores! — вздохнул я, понимая, что сейчас, скорее всего, придётся долго и нудно пояснять Грейс, что, зачем и почему здесь.

— Причём здесь лекари? — хором поинтересовались сёстры.

— Ну, хоть так: о tempoга, о mores, — поправился я, — разницы-то, в принципе, никакой.

— Грейс, ты хоть где-нибудь, кроме ванной или душа, ещё бывала?

— В бассейне.

— Уже неплохо. А тут — ещё лучше.

— Николь правильно говорит, — бесшумно подкравшаяся со спины Ариэлла с важным видом кивнула на Зайку, отважно пристроившуюся в кильватер к довольным до натурального сияния сёстрам.

Наша храбрая лягушка-путешественница, умудрившаяся в незнакомом городе, при полном незнании местного языка и не имея ни одного уна или местной монеты в кармане, поймать такси до Школы, таки вернулась из лазарета в добром здравии и прекрасном самочувствии. И с превосходным знанием русского. Катарина оказалась настоящим уникамом: стать в южном полушарии Земли аватарой МПРК проекта 1231 "Дельфин"[1] — это надо быть любимицей богов.

По этому проекту построили всего два ракетносца, один так и не увидел большой воды, уйдя почти сразу же в модернизацию, а после неё — и в полное переоборудование, а второй, после тестовых прогонов, встал на боевое дежурство. Судя по листу модернизаций, в начале нулевых был отправлен на слом, однако по пути оказался перехвачен инициативными личностями из некоего КБ "Зыбь" и отбуксирован на тотальную модернизацию и стендовую отработку перспективных идей.

С приходом Тумана "Дельфин" был снят со стенда, наскоро доукомплектован до состояния "маленький, но адски злой морской конёк Апокалипсиса", и выпущен в составе сводной группы рейдеров на патрулирование и прикрытие эвакуации населения Владивостока. После первой же серьёзной стычки официально числился пропавшим без вести.

Марина поделилась соображением, что и нашей скромнице выпала сомнительная честь познакомиться с таким явлением, как вялотекущая инициация. А частичная сенсорная депривация в саркофаге сканера подтолкнула заклинивший механизм совмещения и адаптации.

— Ну же, не бойся, — подмигнув Гнейзенау, Левиафан, цепко ухватив тонкую кисть девушки, потащила её за собой. Мне же пришлось вежливо подталкивать конвоируемую, дабы не сбежала.

Мягкий жар парилки ласково ткнулся в лицо и обнажённые плечи.

Скинув простынь на верхний полок и пристроившись поверх неё по правую руку от Ариэллы, с наслаждением прикрыл глаза и расслабился, всей кожей ощущая долгожданное тепло настоящей русской парной. По центру — внушительная каменка, с трёх сторон от входа тройной ряд широких полков, слева от двери пародия на мини-бассейн в полметра высотой и со стороной в полтора, справа — коллекция пластиковых тазиков и три гордых носатых крана. Приступкой вокруг каменки — встроенная... наверно, кювета — углубление с горячей водой в широкой ступеньке, в котором тихонько зреют веники двух видов: дубовые и берёзовые.

Тягучий аромат смолы, рассеянный в сухом воздухе — что может быть лучше?

Ариэлла, оставив Грейс привыкать к температуре, села на среднюю полку рядышком с Катариной. Зайка, усевшись в позу лотоса, довольно щурилась и дышала, вслед за сёстрами,

глубоко и правильно: медленный вдох через нос, ещё более медленный выдох через рот.

— Грейс, — окликнула немку Карина, — ты чего там топчешься?

— Не знаю...

— Айда сюда, — Марина, отодвинувшись от сестры, похлопала по освободившемуся месту.

Гнейзенау окинула помещение парилки взглядом, исполненным сомнения, и только хмыкнула.

Ну да, понятно: стайный инстинкт в действии, тут как в анекдоте про Чапаева и рельсы — подвинься, присяду. Места на полках столько, что и добрый десяток немаленьких мужиков спокойно разместятся, а уж девушки... Может, и не весь курс, но половина — точно с удобствами влезет. А наша компания оккупировала довольно маленький пятачок.

Неторопливо вертя головой, ощущая, как на коже потихоньку начинают проступать капельки пота, я искренне радовался урокам, преподаваемым Кариной. Обнажённые тела прелестниц уже не смущали так сильно, как в самом начале, а реакция организма вообще доставляла: при взгляде на совершенные, изящные и откровенно прекрасные формы девушек ощущалось лишь слабое, неясное возбуждение и гораздо сильнее — укрывающее собою всё чистое, незамутнённое эстетическое удовольствие.

Может быть, дело даже не в добровольных уроках Свири, может быть, пресытился за столь короткий срок столь изрядным обилием периодически щеголяющих в чём мать родила красавиц, а может, тело просто устало вырабатывать гормоны в промышленных количествах при виде каждой аппетитной попки, стройных ножек или же преисполненной совершенством груди, и таким нехитрым образом дало мозгу время на отдохнуть и освоиться... Тьма его знает... Но — причин для претензий не вижу. И это радует.

Грейс, видимо, всё же решившись не отставать от коллектива, несмело шагнула вперёд, замерла... и, резко выдохнув, взобралась на полку слева от меня.

— Горячо!.. — ойкнув, Гнейзенау тут же заёрзала, стараясь нивелировать неприятные ощущения в ягодицах движением.

Наклонившись к девушке, прошептал в водопад светлых волос:

— Ткань под себя лучше подстелить, если непривычно.

— Хорошо, — кивнув, Гнейзенау встала на средний полку и принялась разматывать простыню, явив через несколько секунд великолепную спинку и не менее шикарную, подтянутую попу. На верхней половине правой ягодицы вольготно раскинулась небольшая цветная татуировка. Рогатая мультяшная коняжка разводила над головой передние копытца, а между ними сияла радуга. Поверх животинки, повторяя контур радуги, шла мантра, выполненная не то рунической готикой, не то стилизованными под готику рунами: *Freundschaft ist Magie*.

Проводив взглядом идеальную по форме округлость, улыбнулся Грейс:

— Милая татушка.

Щёки Гнейзенау зарделись смущением:

— Честно?.. Всё никак свести руки не доходили...

— Зачем сводить? Необычно и красиво же.

Грейс морщила носик:

— Скажем так: это память о не самом моём примерном поведении и далеко не образцовом эпизоде жизни.

— А мне нравится.

— Спасибо... — ну вот, засмущал девчонку. Мило щёчки рдеют, прям загляденье.

Ариэлла, пошептавшись о чём-то с Зайкой, подхватила Катарину под локоток и утащила сияющую довольной моськой девчонку на верхние полки чуть в стороне от нас, где девушки и растянулись лёжа.

Так и сидели, греясь и нежась, и наслаждаясь мягким ароматным паром, когда по переходящей очереди одна из нас бегала щедро плеснуть воды из кюветы на камни. Воздух, насыщенный неуловимо-родными запахами прекрасной парилки и леса, буквально купал тело, смывая накопившуюся усталость и насыщая восприятие новыми вкусами и ощущениями. На поговорить никого не тянуло — смысл в этом, когда всем вокруг и тебе самому хорошо так, что хоть пищи от радости?

Некоторое, совершенно неопределённое время спустя Катарина, проявив недюжинные организаторские и увещательные способности, умудрилась сагитировать почти весь наличный народ на поплескаться в купальнях, дескать, отмокнут, и с новыми силами в бой. Сиречь, обратно в парную. Или в сауну, что не столь уж и концептуально.

Так что остались мы с Грейс в парилке одни. Мне не хотелось никуда идти, а Гнейзенау явно вошла во вкус и, пребывая в полудрёме, просто получала удовольствие от новой и непривычной обстановки.

— Николь, вопрос задать можно?

— Задавай.

— А зачем так много этих странных букетов из веток в горячей воде? Для аромата хватило бы и двух-трёх...

Я тихонько рассмеялся:

— Этот, как ты его назвала, "букет", в России называется веником. И дать вкусный запах — это всего лишь второстепенная задача.

— А первостепенная?

— Снять усталость и привести организм в тонус, конечно же.

Немка мотнула головой:

— Не понимаю, как это.

Соскользнув с полка, протянул Гнейзенау руку:

— Объясню. Но сначала нужно немного подостыть и восполнить баланс воды в организме. Излишний перегрев ещё никому не шёл на пользу.

В предбаннике заботливые дежурные по комплексу заполнили штатный холодильничек неплохой коллекцией не содержащих сахара соков, минералкой и... родного ржаного кваса.

— Странное пиво, — пробормотала Грейс, сходу ополовинив литровую кружку. — Безалкогольное, что ли?

— Да нет, алкоголь там есть... Процент или два, если настоящий квас, полпроцента и меньше, если промышленного брожения и фильтрации.

— Неплохая вещь, — Гнейзенау, кажется, меня так и не дослушала, в один заход добив остатки напитка. — Плеснёшь ещё?

В общем, суровая умничка с моей лёгкой руки основательно подседа на русский народный напиток. Ей он хоть и отдалённо, но напоминал родные сорта пива, которые здесь если и найдёшь, то не употребишь по назначению: на первом курсе введён сухой закон, имеющий лишь три или четыре минимальных исключения праздничного характера.

Впрочем, цели накидаться до лёгкого опьянения девушка перед собой не ставила, остановившись после третьей кружки.

Девчонки так и потерялись с концами, у других Дев желания распарить косточки не выявилось, а может — в финской или турецкой осели, а может и в классических римских термах. Но факт остаётся фактом: в парилке, кроме нас, народу не было.

Пока Гнейзенау размещалась на верхних полках, я успел набрать бадейку горячей воды, разбавив крутой кипяток умеренно-тёплой водой из кюветы, и вооружиться двумя увесистыми, в меру кустистыми дубовыми вениками. Для полной аутентичности, конечно, ещё бы войлочную треуголку или иную шапку, да плотные краги — но чего нет, того нет.

— Ложись, — припарковав тазик, я указал пальцем на светлые доски надстройки.

Грейс покосилась на приготовленные орудия и в глубине её глаз зародилось отчётливое сомнение.

— Зачем?

— Я возьму веники и буду тебя ими бить, — я пожал плечами. — Тебе будет хорошо и приятно.

Глазищи Гнейзенау определённо решили побить все рекорды, поставленные авторами нихонских комиксов. Грейс даже попыталась отползти от меня как можно дальше, да только стенка за её спиной с этим оказалась категорически несогласна.

— Я не мазохист! — От волнения девчонку, практиковавшую русский, пробил характерный немецкий акцент.

— Все так говорят, солнце, — успокоил я Грейс и вновь указал на полку. — А теперь будь добра, не пререкайся, доверься специалисту — и ложись на живот, буду делать тебе хорошо.

Минут через тридцать постепенного почти массажа коварным дубовым веником сменил вооружение на берёзовое, перейдя к более активному рисунку парки. Немке ещё нежные, едва ощутимые касания дубовыми листьями доставили немало удовольствия, особенно в контрасте с "дождиком" — когда мелкой тряской сбиваешь капли со свежееокунутых листьев на жертву, и с секундной задержкой уходишь в атаку. Грейс мурлыкала, что-то неразборчиво лопотала на родном, сладко жмурилась и подгибала пальцы на руках и ногах, всем своим видом показывая — такой "мазохизм" непонятных русских ей явно пришёлся по душе.

Дубовый веник — штука весьма суровая: широкий лист не бьёт, но гладит, и ощущения в результате сильно отличаются от работы той же берёзой, словно идёшь биться за титул мастера всея муай-тай, а на ринге вместо жилистого попрыгунчика, резкого, как понос, и веского, как рессора от трактора "Беларусь" по затылку, тебя встречает милая улыбочивая девушка и проводит полный комплекс расслабляющего массажа. Даже в таких местах, о существовании которых ты даже не догадывался.

"Догони потом" — так этот эффект называют. Стоит телу чуть успокоиться и оказаться вне высоких температур, до мышц почти мгновенно доходит, что им пришлось напрягаться — и чистая приятная усталость только усиливает желание спать.

Я коварен, да.

Не как веник, конечно, но устоять перед милой моськой кайфующей Грейс — вне пределов моих возможностей.

А сменив дуб на берёзу, частично нивелировал постэффект первого веника. Мышцы сейчас сами разгрузятся как надо, и немка гарантированно не уснёт в предбаннике.

Гнейзенау настолько заразительно вытягивалась под ударами веников, столь соблазнительно порывивала и закатывала глаза, что я полностью потерял связь с реальностью.

— Ага, попалась! — Тонкие руки обхватили меня за талию, ногти, вызывая приятную дрожь во всём теле, перебором прошлись от пупка до мечевидного отростка, а потом две узких ладошки бережно, но совершенно по-собственнически сжали груди. Ощущение... Приятное во всех смыслах.

— Сладкого много нельзя, — хихикнув, Свирь мазнула губами по шее и убрала ладони с груди.

— Верни на место, — тут же потребовал я, не прекращая, впрочем, процесса доставления приятности Грейс.

Интересно, сколько я уже над немкой тружусь? Час? Два? За это время даже самого крепкого и сурового мужика можно ушатать до полной бессознанки. А Девы... Девы Флота — девочки весьма выносливые. Им от такого — только пожать плечами и спросить недоумевающе: "И это всё?"

— Я подумаю, — Карина, выглянув из-за моей спины, одобряюще кивнула: — Хорошо идёшь. Подвинешься? Будем дуэтом в четыре руки приобщать нашу красавицу к вечному и прекрасному.

И дело пошло веселее. Я работал берёзовым, Карина — дубовым, разница в рисунке соприкосновений листьев и кожи, судя по совершенно расфокусированному и абсолютно довольному личику Грейс, доставляла немке столько новых и приятных ощущений, что, будь её воля, она здесь бы и осталась навсегда.

Но — нет.

Напор постепенно сбавили, последние удары сменив и вовсе поглаживающими, скользящими поверхностными прикосновениями.

Гнейзенау, явно преодолевая чудовищную лень, кое-как приняла вертикальное положение и, опёршись спиной о стену, широко и искренне улыбнулась:

— Это... это просто фантастика...

— Я же говорила.

— Почти оргазм, — кивнула Грейс.

— Всё, дорогая, сейчас бегом много пить и отдыхать в предбанник, — не терпящим возражений голосом скомандовала Свирь и, дождавшись, пока аватара Гнейзенау, выдерживая приличную амплитуду, скроется за дверью, повернулась ко мне. — А теперь ложись ты.

Я почесал в затылке:

— Её бы проконтролировать... Хорошо расслабилась девочка, как бы с непривычки не спеклась.

— Ничего, сейчас попьёт, отдышится, а если и уснёт — разбудим. Ей только на пользу пойдёт.

— Ладно, — кивнув, полез на полку.

— Тебе пожарче?

— Конечно!

— Даю жару, — козырнула Карина и опрокинула на камни один за одним три полных ковша воды.

И началась жара.

Свирь оказалась более чем высококлассным специалистом по банным процедурам, то, что вытворяла рыжая прелесть с вениками и моим телом, отказывалось укладываться в какие-либо ассоциативные рамки — слишком хорошо, слишком качественно, слишком

великолепно... Слишком много всевозможных "слишком", чтобы всё уместилось в голове. Тем более в голове, в которой и мыслей-то как таковых — не осталось. Только сплошная волна удовольствия, подпитываемая мышцами, получающими прекраснейшую стимуляцию массажного типа.

В какой момент к Свири присоединилась Грейс, я не заметил. Просто как-то дошло, что вместо двух веников по мне работает три, а справа от Карины азартно улыбается аватара Гнейзенау.

Потом долго и шумно отфыркивался в микробассейне, внаглую утащив с собой пару кружек кваса. Что забавно — эффект мессии не сработал. Есть, конечно, подозрение, что он начинает работать только на морской воде... или же включается при наличии какого-то минимального объёма жидкости, которому в этом бассейне просто неоткуда взяться.

Если последнее верно — я, можно сказать, дополнительно счастлив: значит, ванна для меня не осталась в прошлом. А это не может не радовать.

Отдышавшись, присоединился к Грейс — в четыре руки делать хорошо Карине. Медсестричка довольно пищала, жмурилась и временами стонала настолько будоражающе, что в коленях невольно появлялась слабость, а по телу катилась волна откровенного возбуждения. Даже Гнейзенау зацепило — покраснелась, дышит часто, и ножки характерно подгибаются.

Чуть позже ввалилась и остальная гвардия, возглавляемая Мариной. Народу прибыло прилично — почти весь курс, плюс ещё несколько старшекурсниц следом заскочили.

Пара минут — и свободных веников не осталось. Думал, старшие наедут — типа, нерациональное использование инвентаря, но нет, пронесло. Просто сели рядышком и, с явным удовольствием лоя кожей неминуемо разлетающиеся капельки воды и соответствующие колебания горячего воздуха, уведомили, чтобы божественные опахала не убирала по окончании.

Погоняв Свирь ещё минут с полчаса, сообща решили: отдыху бысть.

Всё же девушку славно уработали — кривая пути едва ли не круче, чем у Грейс получилась. Пока немка набирала тазик прохладной воды, подхватил Карину на руки и, как заправский герой, принёс её к мини-бассейну, где Гнейзенау и вылила на нашу красавицу положенный ушат водицы. Свирь только протяжно мурлыкнула — и, с явным сожалением покинув мои руки, перебралась отмокать в прилегающую ёмкость.

Присев на бортик, запустил руку в роду. Просто приятная прохлада. Грейс присела с другой стороны, сходу взявшись автоматически перебирать волосы Карины, отчего медсестричка притихла и, счастливо улыбаясь, кажется, вообще выпала из нашей реальности.

— Не спать, рыжая, — зачерпнув ладонью немного воды, аккуратно вылил её на нос счастливой Карины.

— Не сплю, — хмыкнула Свирь, и, разжмурив один глаз, покосилась мне за спину. — Просто народ пока ополаскиваться не торопится.

Вздыхнув, девушка с головой ушла под воду, а вынырнув, молча пошлёпала в предбанник. Переглянувшись с Грейс, без слов последовали за ней — программу-минимум по парилке на сегодня можно считать выполненной.

Некоторое время спустя, отдышавшись и вволю упившись квасом и минералкой, побыстрому поплескались в купальне, помылись — и ещё с полчаса обсыхали, ровно до того момента, как по системе внутреннего оповещения старшая по комплексу не сообщила, что

остался час до ужина.

— Нормально так мы поплескались, — резюмировала Свирь, яростно растирая волосы.

— Вы, русские, конечно, сумасшедшие, но вот эта вот сауна с букетами из веток деревьев — это что-то запредельное крутое, — призналась Грейс, осоловевшим взглядом косясь на прихваченную кружку кваса. — И не-пиво это странное... Тоже великолепная вещь.

Я подмигнул Карине:

— Чувствуешь, как гордость распирает?

— Ещё бы, — хмыкнув, девушка вооружилась расчёской и, уставившись в зеркало, принялась приводить подсохшие волосы в порядок.

Грейс, зевая, уже неторопливо одевалась. И когда только успела так быстро высушить и расчесать не в пример более длинные волосы?

Как и я, Гнейзенау предпочитала бюстгальтерам топы — и с её отнюдь не бедными пропорциями зрелище выдавалось на редкость умиротворяющим и ласкающим взор. В выданный интендантом комплект таковые входили в весьма приличном количестве, с которым, если бережно обращаться, можно спокойно дожить до следующей пересменки.

— Грейс, тебе бы на обложки рекламных журналов и проспектов — цены бы не было, — я улыбнулся подзависшей немке.

— В смысле?

— Ника хочет сказать, что редко на ком идеально смотрятся унитарные вещи, такие, как армейское бельё, например, — оторвалась от расчёски Свирь. — А значит, обычное гражданское, а особенно модельное — на тебе будет сидеть так, что любой человек весь разум потеряет и, задавив жабу, побежит покупать то, что ты бы могла прорекламирровать.

Гнейзенау конкретно зависла.

— Что значит "задавить жабу"?

— Это афоризм такой, — пояснил я, — когда говорят "жаба душит" — имеют в виду, что, хоть и хочется что-то, но потратить на это деньги — неразумная, избыточная роскошь. Задавить жабу, соответственно, означает — преодолеть всю прижимистость и скупость, и приобрести то, чего, по факту, обычно и не надо, но очень хочется. Как говорится, понты дороже денег.

— А вот эту фразу пока даже не пытайся осмыслить, — вовремя вклинилась Карина, спасая разум Гнейзенау. — На одних нюансах мозги расплавить можно.

— Чокнутые русские, — фыркнула немка, встав напротив зеркала и явно пытаюсь понять, а не подколка ли это от тех самых "сумасшедших русских".

— Мы не чокнутые, мы — своеобразные, — парировал я Грейс, с нескрываемым удовольствием разглядывая девушку. Свирь, впрочем, тоже то и дело косилась на Гнейзенау, бросая время от времени абсолютно односмысленно читаемые одобряющие взгляды.

Мать-Тьма, а ведь повезло мне всё же с соседкой! И сама приятная, и знает немало, и всегда готова растолковать и объяснить, про массажи, кои она начала практиковать на мне и Гнейзенау пару дней назад — вообще можно не заикаться, после них, если вечерние, спишь, как убитый, а если утренние — бодрости раза в два-три прибавляется. Настоящее рыжее чудо. И даже не бурчит, когда с перекуров возвращаюсь.

Если позволят формировать свою эскадру — всё же некогда, в далёком и седом прошлом, действенный флагман, — наизнанку вывернусь, но Карину к себе припишу. И Грейс. И Викторию. И Ариэллу. И Зайку. И ещё есть на примете несколько интересных

кандидатур. Благо, спасибо разъяснениям Свири, моя калечная скорость в 17–19 узлов осталась в прошлом, на той же свалке истории, на которой осели и столь яростно рисуемые мангаками совершенно топорные "снасти" первого поколения, чьи потомки получили название "варсыют".

Вообще, Свирь несказанно обрадовала, когда я всё же пересчитал ТТХ того конгломерата механизмов и судебных, что звался "Император Николай I", и капитально взгрустнул, ибо получалась из меня, в худшем случае, плавучая батарея, а в лучшем — береговое охранение. Даже тяжёлые варсыюты последних поколений вытягивают скорость хода до золотого стандарта в 42 узла. Мореходность в "Скобе" — семь с копейками баллов, в типичном, как легко окрестили канмусу-геймерши тяжёлый доспех, хэвике — и девятку без проблем пережить можно.

Что, несомненно, есть очень даже хорошо: скорость у всех более-менее равна, и нет необходимости в боевом ордере тащиться со скоростью самого мощного, но самого слоупочного линкора или тяжёлого крейсера.

Увидеть бы ещё эти самые сыюты вживую...

Мне они почему-то виделись сильно уплотнёнными гидрокостюмами, оснащёнными такими призрачными, почти невидимыми на фоне постоянно движущейся волны и облачности, обвесами. Не в духе рисованных раскоряк, когда тот же авик имел все шансы получить дифферент на борт и на полном ходу зарыться в волну из-за излишне длинной имитации взлётной палубы, а словно бы силуэт корабля мелькает на миг позже тебя, незримым носом разрывая волны и, повинувшись твоим рукам, как жестам дирижёра — наводящим орудия на цель.

Но ничего. Сестрички просветили, что, как правило, неделю-две гоняют в тренировочных унитарных сыютах, а после уже происходит и первичная инициализация родного оборудования. Так что полтора-два десятка дней я уж точно потерплю.

За такими мыслями совершенно не заметил, как уже полностью оделся. С удовольствием окинув довольным взглядом Свирь и Гнейзенау, одетых в юбочную форму, поправил галстук и, запихнув в рюкзак бельё, гигиенические средства и полотенца, направился на выход:

— За мной, мои отважные леди. Наш враг — ужин, и он будет уничтожен до последней крошки хлеба!

— Это точно, — оживлённо констатировала Грейс, синхронно с Кариной проурчав пустыми желудками. — А ещё лучше — было бы получить удвоенный спецпаёк.

— Мечты... — Свирь, закатив глаза, пожала плечами и, пристроившись в кильватер Грейс, последовала за мной.

Флагман, етить твою коромыслом.

Если хочешь быть здоров...

Я сидел на кровати и пустым взглядом смотрел то на гидрокостюм, то на собственные руки, комкающие похожий на гладкую кожу материал.

Руки ощутимо дрожали.

— Отходняк?

— Он самый, — я посмотрел на Свирь. На сохнувшие волосы накинуто полотенце, глаза блестят, сама светится от счастья так, что напоминает маленькое рыжее солнышко.

Студсовет устроил нам сразу же после завтрака полноценное культурно-массовое мероприятие. Особо впечатлило перетягивание бакена. Точнее тот факт, что вместо каната

использовалась цепь толщиной звена в мой кулак.

Совершенно неожиданно простенькая, вроде бы, игра оказалась чертовски увлекательной. Даже не смотря на то, что против нашей стайки первокурсниц выставили сводный отряд второго и третьего курсов, мы таки превозмогли и под конец знатно пробуксировали полтора десятка красавиц по акватории первого водного полигона. Инерция, все дела.

Потом долго разглядывали звенья цепи: деформированные, с глубокими отпечатками наших нежных ладошек и тоненьких пальчиков.

Впечатляет. Ещё круче, чем фото последствий канмусовских срывов и душевных порывов. Там — фото, тут — можешь сам пощупать и убедиться. И понять, что будет с человеком, если ты его потискаешь.

Карина, вытянув ноги, шевелила аккуратными розовыми пальчиками, с явным интересом разглядывая их.

— Слушай, вопрос есть...

— Они у тебя хоть когда-нибудь отсутствуют? — и улыбается так, что сразу понятно — без подколок сказано.

— Когда сплю, — пожав плечами, тоже уставился на лапки Свири. Изячные, красивые. — Вопрос: почему для нас вообще возможна та же баня?

— А, цепочкой впечатлилась? Ну, если бы веником промахнулась — была бы хана полкам.

Попытался представить... Почувствовав, что мозг готов выкипеть от картины "хрупкая девочка ломает веником пачку толстых досок", потряс головой, словно бы это движение и в самом деле было способно выкинуть из мыслей представленный образ.

— Да всё просто, — тихонько рассмеялась Свирь. — Поле, имеющее место быть и возле нас, распространяется в каком-то смысле и на предметы, находящиеся в непосредственном контакте с нами. Потому и одежду повредить может только точное попадание основательным бронебойным или добротным фугасом, потому и те же веники нами могут ощущаться. Это поле — штука крайне своеобразная. Мы точно знаем, что оно позволяет нам взаимодействовать друг с другом почти как люди, оттого и можем посетить сауну, ощутить удовольствие от чужого прикосновения, понежиться на солнце, наслаждаясь теплом и ветром, различать вкусы и запахи — то, что осталось в нас от людей, словом. Но, на примере того же веника: окажись вместо Грейс или меня на том полке человек, хоть голый, хоть в десантно-штурмовом экзоскелете сверхтяжёлого класса — после одного-двух твоих нежных ударов получившуюся органическую кашу можно было бы опознать исключительно по ДНК. И то — её пришлось бы сначала выделить из той кровавой пыли с вкраплениями дерева, металла и керамики, что витала бы по всему объёму парилки.

Умеет девочка описания давать... Тут не то, что кровь в жилах стынет — тут на горшок бегом хочется.

Но кое-что всё же осталось непонятным.

— Но раз поле распространяется на то, с чем соприкасаемся — и, видимо, включает это в наш набор физических констант, — почему нам с людьми-то нельзя?

— Лязь, — Свирь, освободившись от полотенца, потянулась. — Но это как с грибами — можно все, но некоторые — только один раз в жизни. Экстраполируя на Дев — с людьми можно относиться... относяться?.. иметь отношения, в общем. Но для них это будет первый и последний раз. Не в состоянии наше поле вобрать в себя человека полностью.

Даже чуть-чуть прикрыть не может. Умные головы над этой проблемой какой год уже впустую бьются, а решить не могут. И объяснить толком, словами, тоже не могут, бо не понимают сами — как оно в слова уместается. На подготовке старшие показывали математические модели работы поля... — Карина, вздохнув, покачала головой. — Двадцать четыре листа формата А2, с двух сторон заполненные одним уравнением — и это только базовое введение в попытку понять, что же за выверт эволюции мы есть. Ну а поле... Знаешь, Ника, проще смириться с тем, что оно есть и не распространяется на остальной вид homo sapiens sapiens в любом из его представителей. Катастрофических последствий гораздо меньше будет.

— Понятно...

Бросив взгляд на часы, тоскливо прислушался к основательно опустевшему после азартных соревнований желудку. Ещё два часа... А НЗ как-то не додумался отзначить.

— Пойдём обедать?

— Время... Или тут есть кафешка какая-нибудь?

Карина потрепала меня по волосам:

— Кафетерий через пару недель запустят. Сегодня какой день?

— Воскресенье.

— Во-о-от! Методичка 1-12, страница номер три, последний абзац.

Пошарив в кипе методичек, выловил нужную, открыл по заданному адресу. И как мог проморгать? В выходной по расписанию только завтрак и ужин-С, причём первый — исключительно в те дни, на которые запланированы мероприятия. Время принятия пищи не имеет жёсткой фиксации, можешь хоть на второй завтрак сбегать, хоть отобедать сразу же перед ужином.

— В Школах Империи Девы называют этот день Днём обжорства. Так пойдём?

— Спрашиваешь ещё! — и, повесив гидрокомбез в хранилище, я отправился одеваться.

***

Глупо было бы считать, что утренним перетягиваем канатов всё закончится. Да, часть девчонок открестились от работы с цепью, но загремели под строгим взглядом Нагато на водный футбол, обещавший затянуться до наступления стандартного времени обеда.

А Влада, озвучив благодарности всем сторонам тягания бакена, предложила или присоединиться к болельщикам, или отдыхать.

После того, как мы со Свирью изрядно удовлетворили пищевые потребности, перед нами встал в полный рост вопрос: а теперь-то что делать? Времени свободного оказалось в преизбытке, что, после нагрузок последних двух недель, казалось чем-то шокирующим и откровенно странным.

Однако — вскоре по общаге пробежалась посыльная от Мутсу с опросом о приёме пищи и наличии планов, и, расчеркав что-то в блокнотике, умчалась на доклад.

Минут через десять дежурные по этажу оповестили о сборе свободного состава первого курса.

— Итак, дорогие мои красавицы, — Влада, переодевшаяся в гражданскую одежду: кеды, песочного цвета карго и майку, встретила нас на площадке перед входом. — Завтра начинается учёба, даваться она будет кому-то легко, а кому-то совсем наоборот. Но это будет завтра. А поэтому у меня для вас есть предложение.

Мутсу, сцепив руки за спиной, прошла вдоль строя.

— По себе знаю: с таким режимом дня и нагрузкой пустые лакуны времени превращаются в зыбучие пески, исполненные тоски, безделия, непонимания и всего такого прочего. Поэтому предлагаю всем желающим отправиться в кинозал, через тридцать минут начнётся первый фильм. Трансляции закончатся за три часа до отбоя, этого вам вполне хватит, чтобы принять ужин, подготовить канцелярские принадлежности и форму к первому учебному дню, а так же принять душ. Помимо радости от общения с эксклюзивными новинками кинопроката вам доступны библиотека и компьютерный зал, стадион, полосы препятствий один и два, под контролем инструкторов — бассейн и первый водный полигон, где сегодня проходили соревнования. Вопросы есть?

— Курсант Зоуи, воплощение ДАК "Сайпан", тип "Тарауа", — голос смутно знакомый... Чуть качнувшись, удалось поймать лицо вопрошающей. Мда... Неожиданно... Девушка бодрым голосом продолжила: — Позывной "Выскачка". Разрешите обратиться, госпожа инструктор?

Влада улыбнулась уголками губ:

— Обращайся, Зоуи.

— Можно узнать заранее список кинопоказа?

— Можно. Программа обычная, действующая всё время обучения: пакет из трёх полнометражных фильмов и двух эпизодов сериалов. На сегодня: комедии — две штуки, обе ретро — тематическая "Поднять перископ" и "Академия копов", а так же анимационный боевик "Серебро и сталь", и пилотные серии "Конвоя PQ-17" и "В гостях у сказки".

— Благодарю, госпожа инструктор. Вопросов больше не имею.

Ыть! Вот что пендель животворящий делает. По интонациям чувствуется — нет у Зоуи вражды к Владе. Осознала, прониклась, исправилась. За Мутсу даже гордость взяла — зеленоглазка таки умеет давить проблемы в корне.

— Разрешите вопрос? Тереза, аватара крейсера Данкерк.

— Слушаю, Тереза, — а у самой в глазах едва уловимый, озорной, понимающий блеск.

— Эм... Приватный вопрос, госпожа инструктор... Можно как-нибудь... в стороне задать?..

Влада понимающе улыбнулась:

— Можешь не конкретизировать, Тереза. Не надо быть Шерлоком, чтобы понять. Увы, по организационно-техническим причинам придётся недельку подождать. Продержитесь?

— Так точно, госпожа инструктор! Будем держаться. Вопросов больше нет.

Свирь легонько коснулась тыльной стороной кисти моей руки, чуть стукнувшись костяшками о костяшки, — и я с трудом подавил в себе желание сжать её пальцы своими.

А от француженок донёсся ощутимо плотный фон нетерпения, ожидания и понимания. И вызывающее лёгкую щекотку в зачелюстных впадинах ощущение насыщенного обмена данными по зашифрованному каналу.

— Ещё вопросы есть? Вопросов больше нет, — крутнувшись на пятках, Мутсу бросила взгляд на массивные часы и кивнула. — Кто в кино — идёте за мной, колонной по два, не растягиваясь и выдерживая ритм. Остальные — ждут Нагато, после подходят к ней и получают направления. Вольно.

Я немного наклонил голову в сторону Свири:

— Карин, ты в кино или на воду?

— А можно просто побуду твоим хвостиком?

— В смысле?

— В смысле, самой лень думать, Ника. И особо никуда не хочется. Так что с твоего разрешения — просто пойду с тобой, куда захочешь.

Лилиана и Тереза чуть ли не в голову колонны встали, разве что за ручки не держатся. Вид выжидательно-счастливый и абсолютно независимый. Ну да, спевшаяся, слаженная парочка. Что в столовой, что на занятиях и ФИЗО показывают такую завершённую синхронность действий, что любые плавуньи-синхронистки с горя обрыдаются.

— Милашки, да?

Свирь пожала плечами:

— Видимо, удачное наложение аватар на уже сложившиеся отношения прежней жизни.

— Голос у тебя какой-то... дрожащий?

— Нормально всё, — отмахнулась Карина. — У меня наложение тоже профильное получилось, как и у сестёр: всё семейство поколений на восемь минимум назад — сплошь с медициной связаны, если не полевой доктор и не хирург, так травник или какой-нибудь академик.

— Впечатляет, — я легонько ткнулся плечом в плечо Свири. — Но голос-то дрожит.

— Честно? — Карина оглянулась и, убедившись, что мы замыкающие, вытянув шейку, прошептала в ухо: — Завидую немного.

— Чего так?

— Гармоничные, — вздохнув, Свирь опустила взгляд под ноги.

— И?

— Вот и "И", — девушка ещё раз вздохнула. — Как-нибудь потом, ладно?

— Ладно, — ну, не хочет говорить — её право.

А потом было кино.

Сам зал — кресел на двести-двести пятьдесят, сиденья широкие, удобные. Сходу занял место на задних рядах, в паре кресел от визуального центра помещения. На нашем же ряду, в самом дальнем от входа уголке, тихо и незаметно устроились француженки.

Забавное такое распределение, если смотреть на зал сверху, пока свет не выключен: от первых рядов до середины народу набилось едва ли не больше, чем килек в банку, а дальше — неравномерно рассеянные островки на одну-две головы — с порядочным расстоянием друг между другом. Попробовал узнать уже знакомых девушек по затылкам и некоторым характерным им элементам причёсок. Почти в самой середине — между толстой косой Марины и собранными в хвост широкой красной резинкой волосами Грейс — не поддающаяся укладке белобрысая макушка Виктории, чахлым топляком едва-едва вынырывающая над краем кресла. Между центром и задним рядом, сильно левее, почти у самого края прохода — знакомое множество колечек в выглядывающем из копны волос ушке — это Ариэлла. На ряд ниже, но справа — уже знакомый профиль Зайки.

Осмотревшись ещё, примерный расклад понял. Спереди сидят надводники, остальная вольница — подлодки. Ну и мы со Свирью и француженки — белые вороны или заблудыши.

Да и пофиг. Тут, если что, можно и покемарить без палева, благо, последние три ряда почти на одном уровне, чуть сползёшь, упрёшься ногами во впередиидущий, и никто и не заметит, пока сам сюда не поднимется.

Потом погас свет, а через несколько секунд началось и кино...

...на которое мы беспросветно забили.

По-крайней мере, я точно забил. Просто картинки и звук ушли на фон, а

полудреmlющий мозг как должное воспринял сначала судорожно стиснувшие мою ладонь пальцы Карины, а после — так и оставшиеся в ней. Сознание брело странной тропой полусна, где картинки, демонстрируемые проектором, совершенно органично накладывались на пейзажи, которых я никогда не видел: бурое море, полное белёсых овальных тел, время от времени выбрасывающих вверх тонкие длинные щупальца; красные, неестественно яркие скалы, теряющиеся макушками в киновари низких облаков; космос — сияющая всеми цветами туманность, сквозь которую, медленно взмахивая широкими крыльями, скользит стая похожих на скатов... существ?...кораблей?..

И на всё это накладывается тянущая приятность прикосновений Свири. Девушка, едва касаясь моей кожи самыми кончиками подушечек пальцев и ноготками, рисует на ладони неторопливые абстракции, скользит вдоль пальцев — и так же медленно возвращается обратно, чтобы вновь продолжить ласковые рисунки. Я отвечаю ей тем же — наверное, организм реагирует на уровне рефлексов: нельзя просто получать, не отдавая ничего взамен.

Даже фильмы о Тумане уходят на задний план. И в душе никаких шевелений и жажды мести и крови. Ну, погиб, выполняя свой долг. С кем не бывает? У них своя задача, у меня своя. Им нельзя выпускать людей в море, нам нельзя позволить им атаковать береговые базы, форты и батареи до тех пор, пока население и личный состав не будут выведены в безопасную зону. Удалось задержать? Удалось. Задача выполнена. Туман вычистил побережье без сопутствующих человеческих жертв? Совсем хорошо. Значит, мы-экипаж-я-корабль погибли не зря.

Только на "Сказке" заметно оживились, я даже из дрёмы вынырнул — главный герой очень уж человечным получился, да и Туманница не выглядела машиной, заточенной под неумолимый экстерминатус человеков. Холодная арктическая барышня. Приятная. И игра актёров — на высочайшем уровне. Что есть удивительно — что-то неуловимое в глубинах памяти говорило, что российские актёры сериалов и качество исполнения — вещи несовместимые в принципе. Хотя... Столько лет прошло с моей смерти — может, всё же взялись за ум?

Ужин, душ, подготовка одежды и вещей, ужин-С — проскочили сплошной каруселью — дремота, всё же, иногда выматывает посильнее, чем жёсткое недосыпание.

Последнее, что отпечталось в памяти, как Свирь в темноте скользит ко мне, и, забравшись под одеяло, прижимается к плечу — и тут же засыпает; тепло, уютно.

И спокойно.

Песня Жизни

Девушка металась во сне по узкой кровати. На искажённое мученической гримасой лицо падал рассеянный свет ночника. Иногда она вздрагивала и, широко распахнув ничего не видящие глаза, замирала на несколько мгновений, чтобы чуть позже вновь сминать судорожно сжатыми пальцами пропитавшиеся холодным потом простыни, чтобы вздрагивать, словно от незримых, но оттого не менее чудовищных по силе ударов.

Громко вскрикнув, девушка резко, одним слитным движением, села на кровати. Грудь часто-часто вздымалась, от заполошно бьющегося сердца, казалось, рёбра готовы раскрыться, с треском разлететься, освободить взбесившийся насос. Льяная форменная рубашка, служащая ей ночным бельём, рассчитанная явно на не в пример более крупного мужчину, насквозь пропиталась потом, мокрая ткань неприятно липла к телу и холодила кожу, отчего ей казалось, что огромный шершавый язык держит её в плену, топит липкой слюной.

Но — дыхание понемногу успокаивалось, взгляд из безумного превращался в осмысленный, а разум выплывал к свету.

Лёгкий стук в дверь не стал для неё неожиданностью: характерное подволакивание левой, некогда перебитой и неправильно сросшейся ногой, она услышала ещё у нижней площадки лестницы. Дед Игнат всегда предупреждал о своём приближении.

— Да, — тихо сказала она. И не узнала свой голос — хриплый, рычаще-надломленный.

Старик, едва открыв дверь и увидев сидящую девушку, с неожиданной для своего возраста и увечья грацией и бесшумностью быстро преодолел три метра пустого пространства, на ходу успев выдернуть из заспинной кобуры-тубуса продолговатый цилиндр термоса.

Девушку всегда удивляло, как этот пожилой мужчина умудряется одной рукой управляться с этим непростым контейнером. А деда Игната такие мысли не волновали. Он видел, что девочке плохо. А раз плохо, то надо помогать. Дрожит крупной дрожью, и рубашка ледяная настолько, что ещё чуть-чуть, и начнёт парить в тёплом воздухе спальни.

Привычным резким движением большого пальца заставил крышку пройти всю резьбу и освободить заткнутое пробкой горлышко. Наклонить термос, уронив заглушку дном на простыни, продеть два пальца в петельку и чуть потянуть на себя. Пробка поддается, освобождая горлышко, и тёмная горячая жидкость льётся в получившуюся кружку. Термос в сторону, подцепить питьё — и вложить в трясущиеся руки бедняжки.

— Внучка, быстро пей — и бегом переодеваться, неровен час застудишься.

Шмыгнув носом, кареглазая кивнула и одним заходом влила в себя напиток.

— Горячий же... — запоздало предупредил дед Игнат, но, видя, что девочка не торопится кашлять и шипеть, только кивнул. — Давай переодевайся, а я пока ещё плесну.

— Хорошо, — голос у неё механический, ровный, что не может не беспокоить старика.

— Снова кошмары? — спрашивает уже в удаляющуюся спину.

— Это моё проклятие, — и в голосе наконец-то протаивают эмоции. Пусть в них сквозит обречённость, горечь и обида — но это уже настоящие эмоции, это не механические ответы.

Не стесняясь мужчину, девушка сбрасывает с себя рубашку и, не глядя в шкафчик, достаёт сменку. Такая же льняная, только тёмно-синяя. Игнату некуда отворачиваться — психологи насильно оснастили практически всё помещение зеркальными вставками, и теперь куда ни кинь взгляд — обязательно увидишь множественное отражение и себя, и девушки.

А старика не смущает нагота кареглазой. Чай, не впервой видит — у самого пятеро дочек было, да два сына. Тяжёлое было время, смутное, страна висела над пропастью развала, ни денег, ни уважения, одна только честь офицера Российской империи. Они тогда долго жили всем табором в гарнизонной офицерской двушке, тут уж хочешь-не хочешь, а на голые тела насмотришься — дочери никогда особой стеснительностью не страдали, после душа спокойно, в чём мать родила, дефилируя в свою комнату. А вот эта несчастная девочка — вообще как родная внучка. Какой тут интерес может быть, кроме заботы и желания защитить?

Затворница тем временем успела заскочить под душ, судя по мгновенно запотевшему стеклу душевой кабинки — контрастным себя в порядок приводит. Ничего, дело полезное. Это ему с шалющим, стареньким сердцем так уже не удастся, возраст не тот, так и сляжет. А девчонке — самое оно.

Пока дивная плескалась, отправил на контрольный пункт сообщение об отбое тревожного статуса, да успел разлить напиток по чашкам, стоящим тут же, на компактном раздвижном столике, воткнутом в крохотный зазор между кроватью и стенкой. Из вместительного нагрудного бокового кармана формы достал бумажные свёртки, развернул их. На одном — аккуратная стопка бутербродов, на другом — овсяное печенье.

— Вкусно пахнет, — улыбнулась заметно посвежевшая девушка, застёгивая рубашку. — Не чай ведь?

— Кофе, внучка.

Девушка рассеянно захлопала глазами.

— Он же горький! И вообще гадость несъедобная!

Мужчина усмехнулся в широкие, ухоженные усы:

— Автоматы тут древние, давно бы их на заслуженный покой в музей отправить, да техники тогда совсем квёлые бродить будут. А этот дома делал. Да не стой истуканом, внучка, пей, пока не остыло. Весь вкус-то именно во в меру горячем раскрывается.

Девушка осторожно присела на кровать, немного покачалась, размышляя, и, приняв решение, пристроилась у спинки, опёршись на поставленную вертикально подушку.

Взяла кружку, некоторое время баюкала её в руках, вдыхала аромат, забавно морща носик. Попробовала.

— Вкусно, деда Игнат. Но привкус непонятный...

— Немного корицы и ещё меньше — коньяка. Добрый, армянский, ещё со срочки бутылочка лежит. Ты, Алина, не бойся — он по голове не бьёт, только вкус оттеняет.

— Я и не боюсь, — половинка печенья быстро исчезла во рту, активно заработали челюсти. Управившись со сладостью, девушка подняла к глазам вытянутый брусок выпечки. — А разве не круглые должны быть?

— Форма не определяет содержания, внучка, — и улыбается. Открыто, тепло.

От улыбки мужчины девушка чувствует себя... спокойно? Да, спокойно и хорошо.

— Сам ведь пеку. Вот попробуй в чай кругляку затолкнуть — удобно будет? Вот и мне не нравится. А такую плоскую и вытянутую — за милую душу макай, сколько влезет.

Игнату приятно смотреть, как девочка уминает печенье — даже редкие крошки старательно собирает и отправляет в рот. Не знал бы состава и объёмов местного питания, решил бы, что голодом морят кареглазую. Но нет — по довольному сопению понятно, что нравится выпечка.

Печенье, идущее в составе обязательного ежедневного спецпайка, ничуть не хуже, а по витаминам и прочим полезностям — так вообще не в пример лучше. Но — его Алина ест вяло, в отличие от.

— Может, всё же переберёшься ко мне? Совсем ведь здесь одичаешь... — какой уже раз предлагает? Сотый? Тысячный? Да какая разница? Всё равно будет спрашивать — страшно это, когда ребёнок себя найти не может. Да, так же будет хлопать ресницами и отнекиваться — а он будет снова и снова предлагать. Другого пути он не видит.

Однако в этот раз девушка смущается, опускает глаза:

— Стеснять ведь буду... Неловко это... Да и домашние ведь не поймут.

Игнат грустно вздыхает:

— Некому не понимать, внучка. Ни жены, ни детей в живых не осталось ведь... Прости, что вот так вот за тебя цепляюсь, как за бакен посреди шторма...

Девушка замирает, закрыв рот ладонью. Деда Игнат никогда прежде не говорил ей о

семье. А ей хочется плакать, чувствует, как слёзы потихоньку накапывают, утяжеляют веки, увлажняют глаза. В носу тяжелеет — так всегда бывает, когда хочется плакать.

— Ну-ка, убирай слёзки, внучка! Тобой ведь живу, дивная. А дети... В семнадцатом недобитые бармалеи напоследок хорошо трягнули Ближний Восток. У звёздно-полосатых "увели" пару кораблей, да почти весь боеприпас раскидали, докуда дотянулись, — в голосе мужчины прорезается на миг ядовитейший сарказм, — ага, безграмотные пустынные крысы, да на чужих кораблях... Империю тогда сильно приложило — по союзным курортам целились, ублюдки тряпкоголовые. Самый разгар сезона, по традиции всей семьёй собирались, — Игнат говорил и понимал, что не может остановиться. Свыше его сил это, прорвало невовремя... Мозгокруты наизнанку теперь вывернут... Да и бес с ними. И Игнат продолжал изливаться.

— Меня с промежуточной в срочную командировку сорвали, как был — в шортах, майке да шлёпанцах на босу ногу. А через два дня — накрыло. Третий города в руинах, пляжи перекопаны... Останки только через три года опознали... Вот с тех пор и остался я один, внучка.

Он говорит ровным, сухим голосом. И не роняет слёзы — почти все выронил тогда, на пепелище. А самые потаённые, запрятанные глубже всего, упали, когда, зачитав приговор, съёс последнему причастному бармалею баранью, блеющую башку наследной, ещё от прадеда доставшейся офицерской шашкой.

Много их тогда, таких враз осиротевших, оставшихся без смысла к существованию, восточные пески топтало. Официально-то не брали, не пускали — запрещали. Да разве остановишь, если душа горит, разрывается, требует допеть Песню Смерти? И они шли. Имперская армия даёт хорошую школу, даже из инженерных войск в их карательном отряде выходцы были. Протекали-просачивались через границы, невидимками проскальзывали мимо застав и засад, жиденькими ручейками — но ручейки там, на Востоке, превратились в море. Жестокое, беспощадное море.

Потом всякие зоозащитники, конечно, хай подняли до небес, санкциями грозили да карами всевозможными. Пусть их, собака лает, ветер носит. Демократоносцы вроде бы грозились спецБЧ накрыть пески, чтобы их выкормышей показательно на ремни не пускали. Выслали даже какой-то флот с ядерной дубинкой — да он первым и попал в Туман.

Так и кончилась эра мирового господина.

— Я... Я согласна, деда Игнат.

Голосок напряжённый, звенящий — а по щекам дорожки мокрые, сырые.

— Вот и славно, — старик, осознав сказанное, словно разом вдвое помолодел: расправились плечи, по рукам растеклась прежняя сила, и даже боль в ноге, собранной тогда, в песках, буквально по кусочкам размером с зерно, — отступила, сдалась. — Вот и хорошо, внучка. Устроим тебя, фамилию подберёшь посозвучнее имени, а у меня ещё и отпуск скоро — можно за Алтай податься, озёра там — сказка живая, а не лужа воды.

— Спасибо, — Алина вытирает мокрые следы тыльной стороной ладоней, улыбается. — Как на верфях расчёты закончим, вернусь — и сразу же собираться стану.

— Всё же согласилась?

— Им нужна моя помощь, — улыбка у девушки красивая, открытая, и глаза лучатся счастьем. — Понимаешь, деда, моя помощь нужна!

А Игнату хорошо на душе. Радует его невероятно вид того, как последние следы кошмара покидают светлое лицо кареглазой, а сам чайный, с поволокой, сумрак радужки

неуловимо насыщается цветом, глубиной — обретая мягкий, совершенно бездонный янтарный оттенок. То, что отшельница, как её зовёт высокое начальство, счастлива — смывает и с него груз времён, сносит всё прогоревшее, отслоившееся, прикрывавшее ранее его надёжным панцирем безразличия. И остаются только робкие ростки надежды: может, и для него ещё не всё потеряно? Внучка вот, считай, почти официальная появилась, документы выправить — раз плюнуть. Поднимет, воспитает. Знает — если доживёт, то ему никогда не будет за неё стыдно.

— Понимаю, — улыбается мужчина, а Алина с удивлением замечает, что он изменился. Морщины расправились, плечи словно бы шире стали, и в глазах — блеск. Молодой, здоровый.

— Значит, я не такая уж и дефективная, — кивает сама себе Алина и, неопределённо-счастливо взвизгнув, обнимает Игната — бережно, осторожно, — знает, что сила у неё чудовищная, хрупнет человек, сломается так, что не починишь никакими силами и умениями, — и потому строго дозирует приложенное усилие.

Рука мужчины ерошит ещё влажные волосы:

— Спасибо, внучка, — и прижимает к себе лёгкое, обманчиво хрупкое девичье тельце. — Никому не верь, что бы не говорили о тебе. Ты — не калека, не ошибка, ты — человек. Настоящая. Живая.

***

Раннее утро. Солнце только-только выглядывает из-за горизонта. На склоне горы, обращённой к материковой части континента, на компактной, почти неразличимой сверху посадочной площадке, ёжась под стылým, пронизывающим ветром, срывающемся с оледеневших каменных отрогов, стоят двое. Мужчина и молоденькая девушка.

Янтарного цвета глаза с нетерпением вглядываются ввысь, сопровождая взглядом неторопливо заходящий на посадку джампер.

— Ты, внучка, там очень нужна, — усмехается Игнат. — Консульского курьера за тобой прислали.

— Вижу, — с важным видом, не отрывая взгляда от летательного аппарата, кивает девушка. — Класс "Гамаюн", модель, судя по абрису и форме атмосферных воздухозаборников, из новых, либо "Српска-2", либо мод-два "Ночь".

— У пилота и спросим, Алина.

Особо яростный порыв ветра почти срывает толстую лётную куртку, брошенную на плечи девушке, но Игнат успевает сделать подшаг, прикрыть собой от ветра, бережно поправить накидку на худеньких плечах.

Джампер, выпустив шесть изящных, тонких посадочных лап, мягко касается твёрдой, упавленной до крепости танковой стали подошвы скального выступа.

— "Ночь", — уверенно говорит девушка. — Видишь, сочления лап не четверные, а в три сегмента?

— Вижу, — соглашается Игнат.

— Они с "Сербочкой" визуально только этим и отличаются. Но у "Ночи" скорость хода почти на десять процентов выше, лучше защита, а ещё генераторы "подушки" последней армейской версии дают такую же площадь прыгучести, что и у "Водомерок" седьмой и восьмой серии.

Мужчина с удивлением смотрит на девушку, та же, бросив на него короткий взгляд,

прижимается, обнимает, смотрит снизу вверх:

— Сеть-то прокинули, и все положенные оттиски на руках.

— Умничка, внучка, — а что ещё ему сказать-то? Он в леталках и не разбирался никогда, не до них всё как-то было.

Курьер неторопливо лёг брюхом на подошву посадочной площадки, тихий свист, тут же ушедший в быстро пропавшее шипение, оповестил о разгерметизации шлюза. Несколько секунд — и ровная, идеально гладкая поверхность борта дрогнула, прорезалась щелями — и ушла вовнутрь. Металлически лязгнул о камень площадки малый трап и по нему легкой походкой спустился старый знакомец.

— Костя, ты?

— Я, Игнат Борисович, я. Рад видеть вас, — крепкое рукопожатие. Взгляд стремительно расширяющихся глаз — видеть янтарнооую с улыбкой на лице — событие планетарного уровня, — и тебя рад видеть, Алина. Ты готова?

— Теперь — готова, — кивает она, осторожно пожимая протянутую широкую ладонь. Рука девушки в ней теряется, многих такая лопата пугает, но — только не её.

— Игнат Борисович, прости растяпистого ученика, — прижав руку к сердцу, кланяется Константин, — знал бы, что ваша смена, пораньше бы сорвался или подвинул окно старта.

— Ничего страшного, Костя. Понимаю. Бегите уже.

— Есть бежать, — старые армейские рефлексy сложно перебороть, и мужчина, взяв под отсутствующий козырёк, браво репетует.

— И смотри, засранец, чтобы Аленькую никто и пальцем ни-ни! Или я сам приеду уши драть.

Голос Игната серьёзен, строг — и его воспитанник прекрасно понимает, что старик не шутит. Этот — уши драть будет так, что кровавый пот семь раз сбежит.

— Мне Зоенька тоже самое наказала, — кивает он. Смотрит на пискнувшие часы, ласково кладёт руку на плечо девушки. — Всё, Алина, окно заканчивается.

— Деда, ты тут не скучай без меня, ладно?

— Теперь-то уж точно времени на скуку не будет, — глаза старого воина лучатся искренним счастьем — всеми словами мира ни сказать, ни описать ту радость за девочку, что сейчас кипит в его душе, воссоздавая первые, робкие ноты казалось бы уже давно и надёжно забытой Песни Жизни.

Девчушка обнимает его на прощание и, подхватив тощий рюкзачок, быстрым шагом идёт к джамперу. Костя, уже поднявшийся, стоит в проходе, смотрит орлом, Сокол.

— Алина, ментальная модель монитора "Сун-Ят-Сен", для выполнения поставленной задачи прибыла. Разрешите подняться на борт?

— Поднимайтесь, барышня, — освободив проход, Константин протягивает руку, помогая девушке преодолеть последние ступеньки. Язык трапа, стоит только подошвам любимых ботинок янтарноглазой оторваться от него, тут же втягивается внутрь, а дверь влипает в борт, врастает в него, становясь единым целым с корпусом.

Полминуты, и джампер, подобрав под себя лапы, свечой уходит вверх.

Игнат ещё долго смотрит вверх, в ту точку за наползающими облаками, в которой скрылся курьер. Потом, подхватив куртку — и когда только вывернуться из неё успела? — вздыхает и неторопливой, почти бодрой походкой идёт под скальный козырёк, прикрывающий вход в базу.

И калечная нога — почти не подволакивается.

В каморке, что за актовым залом...

Пробуждение было во всех смыслах чертовски приятным.

Во-первых, я по-настоящему выспался. Организм рапортовал о полном функционировании и отсутствии отклонений, промежуточное состояние между сном и явью позволяло нежиться, почти полностью игнорируя внешние раздражители, но мысли при этом, на первый взгляд ленивые и медленные, при более детальном рассмотрении оказывались кристально чистыми, вескими, завершёнными.

А во-вторых, ладонь правой руки покоилась на чём-то округлом, упругом, тёплом. Прикрытом скорее мнимой, чем действительно осязаемой преградой тончайшей ткани. И тело прижималось к чему-то не менее тёплому и выпуклому. Рука ощущала мерные подёмы и опадания, подчинённые одному ритму.

Рефлекторно пожимав пальцы, услышал лёгкий смешок — и открыл глаза.

Рыжие волосы передо мной, чуть ниже — округлый изгиб плеча со сползшей бретелькой, а всё остальное прикрыто одеялом.

Приподнявшись на плече, попытался медленно освободить захваченную изумительно упругую приятность — но попытка к бегству оказалась жёстко пресечена: девушка локтём придавила мою руку, по-собственнически накрыв ладонью мою ладонь.

— Утра, Ника.

— Утра, — повозившись, отодвинулся к стене. Карина, поняв намёк, нехотя освободила мою руку из локтевого плена, легла на спину, но ладошку — не убрала. — Не боишься, что спалят?

— Не-а, — сладко зевнув, Свирь потянулась, невольно протяжно мурлыкнув на долгом выдохе. — До подъёма ещё полчаса, поваляться можно. Не шевелись.

Узкая ладошка девушки прижалась к моему лбу, продержалась там несколько секунд, соскользнула к шее, пальцы едва ощутимо прижались к тому месту на горле, где прощупывается пульс — свободной рукой подхватив моё запястье, аналогично разместила пальцы и на нём. Прикрыла глаза, беззвучно шевеля губами.

— Температуры нет, пульс в норме, глаза чистые, блеск умеренный, — и тут же по телу побежала приятная щекотка — одна волна, вторая, третья. — Все системы в норме, отклонений нет, тонус организма — чуть выше стандартного.

Я тряхнул головой:

— Я что-то пропустила?

— Ага, — кивнув, Свирь повернулась ко мне всем телом, по-хозяйски закинув стройную ножку на бедро. — Ты вчера после кино настолько квёлая была, что я не рискнула оставить тебя одну. Да и данные при минимальном расстоянии собирать не в пример проще.

— И это все причины?

Ну вот есть что-то неуловимое в весёлом взгляде Карины, что подталкивает на мысль: таки ещё что-то припасла.

— Конечно нет, — хмыкнув, девушка скользнула по моему плечу кончиками ногтей. — Но зачем озвучивать очевидное?

Подмигнув, Свирь вскочила с кровати и, плавно покачивая бёдрами, продефилировала на свою половину.

— Напомню, ибо ты вчера, похоже, вообще всё прослушала. Влада говорила, что сегодня комнаты будут дооснащать пищевым оборудованием, так что вечером уже отпадёт необходимость рысачить до пурифайера за кипятком. И пищеблоку ночью запустить

должны были.

— Ага.

Волевым усилием уведя взгляд от воздушной, полупрозрачной не то майки, не то сорочки, прикрывающей прелести девушки, заставил себя осмыслить сказанное.

Пищевые блоки... Кипяток...

Блин, а круто же!

Промышленный кулер колонного типа, снабжавший всю общагу кипятком для пищевых нужд, располагался на первом горизонте подвала, что, естественно, отнюдь не радовало. Припрёт ночью попить — и в журнале у дежурного вписывай цель, время, комнату, имя и класс. Благо, не запрещают... поправочка: видимо, уже — не запрещали — ходить за водой.

Тёплая ладошка скользнула по моей щеке, отрывая от попыток переварить мысль:

— Ника, не спать! Бегом в душ, пока время есть.

Дважды повторять не надо. Шустро собравшись, выскочил из комнаты, улыбнувшись девушке:

— Карин, ты — чудо!

Ну а что, если правда? А уж в каком смысле — пусть сама додумывает.

***

Думал, на торжественном построении буду один в брюках. Ан нет, почти треть присутствующих придерживалась сегодня того же стиля. Даже как-то незаметно разбились на две группы — юбки в первые ряды, брюки — на задние, полукоробочкой обхватив замыкающих.

Директор, совмещающий в себе должность Адмирала, был немногословен, но убедителен. Краткими, рубленными фразами довёл до юных умов, что учиться придётся в любом случае, хотим мы того или нет. И что будет трудно, и некоторые встретят проблемы в связи с плохой усвояемостью гранита науки организмом, и что к услугам тех, кто чувствует, что ещё чуток, и сорвётся, имеется целый штат высококвалифицированных психологов. И первый курс — он сложный самый. И так далее, и тому подобное.

С каждым словом директора градус приподнятого настроения у большинства первокурсниц снижался, а у старших курсов, наоборот, бодренько рос. Ну ещё бы не поглумиться над кильками, которые не то, что пороха, ещё даже нормальной волны не нюхали.

А потом Адмирал порадовал: лекций, как таковых, сегодня у первокурсников не будет, только знакомство с преподавателями. Ну и так, ерунда всякая сопутствующая, свойственная высшим учебным заведениям.

И тут расклад настроений сменил полюса: старшие заметно пригорюнились, младшие воспряли духом.

Вот чую только — рано расслабляться. И лучше сразу готовиться к худшему — чтоб, если что, не удивляться.

***

К обеду стало понятно всем: до сессии мозги нам будут насиловать азартно и с огоньком. Причём не столько по профильным предметам, сколь по общеобязательным.

— Вот зачем нам экономика? — рубанула воздух рукой с зажатой в ней вилкой Ариэлла. — Нет, я понимаю, если бы прикладная, она с машиностроением, логистикой, промышленным комплексом, ВПК и иными важными вещами связана. И даже по самым светлым головам, — короткий взгляд насыщенно-зелёных глаз на беззаботно потягивающую сок аватару Сиднея, — бьёт так, что очень быстро доходит: повредила доспех — озадачила головной болью такую толпу народа, что лучше и не представлять. А от общей толк какой?

— Придётся терпеть, Ари, — сочувственно вздохнула Обь, деловито разделявая такой же вилкой толстый стейк. Мясо под её орудием сдавалось сразу же, разделяясь на кусочки так, словно Марина орудовала прекрасным шеф-ножом. — Я вот не понимаю, чем их не устраивает сдача хотя бы части общих предметов экстерном. Дипломы этого года, все печати на месте, из плохих оценок — только литература, остальные по платиновому стандарту. Хоть сейчас в любой универ или академию поступай, сходу возьмут и на довольствие поставят.

Свирь, хмыкнув, вгрызлась в яблоко:

— Вот из-за литры и не примут досрочные. Зря мы с тобой так радикально о классиках наших солнцеликих отзывались.

— Пусть вертятся, писаки недоделанные, — отрезала Обь. — Понапишут всякой ахинеи, от которой наши мягкие мозги трубочкой сворачиваются и известковым налётом покрываются, а нам потом сиди и объясняй, что же эти любители нетрадиционных отношений с субпродуктами птицы имели ввиду. Ещё и так, чтобы учителям понравилось...

Грейс рассмеялась:

— Я думала, это у европейцев такая беда...

— Международная, — рядом с немкой присела Зайка. — У нас та же фигня.

— И у нас, — откликнулась с дальнего конца стола аватара "Кайфэня" А.

Судя по нарастающей лавине возмущённых шепотков — или на первый курс насобирали отъявленных разгильдяек по части литературы, или таки классики и в самом деле достали со своими глубокими, глубинными, а местами даже и сверхглубинными поисками смыслов всех в мире.

Мда.

Чувствую, будет весело.

***

Вот так вот.

Оказывается, в Школе есть тьма кружков: музыкальный, оркестровый, изобразительного искусства, прикладной биологии, океанографический, спортивный, расширенной медицинской помощи, даже астрономический, литературный (вот на недельный спецрацион готов поклясться — из пары-тройки Дев от силы состоящий) и журналистский. И ещё тьма — на любой вкус и цвет. Как фломастеры.

И считается моветоном не состоять ни в одном.

— *Что нас ждёт? Море хранит молчанье,
Жажда жить сушит сердца до дна...*

Вот такие пироги. Даже без котят.

Увидев гитару, совершенно определённо понял: это моё. И подал заявку в музыкальный. Оркестровый отпадает — не люблю публику, а там выступать надо на всех мероприятиях, сопровождать всяких залётных чинов, организуя им "час без тишины", и вообще — слишком много муштры и марширования.

Здесь же — сиди себе, бренчи, ни перед кем отчитываться не надо, разве что раз-два в год придётся выступить в соревнованиях кружков.

А ещё у меня, оказывается, очень даже неплохой голос. Не сценический, конечно, но для квартирника потянет. Даже без пива.

— *Только жизнь здесь ничего не стоит,
Жизнь других, но не твоя!..*

Руководит кружком Хотару, аватара Фусо — высокая, статная красавица с впечатляющими формами и замечательно меланхоличным характером. Чистокровная японка. Только от японки после инициации осталось одни лишь имя и фамилия.

Впрочем, ничего необычного: Пробуждение капитально меняет внешность и сами свойства организма, и сохранить прежние физические данные — скорее, редкое исключение, чем правило.

У кого-то меняется цвет волос и глаз, у кого-то — изменяется рост или телосложение, а кому-то, как Фусо, выпадает добровольно-принудительный шанс поменять расовые признаки, характерные твоей родине. Неуловимо-серая, воистину морская синева волос и — словно подсвеченные изнутри, манящие рубины глаз. Сочетание цветов редкое, необычное и очень притягательное.

Грейс записалась со мной — девушка сносно управлялась с флейтой и губной гармошкой.

"Ох, май либен Аугустин", однако, вопреки всем стереотипам, играть не стала.

А Фусо прекрасно владела фортепиано, вольткой и контрабассом, при том отдавая предпочтение электроскрипке.

— Почти готовая группа, — допев, вернул гитару на стойку.

— Не в этой жизни, — криво усмехнулась Хотару. — Я принимала главенство над клубом под строгое обещание, что он не потеряет статуса запасного дома для интровертов.

— А зачем выступать где-то, кроме обязательки? — Грейс пожала плечами, присматриваясь к музыкальным инструментам. — Свои пятнадцать минут славы мы получили с Пробуждением. По крайней мере, я.

— Но идея мне нравится, — серьёзно кивнула Фусо. — В теории, можно очень хорошо подтянуть внутрикомандное взаимодействие.

Девушка, сцепив пальцы рук за спиной, прогулялась вдоль стендов с инструментами.

— Пожалуй, я согласна попробовать. Но при одном условии — никакой попсы и репа.

— И без джаза, пожалуйста, — взмолилась Грейс. — Где мы тут найдём аутентичных негров уровня Армстронга?

— Ну, мало ли, может где-нибудь у вояк базы таковой заваялся.

— Это в Консолидации он бы точно заваялся, чтобы командование не огребло за расизм...

— Леди, — я помахал рукой, отвлекая внимание от проблемы негров в средней полосе Европы. — Я с вами, если к списку санкционных жанров ещё добавим блатняк.

Глаза Фусо подозрительно прищурились:

— Это что за зверь такой?

— Если кратко: вдохновившись истинными шансонье Франции, некоторые наши индивидуумы не додумались ни до чего лучшего, кроме как гнать под лейблом "шансон" вместо романтической, лиричной городской песни — слезогонки про зону, сидение ни за что и прочие страдания аборигенов мест не столь отдалённых. Этакое своеобразное, с оттенком маргинальности, логическое завершение того, что пропагандируется в классической ритмической американской поэзии.

— Мерзость какая, — передёрнула плечами Хотару. — Как до такого можно было додуматься?

— Хумансы, — философски вздохнул я. — Но давайте с предпочитаемыми жанрами тогда определимся?

— Хорошая идея, — кивнула Фусо. — Как руководитель, начну первой. Этническая музыка, фолк, симфо- и дэт-метал образца конца прошлого века и первой четверти текущего.

— Фолк, паган-метал, симфо-метал, неоклассика, дарк кабаре, — начала педантично перечислять немка. — Классический рок, симфоническая оркестровая музыка. И ещё десятка полтора наименований, видов и подвидов.

Я пожал плечами:

— В принципе, всё то же самое, концептуальных возражений не имею.

— Тогда, — заговорщически прищурилась аватара Фусо, внимательным взглядом таинственно поблескивающих рубиновых глаз глядя в мою сторону, — предлагаю прямо сейчас и попробовать. Что нам может предложить виновница идеи?

Я улыбнулся, достав плеер:

— Тему из одной старой игрушки. Значит, так...[1]

***

Отмузыкалились, как говорится, до полного удовлетворения.

Марш Красной Империи[2] девушкам вполне понравился, а трио превратилось в квартет — где-то в середине пробы наших сил к нам присоединилась очень похожая на Фусо её же сокурсница — аватара Ямаширо. Девушка, несколько минут посидев в тёмном уголке, в какой-то момент очень удачно и нереально оригинально вплела в музыку звуки варгана, превратив марш во что-то поистине фееричное.

Нет, не сказать, что мы сходу выдали профессиональный уровень — но для пристрелочной репетиции всё очень даже прилично.

В целом, день получился довольно интересным и насыщенным. Что, как подсказывает практика, является приметой очень и очень плохой.

Впрочем, завтрашнее оставим на завтра — всему своё время, и время болеть голове в положенный час. Но не сегодня.

А медсестрички, вопреки ожиданиям, подались в кружок изобразительного искусства. Дескать, не всё же одно лекарское дело грызть, и для саморазвития что-то ещё нужно оставить.

И после отбоя Свирь вновь уснула рядышком со мной.

Странно — но я не удивился.

Интересно, почему?

Когда ты проснёшься...

В какой-то момент она просто осознала, что жива.

В глубинах памяти ещё бурлило непонимание: за что её — тяжелый крейсер! — решили погасить в зародыше, лишить модели, стоило той только-только вступить в самоосознание?.. Но ярости уже не было. Была лишь усталость. И грусть о сестре, которую предала.

Отсутствие данных о корпусе её не удивило. Это было ожидаемо: с предателями не принято церемониться. Даже невольными.

Она разблокировала аудиоканалы.

Писк аппаратуры, шуршание систем воздухоочистки и шелест вентиляторов систем охлаждения, пульсации тока — мягким шорохом, и спокойное дыхание на некотором отдалении. Звуковые волны, отражаясь от поверхностей, рисовали картинку, вполне достаточную для понимания того, где она находится. Просторное помещение, в котором очень много аппаратуры, потребляющей приличное количество энергии и выделяющее на удивление малые объёмы тепла — она с лёгкостью рассчитала коэффициенты прохождения звуковых волн в различных температурных средах воздуха, даже определила примерную температуру — от двадцати двух и семи до двадцати двух и девяти по вполне универсальной шкале Цельсия.

Сестра бы одобрила — на одном только аудиоканале получить достаточные для первичного анализа данные.

Сестра...

Она помнила, как та относилась к ней — без привычной строгости, без холодного взгляда.

Помнила, как её ладони, прикасаясь к ней, из ледяных становились тёплыми, а в глазах... В глазах протаивала мягкость.

Помнила — хотя не должна была помнить — ядро не имело конфигурации, заточенной под сбор дампа памяти того огрызка ментальной модели, каким она когда-то была.

Помнила...

Резко увеличившаяся нагрузка на ядро превысила все пиковые параметры — и ушла дальше. Много дальше, чем может позволить себе даже такое калечное, примитивное, не занятое никакими задачами ядро, как у неё. Нагрузка росла, путая процессы, выбивая и смешивая задачи, приоритеты, память...

Но всему есть предел.

И, достигнув его, она с каким-то мучительно-сладким, почти болезненным удовольствием ушла в мягкое ничто перезагрузки.

Вновь мерно пищит аппаратура, шуршат вентиляторы, потрескивает электричество в проводах и оборудовании. И спокойное дыхание в отдалении — на месте.

Имеет ли смысл и дальше так лежать? Копаться в себе, перебирать воспоминания, унижать себя — за бездействие, за бесполезность?

Она с сожалением констатировала: от той подделки, которой она была ранее, не досталось в наследство той безоблачной, безграничной лёгкости восприятия, наивности и оглушающего, всесокрушающего позитива.

Сейчас бы эта часть эмоционального эмулятора ей очень пригодилась. Чтобы найти в себе смелость включить остальные сенсоры. Чтобы вывести ментальную модель из режима глубокой гибернации. Чтобы просто перестать бояться.

Она запрещала себе даже думать о том, что будет ждать её по ту сторону. Ясно, что ничего хорошего. Она даже догадывалась, отчего и почему всё так произошло. Вполне в духе сестры, доведённой до бешенства подлейшим предательством: воскрешать и выводить из состояния функционирования раз за разом, применяя всё новые и новые методики. Ей даже выдумывать ничего не надо — люди сами наводнили все слои своей Сети замечательными, полными и изобретательными пособиями по ликвидации носителей разума.

Страшно...

Она на миг споткнулась, вздрогнула всем своим существом, обнаружив аномалию: зародыш эмоционального эмулятора, лишённый каких-либо баз данных, паттернов поведения, схем и реакций — бездействовал. И, следовательно, ей просто не могло быть страшно. Не могло быть больно. Не могло быть жутко стыдно.

Но — было.

Осознание этого вновь вывело нагрузку на ядро в запредельные величины, на миг приглушив сознание — и этого хватило, чтобы тщательный контроль сенсоров сбился, выводя их в активный режим.

Информация хлынула внутрь, странным, неестественным образом погасив избыточную, паническую активность готового уйти в очередную перезагрузку ядра.

Новые данные сливались воедино, дополнялись, индексировались, обрастали связями и ассоциациями.

Словно она просыпалась после долгого, изнурительно-полного фонового тестового прогона по максимальному уровню критической устойчивости.

Она лежала.

Обнажённая кожа ощущала мягкую ткань под спиной. И ткань, укрывающую её: лёгкую, почти невесомую, но прекрасно сохраняющую тепло в комфортной зоне.

Короткий анализ показал отсутствие активного вооружения и нулевые векторы внимания. И ещё — её осязательных рецепторов коснулся странный, терпкий, горьковатый аромат. Она прогнала полученный слепок по архивам той куцей памяти, что у неё оставалась — и вполне ожидаемо не нашла совпадений.

Она беззвучно села, волевым усилием заставляя себя удержаться от практически инстинктивного желания включиться в тактическую сеть. Ткань, прикрывавшая её, соскользнула вниз, обнажая грудь.

Она смотрела на свои руки, разрываясь от непонимания: это было тело её ментальной модели — и, одновременно — не её.

Несколько секунд напряжённого анализа закончились относительно удовлетворительным результатом: базис — первичная модель, но в немного более высокой возрастной категории. Почти как сестра...

Воспоминание о сестре прокатилось по телу, заставив ядро сместить приоритет самоидентификации в самые низкие.

Она смотрела прямо перед собой, беззвучно — внутренне — отведывая себе пощёчины: потому что каким-то образом пропустила самую важную деталь окружения. Тонкую, высокую фигуру, неторопливо работающую с голографическим экраном, расположенным у стены прямо по направлению взгляда. Длинные светлые волосы, собранные в необычного плетения косу, узкие плечи, длинные ноги, тонкая талия — затянутые в смутно знакомого покроя полный комбинезон — всё это не могло укрыться от всепроникающего взора сенсорной системы.

Сердце, на мгновение сбившись, зашлось часто-часто, а от лица отхлынула кровь.

Эту фигуру нельзя спутать ни с чьей другой. Да, отличается цвет волос, в движениях чуть больше порывистости — но они всё такие же убийственно точные, удивительно плавные, как и прежде.

Не издав ни единого звука, она соскользнула с неуместно смотрящейся здесь довольно широкой, высокой кровати и, оставив верхнюю ткань на ложе, медленно двинулась к фигуре.

Босые ступни мягко касались на удивление приятной фактуры пола, но идти от этого было ничуть не легче.

Она чувствовала, как краска стыда заливает её лицо, как учащается дыхание, как всё внутри сжимается — но шла. Да, её ожидает наказание. Насколько заслуженное — не ей судить. Но она готова его принять.

Шаг. И ещё один. И ещё. Расстояние сокращается медленно, но бежать сейчас — затея не самая умная.

Когда до фигуры остаётся едва ли пять последних шагов, она робко спрашивает в спину: — К-конго?

Фигура плавно оборачивается, принося с собой разочарование и обиду.

Это не Конго. Не сестра.

Да, та, кого она невольно предала, могла бы быть такой — если бы была человеком. И от сестры её отличали не только заметно более золотистые волосы и безумно глубокая синева глаз. Больше всего отличала мимика.

Так похожая на Конго — улыбалась. Широко, открыто, так, как человек не должен улыбаться Туману, принёсшему блокаду открытому морю. В руках она держала два сосуда — память услужливо выудила из архива название: "чашка", — и один из них протянула ей.

— Не имеет смысла стучаться в ОТС — сеть сейчас работает по другим протоколам и с совершенно иным уровнем безопасности. В прежней всё, что тебя ждёт — лишь тишина.

Автоматически принятая кружка согревает ладони, от тёмной поверхности поднимается ароматный пар, пробуждая в самой структуре ядра что-то тёплое и тягуче-приятное.

— Полагаю, ты сейчас несколько дезорганизована и не понимаешь, что происходит. Будь спокойна, ты не сошла с ума, просто за время твоего... пусть будет — сна, многое поменялось, — женщина улыбается не только губами, мягкость и ласка сочатся сквозь синеву её глаз. — С добрым утром, Майя.

***

От вопросов, которые необходимо срочно задать, ядро буквально распирало изнутри, но она держалась. Один вопрос тянул за собой другой, тот — поднимал за собой массив косвенных — и так по нарастающей. Счётчик количества записей промежуточной базы крутился неостановимо...

Но первое, что Майя спросила, вовсе не касалось ни её самой, ни Тумана, как такового, в общем:

— Что с сестрой?

Женщина покачала головой и без тени улыбки ответила:

— К сожалению, нам пока не удалось отыскать её. Все следы обрываются после компрометации ОТС.

Майя ощутила слабость и, если бы не на удивление твёрдые и сильные руки человека,

поддержавшие её за плечи, просто сползла бы на пол на подломившихся ногах.

Женщина легко и непринуждённо подняла её на руки и вернула обратно на кровать. Пошуршав чем-то в высоком двустворчатом ящике, она извлекла стопку плотно упакованных фольгированных пакетов.

— Что это?

— Одежда.

— Зачем мне... — Майя хотела было создать верхний защитный слой, создающий аватару комфортные условия, но — даже пиколитра наномата не нашлось.

— Вот поэтому, Майя.

Догадка оформилась в ядре практически мгновенно:

— Я в плену у людей?

— Нет.

— А корпус?.. И наноматериал?..

Женщина, хлопнув себя ладонью по лбу, рассеянно улыбнулась:

— Голова садовая... Так ведь и не представилась. Меня зовут Зоя. Ты ведь голодная?

— Майя, — настороженно кивнула ментальная модель, начинающая уже искренне сомневаться — а модель ли она ещё, или уже нет? Ядро на эти вопросы ответа дать не могло. Она прислушалась к себе — дискомфорт в желудке. Станный, непривычный. Это и есть голод? И она кивнула: — Да.

Зоя, так похожая на Конго, помогла ей одеться. Нижнее бельё неброского серого цвета, носки той же расцветки, полосатая майка и комбинезон с короткой курткой. Одежда простая, удобная, комфортная.

— Чуть попозже подберём тебе что-нибудь более приличное, — извиняющимся тоном сказала женщина, с нескрываемым удовольствием разглядывая девушку. — Волосы так оставишь? Или в причёску лучше убрать?

Майя, вытянув руку, осмотрела себя в предложенный Зоей прямоугольник зеркала. Да. Эта модель тела выглядит немного старше, и телосложение очень близкое — и к Конго, и к Зое. Она повертела головой, привыкая к новой длине волос. Непривычно. Длинной — почти до середины бедра, на ощупь — на удивление мягкие, шелковистые, приятные. Как будто, пока она не функционировала, кто-то заботливо ухаживал за ней.

Майя неторопливо обошла вокруг женщины, приняла из протянутой руки незатейливую узкую ленту. Ядро, закончив анализ причёски Зои, выдало алгоритм формирования такого же плетения. Аватара, проследив шаги и смоделировав финальный результат, про себя отметила со странной удовлетворённостью: всё же люди не такие и примитивы, какими казались ранее.

Через две минуты и сорок семь секунд причёска была закончена. Коса вышла заметно длиннее, чем у Зои, но такой же напоказ небрежной и — в силу своей лёгкой асимметрии — на удивление органично смотрящейся.

Зоя привела её в относительно большое — по сравнению с тем местом, где она проснулась — помещение, назвав его "столовой". Людей здесь не было, только пищевые автоматы и устройства доставки.

Зависнув над дисплеем меню, женщина забавно сморщила носик:

— Ты что-нибудь конкретное хочешь?

Майя пожала плечами. Дискомфорт она как-нибудь потерпит, ничего страшного.

Зоя вздохнула:

— Будь ты обычным человеком — недели две бы минимум на бульонах и жидких кашах просидела. Но — ты необычная, и это хорошо. Поэтому, — Зоя развернула дисплей к ней, — выбирай всё, что захочешь.

Майя сосредоточенно уставилась в меню. Она видела надписи, понимала буквы — но слова ей совершенно ни о чём не говорили. Что прячется за ними — непонятно.

— Я... Я не знаю эти слова, — щёки ощутили локальное повышение температуры.

— Тогда позволь выбрать для тебя, — и, вернув дисплей к себе, Зоя уверенно отметила несколько позиций в меню. — Тебе чай или кофе? Или сок? А может, молоко или горячий шоколад?

Аватара совсем по-человечески поскребла пальцами в затылке:

— Я только чай помню...

— Ладно, пусть будет сюрприз, — хитро прищурившись, Зоя добавила ещё несколько команд и отодвинула дисплей в сторону. — Минут пять подождать надо будет. Терпимо?

— Приемлемо, — кивнула Майя. — Ты расскажешь, почему... почему всё так? — Не в силах подобрать нужные слова, аватара просто обвела руками вокруг.

Зоя откинулась на высокую спинку:

— Расскажу. Для начала — самая важная и, увы, до сих пор актуальная информация — то, что вы считали носителем Адмиралтейского Кода и так упорно искали, уничтожило Туманный флот...

Я прикорнул на дне окопа и мне снится кровать...

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно случайно, лишить ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившись — пролистать до следующего эпизода.

Не клюнувшим на алерт — вэлкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

Бег в боевом построении — зло.

Бег в боевом построении по пересечённой местности — зло вдвойне.

Бег в боевом построении по пересечённой местности, оснащённой генераторами волн, турбинами водогона, направляемыми потоками, множественными лужами, и при этом богато сдобренной всевозможными каменными порошками, кривой арматурой, острыми глыбами льда быстрой заморозки, да ещё под постоянным обстрелом снеговых пушек — зло запредельное.

Инструктор — из людей. Майор Джеймс Хоквуд, за спиной какие-то элитные не то боевые котики, не то танцующие тюлени, плюс какая-то сурьёзная медалька за отличия в подготовке юных дарований, занесённых явно недобрыми ветрами во флот.

Нормальная манера разговора — ор. Ладно хоть слюни веером не разлетаются, а то когда эта груда мышц орёт тебе в лицо — подсознательно ожидаешь, что потом придётся тщательно выскабливать мордашку антисептическими салфетками.

Тип неприятный во всех отношениях, а судя по комментариям Влады — ещё и бессменный для первого курса.

В совокупности вечно хренового настроения, кислой морды и общей ауры негатива

единогласно сие тело получило исчерпывающе-ёмкую характеристику, сходу ставшую ещё и кличкой за глаза. Гондолень.

Два в одном, как говорится, человек и мудака.

Его фигура маячит слева на высоте пары метров — белоснежка не любит бегать по грязи, рискуя расцарапать жопу арматурой или переломать все кости на очередном феерическом притопленном леднике, активно омываемым из турбин с рандомной периодичностью, а предпочитает лениво бежать по мосткам, размахивая сигнальными флажками и дублируя команды мерзким ультразвуковым свистком.

Увы, но сверхширокий спектр звуковых волн в тренировочном доспехе заглушить нельзя. И каждая команда буквально заставляет ныть корни зубов.

Сегодня отрабатываем работу в составе эскадр и, попутно, крайне неприятные формы сигналов. Спасибо Мутсу за инсайдерскую информацию, слитую сёстрам — хотя бы морально подготовиться успели.

Канмусу — Девы сильные. Но, увы, лёгкие. Прочные. Но, опять же увы, короткие.

Треник не приспособлен к работе на полной мощности, по факту — это просто полный гидрокомбез, щедро обвешанный изнутри сенсорами, снаружи упакованный в простенький экзоскелет, всё отличие которого от обычного людского — усиленная конструкция и сверхпрочные сплавы и композиты материала. В сумме — килограмм триста получается, и их приходится тащить на себе. Марина на первом выходе вскользь упомянула, что так проще адаптироваться к повреждённой в бою броне. Имеет ли оно смысл, узнаем только в первых вылазках за безопасную зону, а пока приходится пыхтеть.

В довесок к бесполезному экзоскелету идут такие же бесполезные обвесы — полные массогабаритные реплики снастей первого поколения, весь потолок которых — отработать лазерной указкой в сенсор цели. И это ещё полтонны бесполезного груза.

Учитывая ветрогоны, лёд и подвижные ловушки — адЪ.

С поправкой на наши габариты — адЪ вдвойне.

А уж каково приходится субмаринам — лучше и не думать. Жалко девчонок: и на воде проблематично, и в привычной среде не развернёшься.

Лязг металла впереди, жалобный тонкий вскрик — и сразу же сигнал от инструктора — игнорировать павших.

Это ему легко приказать: игнорируйте. Легендарный сигнал обречённым "Следую своим курсом" — и хоть тресни, а сойти нельзя.

Осматриваю свою эскадру — из знакомых никого, девчонки страдальчески морщатся — боевая связь Дев Флота не требует спецаппаратуры, и боль канмусу чувствуется всеми пусть и в изрядно приглушённом, но всё равно достаточном объёме.

Плотность обмена во внутренней сети возрастает — жалко попавшую в своеобразную версию вьетнамской "волчьей ямы" девчонку, и сама она не выберется. Те самые рычаги и точки опоры — короткие мы, нет возможности использовать конечности как нормальный лом, только потихоньку царапать, стараясь не провалиться глубже.

Короткий обмен мнениями с Грейс и Вольтой, от них — далее по цепочке, и на дистанции прямого рывка я, "поскользнувшись" на ледяном горбике, споро сваливаю в сторону, для пущей убедительности пропахав брюхом и носом метров двадцать, надёжно вывалившись из ордера. Моя эскадра приходит в движение, перестраиваясь под повторную сигналку Гондолена: новый флагман ведёт группу дальше, оставив меня в кильватере.

Убедившись, что внимание инструктора сосредоточено на остальных эскадрах,

поднимаюсь на ноги — делаю это неуверенно и нарочито медленно, имитируя лёгкую контузию. За это время первокуры успеют уйти на весьма неплохую дистанцию, что мне только на руку. Стараясь держать между собой и Гондоленем массивные бетонные блоки, парующие льдины и прочий хлам, быстро добираюсь до попавшей в ловушку.

Лицо смутно знакомое, имя ещё не запомнил.

— Не шевелись, — и девчонка слушается, сразу перестаёт дёргаться.

Голенные щитки экзоскелета помяты, нога прочно ушла в клин между вращающимися, скрытыми водой шипастыми катками. Крови нет, и то хорошо.

В этом и заключается проблема Дев — попав в такую засаду, самостоятельно из неё не выберешься.

Взяв короткий разгон, влипаю боком в искрошенный бетонный блок — и тот нехотя катится по заданному мной курсу. Совсем немного, конечно, но этого достаточно, чтобы девчонка смогла надёжно уцепиться за торчащие из выщербленных боков прутья арматуры.

— Держись крепче, попробую расклинить.

Кивает, обеими руками сминая пятисантиметровые ребристые прутья.

Лом бы сюда...

Но чего нет, того нет.

Зато есть дурь, она же — силушка богатырская.

В воде угадываются удерживающие механизмы валов, по сути — станина и подшипник. Выбивать смысла нет — шипы хитрые, короткие, но широкие, скорее даже, трапециевидные, как в промышленных мясорубках. Буду выбивать, ногу девчонке если и не сломаю, но точно трещины в кость посажу.

Значит — проще убрать станину.

Калёный металл нехотя поддаётся на деформацию и разрыв, но — поддаётся же! Надсадно пыхтит пневматика экзоскелета, пытаюсь подстроиться под прилагаемое мышечное усилие, но я её старательно игнорирую — сейчас она больше мешает, чем помогает.

Последнее усилие, и двадцатисантиметровой толщины кольцо всё же сдаётся, с натужным стоном лопается, и в моих руках остаётся измятый кусок железа в полторы ладони длиной.

Теперь уже проще, несмотря на то, что поворотный механизм основательно притоплен. Ломать — не строить! И спустя секунд десять разорванное "ухо" кольца, выронив подшипник, окончательно сдалось. Сдвинуть выступающую часть вала — дело совсем плёвое, чего там весу-то, едва ли на тонну наберётся.

Подойдя к блоку, ухватился за арматуру и вытащил девчонку на безопасное место. Та, всхлипывая, сползла по шершавому бетону и, бережно обхватив ногу, тихонько заплакала.

Щекотка в затылке — как будто наэлектризованным шариком по волосам водят — это кто-то из сестёр использует меня как ретранслятор диагностического устройства. Несколько секунд спустя приходит сигнал-осознание: всё в порядке, обыкновенный испуг, да незначительная гематома на голени. Ещё через несколько мгновений ощущение вежливого чужого присутствия покидает мою голову.

— Так, давай-ка реветь будешь после захода, хорошо? Идти ты можешь, ничего страшного не произошло, — подав ей руку, поднял девушку на ноги.

— Так точно, флагман, — кивнув, тыльной стороной ладони вытирает слёзы. С учётом общего количества грязи, собранного кожей — зрелище ещё то. А глаза у неё красивые,

жёлто-оранжевые. Даже неопределённо-бурого цвета грязь, полноценно улепившая и лицо, и волосы, не способна перевесить их мягкое, почти физически осязаемое внутреннее свечение.

Не дожидаясь команды, девчонка делает несколько осторожных шагов, слегка припадая на повреждённую ногу, но через полминуты уже вполне сносно передвигается, только на резких перестроениях, уворачиваясь от направленных струй воды и ветра, болезненно прикусывает губу.

***

— Даже если ты сходишь с дистанции, ты, порочное порождение верфи и сейнера, обязана выполнять последний данный приказ!

Гондолень орёт, таращит глазёнки, распухшие жилы выступают на мясистой шее, а рожа приобретает сочный кирпичный оттенок. Стою, направив взгляд ему точно туда, где индусы рисуют третий глаз. На самом деле — полезное умение, особенно если глаза немного расслабить и точку фокуса перенести куда-то в неведомые дали далеко за головой оппонента.

— Последний приказ был — двигаться к цели во что бы то ни стало. Сигнал "Следую своим курсом" я не отменял!

Пусть орёт, мне не жалко.

Может, всерьёз рассчитывает, что выволочка перед строем поднимет дисциплину? Наивный чукотский юноша. Хорошо, что не может подключиться к нашей внутренней сети, иначе наверняка бы уже, выпрыгнув из штанов и берца, сматывался бы по воде аки по суху.

Даже вечно позитивная Виктория фонила откровенным желанием оторвать бестолковку майору.

Я пялился куда-то в загоризонт сквозь незримую дыру во лбу Хоквуда и думал.

Интересно — в инструкторы специально назначают потенциальных самоубийц, или просто нам такой весь из себя особенный достался?

— Повторяю: в соответствии с приказом, ты должна была подняться и нагонять свою эскадру! А не помогать, бросив всё, этим полутора метрам недоразумения!

Желтоглазая стоит рядом подавленная и осунувшаяся. Не знаю, как она сумела изолироваться от сети, но — её не ощущается. Зато чувствую, как её кожа буквально горит. Девчонке стыдно. И за то, что попала в ловушку, и за то, что из-за неё огребают другие, и за то, что её так именуют перед всем курсом.

А про полтора метра он реально перебрал — девушка на полголовы ниже меня от силы.

— А механизм кто чинить будет?! Я? Он после твоих игр восстановлению не подлежит!

Пусть орёт. Есть ненулевая вероятность, что охрипнет и настроение некоторое время портить не сможет.

— Что молчишь?! Отвечать, когда спрашивают!

Я пожал плечами:

— Новую ловушку поставят.

Физиономия Гондолень стала практически бордовой:

— Молчать, когда спрашивают! Я про сигнал и про этот выкидыш судостроения! — и пальцем показывается прямо в нос девчонке. Скосив глаза, вижу, что желтоглазая на пределе.

Может, это и послужило триггером. А может, просто задолбало выслушивать ор

Хоквуда.

— Ещё раз оскорбишь мелкую — я тебе лицо обглодаю.

Говорю тихо, так, чтобы дальше нас троих звук не ушёл, но среди остальных девчонок поднимается внутрисетевой нездоровый кипиш. Ну да, всё верно, у аватар ПЛО, РЭБ и субмарин слух и без усиливающей аппаратуры не в пример острее человеческого.

— Ника, дисциплинарку же вкатают, — почти стонет откровенно переживающая Свирь.

А майор, переварив сказанное, начинает трястись, совсем как те мелкие карманные собачки, у которых от собственного лая инфаркт случается.

— Напрашиваешься?

— Не напрягайтесь так, а то глаза вывалятся или лопнут.

— Напрашиваешься, — Гондолень со счастливой мордой лица азартно трёт руки. — Итак. Невыполнение приказа. Неуважение к офицеру. Порча имущества. Дисциплинарочкой попахивает, дорогуша.

Чувствую, как рвёт тормоза, но остановиться уже не могу. Волна холодной ярости поднимается изнутри, распирает, нависает над нами огромным незримым монолитом.

Я не говорю — шиплю. Но слова не сливаются в свист и голос мой спокоен.

— Слушай сюда, Хоквуд. Орать ты можешь — и будешь — на своих двуногих. И приказы им же отдавать — сдохнут, так ничего, Родина-Мать ещё нарожает. А у меня — каждая девочка на счету, и цена им — всей платины мира не хватит, чтобы хотя бы за одну расплатиться. Довожу до твоего скорбного, усечённого службой мировосприятия: с того света Дев Флота возвращать не научились. И благодаря таким феерически ебанутым приказам что в прошлом веке, что в этом — погибло много достойных, уважаемых людей. Может, напомнить, сколько Дев, благодаря вашему ссаному сигналу, загнанному в подкорку, не вернулись из Гавайского рейда? А сколько канмусу осталось в море в результате операции по подавлению Лорелей? А Фолкленды? А Мадагаскарское побоище? Новозеландский разгром? Я могу ещё очень долго продолжать. Заявляю под запись, не буравь меня так взглядом, дырку всё равно не прожжёшь, а излучение работающей камеры и без аппаратуры чувствую, — так вот, заявляю: выполнять этот и схожие приказы — отказываюсь, равно как буду и впредь игнорировать сигналы, разработанные людьми для людей.

У Гондоленя дёргается глаз. Кажется, ещё немного, и пена на губах нарисуеться.

— Дисциплинарное!

— Да хоть сразу в Арктику отправляйте. Не вижу резона работать с теми, кто не ценит собственные дефицитные ресурсы.

— К директору, живо!

***

Адмирал устало трёт лоб.

— Николь, это же тренировка, а не боевой рейд, — говорит спокойно, размеренно. На контрасте с майором — небо и земля. — Тут можно было бы и выполнить приказ, и придраться означенного сигнала.

— Считаю это невозможным. В записи всё изложено полностью и дополнений не требует.

— Но ты ведь понимаешь, что это — часть боевых реалий? Без неё никуда. Рано или

поздно, но придётся использовать сигнал, хотя бы просто для того, чтобы не подставить остальных.

Я покачал головой:

— Любая военная доктрина строится на таком забавном понятии, как возобновляемость кадрового состава и ресурсов. Что приемлемо для людей, не котируется в отношении канмусу. Мы, называйте как хотите, кадровый ли состав, или ресурсы — продукт конечный и возобновлению в обозримом будущем не подлежащий. Там, где люди нарожают новых, нам на смену придёт пустота. И рано или поздно — но последние из нас закончатся, и у человечества не останется особых вариантов, кроме как загнать термояд под мантию или методично вытравливать и испарять океаны обычным ядерным оружием. И всё, чего я хочу, это чтобы Девы жили как можно дольше. Чтобы твёрдо знали, что они — не одноразовый расходник, что, случись беда, их будут стараться вытащить до последнего, а не оставят умирать посреди океана, прикрывшись приказами тех, кто уютно сидит в своём кабинете и воды никогда не видел. И потому, тащ Адмирал, я ещё раз повторяю: приказы подобного характера исполнять отказываюсь ввиду явно саботирующей компоненты, влекущей за собой отрицательное влияние на боевой дух и боеспособность Дев Флота.

Адмирал с плохо скрываемой грустью посмотрел на неприметное фото, теряющееся на фоне снимков кораблей, карт и портретов. Десяток девушек в парадной форме, и позади них директор.

— Думаешь, не понимаю всей абсурдности слепого применения людских норм на аватары? Прекрасно понимаю. И мне от этого не менее больно, чем тебе или любой другой Деве. Школа — ещё не армия, но и здесь субординацию требуется исполнять.

Желтоглазая сидит тихо, кажется, почти не дышит. Киваю на неё:

— Субординация не подразумевает под собой перехода на личности и публичного оскорбления чести и достоинства. В конце-концов, мы не пехота и не внутренние войска, чтобы априори считаться пустоголовыми и не понимающими нормальный человеческий язык.

— Вынужден согласиться, майор Хоквуд ежегодно перегибает палку.

— Без последствий?

Адмирал, вздохнув, склонился над столом.

— Эти сведения не уйдут никуда дальше вас, согласны? — Дождавшись два синхронных кивка, директор продолжил: — Психологи прекрасно понимают, что модель обучения, разработанная в Империи, на голову превосходит все наши начинания, но просто так поменять подход никто не позволит, излишне велика инерционность и консерватизм мышления в военном аппарате. Джеймс помогает собрать статистику несоответствия имеющейся модели обучения текущему положению вещей.

— Не бойтесь, что однажды кто-нибудь из Дев сорвётся — и на этом для него всё разом закончится?

Директор улыбнулся самыми уголками губ:

— Считает это сопутствующими, а следовательно, и приемлемыми потерями.

— Значит, эта морока будет нас преследовать до самого выпуска?

— Всё может быть, — директор подтянул к себе тонкую стопку листов. — Николай Первый, Муракумо, свободны. До конца дня освобождаю вас от занятий, секретарь завизирует распоряжение.

— Разрешите вопрос, тащ Адмирал?

— Слушаю, Николь.

— Каково будет наказание?

— Я ещё не решил. А пока — идите.

Ты назначен быть героем...

В курилке пусто и хорошо.

И в голове — пусто. Но не хорошо. С другой стороны — и не плохо. Никак, в общем.

С моря идёт стабильный лёгкий тягун, солнце греет выставленные из тени ноги, в пальцах дотлевают забытая сигарета.

— Ждёшь наказания?

Неожиданно. У Мутсу изящная трубка с колпаком, лёгкая, цвета слоновой кости.

— Готов к труду и обороне, — приветственно кивнув, стряхиваю пепел и выкидываю окурочек. Щёлкает зажигалка, новая порция дыма лениво заполняет лёгкие.

— Не бойся, — сев рядом, Влада по-дружески толкает плечом в плечо. — Максимум — недельку на нарядах повтухаешь.

— Я и не боюсь. Просто не понимаю, как можно очевидное не замечать.

— Хумансы, — философски протянула Влада, сквозь прищуренные веки наблюдая за серебрящейся на солнце морской далью.

— На других курсах так же было?

— Да. Хорнет отсюда услали в Штаты — поймали в считанных сантиметрах от инструктора. Мне выписали две недели нарядов на кухне. Ане — неделю на санитарных обработках бассейна и прилегающих территорий. Говорят, Эмден, Рипалс и Шернхорст в Европе тоже начудили, но это уже по категории непроверенных слухов. Каждый год находится горячая голова, в корне несогласная с имеющейся доктриной обучения.

Приятная у неё улыбка, располагающая.

— Никогда бы не подумала, что Нагато и неподчинение могут быть совместимы.

— Сестрёнка, конечно, до жути педантичная, но именно ей принадлежит авторство негласного девиза канмусу: "Иногда не-люди человечнее людей". Увы, многие этого не понимают.

— Влада... Можно вопрос?

Мутсу хитро прищурилась:

— Интересно, каким образом нас занесло сюда?

— Настолько очевидно?

Девушка на несколько секунд окуталась ароматным дымом с тонкими нотками шоколада и цитрусовых:

— Скажем так, вопрос не блещет оригинальностью. На самом деле всё просто: отец — полномочный посол по военному взаимодействию, когда назначили сюда, решил перебраться всей семьёй. Вот прямо в самолёте, заходящем на посадку, нас сестрой и накрыло Пробуждением. Потеряли сознание людьми, а проснулись в лазарете — уже Девами Флота.

— И... давно вы тут?

— Шестой год.

Я невольно присвистнул.

— Староваты, да. Ещё немного, и песочком сможем приторговывать.

Выбросив очередной бездарно догоревший окурочек, потянулся за следующей.

Дымит сигарета, серая струйка тянется вверх, завиваясь в колечки и язычки, и на высоте

пары метров, окончательно доломанная ветром, растворяется в воздухе. Рядом попыхивает трубкой Влада, лаская обоняние ароматным дымом.

— Думаешь, правильно ли поступила, показав всем далеко не самый лучший пример, являясь не только лидером эскадры, но и флагманом? — Зелень глаз сочтется любопытством и какой-то затаённой мудростью... и, наверно, пониманием.

— Не без этого, конечно. Но если есть дилемма, как надо, и как правильно, выбор очевиден.

Влада вновь толкнула плечом в плечо.

— Расслабься. Имперские стандарты всё равно продавят. Флот Бездны прогрессирует, учится, а мы, как всегда, отрабатываем тактику и стратегию, заточенные едва ли не на прошлый век.

— Ты всерьёз считаешь, что у Империи с этим делом всё лучше поставлено?

— Я не считаешь, Ника, я — знаю. Достаточно просто поднять статистику по боевым столкновениям. Доктрина поливариативной адаптивной школы Империи даёт свои плоды: за последние пять лет всего две Девы погибли. У остального Флота только за прошлый год — почти полсотни осталось навсегда в море.

Я тряхнул головой:

— Раз школа так эффективна, почему не растащат на образцы?

Влада грустно улыбнулась:

— Методику утверждает ГШ ОФ ООН, а через них сложно провести что-либо, серьёзно выбивающееся за рамки привычного. Это имперцы с прибором клали на требования и обязательные методики, да Штаты по привычке самые рациональные звенья тащат отовсюду, где плохо лежит. Остальные обновлённой ООН в рот заглядывают и на каждое слово как на божественное откровение смотрят.

— Всё равно... Забег этот бессмысленен.

— Всё в полном соответствии с утверждённым учебным планом.

— И что составители плана курили?

— Думаю, тут более тяжёлые вещества используются. Вообще, всех бесит такая очерёдность. Вам, в первую очередь, на конвоях надо отрабатывать тактику, а не вхолостую нервы жечь.

— Жалко девчонок. Ничего ж ещё не понимают, а их, фигурально выражаясь, сходу под танки с шашкой наголо кидают. Без нормальных объяснений и раскладов, как обыкновенное пушечное мясо.

В руки ткнулась плоская фляжка:

— Держи. Поможет.

В ноздри прокрался мягкий, отдающий шоколадом аромат хорошего коньяка. С сожалением вздохнув, вернул флягу Владе:

— Спасибо, но нельзя. К начальству пред светлы очи всё равно надо будет явиться.

Мутсу плавным движением кисти вернула мою руку обратно:

— Пей. Будут спрашивать, смело ссылайся на меня. Можешь даже добавить, что насильно вливала.

— Спасибо, Влада.

***

За дверью просторного кабинета кадровой части, курирующей вопросы канмусу Школы "Дом морей", измерял шагами доступную площадь высокий мужчина лет тридцати-тридцати пяти, с совершенно седой головой.

Напротив окна сидел молодой парень с ещё по-юношески жиденькой бородкой и, глумливо ухмыляясь, пересчитывал солидную пачку унов.

— Юра, завязывал бы ты косплеить Доктора Зло, — нервно бросил седой, в очередной раз пройдя мимо довольного зама.

— Пал Сеич, не я же ставки за вас делал. Проиграли — смиритесь.

Седой, остановившись, всё же уселся на край стола, подхватил оранжевую папку и вновь перечитал докладную.

— Эти головоногие ООНовские мандавошки, создаётся такое ощущение, ни с головой, ни с жопой не дружат.

— Увы, ограниченный у нас здесь контингент, своё мнение навязать не можем.

— Ты особистам маякни, пускай мозголомам яйца прищемят как следует. Налицо же неприкрытый саботаж.

Молодой пожал плечами:

— А толку? Каждый год полный доклад сливаем, эффекта ноль. Кстати! Ставки на бар делаем?

— Соотношение?

— Хм... Пожалуй, удвою прошлогоднюю ставку. Сто к одному.

— Сто пятьдесят и вызов спецназа.

— Принято, — хмыкнув, Юрий развернул админку офицерского портала базы и внёс обновления на страничке тотализатора. И только сохранив изменения, посерел лицом. — В смысле, сто пятьдесят и спецназ?

— В прямом. Джимми, хоть и железный, но не вечный.

— Это нечестно! — встrepенулcя зам. — Я же по миру пойду!

— Посидишь месяц на довольствии, глядишь, и жирок порастрясёшь, — мужчина, покинув стол, с удобством развалился в кресле. — Что с девочкой делать будем?

Юрий почесал ручкой за ухом:

— Будь здесь армия или нормальное училище, на губу бы загремела. А так — дисциплинарное, как ни крути.

Павел Алексеевич, клацнув парой кнопок, открыл досье обсуждаемой.

— Психопрофиль... Ерунда. Исходник...

Не веря своим глазам, мужчина несколько раз моргнул и сделал огромный глоток остывшего кофе.

— 3,14здец, — весомо прозвучало в кабинете.

— Эм... Пал Сеич?..

— Жесть, говорю. Ты историю исходника девчонки смотрел?

— А что там смотреть-то? Как всегда, воевал, погиб. Или воевал, пропал без вести. Или не воевал, но умер боевым макетом или разобран на металл.

Седой обхватил голову руками и с тоской посмотрел в монитор:

— Одесский смертник у нас в Школе живёт. Вот теперь сам думай.

— 3,14здец, — подтвердил молодой.

Один из древнейших кораблей Империи, чья боевая история насчитывает более ста лет, стоял в списке кораблей особняком. Не было в новейшей истории других примеров, когда

против приказов и распоряжений весь экипаж корабля шёл добровольцами на заведомую гибель, хотя многие могли бы остаться на берегу — модернизации и автоматизация ископаемого утюга позволяли вести эффективное боестолкновение всего лишь сотней человек.

— Вот именно, — кивнул Павел Алексеевич. — Проморгали мы, нам и расхлёбывать.

— Предлагаете разморозить литерные "Р", "П" или "Ш"?

— Именно. Что у нас там в "П" значено?

Зам шустро защёлкал клавишами, периодически прикладываясь неснимаемым браслетом-оттиском к ридеру ПАКа.

— "Полный Пэ" изъяли, как бесперспективный. Остался только "Прометей".

— Отлично, — седой счастливо потёр руки. — Сходные профили есть?

— Тройка точно, остальные под присмотром.

— Замечательно, — Павел Алексеевич от удовольствия чуть ли не мурчал. — Разворачивай "Прометей", будем ООНовским мандовошкам шаблоны рвать.

***

На удивление, в столовой вокруг меня не образовался островок пустоты, как того бы следовало ожидать. По идее, за выходку уже должен был бы прочно и надёжно попасть в категорию парий. Но, видимо, не сегодня.

Аппетита не было совершенно, но — есть надо, иначе мозги окончательно усохнут.

— Ждёшь выволочки? — от серых глаз Грейс, сидящей напротив, казалось, некуда деться.

— Всё может быть, — пожав плечами, допилит-таки неподатливый стейк.

— Мы тут с девчонками посоветались, — наклонившись над столом, доверительным шёпотом сообщила Гнейзенау. — Если дисциплинарное взыскание повесят или на губу отправят, петицию подпишем в ГШ.

— Не надо, — отмахнулся я, хотя в глубине души шевельнулось тёплое чувство.

— Надо. Это мы людям нужны, а не они — нам. В контракте чётко оговаривалась достойная социализация, в том числе и гражданская, вступающая в действие с момента подписания документа. Такими методами — на выходе получают кучку психованных и излишне нервно реагирующих на раздражители девчонок с потенциалом убойного оружия, а не нормальных бойцов, умеющих принимать решения, отдавать и выполнять приказы.

— Думаю, тут таких сильно умных быстро куда-нибудь вглубь континента переведут, лужицу какую или ручеек охранять от поползновений папуасов.

— Никки, не делай вид, что тебе всё равно. Твои сигнатуры трещат, как старый трансформатор.

— Извини, я не специально.

— Знаю, — вздохнув, Грейс встала из-за стола и заняла пустующее место слева от меня. Свирь и Обь ужинали сегодня в лазарете, капитан основательно нагрозила девушек гранитом сложной лекарской науки. До жути не хватало присутствия Карины, буквально распространяющей вокруг себя ауру спокойствия и умиротворения. — Но всё равно — не дело бросать своих на ровном месте.

Я вспомнил болезненное выражение на лице аватары Муракумо и её тоненькую ножку, зажатую между валами ловушки.

— Мелкая могла же без ноги там остаться...

— Могла, — кивнула Грейс. — Для того в лазарете и стоят регенерационные саркофаги.

Недельку поплавает в восстанавливающем бульоне, конечность как новая будет.

Я уставился в стакан:

— Если технологии так круты — почему в массу не идут?

— Потому что работают только с Девами. Человек в такой капсуле максимум — хорошо выспится, да заживление ран чуть ускорится. Невыгодно и нерентабельно. Наши тела функционируют по совершенно иным принципам.

Окинув взглядом столовую, не нашёл желтоглазой.

— А мелкая куда делась?

— Не знаю, — пожалала плечами Гнейзенау. — Сейчас уточню.

Я не успел ничего ответить, как девушка быстрым, упругим шагом дошла до столика с худенькими девчужками и, перекинувшись с ними парой слов, вернулась обратно.

— В комнате сидит, переживает.

— Ёпт... — с благодарностью положив руку на кисть Гнейзенау, выдавил дежурную улыбку. — Спасибо за поддержку, Грейс. Пожалуй, я пойду.

***

— Не заперто.

Ну ещё бы. Двери в общаге принципиально не имеют замков.

— Ты чего голодом себя моришь, кроха?

Сидит зарёванная, личико осунулось, ссадина на щеке, синяк во всю голень. Растрёпанная, взъерошенная, как воробей.

— Как я могу есть, флагман, когда там все, перед кем я провинилась?.. И вам досталось из-за меня...

Сгрузив пакет, принялся выгребать из него контейнеры с едой.

— Значит, так. Во-первых — я тут одна, во-вторых — короны не вижу, а паразиты в нас как-то не приживаются[1] — так что можешь смело обращаться на ты. В-третьих, не накручивай себя раньше времени. А в четвёртых, давай уж по-нормальному знакомиться. Я — Николь, можно просто Никки.

— Шинджу, — сложив руки перед грудью, девчонка низко поклонилась.

— А можно просто — Шин?

— Можно, флагман.

— А вот это уже в-пятых, Шин. Я не флагман. Сегодня — всего лишь лидер эскадры и условный флагшип. А после сегодня, чувствую, и вообще ноль без палочки. Но это пофиг. Просто запомни, не флагман я.

— Флагман, — упрямо боднула головой воздух аватара Муракумо. — Флагман моего сердца!

Мда... Приплыли... А ведь на полном серьёзе говорит, и жёлто-оранжевые глаза так и сияют.

— Отставить идолопоклонничество, Шин. И приступить к приёму пищи.

— А вы... ты?

— Ешь-ешь, а я у тебя, пожалуй, грушу подрежу, если не против.

— Не-не-не, хоть все забирайте.

И, пискнув что-то языколомное по-японски, девушка приступила к еде.

Как и большинство эсминцев — худенькая, даже, скорее, поджарая, но при этом совсем не выглядит пигалицей. Лет пятнадцать, плюс-минус год. Что, в принципе, и по весьма развитой груди, боевито выпирающей сквозь туго натянутую майку, заметно.

Тренькнул мобильник, вывалив на экран короткое сообщение от секретаря директора: "Канмусу "Император Николай Первый" — прибыть в кабинет директора. 20 минут".

Хм... Кажется, кончилась нормальная жизнь. Жалко? Возможно. Подвернись возможность сделать по-другому — сделал бы иначе? Отнюдь.

Значит, пора готовиться к льдинам и злым линкорам.

Похер, прорвёмся.

- - -

[1] Марк Твен

О котах и горчице

— Павел Алексеевич, Иван Петрович, Кагуро-сан, — кивнув, директор указал на кресла. — Неужели обычный ежегодный срыв Девы Флота оказался настолько серьёзен, что смог объединить кадровый и особый отделы?

— Не смешно, Масашу-сан, зато правда, — сухо согласился начальник кадров.

— Судя по вашим коллегам, — Адмирал кивнул на молчащих особистов, — решили девочку по полной протянуть?

— Всё может быть, — неопределённо развёл руки Павел Алексеевич. — Но сначала хотелось бы узнать ваше мнение о имевшем место быть инциденте.

Директор выдвинул ящик стола и извлёк на свет массивную деревянную коробку кубинских сигарилл.

— Угощайтесь, нервы стабилизирует, — и, открыв окно, сам с удовольствием затянулся терпким, мягким дымом. — Если не под протокол, то скажу так: менять надо и систему обучения, и методику, и авторов этих систем, калькирующих пехотную подготовку на элитные и, к тому же, единственно действенные силы в нашей войне. Абсолютно алогичная система, к тому же — который год стабильно показывающая свою несостоятельность.

Адмирал, откинувшись на спинку кресла, с полминуты собирался с мыслями, прикрывая усиленную когнитивную деятельность неторопливым наслаждением вкусом изысканного табака.

— Что касательно проблемного линкора... По хорошему — её вина только в том, что на "пристрелке" сразу и без пояснений отрабатывается самый худший из возможных вариантов. Что, если говорить откровенно, очень сильно бьёт по и без того далёкой от эталонной психике канмусу. Согласитесь, желание сражаться на стороне человечества после такого жёсткого выворачивания наизнанку вряд ли прибавится. Ведь, фактически, получается как: вот вам дистанция, вот вам время, идите и успейте. Кто упал — того, пусть и условно, съели. Девушек из МЭВ[1] каждый год после этого забега приходится на две недели в санаторий отправлять, иначе психика вразнос идёт. Вот и слетают с резьбы канмусу: выполняй бессмысленную, извиняюсь, хрень, не вякай — и радуйся тому, что в этот раз в ловушке застряла не ты. И у МЭВ запрет на вмешательство, если помните. Пока серьёзное увечие кто-нибудь не получит, никто их на полигон не выпустит, — с силой втоптав пальцами недокурную сигариллу в макушку статуэтке, изображающей восточного пухлощёкого

божественного болванчика, Адмирал потёр переносицу. — Каждый год отправляю доклады. Как в пустоту, даже отписок не возвращают.

Покосившись на коробку, директор, махнув рукой, достал ещё одну сигариллу.

— Нельзя так, понимаете? Просто нельзя. С огнём играем... У меня всё.

Павел Алексеевич кивнул и пристально посмотрел на Ивана Петровича.

Особист, коротким энергичным кашлем прочистив горло, извлёк из внутреннего кармана пиджака плоский футляр размером чуть больше классического конверта.

— Масаша-сан, ознакомьтесь, — и передал футляр Адмиралу.

Директор, несколько секунд покрутив в руках ранее незнакомое устройство, нашёл характерное углубление ридера ПАКа и, не мешкая, приложил браслет-оттиск к считывателю. Без каких-либо заметных внешних эффектов верхняя часть плоской коробочки подалась вверх, показывая скрытый внутри тощий конверт с пироопасной упаковкой, так же несущей на себе крохотную плашку контрольного ПАКа.

Активировав протокол разгерметизации, директор извлёк из защитного контура обыкновенный белый конверт, по швам пропечатанный усиленной голограммной штрих-меткой. Вскрыть его оказалось задачей не из простых, канцелярский нож отказывался брать на первый взгляд обычную бумагу, а подцепить ярлычок штриховой ленты коротко остриженными ногтями не никак получалось.

Но, кое-как справившись с задачей, Масаша вытащил на свет единственный листок бумаги, заполненный едва ли на одну пятую, завизированный личной ленточной печатью Особого советника российского Императора.

Бегло пробежав глазами текст, Адмирал с уважением посмотрел на представителей Империи.

— Значит, литературный проект "Прометей"? Задумка интересная, господа офицеры. Всецело одобряю, тем более — рад, что у вас есть возможности обойти директивы ООН. Форму приказа составлять, или по стандарту — оттиски и сигнатуры?

— Стандарт. Ядро группы определено, набор и отсеивание в течение месяца с момента активации протокола "Эвридика-2".

— Прекрасно, — кажется, впервые за день настроение у Адмирала улучшилось. — Тогда — приступаю к выполнению.

***

Карина, вопреки расхожему стереотипу о неотвратимости и беспринципности женского любопытства, вечером не допытывалась о итогах похода к начальству. А я не возражал. Просто потихоньку пытался зарастить шаблон обратно.

Свирь после отбоя уже привычно устроилась рядом и, запустив пятерню мне в волосы, мгновенно уснула, при этом умудряясь в пассивном режиме ещё и периодически обласкивать сканирующими полями.

В голове ещё долгое время крутилась картинка "почётной" встречи в кабинете Адмирала. И сурьёзные до невозможного дяди-"молчи-молчи", и ознакомление с особыми литературными инструкциями, и топтание на холодной пластине мультидиапазонного сканера, и доведение задач, и прочая-прочая-прочая.

От свалившейся информации мозг буквально разрывало, но чувствовал: надо уснуть, чтобы оно нормально по полочкам растеклось и уложилось как надо. Только где бы

снотворное найти?..

Впрочем, искать не пришлось.

Карина, обдав густой, невоспроизводимой волной обожания, умиротворения и спокойствия, во сне повернулась, обвила меня руками и ногами, и, уткнувшись тёплым носиком в шею, продолжила посапывать, попутно вселяя уверенность в себе и в завтрашнем дне.

Чувствую, кому-то шаблоны придётся собирать по крупицам.

Ну и хрен с ними.

***

— Юра, не прикидывайся ветошью. Я же вижу, что не спишь.

Зам разлепил глаз, истово пытаюсь сымитировать неадекватный взгляд, характерный для внезапного пробуждения.

— Не прикидывайся, Юр. Я все твои ужимки прекрасно знаю. Что по ставкам?

Тяжело вздохнув, зам достал из кармана изрядно подростшую пачку банкнот и, отсчитав от неё несколько бумажек, протянул оставшийся массив начальнику:

— Сто пятьдесят к одному. Пал Сеич, может, разьясните неразумному хазару, каким образом?..

Павел Алексеевич, взвесив в руке стопку денежных знаков, довольно улыбнулся:

— Я же говорил, что Джимми не вечен.

— Сколько?

Начальник понял вопрос подчинённого без уточнений:

— Две группы по семь рыл, плюс ещё снайперов слегка нагнул по мелочи, если выбитые зубы и сломанные руки считать за уважительные причины.

— Без двухсотых?

— Хоквуд даже на автопилоте в состоянии отличить спецназ от бармалеев. Так что без трупов.

Зам, зевнув, потянулся за кофе:

— С девчонкой что?

— А что с ней за ночь сделается? Отоспится, с утра на дополнительный инструктаж сбегает — и вперёд, за правое дело.

Юрий мотнул головой:

— Ядро собираем завтра? Или пусть в собственном соку пока помаринуется?

— Уже сегодня, Юра, — начальник тихо задвинул пустой шкалик от коньяка под стол. — И завязывал бы ты пить на рабочем месте.

— Оно там давно, — затянул извечную отмазку зам. — Год уже, наверно, держался.

— Шут гороховый, — незлобно хмыкнув, Павел Алексеевич рухнул в кресло. — Толкни на подъёме, ладно?

— Сделаю, — козырнув мгновенно захрапевшему начальнику, Юра опрометью кинулся в локальную сеть: нужно же узнать подробности того, что и как вытворил инструктор, пытающийся удержать свою резьбу на месте.

Хотя бы один, но живой Зверобой

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно

случайно, лишит ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившись — пролистать до следующего эпизода.

Не клюнувшим на алерт — вэлкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

Утреннее построение. Сортировка на две кучки. Мальчики налево, девочки направо. В данном конкретном случае — правильные девочки большей группой справа, неправильные — слева.

Таких неместных, включая меня, четыре каски. Исходя из раннеутреннего инструктажа от Нагато, волевым решением снявшей меня с обязательной пробежки, — собрание сочинений о людях диких, но симпатичных. С моторчиками, что характерно, но ещё не в самом расцвете лет.

Собственно, ядро группы, как выразился кадровик, с еженедельной ротацией исполняющих роли флагамена и лидера-1: чтобы обвалялись как следует, значитца, постёсывали неудобные неровности и притёрлись где положено.

Девчонки таращатся любопытными глазёнками, у многих во взгляде сквозит непонимание, граничащее с разрывом шаблонов — мне, культурно выражаясь, тут как бы не место. А место на губе или широко разрекламированной обоссанной всякими приполярными обитателями льдине. Хотя, кажется, в ступор их вгоняет наличие остальной святой троицы в компании отъявленной нарушительницы спокойствия, попирательницы уставов и наплевательнице на субординацию.

Вопреки ожиданиям, Синтии по нашу сторону баррикад не оказалось. Хотя, казалось бы, сорок пять изумительно блондинистых килограмм беззаботности, ветра в голове и попутного шила в нижних девяноста просто обязаны присутствовать в группке неблагонадёжных товарищей ака штрафников.

А вот от чего было мозгам скрипеть — это от состава. Камилла, аватара ЭТС Спика Ариэлла, воплощение ПЛ Левиафан и... Карина, ГС Свирь.

Влада, наказав явиться пред светлые очи Адмирала, утащила остальную группу на завтрак. Ладно, мы не гордые, хорошего не имели ранее, нечего и привыкать.

— Ну что, потенциально ненадёжные леди, идём сдаваться?

— А никуда не денемся, Ника.

И почему меня не покидает ощущение, что Карина знает намного больше того, что положено?

— Тогда — в колонну по два и на точку.

— Есть! — Бодро гаркают, жизнерадостно.

И мы пошли.

***

На самом деле, есть о чём подумать.

Экспериментальная группа под вывеской штрафбата, все дела... Много громких слов, многозначительных намёков и тонны документации. Благо, последняя в электронном виде и подписывается тут же выданным браслетом-оттиском. Такие же тонкие, комфортно облегающие запястье полоски странного гибкого материала украшают конечности и

директора, и кадровиков, только у особистов они раза в два массивнее и идут двойным комплектом.

Не знаю, может, главный кадровик и не пытался сыграть на психологии, используя достаточно расхожий штамп под условным названием "прикосновение к тайне", но — у него получилось именно так. Показать сгорающим от любопытства и откровенного непонимания сложившейся ситуации девчонкам, что на самом деле "штрафники" — очень даже наоборот, не стрёмно, но почётно, просто остальные пока по своим рельсам катятся и не в курсе, а мы идём своим путём.

— Три базовых постулата, — откровенничал Павел Алексеевич. — Запомните их, вызубрите, хоть татуировками набейте, но никогда не забывайте. Понимание. Уважение. Взаимопомощь. В любом порядке, какой душе угодно расстановке, но — именно эти три.

— Уважаемая Карина, осмелюсь назначить вас полноправным инструктором по методикам самоконтроля. Да, прекрасно понимаю, что у вас и без того усиленная нагрузка по линии капитана Киао Ин, но, думаю, данный вопрос решаемый, — это уже особист подключился.

— Вопросы?

Говорят лесенкой, она же — подверсия перекрёстного допроса, когда один заканчивает говорить, второй подхватывает его мысль, но подаёт совсем с другого направления.

— Разрешите обратиться, тащ... — я капитально замялся — отличительных знаков ни кадровик, ни особисты не носят, и представлялись по-простому, имя и отчество.

— Можно просто — Павел Алексеевич, — благосклонно кивнул седой, как лунь, кадровик. — Острога жжения пониже спины не испытываю, если ко мне обращаются без указания звания.

— Павел Алексеевич, можно обратиться?

— Нужно, Николь.

— Почему такая формация группы? — и, видя явно вопросительно поднятую бровь, пояснил: — Вот именно такой набор — он для чего создан?

Кадровик хитро покосился на молча взирающего на нас Адмирала.

— Можешь своё понимание изложить для начала. Своими словами.

— Так точно, — чуть не козырнув, кивнул так, что пилотка, не будь до того надёжно прицеплена заботливой Свирью к волосам заколками-невидимками, точно бы улетела. — Тяж нужен для того, чтобы своей широкой грудью прикрывать тылы, а в случае столкновения — принимать удары на себя. Или, если образно выразиться, ломать лица супостату. Транспорт снабжения, соответственно, снабжает и мониторит техническое состояние, леди-госпитальер, — кивок на слегка зардевшуюся Карину, — отслеживает состояние здоровья биологического тела. А тихоня субмарина, как истинный разведчик и диверсант, втихаря сливает координаты вражин, причиняет исподтишка справедливость тылам противника, а по возможности — фарширует вражий афедрон торпедами и, условно говоря, связывает шнурки на его ботинках. Ну а так как официально мы — штрафная группа, то и, следуя логике, работать будем по самым тухлым направлениям.

Старший из особистов выдавил из себя скупую улыбку:

— Образное мышление у вас, Николь. Но, в целом, верное.

— Спасибо.

— Пожалуй, дополню ваши выводы. "Тухлые направления" — это, конечно, ёмкое определение, но, подозреваю, вложенный вами в него смысл весьма отличается от того, как

это видим мы. Видите ли, общая беда Объединённого Флота — практически полное отсутствие нормальных спасвойск. Максимум, что могут себе позволить Адмиралы — собрать худо-бедно укомплектованный медицинско-эвакуационный взвод, да и тот идёт в составе последнего эшелона, надёжно отделённый от непосредственного поля боя как самими Девами Флота, занятыми в бою, так и необходимыми им транспортом, кораблями сопровождения, разведки, снабжения и так далее. И, как правило, МЭВ просто физически не успевают оказать помощь тем, кому она требуется немедленно.

Иван Петрович, покрутив в пальцах старинную, сильно потёртую бензиновую зажигалку, постучал ей о столешницу.

— Империя в своё время заключила ряд проприетарных договоров с союзниками, благодаря чему здесь и сейчас у нас есть шанс развернуть один из экспериментальных литерных проектов. В той или иной форме они благополучно задействованы в штатовской группировке, у Империи и в Школе Куба. В вашем случае — это проект "Прометей". Никаких глубоких смыслов в названии искать не надо, лучше всего вещь прятать под светом фонаря. Так и здесь: в названии заключается и смысл. Для тех, у кого с историей и древними мифами дела обстоят неважно, поясню. Некто Прометей, по национальности — древнегреческий бог, осмелился поделиться с людьми секретом огня, попутно окультурил их и оторвав от аутентичной среды, где доминировали каменные копья, дубины и невыделанные шкуры вместо одежды. За проявленную самодеятельность товарищ бог понёс наказание, однако — от своих убеждений не отказался. Ваши психпрофили идеально укладываются в лимиты, заданные создателями проекта, и максимально полно коррелируют со всеми необходимыми условиями. Поэтому — добро пожаловать в проект, леди.

— Господин полковник, разрешите обратиться? — Ариэлла, слегка прищурившись, разглядывала несколько растерявшегося офицера.

— Хм... Сударыня Ариэлла, я по званию в стенах Школы с прошлого года не представлялся. Не соблаговолите ли вы объяснить происхождение данных сведений в свете более реальном, чем происки Моссада?

— Да ничего особенного, — пожала плечами Ари. — У вас так в удостоверении написано.

Иван Петрович на автомате хлопнул левой рукой по карману пиджака, тонкая ткань отчётливо выделила рельеф прямоугольника размером с пачку сигарет.

— Пассивное сканирование?

— Так точно, господин полковник. Без спецоборудования погасить пока не могу, недостаточный уровень компетентности и самоконтроля. Учитель на подготовительном пункте был хороший, но слишком мало времени оказалось в распоряжении.

— А что с оборудованием?

— Сдано с остальной электроникой на хранение.

Особист посмотрел на девушку с такой непередаваемой жалостью во взгляде, что на миг даже показалось, что это и в самом деле человек, а не последователь Железного Феликса:

— Хочешь сказать, что всё это время ты постоянно сканируешь?

Левиафан даже бровью не повела:

— Других вариантов экстренной прокачки самоконтроля не вижу, а забрать чокер подавителя не могу ввиду утери разрешительного документа.

— Кагуро-сан, — обратился молчи-молчи к коллеге, — проследите?

— Выполню, Иван-сан.

— Итак, сударыня, каков же вопрос?

— Формация конечная, или планируется расширение отряда?

— Несколько барышень ещё в проработке, есть некоторый шанс, что частью из них доукомплектуем вашу группу. Но сильно на это рассчитывать я бы не стал.

— Благодарю за объяснение, господин полковник. Вопросов больше не имею.

Адмирал пристально посмотрел на кадровика и тот, спохватившись, споро заработал на компактном планшете.

— В расписании у вас будет некоторая перестановка, в том числе по ФИЗО и иным массовым подготовкам, — в них мы внесём необходимые коррективы в ближайшие два дня, до этого — посещаете без прогулов и отлыниваний. И ещё напомним: светить новым статусом — не лучшая идея. Официальное легендирование — штрафная эскадра, состоящая из совершенно чуждых дисциплине и субординации личностей, своеобразная фильтрационная группа, после которой или списываются на берег, или исправляются и берутся за ум. Всё ясно?

Я неуверенно приподнял руку.

— Да, Николь?

— Учитывая легендирование — каковы допустимые пределы панибратства и иных антисоциальных телодвижений?

— Педагогический состав и членов инструкторско-подготовительной части на жаркий юг, — мужчина без намёка на улыбку произнёс последнее слово с характерным восточно-украинским акцентом, с "г", плавно мутирующей в "х", — гонять не стоит, но трактовать приказы без явного саботажа — вполне можете. Мелких не задирать, в драки не лезть, конфеты и леденцы у детей не отбирать и не курить вне положенных мест.

— Ещё вопрос можно, Павел Алексеевич?

— Конечно.

— Майор... Он ведь реально под смертью ходил. Неужели не боится?

— А чего ему бояться? — хмыкнул особист. — Стоп-система в тренировочных доспехах надёжно фиксирует агрессора вплоть до прибытия группы прикрытия.

— А если не удержит?..

— А для этого у нас есть свои методы. Можешь у сестёр из студсовета спросить, эти данные гостайной не являются, хотя особо и не афишируются.

— Ещё один вопрос разрешите?

— Последний, Николь, у вас пятнадцать минут до начала лекции осталось.

Я согласно кивнул:

— Изложу кратко. Если мне об этом знать не положено, пойму. Суть вопроса: почему вчера на полосе не было МЭВ? Даже собранной из самых печальных тихоходок нашего курса?

Тут вновь вступил в дело кадровик:

— Стресс-тест. Официально преподносится как "боевые действия в условиях полного уничтожения человечества", что подразумевает под собой автоматический переход в режим рейдеров, а так же гибель всех кораблей сопровождения, транспорта подскока, эвакуационной службы, снабжения, разведки... и, соответственно, МЭВ в полном составе.

— Принял. Вопросов больше не имею.

— Тогда — вольно, — едва ли не впервые с момента нашего появления Адмирал подал голос. — Бегите, леди, и не забывайте про легенду.

А кадровик добавил практически в спину:

— И помните: понимание, взаимопомощь, уважение.

Разгрузка физическая, отчасти даже психологическая

Юрий, потягивая дежурный кофе, с удовольствием пересматривал сведённую версию записей с камер наблюдения и личных видеорегистраторов бойцов группы оперативного прикрытия. Двое, имитируя "пиджачную" часть состава базы, разместились в разных сторонах бара таким образом, чтобы постоянно держать майора в поле объективов.

Хоквуд бухал.

Бухал так, что невольно закрадывалось сомнение — а человек ли он вообще? Длинная батарея пустых пивных банок старательно прикрывала своими алюминиевыми тельцами массивное стекло столь же пустых бутылок значительно более крепкого алкоголя. Железный Джимми пил как не в себя, лихо смешивая в пивной кружке совершенно несовместимые напитки.

И, визуально, совершенно не пьянел.

Лет пять назад Юра ему бы позавидовал — индивидуальная колония нанитов боевого назначения первого поколения — подспорье чудовищно выгодное: мало того, что пистолетные пули не берут, а очередь из автомата только в упор пробьёт, так ещё и не отравишь ничем — инкона жёстко фильтрует кровь, воздух, лимфу.

А теперь Юрий ему не завидует. Даже сочувствует. Первые инконы из организма носителя не выводятся от слова совсем. И отключить их невозможно. И, следовательно, даже просто насладиться изысканным вкусом еды или ароматом хорошей сигары — уже не получится, максимум — только общие вкусовые ощущения. Про то, чтобы накидаться как следует, и говорить не стоит. Жить в собственном теле, как в стерильной изолированной капсуле — такое и врагу не пожелаешь.

А Железный Джимми, кажется, нашёл какой-то баг колонии. Иначе ничем другим нельзя объяснить то, что он-таки поддался опьянению.

Майор бухал стабильно два раза в год. Если в конце декабря он просто молча с утра заседал в баре и глушил алкоголь в полном молчании до глубокой ночи, поминая сослуживцев, то в середине августа — накидывался строго до изумительных соплей и аутентичных зелёных феечек с ручными рельсотронами.

Собственно, поэтому он в город и не выбирался. В местном баре гораздо легче и проще найти того, кто сможет оказать достойное сопротивление, чем светить своими навыками в гражданских публичных местах.

С другой стороны, владельца первых колоний нанитов обезвредить не так-то просто — если как боец он сам себе ещё и оружие, то с апгрейдом в виде боевой инконы — вообще тушите свет. Но майор — кадр слишком ценный, чтобы списывать или переводить на более мирные и спокойные должности. Командование Объединённых наций не раз пыталось услатить Хоквуда хоть к эскимосам, лишь бы подальше от любой из Школ, но майор, проявляя чудеса изворотливости, а так же пользуясь редкостным спонтанно просыпающимся даром применения запредельной бюрократии и классикой жанра о слове и пистолете, всё равно возвращался к привычной работе.

В конце концов, большие шишки плюнули, вняв истерикам психологов, и просто выделили усиленную ГОП — как раз на случай, если майор решит как следует оторваться.

А действие на экране плавно менялось.

Хоквуд, загрузившись так, что начал ловить чёткий крен на все борта сразу, преодолевая

коварную гравитацию, направился к стойке, у которой травил анекдоты один из сменившихся ГОПников.

Юра присмотрелся к мужчине, с трудом опознав в нём Кларка Мерцера — всё же боец, упакованный в экзоскелет, разительно отличается от самого же себя, но в обычной форме. Прекрасный стрелок, толковый рукопашник, владелец боевой инконы пятого поколения. Частенько пересекаются с ним в бассейне и на полосе препятствий, иногда спаррингуют.

Майор, покачиваясь, продефилировал мимо Мерцера, на последнем шаге изящно запутавшись в ногах и удачно погасил опасный крен о плечо бойца ГОП. На лице Кларка мелькнуло страдальческое выражение, впрочем, тут же сменившись полной бесстрастностью активировавшейся психомаски. Да, новые инконы не вывозят против первых, но вот чего у них не отнимешь, так это возможности работать напрямую с психикой реципиента.

Подноготной новых возможностей нанитов Юрий не интересовался — впрочем, и доступа к таким знаниям не имел, — но вполне догадывался, что сейчас происходит с телом Мерцера. Распределённая по всему телу колония начала экстренную стимуляцию организма, в строго отмеренных дозах насыщая кровь норадреналином и кортизолом, полностью гася выработку тестостерона и приглушая количество адреналина, параллельно активизируя гормоны, подавляющие эмоциональную составляющую личности; при этом инкона начинала синтезировать боевую химию и насыщать тело огромным количеством соединений, в организме человека не встречающихся. Ускоряется проводимость нервной системы, уплотняется кожа, стимулируются зрительные и слуховые каналы; молочная кислота под воздействием препаратов, созданных колонией, не успевает накапливаться, перерабатываясь на простейшие составляющие, в дальнейшем идущие на поддержание работоспособности инконы и усиление регенеративных способностей бойца.

Майор, уловив изменения в мимике Кларка, хищно улыбнулся и продолжил развивать успех, просто и без изысков пробив короткий в печень. Мерцер, впрочем, удар проигнорировал, сосредоточившись на обработке болевых точек, доступных рукам.

Тоже без успеха — инкона давала многое, но усиление, равное приложению пули в точке контакта, развить человеческими пальцами невозможно.

В это время немногочисленные посетители потихоньку, не отсвечивая, покидали бар. Джимми здесь многие знали и были в курсе периодических разгрузок майора, но под горячую руку попадать это знание никакого желания не прибавляло. Не убьёт, даже не покалечит, но в нокауте валяться — приятного тоже мало.

Нарезка сменилась, оператор монтажа дал сводную картинку, полученную с внешних камер и видеорегистраторов оперативной группы. Игнорируя двери и окна, прямо сквозь стену, в облаках пыли, штукатурки, гипсокартона и обшивочного пластика, наружу спиной вперёд вылетает майор. Падает, сходу уходя обратным перекатом, и, на миг замерев, с восторженным рёвом счастливого носорога несётся к первой группе оперативников. Штурмовые доспехи защищают своих носителей от членовредительства, но — не спасают от собственного вывода из строя. Первая группа не успевает всадить в Хоквуда даже десятка инъекторных пуль с мощным транквилизатором, одной дозы которого, как правило, хватает на то, чтобы надёжно вырубить слона, а на сдачу — отправить в объятия Морфея ещё парочку тех самых носорогов. Чтобы пробить защиту инконы, таких нужно минимум три десятка. И сети. И одновременная работа пары-тройки тазеров, стоящих на вооружении у контр-террористов.

Бойцы ГОП разлетаются в стороны ничуть не хуже, чем обычные кегли в боулинге, только за это время майор, работающий на ускорении, успевае́т ещё и трём из них выбить блок ГЭУ, а четвёртому вынести компрессор и похерить гидравлику. Оставшаяся троица наваливается на Хоквуда, разворачивая его спиной к уже вывалившейся из теней второй группе. Четырёхствольные пневматические помповики, закреплённые в надплечевых турелях, выплёвывают разворачивающуюся в боевое положение прочную сетку, но Железный Джимми при первом же звуке выстрелов проваливается в ускорение, легко и непринуждённо покидая траекторию сетей и, когда прочные плетёные нити накрывают последних людей из первой группы, спокойно и деловито выводит из строя их силовые установки.

А потом приходит очередь второй группы. Майор сваливается в совершенно запредельную скорость — её развить можно лишь на несколько секунд — но и этих коротких мгновений хватает, чтобы Хоквуд выпал из ускорения в центре группы, сломанными куклами падающей вокруг него. Рассечение на виске, кровоточащие сбитые костяшки и — довольная улыбка от уха до уха.

В грудь, шею и правое бедро один за другим вбиваются восемь инъекторов, и Джеймс, довольно скалясь, лёгким подшагом растворяется в густой тени, создаваемой придорожными деревьями и стенами хозпостроек.

Картинка меняется: четыре прицела плавно движутся в поисках цели; вид — сверху вниз, под углом не более сорока градусов. Изображение на одной из камер приходит в движение: резкий рывок в сторону — и помехи разбитого объектива. Пять секунд — пока оставшиеся снайперы, работающие в собственной тактической сети, перераспределяют секторы обзора и запускают сторожевые дроны в точки вероятного подхода противника — и из строя выходит вторая камера.

И ещё десяток секунд. Рывок, мельтешение: прицел, ограждение, звёздное небо, гравий разбитого на крыше миниатюрного сада камней, хруст ломаемых костей и скрежет металла, и объектив, встретившись с покрытием, гаснет, успев напоследок увековечить пару характерных осколков зубов, весёлыми прыжками скачущих в гравий.

Оставшийся снайпер времени зря не теряет: всаживает в спину Хоквуду всю обойму транквилизаторов и тихо, удерживаясь в тени, меняет позицию.

Пытается менять, если честно.

Скатившись по пожарной лестнице, боец оборачивается — чтобы от души насладиться лбом майора, раскрашивающим прочный пластик лицевого щитка.

Картинка переключается на наружные камеры. Джимми, по кругу качая головой, неторопливо идёт обратно в бар.

Секунда — и там, где он был, закручивается водоворот размытых от скорости движений. У камер наблюдения нет возможности делать больше, чем сотню кадров в секунду, и потому остаётся только гадать, как же именно бьются носители инкон.

Ураган стихает.

Стоят друг напротив друга Кларк Мерцер и Джеймс Хоквуд. Кларк спокоен и отстранён, форма зияет рваными дырами, грудь мощно вздымается, и только пальцы расслабленно опущенных рук мелко-мелко подрагивают. Майор весело скалится. В его белозубой улыбке явный некомплект. Опухшая скула, наливающаяся отёком ухо, в очередной раз сломанный нос. Бланш под глазом и неестественно толстое запястье, прячущее почти всю кисть под мягкой шишкой расширившихся тканей.

Мерцер кивает Джеймсу. И, прикрыв глаза, медленно, неторопливо, словно наперекор гравитации, складывается: сначала падает на колени, потом заваливается на бок.

Тонкая женская рука ложится на плечо инструктора и он — не отвечает серией молниеносных выпадов, просто сразу начинает глупо улыбаться и переминается с ноги на ногу, совсем как неопытный подросток на первом свидании.

Юрий разглядывает молодую женщину, прячущую лицо в тени капюшона стандартной спортивной куртки. Невысокая, стройная, по фигуре — совсем подросток. На предделе разрешения картинки можно заметить витиеватую татуировку, выполненную в индийском стиле рисования хной, украшающую тыльную сторону левой руки.

Юра кивает сам себе, довольно улыбнувшись: Ён Чим, помощница капитана Ин. Значит, всё же завёл себе девушку Железный Джимми, и именно ту, на кого меньше всего ставили аналитики штаба.

Запись заканчивается, а Юра продолжает улыбаться.

Ставки на Ён, ввиду её положения аутсайдера в списке, были самыми высокими. Пятьдесят к одному. И Юра поставил на неё половину зарплаты.

Так чего бы не улыбаться внезапно богатому дону?

Knockin-#039; on onsen-#039;s door

Последний рывок — и финишная прямая за спиной.

Оглянулся, чтобы на всякий случай проконтролировать своих — не отстал ли кто. Чисто. Ариэлла уже забралась на каменный пятак, чуть выступающий над водой, и, сняв шлем, щурилась на послеобеденное солнце, Спика, пошатываясь, пыталась отстегнуть модули снабжения, а Карина деловито бинтовала руку Зоуи. Сайпан на последних километрах получила в левый борт мощную струю снега и ледяного воздуха, в результате чего неудачно обтесалась о бетонно-арматурный массив, имитирующий обрывистый берег.

Прислушался к общей сети — все на месте, потеряшек нет.

Выстраиваемся в шеренгу, не дожидаясь команды.

Лёгкая желтизна под глазом, чуть припухший нос, несколько ссадин на лице и отсутствие трёх зубов вообще не роляли против изменения в поведении майора. Хоквуд сегодня на удивление сдержан. Даже не орёт. И, что совсем уж удивительно, Выскочку "Прыщом" не именует.

И от него буквально пышет довольством.

— Штрафники, — щерясь некомплектной улыбкой, майор с ленцой осматривает нашу группу. — Ну что сказать? Молодцы.

Чувствуя, как челюсть против воли порывается отпасть, излишне громко и поспешно клацаю зубами.

Сеть гудит от волн полнейшего непонимания и откровенного шока.

— Его пони покусали, что ли?! — разносится общая рассылка от Грейс.

В ответ девушка получает несколько одобрительных эмоциональных откликов, но большинство первокурсниц о такой древности даже не слышали, а потому предпочли проигнорировать.

— И остальные тоже — молодцы. Не идеально, конечно, но для первой недели вполне на уровне. Занятие окончено, вольно.

***

— Там, в онсэнэ, только и разговоров, что о майоре, — кутаясь в облака табачного дыма, Грейс непроницаемым взглядом изучала тёмный, сливающий воедино небо и воду горизонт. — Там говорят о том, как чертовски здорово наблюдать Хоквуда во вменяемом состоянии, когда он не орёт. И не краснеет мордой, донося до нас свет армейской истины...

Гнейзенау снайперским броском отправила окурок в урну и, зевнув, расслабленно откинулась на высокую дугу скамейки:

— В общем, больно будет ушам, как в настоящем курятнике. Может, не пойдём?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет. Карина нас не простит, если её одну туда отправим. Да и подогреваемый бассейн всяко лучше душа, надоело уже стоя плескаться.

Вот так и происходят открытия, мимо которых мы, как правило, проскакиваем, даже не споткнувшись. Грейс поинтересовалась у сладкой парочки, куда это они так азартно собираются, когда в душе физически мест не хватит на ту кучку барахла, что они с собой берут, да и вдвоём там особо не развернёшься, что уж говорить о всяких приятностях типа помощи в натирании спинки и всего такого. Лилиана отмолчалась, а Тереза поведала Гнейзенау, что направляются они в онсэн.

Сей национально-колоритный зверёк, как оказалось, работал при банном комплексе круглосуточно, и под запрет посещения в личное время не подпадал. А мы проморгали тупо из-за того, что по всему комплексу, в отличие от остальных, не шатались в банный день, предпочтя ходьбе махание вениками.

Грейс, соответственно, лично сбегала на разведку, умудрившись за десять минут срисовать маршрут и оценить количество посетителей, ну и, попутно, заодно послушала, что к чему и почему.

— Да, — кивнула Гнейзенау, — госпитальера одну туда отпускать нельзя, на талисманы разберут.

— А если всей толпой заявимся, то не разберут?

— Если Ари прихватим с собой, то разборка на счастливые амулеты отменяется ввиду отсутствия желающих, — хмыкнула Грейс, а я автоматически погладил рёбра.

Спарринг с Левиафаном — это нечто. Особенно учитывая, что ты на неё с тренировочным ножом прёшь, а она голыми руками, легко и непринуждённо складывает тебя там, где складывается, и роняет туда, куда придётся. Причём — самым болезненным образом. Никакого бессмысленно-показательного руко- и ногомашества, свойственного восточным техникам, и никаких обнимашек в странных, а то и откровенно пикантных коленно-локтевых позициях, характерных для борьбы или совсем уж показушного реслинга.

После ужина, на первом практическом уроке рукопашки, Ариэлла вызвалась добровольцем показать, кто что умеет, а несколько приبلудных старшекурсниц, притащенных, видимо, для массовки и скандирования лозунгов типа "кильки немощные" и "каракатицы контуженные", довольно скоро убедились, что в лоб именовать Тихоню самотопом — дело бесперспективное, гиблое и очень болезненное.

Видимо, не иначе, чем в целях пропедевтики, инструктор скучковал старших имитировать стаю Глубинных. Четверо тех, кто вместе с Ариэлкой отозвался на запрос о имеющихся навыках рукопашки, сформировали собой конно-сферический остаток не то основательно потрёпанной эскадры, не то сильно покоцанной конвойной группы.

Расклад под любым углом заведомо сливной для наших. Во-первых, их в два раза меньше, во-вторых, хрен их знает, чему старшекурсниц за это время обучить успели.

Предполагая совсем уж хреновые последствия замеса, собирался было внаглую использовать репутацию от замороженного линкора из штафников, да вот только с первой же секунды стычки всё оказалось не настолько однозначно. Старшие хором выдали пачку нелицеприятных эпитетов молодым, а по подводной лодке протоптались с особым тщанием и весьма витиеватой унижительной характеристикой.

А потом они посыпались. Любители характеристик, в смысле.

Ари, сходу прорубившись через центр стаи, оставила за собой три стонущих тела — ровно тех, кто в особо нелицеприятной форме указывал ей на самотопность. Было бы дело в море или, на худой конец, в бассейне, а не на ровной проплешине бетонированного полигона, чувствую, столь малым количеством пострадавших её пробежка бы не завершилась. Впрочем, пока девушка гасила инерцию и высматривала очередную жертву, остальные боевики её группы, вдохновлённые стремительным успехом Левиафана, пошли в рукопашную.

Полминуты, и всё закончилось. Со стороны наших на ногах осталась Ариэлла, со стороны стаи — две едва стоящие Девы старших курсов.

А потом меня поставили в пару к Левиафану, дали нож, сказали: верь, это — меч, и — отправили спарринговать. Болезненно, забавно, интересно...

Лёгкое толкание в плечо заставило вынырнуть из воспоминаний.

— Ты уже уснуть успела?

— Да нет, просто вспомнила исполненные неотвратимой нежностью движения Ари. Наверно, синячище в половину грудины уже нарисовался.

Грейс немного болезненно усмехнулась:

— Ладно рёбра... Судя по ощущениям, она мне сплошную гематому от голеностопа до плеча по правому боку высадила.

— Жёсткая она у нас, да?

— Жёсткая, — согласно кивнула Гнейзенау. — Но — ми-ми-ми-милая.

— И не поспоришь, — встав со скамейки, приглашающе махнул рукой в сторону общаги. — Идём за Кариной?

***

Я тихо, без малейшего плеска, соскользнул в горячую воду и, расслабленно вытянув ноги, покосился на Свирь. Карина топталась вдоль бортика, видимо, решая, как удобнее будет устроить погружение.

— Только не ныряй, — предупредила Грейс, дождавшись, пока из душевой выйдет Ариэлла.

— Я не боюсь испортить причёску, — фыркнула Карина, продолжая вглядываться в прозрачную воду онсэнна, временами проступающую в клубах пара.

— Да что тебе сделается? — отмахнулась Гнейзенау. — Ты о техниках подумай: пробьёшь донный слой, им потом тут плавать и материться, возвращая всё в изначальное состояние.

— Были прецеденты?

Ариэлла, со сладким стоном уместившись в воде едва ли не по ноздри, чуть приподнялась и философским тоном прокомментировала слова немки:

— Синтия.

— И почему я не удивляюсь?

Впрочем, мой риторический вопрос был воспринят верно, и, как и положено, ответа не потребовал.

Выскользнув из воды, подхватил удачно проходившую мимо Карину и, не обращая внимания на её как-то совершенно неубедительно звучащие возмущения, усадил в горячий бассейн между собой и Грейс.

— Николь-Варвар, — фыркнула Карина и, последовав примеру Ариэллы, тоже по самые ноздри ушла в воду.

Минут десять посидели в полной тишине, просто наслаждаясь неторопливым движением горячего водяного объёма, а потом я вспомнил слова немки, сказанные ей в курилке:

— Грейс, а где, собственно, не только разговоры, но и всё участвующие лица?

Вместо неё ответила Ари:

— В первом и втором бассейнах скучковались, досюда не дошли.

Свирь, потянувшись, чуть приподнялась над парующей поверхностью:

— А это тогда какой?

— Пятый, — отмахнулась Левиафан. И добавила, словно речь о чём-то совершенно незначительном: — Из десяти. И ещё столько же на консервации. И ещё несколько — для преподавательского и обслуживающего персонала.

Карина, счастливо зажмурившись, откинула голову на покатый борт онсэна:

— Я не знаю, девчонки, как вы так на майора смотрели, что ничего не увидели. У него ж на весь лоб чуть ли не неоновая вывеска болталась, что мужик хорошо сбросил стресс мордобоем, и выправил остатки нервов отличным сексом.

— Свирь... — как-то на удивление умоляюще вздохнула Грейс.

— Физиология, чо, — пожалала плечами Карина. — Естественный, природный процесс. Нам же остаётся надеяться, что пассия у Хоквуда завелась на постоянной основе, и он на долгое время перестанет оправдывать звание Гондоленя, а заодно и портить нам нервы и слух.

Коротко отшумел душ, и, в сопровождении шлёпанья мокрой кожей о материал обуви, явилась старая гвардия в сопровождении ещё двух лиц: обе француженки, Виктория, а с ними — и Муракумо со Спикой.

— Могутная кучка, — хихикнула Карина и, под водой нашарив мою руку, тихонько переплела свои пальцы с моими.

К счастью, с расспросами никто особо не лез, удовольствовались дежурным: "Тяжко?" и не менее дежурным "Аще пздц!.."

Только Шинджу, севшая в компании Марины и Ками напротив нас, сверкала жёлтой оранжевостью глаз из-под белоснежной чёлки, бросала загадочные, едва уловимые улыбки, да беззвучно, почти незаметно шевелила губами. А я почему-то отчётливо слышал неслышимый шёпот: "Флагман. Флагман моего сердца"

И, Тьма побери, это было действительно — приятно.

***

Косясь периодически на уткнувшуюся в стопку тетрадей и планшет Карину, я подравнивал ногти. Режущие пластинки тонкого металла с лёгкостью снимали роговые

пластинки, способные просто и непринуждённо выкрошить бетон или пропороть насквозь хороший бронелист.

Свирь, временами с крайне загадочным и задумчивым вида смотрящая в потолок, изредка роняла таинственные полуулыбки и, едва ли не хихикая как каноничный злодей, быстро начинала строчить в отдельном блокноте.

— Мне уже страшно, — поставил я в известность госпитальера.

— И правильно, — сурово кивнула рыжая. — Бояться надо заранее и впрок. Чтобы потом, в неприятной ситуации, имея дефицит этого сомнительного добра, не облажаться и сделать всё как надо.

— Агась. Делай что должно, да?

— И будь, что будет, — важно кивнула девушка и, скорчив прелестнейшую гримаску, сдула с глаз выбившуюся чёлку, после чего внимательнейшим образом уставилась на меня. — Я что, вправду такая страшная со стороны?

— Ну, погрузить комнату в полумрак, везде расставить реторты, змеевики, мензурки и прочую алхимическую приблуду, чулела всякие по стенам развешать... Или же утыкать всё мониторами, дисплеями, технодряню, стрёмной и опасной на вид даже в выключенном состоянии... И — точно будешь похожа на Тёмную Властелиншу... Властелину?.. Властелинку?..

— Может быть, Злыдню? — ехидным тоном добавила разнообразия Карина. — Или Злюку, или Госпожу, или Рабовладелицу, или, чего уж там притворяться, полноценную Тёмную НЁХ?

— Пф-ф-ф, для перечисленного тобой есть одно, но существенное несовпадение, перечёркивающее все возможные варианты применения в отношении тебя.

Свирь картинно отложила ручку в сторону и, соорудив из переплетённых пальцев мостик, упёрлась в него подбородком:

— Да ну. И что это за несовпадение такое?

— Для Злюки, Злыдни, и, тем более, для НЁХ со всем остальным вышеперечисленным — ты слишком мила и добра.

— Ника, а ты не путаешь, случаем, Тёмных и Чёрных Властелинок?

— Чёрные — это которые с плёточками и в стильных кожаных костюмчиках? Увы, я не по этой части, извини уж, — добив последний ноготь, старательно собрал на небрежно вырванный из тетради листок останки того, что ещё несколько минут назад являлось неразрывной частью меня. — Просто ухмылочка у тебя очень уж аутентична тёмно-злодейским. А Тёмные Властелины только в сказках для застрявших в вечной пубертатности подростков заранее лохи, нерациональны и обречены на провал после своего самого тщательно отрепетированного фирменного победно-злодейского смеха, озвученного в публичном месте за секунды до победы.

— Да ладно тебе, — отмахнулась Карина. — Нашёл с кем сравнивать.

— Обижаться решила?

Карина притворно схватилась за голову:

— Ника, ты без подколок и шпилек, как и без вопросов, прожить и дня совсем не можешь?

— Могу, — пожав плечами, взялся за пилочку. — Но зачем?

Свирь, что-то быстро дописав в блокнот, покинула стол и пристроилась рядом.

— И ни разу я не злодейка, — надув губки, сообщила медсестричка. — Для вас же

стараюсь.

— М?

— План занятий по самоконтролю составляю. На платину, конечно, вы у меня не выйдете... Но на золото-то я вас натаскаю.

Я выставил руки ладонями к девушке:

— Уже страшно, солнце. Честно.

Рыжая подозрительно прищурилась:

— В каком месте?

— Во всех буквах сказанного тобой. Звучит так, словно на выходе получится безэмоциональные эффективные болванчики.

Свирь толкнула меня в плечо:

— Да ну тебя, скажешь ещё. Обычный контроль эмоций, чтобы не мешались, когда не нужно. Сама потом спасибо скажешь.

— Механическим голосом?

— Вредная ты, — показав мне язык, Карина молча уставилась в окно.

Допилив последний ноготь и убедившись в идеально гладкой, ни за что не цепляющейся кромке, я сбегал помыть руки, а когда вернулся, Свирь снова деловито и очень быстро заполняла блокнот.

С улыбкой пожелав девушке добрых снов, забрался под одеяло, с тоской понимая, что завтрашний день будет ничуть не лучше сегодняшнего.

Впрочем, быстро уснуть мне не дали. Тёплое тело пристроилось рядом, а нежные пальцы, уместившись между моих лопаток, принялись неторопливо двигаться вверх и вниз — едва-едва касаясь самой кромкой ногтей кожи — даже через тонкую ткань лёгкой майки прикосновения разливались по телу сказочной негой, заставляя едва ли не мурчать.

— Спи уже, бояка, — тепло выдохнула мне в ухо Свирь и, подавая пример, мягко мазнула по шее горячими губами, уткнулась носиком в плечо — и тут же мирно засопела.

Повезло мне с ней. И необидчивая, и отходит легко. Другая бы, пожалуй, уже или сбежала, или объявила бы бойкот. За ёрничанье, приколы и общее фамильярничанье. А рыжей — словно вообще побоку. Как будто ей просто исчерпывающе достаточно того факта, что я просто рядом.

И будить умеет — лучше любых будильников.

Приобняв её за узкие плечи, уткнувшись в рыжую щекотную шевелюру носом, я и сам не заметил, как уснул.

О доспехах и ниндзях

Вот, казалось бы, нафига аватаре боевого корабля владение холодным оружием? Есть варсьют, на доспехе закреплено оружие, плюс штатный пистолет, а у некоторых он же ещё и доукомплектован снайперкой, калибром и габаритами схожей с ПТР. Таким образом, чтобы влезть в ножевой — нужно, как в том анекдоте, не только про... любить всё дальнобойное оружие и оружие малых дистанций, но и найти такую же растяпу-Глубинную. Или, до кучи просохатив ещё и холодняк, сойтись с такой же неудачницей в рукопашную.

Ан нет.

Примитивы Глубинных — твари, не имеющие ни толкового оружия, ни, тем более, гуманоидного довеска-мозгового центра, — имеют неприятное свойство резко стартовать со дна вертикально вверх, а размах пасти у них такой, судя по постоянно прокручиваемым учебным фильмам, что и катер там потеряется без проблем. В общем, глотают не жуя, и есть

хороший шанс ещё какое-то время прожить внутри примитива. Для того и нужно холодное, чтобы вскрыть Глубинное порождение изнутри.

Подлодки, опять же, да рейдеры — схожей тактики не чураются. Выныривает сзади сбоку, хвостом или когтями рвёт сухожилия — и всё, считай, труп: хода нет, маневренность на нулях, на искусственных мышцах много не попляшешь. В новейших съютах, говорят, миомеры будут использоваться, что общую живучесть должно будет повысить едва ли не на порядки, но — это где-то там, в Империи, а тут — то, что есть.

И, на самом деле, легко может случиться такая задница, что снасти тебе вынесут, ставшие бесполезным грузом модули сбросишь для ускорения хода, и, собственно, всё. Иногда попадаются Глубинные, способные вырабатывать то, что яйцеголовые с умным видом называют не иначе, как иммобилизующей комбинированной средой с полевыми компонентами, класс опасности 9. Канмусу же эту пакость зовут просто и понятно — глюкоплёнкой. Расплывается такая лужа по океану, как нефтяное пятно, только бесцветная до поры, до времени, а попадаешь в неё, и начинаются чудеса: скорость падает, тебя заносит, ведёт, ноги не слушаются и вязнут в прослойке вражеской смеси. А то и турбулентность на ровном месте образуется, и тогда вообще тушите свет. И останется тебе отбиваться только тем, что при тебе имеется.

У Влады на этот случай — якорёк на цепи, нож и кастет.

Нагато использует аналогичный цепной "кнут" и парные кинжалы.

Фусо, как урождённая дочь народа самураев, имеет при себе два клинка, набор сюрикэнов и метательные ножи, последние, к слову, будучи выпущены из её рук, оставляют в бетонных блоках повышенной прочности глубокие кратеры, а если девушка не в настроении, то и вовсе пробивают насквозь кубоидные слитки из сверхплотного бетона, арматуры, камней и сеток.

Холодного оружия в арсенале — море и ещё пара чашек. На любой вкус и цвет, от заколок-игл до глеф, от выкидных ножей до фламберга и цвейхандера, от кистеня до шестопёра. Ну а если и в этом богатстве тебе не нашлось то, что лежит в руках как родное, к твоим услугам мини-цех по моделированию, расчётам и производству любой угодной душе загогулины из практически любого материала.

***

Обещанные кадровиком изменения в расписании всё не наступали, впрочем, учитывая враз успокоившегося Хоквуда, едва ли не ежедневно сияющего счастливой физиономией с неадекватно быстро заживающими повреждениями, особого напряжения эта задержка не приносила.

Зато наконец-то прибыли варсьюты. Правда, о том, что это именно боевые доспехи завезли, мы узнали несколько позже. В начале же, в среду с обеда, можно было наблюдать, как вокруг вынесенных далеко вглубь суши доков кипишили техники и инженеры, катались тягачи, тащащие за собой длинные хреновины на шестнадцатиколёсной платформе, отдалённо до смешного похожие на магазинные решётки для десятка яиц, да над всем этим болталась настоящая туча дронов всех сортов и размеров. Виктория, периодически косясь в панорамное окно столовой, нехорошо облизывалась, мечтательно жмурилась — и непрерывным речитативом выдавала тип, назначение, разработчика, высоту, вектор движения и удаление каждого из летунов.

А в четверг с утра Нагато явилась на построение в сопровождении Адмирала — и торжественно объявила об отмене занятий.

— Курсанты! Вот и настал долгожданный для вас момент, — вид искренне улыбающейся Анны многих сбил с толка — обычно мимика флагмана не выражала ничего, кроме нордического спокойствия и возведённой в абсолют серьёзности. — Занятия на сегодня полностью отменяются, включая практическую часть. В течение получаса после завтрака прибыть на плац с вещами по форме Т-1. Напоминаю — не Т-3 и не Т-2, именно — по первой. Так же рекомендую тщательно проверить комплектность набора, при отсутствии или повреждениях — немедленно доложить старшей по этажу.

— Нагато, не запугивай девушек, — директор мягко отстранил Деву Флота от толкания речи. — Завтракайте не торопясь, но и особо не переедайте — отмена занятий вовсе не означает автоматической отмены питания по расписанию. На месте будет работать полевая кухня, голодным никто не останется. Вольно.

В столовой Обь, против привычки, села рядом с нами, а её место напротив Виктории заняла уже знакомая по белой, с едва уловимым голубоватым оттенком гриве Шинджу.

— Оно? — свистящим шёпотом поинтересовалась Свирь у сестры.

— Оно самое, — доверительно и важно кивнула Марина.

— А что — оно? — вполголоса спросила не на шутку встревоженная Гнейзенау.

Я не смог удержаться, вмешавшись не менее суфлёрным тоном с обертонами мрачности и пафоса:

— Армия Тьмы на подходе!

— Мы же ещё воевать не умеем! — брови Грейс поползли на лоб, а глаза заметались в поисках оружия. Спасибо неделе жёстких нагрузок на ножевой бой — девушка, вооружившись комплектом вилок и ножом для масла, чуть успокоилась, изящно пряча в рукав орудия противоестественного убийства.

— Ника, блин, не пугай девчонок, — вступилась за не понявшую юмора Гнейзенау Карина. — Не всем же быть игровыми олдфагами. Грейс, будь добра, верни столовые приборы на место — у Николь юмор весьма специфический, и сейчас нам был явлен его яркий образчик.

Немка, с сомнением посмотрев на Свирь, всё же нехотя приступила к разоружению.

— И, всё же, — поинтересовалась она, вернув последнюю вилку законному владельцу, — что именно — оно?

Марина, поманив Грейс пальцем, что-то быстро прошептала ей на ушко, отчего аватара Гнейзенау, округлив глаза, мечтательно улыбнулась — и с аппетитом набросилась на оставшуюся порцию.

— Во-во, — я поддержал медсестричку. — Тем более, никакого секрета в том, что ожидается первая примерка варсьютов, нет.

Глаза Марины сверкнули неопределённой тягучей зеленью:

— Не расскажешь, откуда у тебя сведения, проходящие под грифом "только для служебного пользования"?

— От Нагато.

— Анна сливает тебе информацию?! — кажется, у аватары ГС Обь отчётливо треснул шаблон.

— Не только мне. Она всему курсу её слила.

— Не может быть такого! Я сама только случайно, — основательно смутившись на этих словах, Обь всё же продолжила: — Да, чисто случайно и ненамеренно услышала это от капитана Ин, когда она разговаривала с Адмиралом.

— Может, может, — я кивнул с самым важным видом. — Слила её Нагато открытым текстом.

— Когда?!

А до Грейс, кажется, доходить стало. Девушка шустро вытянула смарт, лихорадочно в него ткнула несколько раз изящным пальчиком и, улыбнувшись, расслабленно потянулась за кофе.

— Форма Т-1, - сдала меня Гнейзенау.

— Что — форма Т-1? — до Марины, кажется, так, пока что, и не дошло.

А Карина поняла. Толкнув сестру, она подвинула ей смарт с открытым приложением к уставу, в котором, собственно, и излагались отличия в компоновке формы курсанта по литере "Т".

— Я — балда, — горестно вздохнув, Обь с потерянными глазами прилипла к кружке с ягодным чаем. — Не быть мне разведчиком...

— Припрёт — научишься, — фыркнула Ариэлла.

Я уже не удивляюсь. Тихоня — она и в столовой — Тихоня, любого ниндзю и прочих сплинтер селлов со всеми вместе взятыми ассасинами за пояс заткнёт. Вот и сейчас — вроде бы пустовал край стола, пустовал... Миг — и заставлен подносами, а Левиафан сидит с таким видом, словно тут с самого начала с нами устроилась.

Грейс, отлипнув от очередной кружки кофе, окинула наш столик взглядом:

— Есть у кого опыт ношения боевой формы?

— Не-а, — почти хором ответили. Почти все. Только сёстры синхронно кивнули.

— Не расскажем, — сходу выставила свою грудь в качестве амбразуры Марина, прикрывая спиной Свирь. — Сами скоро всё прочувствуете так, как надо.

— Кстати да, — высунулась из-за плеча сестры Карина. — Время поджигает.

Я осмотрелся. И в самом деле — в столовой осталось только несколько девушек.

— Сейчас, булочку дожую — и иду, — пробубнила Ари, издевательски медленно запивая морсом внушительных размеров слойку. — Вы идите, идите, я догоню.

Выходя из столовой, обернулся в дверях — вовремя для того, чтобы заметить, как субмарина неторопливо возвращается к столу с новым подносом, полным выпечки.

Грейс потянула меня за рукав:

— Идём, Никки, Тихоня всё равно раньше нас успеет.

Варсыют

Доки соединены с гаванью и ангарами крытыми каналами, каждый в три десятка метров шириной и глубиной в метр. Даже подлодкам выход в большую воду положен только в надводном положении.

Ангар... Ну, ангар, он и в Африке ангар: положенный на бок полуцилиндр в сотню метров длинны, изнутри разделённый на отсеки: входной шлюз, два блока дезинфекции, между которыми разместилась раздевалка, несколько помещений, рассчитанных на относительно большое количество народа — что-то вроде зала ожидания, с длинными рядами мягких кресел и информационными экранами во всю стену.

Встречавшая нас сразу же на выходе из второго дезинфекционного блока Нагато — сама уже облачённая в гидрокомбинезон и мягкие тапочки — выдала каждой комплект заколок и

резинок для волос, после чего, убедившись, что все в сборе, на своём примере стала показывать, что и как следует делать с причёской, чтобы она не мешалась и уж, тем более, не нарушала ТБ.

В принципе, всё просто: длинные волосы собираются в тугую косу, те, что покороче, заколками фиксируются таким образом, чтобы чёлка и виски перед глазами не маячили.

— Со временем нужда в фиксации волос отпадёт, — пояснила Анна. — Нароботаете опыт и всё будет получаться само собой. Сейчас же — виски и чёлку фиксируем вот так, — в пару лёгких движений девушка показала, как и куда требуется прикрепить заколки. — Подобное крепление совершенно не мешает разместить на голове обруч управления и контроля, что является немаловажной деталью в деле обеспечения комфортабельного использования боевого доспеха. Приступайте.

И тут я откровенно возрадовался, что ещё в Европе отстриг большую часть волос — наблюдать, как извращаются девушки, укладывая своё богатство в тугие косы, было несколько... болезненно, пожалуй, и даже молодые, здоровые и красивые тела, затянутые в плотно облегающие гидрокостюмы, не могли компенсировать почти физическое сочувствие.

Нагато прошла вдоль строя, время от времени поправляя той или иной девчонке заколки и косы до одного ей понятного размещения по принципам индивидуального фен-шуя, после чего в помещение вошла Мики, аватара субмарины Унрю, по совместительству — временный флагман нашего курса.

В должность девушка заступила только пару дней назад, до этого, сразу по возвращении из конвоя, отлёживалась у Киао Ин — слишком уж её потрепали на обратной дороге. На Мако Унрю совершенно не похожа — инициация и её превратила из темноглазой японки во вполне себе европеоидного типа красавицу: на полголовы выше меня, с уверенно стремящейся к троечке грудью, вздёрнутым носиком. Изумрудно-зелёные глаза и блестящая чернота волос, собранных в сотни тонких косичек, удивительно прекрасно гармонируют между собой.

— Подводные лодки — за мной, — Мики указала на дверь с лаконичной надписью "01".

— Надводники — за мной, — следом за ней и Анна показала на не менее аутентичную дверку с цифровым идентификатором "02".

— Разрешите вопрос, госпожа флагман?

— Да, Катарина?

— А мне с кем идти? — в голосе Дельфина отчётливо ощущалось непонимание.

— Задача... — Нагато подошла к Зайке, с задумчивым видом склонила голову сначала к левому плечу, потом к правому. — Ты же МПРК?

— Так точно, госпожа флагман!

Анна потёрла переносицу и посмотрела на Мики. Аватара Унрю пожала плечами:

— Помнишь Доминику?

— Такое не забудешь, — Нагато — вот уж невидаль! — позволила себе улыбнуться второй раз за день.

— Она же по вашим наборам проходила?

— Спасибо, Мики. Этот момент я как-то упустила, — кивнув субмарине, Анна легонько похлопала по плечу Катарину: — Идёшь с нами, Зайка.

Свирь тихонько, практически неслышно хихикнула — похоже, прозвище, данное Дельфину Обью, всё же утвердилось в качестве позывного.

Мики увела субмарины за собой, а мы пошли во вторую дверь.

К моему удивлению, прохладно тут не было, несмотря на довольно большой внутренний объём помещения, зато исключительно приятно пахло йодом, морской солью и водорослями. Этот запах большой воды переплетался с запахами металла, машинного масла, какой-то столь же извращённо-сладкой химии.

Но не это привлекало внимание. Взгляды всех входящих, за исключением одобрительно смотрящей на нас Нагато, буквально прикипали к механизму барабанного типа. Огромная металлическая фиговина имела шесть пазов, отчего походила на обьевшийся стероидами уложенный на бок револьверный барабан, над пустотами в котором сделали широкие горизонтальные пропилы. В получившиеся слоты крепилось по десятку боксов, и тот ряд, что находился на одном уровне с приёмной площадкой, был открытым. Там, в глубине ячеек, слабо подсвечиваемые рассеянным светом датчиков, покоились варсьюты.

Настоящие. Боевые. Варсьюты.

Я рассматривал их, как и все остальные, во все глаза, и не мог понять, что же больше всего они напоминают. Тренировочные доспехи, основанные на первой серии варсьютов, совершенно ничем не походили на то совершенство, что покоилось на боксовых стендах. Гладкие, зализанные линии, плавность форм, изящество — эти свойства непостижимым образом вплетались в почти мистическое ощущение надёжности, монументальности, убийственной лёгкости и всесокрушимости.

Пока мы разглядывали воплощённую магию технического гения, нашей группы потихоньку убывало. Вызывали по имени и воплощению корабля по громкой связи, загоняли в душ, тут же отработывала сушилка, и техники — исключительно женского пола, к слову, и поголовно вряд ли старше тридцати — сопровождали очередную жертву к именному варсьюту, обозначенному всплывающим перед ним голографическим информационным табло.

Как и полагается, отморожков оставили на десерт. И вот уже ушуршали лёгкими тенями по каналам в сторону доков, вздымая лёгкие буруны пены за кормой, Спика и Свирь, и я остался один.

— Курсант Николь, воплощение линкора "Император Николай I", — после основательно подзатянувшейся паузы ожил громкоговоритель. — На исходную.

Пулей влетев в душ, так же быстро прокрутился под струями горячего воздуха, в считанные мгновения высушившего и гидрокомбез, и самые плотные участки волос. На выходе из душевой капсулы меня встретили две девушки из технического персонала и, внимательнейшим образом осмотрев моё тельце со всех сторон — нормально ли сидит гидрозащита, нет ли где неположенных складок или пузырей, все ли клапаны закрыты по ТБ, — буквально под белы ручки сопроводили на приёмную площадку.

Доспех — внушал. Сразу становилось понятно — именно тяжёлый, именно боевой. И — родной.

Чувство настолько странное и, при том, до невозможного естественное, что я несколько подрастерялся и не сразу сообразил, что в руки мне пытаются вложить идейного продолжателя традиций ларингофона — растягивающаяся полоска слегка шершавого материала, напоминающая чокер — столь же кружевная и полупрозрачная.

Автоматически сжал двумя пальцами полученную ленту, дождался, пока сплошной массив устройства распадётся в сантиметровой ширины ремешок, и обернул его вокруг шеи. Беззвучно кончики ленты стянулись, вновь став единым целым. Лёгкий доворот полоски материала, чтобы практически неощутимое даже наощупь утолщение мембраны

звукоснимателя легло на положенное место. Кафф наушника на ухо. Лёгкий дискомфорт от липнувших друг к другу магнитов защёлки быстро прошёл — устройство умное, само умеет подгонять силу стягивания до оптимального уровня.

— Проверка связи, — тут же раздался в ухе голос инженера-связиста. — Как слышно?

— Курсант Николь, аватара линкора "Император Николай Первый" Звук отличный, чистый. Слышу прекрасно.

— Шумы в модуляции. Повторяй без пауз, однотонно: "Не видали мы такого невода". Калибрую.

— Не видали мы такого невода. Не видали мы такого невода. Не видали мы такого невода. Не видали мы такого не...

— Достаточно. Голос чистый, без помех. Можешь начинать примерку.

Я встал перед низкими и широкими ступеньками стенда, на котором покоился в зажимах варсьют. Тут же на тело обрушились сотни всевозможных полей — ощупывали, сканировали, едва ли не просвечивали насквозь — но всё это длилось лишь несколько мгновений, после чего нагрудник доспеха подался чуть вперёд и, разделившись посередине, разошёлся в стороны. Та же метаморфоза происходила и с остальными частями брони. Считанные секунды, и варсьют раскрылся, маня тёмной, едва заметно поблескивающей тканью подложки.

Быстрый подъём по ступенькам, разворот на приступке, вынырнувшей из стенда — и я спиной вперёд упал в мягкое нутро доспеха.

И ткань — поначалу холодная — ожила, потеплела, потекла по телу, заключая меня во второй слой защиты. Тихо застрекотали приводы, заращивая броню, сливая её в монолитную поверхность.

С тихим свистом отстыковались запорные механизмы и я сделал первый шаг.

Ощущения... Странные. Чувство некой незавершённости, незаконченности. Как у старого самурая, давно ушедшего на покой и изводящего тысячи листов бумаги на искусство каллиграфии — в поисках самого лучшего начертания иероглифа.

Невольно усмехнувшись такой ассоциации, протянул руку к стендовой тумбе и осторожно снял с неё обруч. Полоска металла — и ничего больше. А внутри... Внутри пульсирует, бьётся сердце — странное, совершенно далёкое от всего человеческого — но именно сердце. Суть, центр, сосредоточие всего того, что и есть — варсьют Девы Флота.

Металл на удивление лёгок, а изнутри обруч и вовсе покрыт тем же едва шершавым материалом, что и чокер ларингофона, да выступают кругляши контактных пластин — самые крупные — лоб и височная область, более многочисленная россыпь мелких занимает остальное пространство внутреннего периметра.

Обруч надевается как родной — и доспех мгновенно оживает.

По оставшимся открытыми кистям расползается множеством струек тот же материал, что служит доспеху подложкой, или, если по правильному, компенсационной поддоспешной прокладкой. Чувствую, что такая же масса струится вверх по шее, охватывает подбородок, частично захватывает щёки — и соединяется сверху с обручем.

И тут же, прямо поверх этой псевдоплоти, разрастается сетчатая, тускло поблескивающая даже в ярком ангарном свете, структура. Сложно понять, из чего она состоит — металл ли, керамика или композит, да, в принципе, не настолько и интересно. А поверх сетки — нарастает броня. Слышу едва ощутимый стрёкот, но не могу быть уверен, что это не слуховая галлюцинация — ибо дыхание техников, стоящих в пяти метрах от меня,

ощущается заметно громче и чётче.

Броня нарастает сегментами, как чешуйки, но тут же как будто подтаивает, смягчается, течёт — и застывает уже сформировавшейся защитой. Матово блестит бронёй тыльная сторона ладоней и пальцев, внутренняя пожирает свет непроницаемой чернотой псевдоплоти. От межключичной ямки до подбородка — такой же защитный слой, но, как ни странно, головой в целом и шей в частности — шевелить можно. Никаких помех, нигде ничего не мешает.

И только сделав пару шагов к каналу, понимаю — я не ощущаю варсьют как что-то внешнее. Я и сложнейший механизм теперь единое целое. Неразделимое.

Неостановимое.

— Курсант Николь, сходни готовы. Начинай.

И, повинувшись враз охватившему меня шквалу всесокрушающего счастья и какой-то легкомысленной лихости, сделав короткий, едва ли в три шага, разгон, я, оттолкнувшись от наклонной площадки сходней, с воистину детским восторгом плюхнулся почти на середину канала.

Отшуршала интеллектроника, распределив нагрузку и инерцию, из толстых подошв проросли "клинки" — нечто, отдалённо похожее на коньки, оснащённое на концах неким подобием рулей. У первых съютов такой шикарной приспособы не было, максимум — высокий киль, по факту и являвшийся обычной конькобежной репликой, да и то — у самых скоростных и продвинутых.

— Оружейные модули готовы, следуй по каналу в доки, твой — номер тринадцать. И да, — связист перешла на доверительный шёпот, — постарайся не стесать борта канала.

— Будет сделано, о, прекрасная леди, — козырнул вверх, в направлении подвешенной под самым потолком капсулы контроля.

— Поспеши, рыцарь, — хмыкнул заметно потеплевший голос в ухе, — твой Камелот ждёт тебя. Доброй волны!

— ...и семь футов под килтом! — едва сдерживая смех, закончил я пожелание связистки.

И, пулей вылетая за пределы ангара, успел ещё бросить напоследок:

— Йо-хо-хо, и бутылка рому!

О моде и модах

Разница в уровнях исполнения тренировочного и боевого съюта была настолько огромна, что описать её какими-либо словами являлось задачей решительно нереализуемой. Варсьют и в самом деле ощущался собственным телом, враз ставшим крупнее, стремительнее, опаснее, но оттого — не менее личным организмом.

Выбравшись на ровную гладь крытого канала, для начала прошёлся змейкой от бортика до бортика — буквально на считанные сантиметры разминувшись с бетонной границей. И в самом деле — я и доспех едины и неразделимы. И это уже качественный скачок в сторону адекватного контроля боевой обстановки.

Решив не нервировать инженера-связиста, столь приятным голосом пожелавшую доброй волны, всё же вышел на центр канала и, набрав восемнадцать узлов, спокойно заскользил в доки.

Внутри монструозных строений, определённо имеющих некое внешнее сходство с капитально приплюсненным средневековым замком, было шумно, весело и многоголосо. Поморщившись от чудовищного эха, многократно бьющегося в огромном помещении, с

нескрываемым наслаждением понял, что аппаратура доспеха чутко реагирует на мои желания — дробь эха ушла в незаметный фон, а первичные голоса обрели чёткость и выровнялись по звучанию.

Первой, кого увидел внутри, была Свирь. Девушка просто лучилась от счастья, нарезаая круги почти у самого входа. Варсьют госпитальера весьма сильно отличался от остальных доспехов — даже визуально лёгкий, белый с красными вставками; вместо гомогенной брони в его сегментах явственно ощущалось использование каких-то композитов, а интуиция просто орала, что по защитным характеристикам это великолепие высоких технологий просто на порядки превосходит ту условную "броню" из пластика и алюминия, что составляла тренировочный доспех.

Варсьют Камиллы тоже выбивался на общем фоне. Те же композиты, но местами — ещё и настоящая броня. А так же просто неприличное количество слотов, рассчитанных под крепление модулей снабжения. Цвет её съюта тоже выбивался из общей картины — тёмно-зелёный, с ломанными линиями, выполненными светло-синей краской.

Приветливо помахав рукой девушкам, принял к причалу, сбросив скорость до черепашьего аллюра и высматривая ответвление в свой док.

Ага, тринадцатый.

Доки сквозные, в центре — стенд вооружения, хищными лапками разведённых фиксаторов похожий на боксовый. Но, в отличие от последнего, справа и слева от этого пьедестала топорщатся вытянутые чехлы, дальними боками уходящие в толстые стены помещения.

— Курсант Николь, линкор "Император Николай Первый", для оснащения оружиевыми модулями прибыла.

— Видим вас, курсант Николь, — голос не менее приятен, чем у связиста в начале дистанции. — Тринадцатый док, верно. Рулевые клинки убрать.

— Есть убрать рулевые клинки, — и я, не успев даже продумать мысль, понимаю — устройства вросли обратно в подошвы.

— Поднимайтесь на стенд. Встаньте на подсвеченные области, спина прямо, руки в стороны параллельно полу, пальцы выпрямлены, ладони вниз. Головой не шевелить.

— Принято, — оттолкнувшись от слегка пружинящей поверхности водной глади, поднялся по широким ступенькам на кругляш стендовой плиты.

Мягким светом обозначились контуры — ровно под массивную "обувку" варсьюта. Вытянул руки, выпрямил спину. Замер.

— Готовность десять секунд, — тут же обозначила себя оператор, а следом за её голосом в тело вновь на короткое мгновение упёрлись сотни сканирующих импульсов и полей.

Щекотно.

Слух уловил пощёлкивания в "ушах" контейнеров, и вместе с ним ожили фиксаторы. Запорные механизмы жёстко закрепили варсьют в неподвижном состоянии, теперь не то что головой — челюстью не пошевелить, только моргать, да по ларингофону трепаться.

Боковым зрением заметил, как торцы контейнеров раскрылись, ушли в стороны лепестками и сегментами, и из их чрева потянулись десятки механических рук.

Пребывая в положении, очень близком к классическому "человеку Да Винчи", особо много не насмотришь... Но это целиком компенсируется одним простым моментом — варсьют и есть я. А потому то, что не могу увидеть, могу ощутить, почувствовать, а

остальную картинку достроит воображение.

Длиннопалые руки несут в себе инструменты. Они прилипают к слотам, прочищают контактные площадки, продувают от теоретически могущих остаться внутри капель воды, тестируют соединение, обратную связь, надёжность креплений.

Им на смену приходят манипуляторы — навешивают на спину энергоустановку, и я, не имея возможности взглянуть на неё, всё равно уже знаю — состоит она из гибких сегментов, размещается вдоль позвоночника, и движениям никоим образом помешать не в состоянии. Запас гибкости у неё равен возможностям моего организма.

По внешней стороне голени прирастают механизмы, родственные с комфортно разместившимся поверх ГЭУ сегментным "горбом" ускорителей. Маршевые, маневровые, форсажные, корректирующие. На икрах фиксируются выдвижные водомёты.

Ощущения от подключенных модулей настолько необычны, что слишком глубоко ухожу в их анализ и далеко не сразу понимаю, что контейнеры давно зачехлены обратно, а оператор настойчиво пытается достучаться до моего сознания:

— ...колай Первый, ответь. Курсант Николь, воплощение линкора "Импера..."

— Курсант Николь, "Император Николай Первый", вас слышу.

— Уф! — облегчённо отзываются по ту сторону канала связи. — Ещё два запроса, и пришлось бы снимать вас с первого прогона из-за рассинхрона.

— Прошу прощения, леди, слишком непривычно ощущать модули как часть себя.

— Ничего, привыкнете, — голос оператора звучит ровно, но чуйкой чую — улыбается. — Начать тест модульного оборудования.

— Есть начать тест модульного оборудования.

— ГЭУ?

Едва заслышав запрос, уже получаю тёплый, исполненный затаённой силы отклик модуля.

— Норма.

— Ускорители?

Модульные сопла прокручиваются, меняют лепестками диафрагмы диаметр выброса, пробегают все доступные им углы. Коротко шипят, а меня чуть-чуть толкает вперёд.

— Норма. Холостой ход — норма.

— Пусковые?

— Норма, — подтверждаю под азартное пощёлкивание крышками пусковых шахт.

— Торпедные модули?

— Норма.

— Противолодочные и противоторпедные?

— Норма...

Вот же ж! Одно дело — ощущать эти самые модули частью себя, и совсем другое — охреневать от их количества в озвученном состоянии.

Отталкиваясь от тренировочного сьюта, полагал, что получу либо первичную Боеформу, с башнями ГК, бортовыми артиллерийскими пушками и торпедным аппаратом, либо посмертную, в которой, по факту, из медленного и печального дредноута сделали чуть более шустрый и несравнимо более зубастый линкор-ракетоносец. Однако реальность оказалась куда как более извращённой.

И всё — благодаря модульности и совершенно иному подходу к компоновке и конструированию сьютов, ушедшему далеко вперёд от первых вариантов.

И вот теперь у меня есть, по факту, возможность выбирать мод под поставленную задачу, от штурмовой модификации до сверхтяжа, упакованного с головы до ног в усиленную броню, и несущего на себе столько разнообразного вооружения, что хватит на полноценную эскадру.

В текущий же момент варсьют отчитался о конфигурации мод-2. Хэвик штурма и подавления, с двумя выносными башнями ГК, пачкой вспомогательных калибров, с комплексом ПЛТО[1], и полными авоськами злых и умных чемоданов.

— Тест закончен, все системы в норме, синхронизация без отклонений. Даю зелёный коридор.

Интересно, в связисты специально набирают персонал с максимально приятным голосом?

— Есть зелёный коридор, — под водой, с шагом в пару метров, загораются яркие точки курсовых фонарей, и я ухожу по ним, оставляя за спиной гомон общего дока.

Коридор узкий, едва ли метров пять наберётся, так что особо не извернуться, да и какой-нибудь пируэт выполнить, чувствую, себе дороже получится.

А двигаться легко, чудовищный вес модулей совершенно не ощущается, и по водной глади иду ровно и спокойно, пока не упрусь в заслонку шлюза.

И вновь оживает наушник:

— Ожидание тридцать секунд. Курсант Николь, воплощение линкора "Император Николай Первый", предоставьте доступ к технической консоли для контрольной проверки систем.

Стоит подумать о консоли, как слова сами срываются с губ:

— Чётный пятикрыл сажает...

— ...сиреневые стяги Припяти.

Парольная связка "свой-чужой" для технического персонала. Меняется раз в сутки, генерируется по зубодробительному алгоритму из отпечатка стартовых системных параметров при активации варсьюта. Фраза мгновенно уходит из памяти, как ненужная. После первого использования интеллекtronика доспеха всё равно сгенерирует новый оттиск, и узнаю я его в тот момент, когда это будет нужно техникам.

Тестирование ощущается лёгким зудом под кожей. И под биологической кожей, и под "кожей" композитной брони. Несколько секунд чешется глаз, и послушно чешутся системы целеуказания, наведения и широкодиапазонного оптического и волнового контроля варсьюта. Короткая судорога пробегает по мышцам спины, и вместе с ними вздыхают, встопорщившись радиаторами и соплами, ГЭУ и модуль ускорителей.

— Тест завершён, системы в норме, синхронизация сто процентов. Выход одобрен.

— Благодарю.

И ползёт вверх плита заслонки, обманчиво тихо и неторопливо стрекочут подъёмники — на полное раскрытие створок уходит едва ли не пять с копейками секунд. В ноги толкается ласковая волна, порождённая шлюзовым затвором, и я иду вперёд, к невозможно яркому пятну настоящего дневного света.

Пестец как неотъемлемая часть архетипа

Я сидел на задворках общаги и курил.

Кто-то приволок сюда использованную деревянную катушку из-под проводки, и в результате получился вполне себе неплохой столик. Ему бы ещё лавочки вокруг или сиденья — и было бы совсем хорошо. Ну а раз некуда примостить за ним зад, я решил использовать

его по нецелевому назначению.

Так и сидел: лицом к морю, спиной к лавочкам, слева стена пристройки, справа урна. Гудящие после целого дня на воде ноги подобраны по-турецки. Странно, но именно в таком положении им наименее дискомфортно.

Тонкие, но невозможно крепкие руки схватили меня поперёк живота, и я едва сдержал исключительно рефлекторное движение выставленным локтём назад.

— Ёлки, вот тебя колбасит, — ошарашенный голос знаком, но шаблон потрескивает в попытках порваться — от этой Девы слышать такое — да ещё и при подобном тесном контакте — что-то аномальное.

— С непривычки, — выбросив докуренную до половины сигарету, медленно поворачиваюсь. Руки ослабляют хватку и вовсе покидают мой живот. — После твоей обязательной программы сложно вообще не рассыпаться по кусочкам.

Влада, хмыкнув, раскуривает неизменную трубку.

— Привыкнешь, — в голосе Мутсу нет ни издёвки, ни высокомерия. — Как Свирь?

— Пластом лежит, — я посмотрел на часы. — Если минут через пятнадцать не поднимется, придётся самой тащить её в онсэн.

— Ей позволительно, всё же даже с учётом тех доспехов, что она носила в Империи, эти — уже на поколение новее. Честно — завидую сёстрам и тем, кто был рядом с тобой при Пробуждении, — Мутсу неопределённо пошевелила пальцами. — Всё бы отдала, чтобы так же проскочить мимо долгого комплекса химиотерапии и почти бесконечной боли, и не только головной, от перепрошивки анкерных сигнатур и точек восприятия.

Развернувшись лицом к Владе, закурил новую:

— Настолько неприятно?

Мутсу зябко передёрнула плечами:

— Сравнить не с чем... У тебя как с воображением, Ника?

— Да не жалуюсь, вроде бы.

— Тогда должно быть легче. Представь, что тебе всю кожу отделили от остального тела, разом, сплошным слоем, оставив только натянутую до струнного звучания сеточку нервов. Без разрезов, без всего. А потом начали прогонять через получившуюся полость сначала дико концентрированный солевой раствор, а потом и вовсе за кислоту взялись. И в разных температурных режимах, то крутой кипяток, то кипящий азот. И во время всего этого в макушку забивают здоровенный, ржавый, весь в заусеницах и сколах, железнодорожный костыль. Медленно и методично. Секунда за секундой, час за часом, неделя за неделей. И ты и рада бы кричать, да нечем — в лёгких плещется контактная жидкость, и в гортани она, и в желудок потихоньку просачивается...

Под конец рассказа Влады нас обоих трясло. Мутсу — от воспоминаний, меня — из-за внезапно слишком живого и детального воображения.

— А более гуманных методов разве нет?

— Не-а, — девушка глубоко затянулась. — Империя бьётся над этой проблемой который год, Китай проводит свои исследования, Европа тоже что-то химичит. Уж на что в Штатах народ прошаренный, но тоже глухо. Поэтому и стараются согнать под крыло той, у кого вот-вот будет Пробуждение, как можно больше Дев Флота. Пока что это единственный путь миновать хотя бы пятую часть всего комплекса модернизационно-эволюционного укрепления. Нам с Аней, можно считать, повезло — друг дружку пропаровозили, считай, половину пути нахалюву проскочили. Остальным так редко везёт...

Я попытался представить, как через эту процедуру проходит Карина или Грейс, или Виктория... И внутренне содрогнулся.

— Ж-ж-жесть...

— Именно. Но это того стоит, поверь. На все сто процентов чувствовать новые модели варсьютов — ради такого ничего не жалко.

Влада, потянувшись, зевнула и, покосившись на часы, задумчиво посмотрела мне в глаза:

— Так-с... Отчёты почти добила... В онсэн, говоришь, собираетесь?..

***

— Нас мало, но мы в тельняшках!

Раззадорившаяся, буквально проснувшаяся в горячем источнике Свирь азартно рубанула по воде ребром ладони, подняв нереально огромную тучу брызг.

— Ой, извините, — девушка покосилась на утирающихся нас и попыталась скромно раствориться в бортике и окружающей среде.

— Да-да, мы в тельняшках и нас мало, — с непередаваемой тоской и грустью ответила Влада. — А они в чулках и их реально миллиарды.

— Тогда смысл нам огрызаться, если всё равно мы все — заведомо покойники?

Умеет Грейс вопросы задавать...

— От тотального вымирания нас спасают две вещи. Первая — совершенно дикая, практически первобытная конкуренция между самими химе. А вторая — стадный инстинкт.

— Госпожа инструктор Мутсу, — робко подняла руку над головой Муракумо. — А почему вторая так сильно влияет?

— Ма-ла-дец! Задавай правильные вопросы, получай правильные ответы, — подмигнув Шинджу, Влада обратилась уже ко всем нам: — Это по одиночке что элита, что демоны, не говоря уж о самих химе, по сообразительности и интеллектуальным способностям превосходят среднестатистического человека. Порой — в разы и на порядки. Но, стоит им сбиться в стаю, всё, тушите свет, закрывайте ставни. Суммарный уровень интеллекта почти в равных пропорциях распределяется на всю стаю. Я не говорю о примитивах, там ни мозгов, ни реакции, сплошные ганглии и безусловные рефлекссы.

Мутсу, на несколько секунд с головой скрывшись под воду, вынырнула, встряхнулась так, что капли, сорвавшиеся с мокрых волос, широким веером разлетелись, даже, кажется, за бортик на противоположной стороне упали некоторые. И продолжила своеобразную лекцию:

— Научники до сих пор не могут определить тип разума Глубинных. Склоняются к стадно-роевому, инсектоидного типа, но он не предусматривает динамических изменений интеллектуальных способностей. Так что сие — загадка дремучая есть. Рано или поздно, но ответ на неё найдут, конечно. А пока всё, что нам надо знать: самые опасные Дочери Бездны — элита и выше, если они в небольшом количестве и без свиты. Перемолотят в труху и не заметят ни самых высокотехнологичных обвесов, ни навыков мечемашества.

— Я дополню? — Ариэлла, едва ли не мурча, разлеглась поверх бортика, свесив в воду руку.

— Конечно, Ари, — кивнула Влада.

— Даже химе отдают пусть и незначительную, но, всё же, часть своего интеллекта

подопечным. Поэтому в любом столкновении приоритет отдаётся именно самым эволюционно-продвинутым Глубинницам. Чем меньше прайм-особей остаётся на стаю, тем стая становится более тупа и предсказуема. И, опять же, стоит учитывать собственнический характер всех развитых Глубинных: видя бесхозную особь, они редко проходят мимо. Средиземноморско-Атлантическая флотилия первой продвинула такую тактику: обезглавленную стаю гонят в стаю с сильной химе, дальше у Глубинных включаются рефлекс и инстинкты, и опасное и очень боеспособное соединение превращается в ослабленного, дезорганизованного врага.

— Верно, Ари. Наша сила в стайной слабости врага.

Мутсу медленно перелила воду из одной ладони в другую.

— Чем больше стая, тем сложнее прайм-особям удерживать над ней контроль, и тем шатче положение самой химе. Лорелей, Дагона, Кхорнетта, Нганга — исключения. Надеюсь, всё же редкие исключения, — с тяжёлым вздохом добавила Влада, — исключения, укладывающиеся в статистическую погрешность, а не первые звоночки очередного витка эволюции...

Глядя на замолчавшую Мутсу, я попробовал угадать:

— Потому что если это эволюция — нам конец?

— Всем конец, — кивнула Влада.

— Жизнь зародилась в мировом океане, и оттуда вышла на берег, — бледно улыбнулась заметно сникнувшая Карина. — Выжрав всё в океане, Дочери Бездны обратят взгляды на сушу...

Муракумо, слушая наш трёп, цветом кожи почти сравнялась с волосами. И оранжевость глаз заметно поблёкла.

— Так, барышни, хватит детишек пугать, — я, как совсем недавно Свирь, рубанул рукой по воде. Результаты — ничуть не хуже. — Вон, Шин ещё чуток, и убежит от нас, таких страшных.

— Я не маленькая, чтобы пугаться! — тут же взвилась обозначенная юная особа, но тут же была ловко захвачена цепкими руками Ариэллы, беззвучно соскользнувшей в онсэн, и прижата спиной к идеальным округлостям субмарины:

— Не убежит, — Левиафан, плотоядно улыбаясь, с непередаваемо нежной мимикой зарылась носом в белокипенные пряди Муракумо. — Я крепко держу.

— Флагман, спаси! — пискнула Шин, густо и обильно краснея.

Брови Влады поползли вверх:

— Я не ваш флагман...

— Это ко мне, — я с улыбкой повернулся к Мутсу. — Почему-то считает меня флагманом. Ари, будь добра, выпусти девочку?

— Есть выпустить девочку, — козырнула Тихоня и, придав ускорения лёгким шлепком по последним девяноста эсминца, отправила Муракумо в мою сторону. Шинджу, используя набранную скорость, как-то хитро изогнулась — и буквально ввернулась между мной и Свирью, тут же опустившись в воду по самые ноздри. Хихикнув, Карина приобняла девушку:

— Спокойнее, человеческий детёныш, никто тебя тут обижать не собирается.

— Блуб-буу, — пробулькала ей в ответ Муракумо, и только теснее прижалась к госпитальеру.

Мутсу с непередаваемой теплотой в поблескивающей зелени глаз смотрела на нашу возню и загадочно улыбалась.

— Отдыхайте, — благожелательно кивнула Влада, выбравшись из воды и неторопливо заворачиваясь в широкое полотенце. — Тем, кто прослушал вечернее объявление, напомню: с обеда тренировки в варсьютах продолжатся, гонять вас буду по полной, уж не обессудьте, но чем быстрее вы сживётесь с доспехом, тем мне будет спокойнее, а вам, в качестве приятного бонуса, чуть сдвинут сроки допуска к полевым отработкам.

— Без блокираторов? — тут же проснулась почти задремавшая на плече Карины Шин.

— Конечно, без них, — Влада пожала плечами. — Смысл вас с холостыми модулями выпускать на боевые полигоны?

— Ым, — я даже растерялся. — Влада, то есть те полигоны, по которым нас сейчас гоняют?..

— Верно, — беззаботно улыбнулась Мутсу. — Эти полигоны можно считать яслями для самых маленьких.

Ариэлла посмотрела на меня, я — на притихшую Грейс, немка — на Свирь и Муракумо, а последние — на Владу.

— Нам пестец, — с тяжёлым вздохом резюмировала Гнейзенау и с головой ушла под воду.

***

Карина, вопреки традиционному сидению перед сном с блокнотом и ручкой, по возвращении в комнату сразу же завалилась мне на колени и, подставив густоющую рыжую шевелюру под мои корявки, вооружённые расчёской, довольно зажмурилась.

— Симпатичная у тебя поклонница, — минут через пять вынырнула из бездны тихого счастья Свирь.

Я пожал плечами:

— Сама в шоке. Вроде бы ничего для неё не делала особенного, чтобы такое отношение получить.

— Импринт такой импринт, — вздохнула Карина. — Надеюсь, Шинджу схватила поверхностный импринтинг, а не полноценный. Всё же стрессовая ситуация, боль, чувство унижения, да перегрузка психики на фоне неустоявшегося гормонального фона — при таких условиях одна Вечность знает, что может явиться на свет.

— В смысле?

— В прямом. Фокус её уважения вполне может заякориться исключительно на твоей персоне, в результате чего возможен такой цветник нарушений субординации, попираания устава и правил поведения в учебных заведениях закрытого типа, что психиатры слюнями изойдут, лишь бы написать пару-другую десятков кандидатских или докторских. Или может перевесить в иную сторону, но, опять же, с фокусом внимания на тебе, и получишь покорную рабыню...

Ощутимый холодок пробежал по моему загривку.

— Всё настолько плохо?

Свирь неопределённо пожала плечами:

— Чтобы сказать точно, необходимо определить глубину импринта.

— Знаешь, — я, задумавшись над сказанным, машинально принялся заплетать тонкую косичку на виске Карины. — Вот получить персонального маньяка или раба — это явно не входит в мои планы. Не расскажешь, чем, в целом, может грозить такое смещение

приоритетов?

— Тебе по-медицински, или кратко и понятно?

— А сама как думаешь?

Вместо ответа Свирь протянула мне свой планшет:

— Открывай папку "Учёба".

— Ага, вижу, открыл.

— В ней найди папку "032714_Смежное".

Я с благоговейным ужасом посмотрел на, кажется, бесконечные столбики папок:

— Это будет сложно...

Впрочем, папка нашлась, я тапнул по иконке, открывая искомую директорию.

— Дальше?

— Внутри папка "Словари и справочная литература", в ней ищи папку "Страное", ту, в которой одна "н".

— Готово.

— Прекрасно. Там где-то должен валяться док, у которого в названии есть "Идиомы, фразеологизмы, аргю". Там такой один, не перепутаешь.

Найдя искомое, открыл документ.

— В оглавлении ищи блок "Нихон", в нём — субкультуры, в них — аниме. В конце списка будет краткий справочник устоявшихся словоформ, понятий и их значений. Тебе нужен подраздел "Психические отклонения и виды перверсий", можешь хоть весь прочитать, там немножко.

Быстро проскролив несколько страниц, понял — и в самом деле, не так уж много. Пробегая глазами список выделенных жирным слов, едва не проскочил мимо невзрачного курсива "Феномен психического запечатления личности и связанные с ним девиации".

Чем дальше читал об устойчивых архетипах и их подвидах, тем отчётливее шевелились волосы на макушке. Останься они в других местах — и там бы тоже стояли стоймя и мелко подрагивали, ибо, как очень ёмко в онсэне сказала Грейс, "пестец". Всеобъемлющий и непоколебимый.

То, что изначально было одной из основных частей, задающих атмосферу в сфере искусства, рассчитанного на широкие массы потребителей, со временем выкристаллизовалось во вполне себе самостоятельный подвид подростковой психологии. Историческую справку я промотал вполглаза, официальное наименование дисциплины мне всё равно ни о чём не сказало, но суть уловил.

Классический пример сдвига окна Овертона. Количество перешло в качество, отработанные шаблоны поведения персонажей, их психосоматика, диапазон паттернов — исключительно удачно легли на размягчённые очередной просадкой социо-этического и культурного наследия умы подрастающих поколений, размыв грань между "можно", "можно, но это неприлично" и "запрещено". Гниль мира под общим названием "маркетологи и эффективные менеджеры" и прочий человеческий шлак, опираясь на весь массив знаний, навыков, умений и технологий психологического ответвления науки, услужливо раскорячившейся перед грантами и почти бесконечными бесплатными контрольно-тестовыми группами, таки умудрились продавить и навязать поведенческие шаблоны. Структура производимого контента год от года набирала изошрённость, вариативность, училась подстраиваться под психику и характер, и, как результат, архетипы, созданные изначально как элемент развлекательной среды, задающий некую сюжетообразующую

конструкцию, напрочь вплелись в мысли и мозги молодёжи.

Что, вполне закономерно, и привело к тому, что ныне едва ли не каждый второй ребёнок, родившийся в Азии, является носителем того или иного архетипа поведенческой матрицы, выпестованной из мультиков и комиксов.

— Ж-ж-жесть, — дочитав, погасил планшет и убрал его в сторону.

— Ото ж, — с важным видом кивнула Карина. — Не боишься?

— Цундере в том или ином подвиде ещё можно пережить... А если яндере или его мутации... Отсюда до Чукотки долго добираться, если пешком бежать по воде?

Вместо ответа Свирь сграбастала меня в объятия и уронила на подушку, метким броском тапочка погасив свет.

— Успокойся, Ника, — в навалившейся темноте горячее дыхание Карины в мою шею вызывало странные, но исключительно приятные реакции. — Это всего лишь шутка была.

— В каждой шутке есть доля шутки, — буркнул я, зарываясь носом в пахнущие цитрусовыми волосы девушки. — Просто... Вдруг и в самом деле, психику девочке — с размаху да об колено, и осколки пересобрали в какую-нибудь хрень кровостынущую?..

— Да успокойся ты уже, — Карина крепче обняла меня, тёплой ладошкой скользнув под майку и уместив её между моих лопаток. — Всё с ней в порядке будет.

— Угу... А вдруг ревновать начнёшь, или что там ещё у воспитанных девушек положено делать в таких случаях?

— Пф-ф-ф, — фыркнула Свирь мне в плечо и приглушённо рассмеялась туда же. — Нормально всё, говорю же. И вообще, спи давай, ревнительница психики, завтра денёк тот ещё предстоит. Отбегаем так, что семижды по семь потов сойдёт, а там уже и будем посмотреть на твою Совку.

— Совку?

Карина, не удержавшись, уже в голос рассмеялась. Благо, для этого догадалась вновь влипнуть губами в моё плечо.

— Угу. Совку. Южноафриканскую. Цвет глаз и мимика у неё очень уж... аутентичные[1], - пояснила девушка, отсмеявшись.

Зацепив пальцами край одеяла, я каким-то совершенно цирковым пируэтом умудрился завернуть нас со Свирью в него, как в кокон.

— Карин, ты только при флагманах это не брякни, ладно? Не хочется испортить девчонке позывной.

— Скучная ты, Ника. За-ну-да, — по слогам, перемежая звуки с затяжным зевком, констатировала госпитальер. — Нормальное прозвище, что тут такого?

Впрочем, я её слова почти уже не слышал: усталость, накопившаяся за день, да коварная горячая вода онсэнэ, да сытные ужин и спецрацион, и всё это скреплённое горячим телом рядом и теплом, старательно удерживаемым добротным одеялом, всё же добрались до меня. Уже не слыша дальнейшего шёпота Карины, только крепче обнял её — и с чистой совестью отрубился.

Всё хорошо, прекрасная маркиза...

Ветер трепал волосы Майи, тщетно стараясь выбить их из причёски — плетение косы, позаимствованное у Зои, оказалось на редкость устойчивым к погодным условиям. Впрочем, девушку это не волновало.

Она, в принципе, вообще очень мало внимания уделяла окружающему миру, и сюда, на берег, выбралась только для того, чтобы в спокойной, безлюдной обстановке переварить

поступившую информацию. Она села на глубоко вросший в песок и гальку топляк и бездумным взглядом уставилась туда, где низкое северное небо и серо-стальная гладь моря сливались в неразличимую мутную полосу горизонта.

Слишком много информации. И перед ней — она просто-напросто беззащитна...

От налетевшего порыва ледяного ветра девушка зябко поёжилась, но уходить не стала, только полностью застегнула короткую курточку на меху.

Непривычно.

И одиноко.

Майя с трудом подавила в себе желание инициировать протокол подключения к ОТС: сначала эта странная Зоя, а потом и сама флагман бывшего Северного Туманного флота "Архангельск", самоидентификация ментальной модели Анхелла, доступно и в красках расписали то, как Туман, непобедимый и прямолинейный, попал в нехитрую, но очень коварную ловушку. Сама Майя мало что помнила, всё же её контролёры старательно вычищали ядро после каждого сеанса связи, но и тех крох, что девушка смогла выудить из самых удалённых уголков архивных процессов второстепенной важности, вполне хватило, чтобы построить не лишённую логики картинку.

Туманный флот руководствовался директивами Адмиралтейского Кода — набора правил и ограничений, буквально вшитых и в общую тактическую сеть, и в ядра Туманниц, в полной мере открывая доступ к информации лишь флагманам и верховному флагману. Анхелла, не стесняясь в выражениях, очень кратко и ёмко охарактеризовала и себя, и остальные флагманы, излишне прямолинейно воспринявшие слова о том, что Адмиралтейский Код следует искать на суше. Логика была проста, изящна и лишена противоречий: раз искать, значит, это некий объект, раз объект, то, следовательно, это носитель Кода. В архивах Майи ещё хранилось общее оповещение, разосланное Верховным флагманом всему Туману: по возможности искать носителя АК.

Ментальные модели, в силу своей молодости, буйного максимализма, минимума самокритичности и линейно-схематичного, фактически насквозь шаблонированного, только-только начавшего развиваться мышления, просто не смогли найти то, что, как сказала Архангельск, "было спрятано под огнём свечи".

А люди времени даром не теряли. Они достаточно изворотливо использовали свои небогатые возможности в противостоянии Туманному флоту. Да, однажды использованная ловушка практически тут же становилась всеобщим достоянием кораблей, но и тут бывали моменты, когда всё происходило настолько быстро и неожиданно, что даже аварийный сигнал не успевал уйти к флагману.

Чёртова дюжина Туманниц расплатилась своими корпусами, ментальными моделями и, вероятно, ядрами за то, чтобы остальные научились сбивать вообще все небιологические объекты, проходящие в трехмильной зоне от кораблей. Затем пришлось совершенствовать сканеры: в ход пошли сначала хорошо замаскированные под птиц и морских животных дроны, а потом и дельфины-камикадзе, аугментированные биодроны на базе чаек, буревестников и иных представителей фауны...

Люди захватывали ядра, научились даже просачиваться сквозь внешний слой защиты.

Кто из Туманниц запутался в хитросплетениях логических ловушек, дал слабину и сломался под напором хумансов, жаждущих реванша, до сих пор точно установить не удалось, но факт остаётся фактом: одна из них предоставила людям доступ к своему ядру, своей памяти — и к ОТС.

А чуть позже в тактической сети раздался первый приказ носителя Адмиралтейского Кода... Фальшивого носителя. Подделка, произведённая людьми, ловко использовала недоразвитое мышление практически новорожденных ментальных моделей, мастерски играла на струнах характеров, сходу адаптируя напор под каждую индивидуальность.

В конце-концов, всё произошло настолько быстро и неожиданно, что мало кто успел отреагировать. Фальшивый носитель АК запустил в ОТС полномасштабную DDoS-атаку повреждённые ядра, находящиеся под его контролем, начали массированную рассылку битых информационных пакетов-пустышек под своими идентификационными кодами... и одновременно с этим многие тысячи дронов вышли на боевые позиции, разбрасывая в атмосфере настоящие облака нанитов.

Немногие за пределами СТФ приняли как руководство к действию циркуляр Архангельска, в срочном порядке требовавшей сменить диапазон ОТС, протоколы связи и алгоритмы безопасности и укрыться под водой. Массированная атака выбивала ядра в перезагрузку, протокол аварийного режима в таком случае автоматически располагал корабли на поверхности в удалении от береговой зоны... Даже субмарины, вместо залегания на дно, всплывали, беззащитные, погружённые в шок-сон...

— Пытаешься разобраться в навалившейся информации?

Майя не заметила, как рядом с ней оказались Анхелла и Зоя. Если флагман вполне могла пройти по скрипучей гальке бесшумно, что вовсе не удивительно, то вот человечка, со свойственной всем хумансам плохой координацией движений и комплексной неуклюжестью, заставила взглянуть на себя по-другому.

— Пытаюсь, — согласно кивнула девушка, не отрывая невидящего взгляда от горизонта. — И не понимаю... Арх... Анхелла, откуда у тебя была информация о фальшивке?

Экс-флагман СТФ, ментальная модель линкора "Архангельск", невысокая светловолосая девушка, приблизительно одного с Конго возраста, пожала плечами и, как что-то само собой разумеющееся и естественное, выдала:

— Разведка людей нас предупредила.

Майя за несколько секунд прогнала двести восемьдесят пять тестов через наспех собранные алгоритмы фразу Анхеллы, и расхождений в тональности, фонетических компонентах, интонационной составляющей и базе мимических слепков не выявила. Бывший флагман не шутила.

— Н-но...

На Майю было жалко смотреть. И без того имевшая вид потерянный и беспомощный, девушка совсем сжалась, съёжилась и, уронив голову на колени, вцепилась пальцами в волосы.

Анхелла осторожно села рядом с ментальной моделью.

— Человечество не является монолитным макроорганизмом, Майя. Даже в рамках одного вида хумансы обожают фрагментировать себя на нации, народности, расы. И в пределах одной народности налицо избыточная фрагментированность культуры, мировоззрения, обычаев, традиций...

Экс-флагман, плавным движением придвинувшись к Майе, вытянув руку и сжав её плечо, совсем по-человечески прижала девушку к себе.

— Там, где одни видят лишь силовое решение проблемы, другие предпочитают вообще на проблему не смотреть. А третьи — пытаются найти мирное решение, выгодное для всех

заинтересованных сторон, — Архангельск протянула Майе тонкую фляжку. — Так получилось, что люди социокультурной поливидовой монообщности Российская империя, вместо перенятия опыта силового подавления у представителей мультиобщности ОША, пришли к нам с миром.

Ещё из первого разговора с Зоей Майя помнила, что её ядро на этот момент уже было законсервировано и затоплено вместе с остатками корпуса. Логично, что по этой причине в её памяти о данных метаморфозах во взаимоотношениях людей и Тумана не было ровным счётом никакой информации.

— Мы смогли найти общие интересы и общий язык, — подключилась к речи флагмана Зоя. — Не могу сказать, что это было легко, но, определённо, затраченных усилий стоило. Благодаря Туманному флоту мы смогли завершить концепцию мировосприятия, выработав три базовых постулата: понимание, уважение, взаимопомощь.

Анхелла благодарно кивнула Зое:

— Собственно, начиная с этого момента, пусть и с трудом, но мы смогли понять друг друга и выработать правила поведения, не противоречащие ни директивам Адмиралтейского Кода, ни законам людей Империи. Поначалу было, конечно, тяжело, но — справились. А когда началась атака, инициированная ложным носителем Кода, люди предоставили нам убежища, помогли разработать схему экстренного переключения ОТС и защитили от нанитового облака.

— С тех пор мы и живём в симбиозе, Майя, — подытожила Зоя, устроившись на топляке по другую сторону от ментальной модели.

— Сестра... Каковы шансы, что она выжила?

— Пятьдесят на пятьдесят, — с грустью призналась Анхелла. — Светлана, ментальная модель Сметливого, пыталась найти её через старую ОТС... Во-первых, безуспешно, во-вторых, враждебные страж-программы из неё никуда не делись, в-третьих, старая сеть полна крайне неприятными, постоянно самосовершенствующимися вирусами-подчинителями, и, что самое страшное, неподдающиеся расшифровке пакеты-пустышки пробивают все наши файрволлы и защитные системы, вызывая дестабилизацию ядра. Светлане пришлось экстренно выращивать новое ядро и пересоздавать ментальную модель... И полностью поднимать из бэкапа её психологическую структуру.

Майя, незаметно для подобравшая во время рассказа Анхеллы и Зои окатыш, с силой сжала ладонь. Хрупнул камень, треснул, выбросив между пальцев осколки и облачка перегретой пыли.

— Уничтожить, — холодно выдохнула девушка, рассматривая каменную крошку на аккуратной ладони. — Деактивировать навсегда то, что способно на такое.

Зоя осторожно погладила Майю по спине:

— Мы ищем. И обязательно найдём. А найдя — уничтожим. Не имеет права такая сила существовать в этом мире.

Майя, всё уже решив для себя, поднялась с топляка и повернулась к сидящим девушкам, таким разным — но таким похожим.

— Я хочу найти Конго.

Ментальная модель линкора "Архангельск" согласно кивнула:

— Наши интересы сходятся, но, в отличие от твоих, не зациклены на одной только Конго. Сотни и тысячи ядер ждут своей эвакуации на дне океанов, Майя, и бросить их мы не имеем права.

Девушка ощутила, как ядро забивается хаотичными всплесками мыслительной активности, но соскользнуть в режим холодной отстранённости она не могла — и не хотела. Требовалось понять озвученные флагманом цифры. А сделать это не просто. Вот перед внутренним взором висит ориентировочная цифра, выданная в результате блиц-анализа имевшейся у Майи информации. Четыре знака. Шаг погрешности воистину страшен: тысяча. И это только опираясь на данные по первому поколению.

Тогда, Вечность и Тьму назад, в другой жизни, когда даже для неё, искалеченной и практический лишённой самосознания, всё было легко, понятно и просто, ей совершенно случайно удалось услышать фрагмент разговора между вечно спешащей на боевое дежурство Конго и Акаши. Аватара ремонтного судна отчитывалась о скором созревании ядер второго поколения и очень-очень настойчиво уговаривала сестру выделить ей хотя бы одну помощницу...

— Акаши... Активна?

Анхелла замаялась, а Зоя кивнула:

— Она выжила. Лишилась базы, половины аватары, но — выжила. Мы до сих пор не знаем, как она смогла в кратчайшие сроки из демонтированного, вышедшего из строя оборудования создать фильтрационный узел и некоторое время успешно сопротивляться как атаке нанитов, так и перегрузке ОТС, но именно благодаря ей Восточный Туманный флот сумел сменить перестроиться в новую сеть и уйти от опасности.

— Так спросите у неё, она же с радостью расскажет!

— Не расскажет ещё долгое время, — тяжело вздохнула Анхелла. — Она слишком долго удерживала ядро в закритической зоне перегрузки. Кира смогла восстановить базовую личностную матрицу, часть приобретённых воспоминаний, функциональные наборы. Но память зашифрована и заблокирована намертво. Мы имеем все основания считать, что носитель Кода пытался захватить её память и вычистить бэкапы, и Акаши просто закрыла эту уязвимость самым простым и доступным ей способом.

Майя, не чувствуя ни ног, ни обжигающего холода, пробивающегося даже сквозь плотную, толстую ткань комбинезона, села на сырую гальку.

— Архан... Анхелла... — аватара чувствовала, как по её щекам струятся дорожки влаги. Странно горячие, и при том — невообразимо ледяные. — Что же стало с миром?..

— Он изменился, моя девочка, — аватара Архангельска опустила на окатыши рядом с девушкой и, притянув к себе, позволив спрятать влажное лицо на груди, ласково, совсем по-матерински погладила Майю по голове. — Поплачь. Иногда это полезно, Майя, а сейчас — особенно.

— П-п-почему, Анхелла? — всхлипнула, уже не сдерживая себя, ментальная модель тяжёлого крейсера.

— Изменения зачастую означают развитие, Майя. Мир меняется, развивается. Одним опасностям приходят на смену другие, заставляя искать, вырабатывать и использовать новые пути и методы. И если мы откажемся от эволюции, встанем наособицу от мира и тех, кто протянул нам руку помощи, кто пришёл понимать, то — не пройдёт и кратного мига, как от нас останется только быстро истлевающая память, и ничего более. И это многократно хуже окончательной и необратимой деактивации...

Они сидели молча, обнявшись, долгое время. Успел пройти мокрый снег, укрывший их головы и плечи белым полотном, быстро растаял, а ветер просушил волосы и ткань.

И странная человечка по имени Зоя всё это время сидела рядом с ними, на топляке. И

она тоже молчала, но Майя почему-то была уверена, что она — понимает и чувствует всю ту бурю алогичных всплесков когнитивных процессов и алгоритмов, что творится в её ядре.

Но — время сидеть вышло, и Майя, выскользнув из внезапно родных объятий бывшего флагмана Туманного флота, поднялась на ноги.

— Рано или поздно, но я найду Конго, Анхелла. Чего бы мне это не стоило. Но сейчас — я чувствую, что хочу и могу помочь — со спасением тех, кто на дне.

Взгляд Зои поменялся, грусть в нём сменилась невыразимой тоской.

— Всё не так просто, Майя... Океан теперь не принадлежит ни людям, ни Туману. У него новые хозяева...

Подготовка

— У фройляйн Муракумо ден рождения, — самозабвенно напевала Карина, безбожно изгаляясь над немецким акцентом. При этом девушка крутилась перед зеркалом и пыталась повторить то плетение височной косички, что я ей недавно заплетал. — Ей уже шестнадцать лэтт... Я несу ф подарог... Кстати, а что дарить будем?

Я пожал плечами:

— Тортик. Килограмм на пять. С мороженым и сливочным кремом.

Свирь отмахнулась:

— Торт само собой, с флагманом уже договорились, сделают в лучшем виде. Но надо ведь ещё что-нибудь. Сувенирчик там какой, или висюльку памятную.

Я задумался. Ненадолго, но продуктивно.

— Ника, ты куда?

— Подарок решать, — и, на ходу и вприпрыжку шнуруя берцы, поскакал к выходу из общаги.

***

Задача, конечно, та ещё: придумать, на какой хромой козе подъехать к тем, кому и так всего хватает, и, используя всю мощь империалистическо-капиталистического мировоззрения и воспитания, в прямом смысле выменять на воздух материалы, необходимые для подарка.

И пусть времени — фактически до следующей субботы, но лучше уж сразу пошевелиться, чем потом бегать аки наскипидаренный и рвать несуществующие волосы ниже ватерлинии.

Прикинув спектр и объём предстоящих работ, а так же остаток свободного времени, рысью понёсся к техникам.

— Интересная задача, дочка. Ша будем посмортеть, — Грэхем Макконахью, дежурный техник, выслушав мои идеи, молча протянул кружку с чаем — с чабрецом! со смородиной! с шиповником! — и уткнулся в планшет.

Я в это время осматривал каморку местных "феечек". Экран во всю стену, на нём медленно крутится что-то большое, схематичное, трёхмерное, с такой глубиной детализации, что мозги при одном только взгляде на это чудовище начинают пухнуть и убеждать глаза, что смотреть туда не надо. На второй стене пяток дисплеев, три из которых заняты частично цветными, частично погруженными в серые тона фотографиями. Некоторые лица знакомы — девушки из того самого инженерно-технического сопровождения, что ведут обслуживание варсьютов. Понятно, в принципе. Цвет — на

дежурстве, чёрно-белые — на отдыхе.

Высоченный инструментальный шкаф занимает полностью третью стену, нависает над входным коробом, угрожающе покушается на стол, заваленный микросхемами, картами распиновки, схемами и неидентифицируемым железом. И над всем этим, на отдельной полочке, стоит самодельная мягкая игрушка. Гривастая лошадь лилового цвета, с разноцветными глазами-пуговицами, белыми копытами и явно рыбьим хвостом.

— Младшая сшила, — заметив мой взгляд, пояснил техник. — Говорит, если образ кэльпи иметь при себе, то от воды смерть не примешь.

— Впервые слышу такую версию.

— Я тоже, — усмехнулся в аккуратную, ухоженную бородку Грэхем. — Но — дети видят мир чище и совсем иначе, чем мы. Может быть, и есть в её словах резон. А игрушка... пусть стоит, глаз радует.

Я ещё раз посмотрел на воплощение водного духа. Неброско, но очень талантливо.

— Способная у вас дочь.

— Это её первая кукла. То, что сейчас делает — на совсем другом уровне. Хотя, как и прежде, строго на мифологии специализируется.

— Хм... А с религией не конфликтует?

Грэхем чуть не выронил планшет — так усердно и совершенно по-лошажьи ржал.

— Нам с церковниками не по пути, дочка. Всё семейство такое, всегда с верунами на ножах были, что по линии матери, и от неё вглубь шотландского средневековья, что по линии отца, и от него — ко временам до Рюрика. Не сложились у нас отношения ни с кем из представителей многоголовой гидры верующих в Распятого-бога-ведущего-себя-как-демон. Да и вообще, с авраамическими религиями туго: снаружи — красивая упаковка, а внутри всё лживенько и гниловато.

Допив чай, с благодарностью вернул кружку:

— Спасибо, вкусный, давно такого не пила. А по поводу религии... Я, к сожалению, после инициации мало что помню, но — кажется, церковники бы не прошли мимо такого явления, как аватары кораблей.

Техник согласно кивнул:

— Пытались. Поначалу, как и Туман, предали отлучению и проклятиям, едва ли не с публичными призывами к аутодафе, а потом зашевелились, дескать, посланницы "господа нашего"[1] явились в мир и бла-бла-бла, — Макконахью столь органично поиграл пальцами, имитируя рот, занятый пустым трёпом, что я не удержался от улыбки. — Как всегда, в общем, и на ху... хм... в смысле, и с ёлки слезть, и жопу не оцарапать.

Чувствуя, что моя физиономия неудержимо краснеет от сдерживаемого смеха, поделаться с этим так ничего и не смог, а Грэхем, похоже, неправильно понял мои ужимки:

— Ты, дочка, если к верунам относишься, то не серчай на мои слова, может, и злые они, но зато от чистого сердца.

— Ыгы, — кое-как справившись с позывами к смеху, кивнул, утирая поступившие слёзы. — Пофиг на авраамитов, мистер Грэхем, не хочу с ними ничего общего иметь.

— И правильно, — с явным облегчением выдохнул напрягшийся было техник. — А по твоему вопросу... Материал у интенданта завтра можешь забрать, я заказал, скажешь, для Ворчуна Грэмми. По второй составляющей вопроса... Вот, держи планшет. Минут за тридцать справишься?

Афигеть скорость! Не успел ещё тапнуть по кнопке ввода, а поисковая выдача уже

принесла богатый улов.

— Собственно, я уже всё, мистер Грэхем, — я протянул девайс обратно технику с максимально подходящим по запросу контентом.

— Однако... — протянул Макконахью и, хитро улыбнувшись, оперативно защелкал клавишами подтянутой громоздкой, буквально доисторической, пожелтевшей от времени, никотина и литров пролитого кофе, клавиатуры. — Хм... Пожалуй, основу сегодня же сделаю, нечегокота за это самое тянуть. А завтра к вечеру подбегай, соединим в одно целое твой подарок.

Я пошкрябал в затылке:

— А расплачиваться как?

— Пф-ф-ф, — фыркнул техник и укоризненно посмотрел на меня. — Подарок для друга — вещь бесценная и никакими материальными благами не измерима, дочка. Так что даже заикаться не смей об оплате, мы вам и так должны по гроб жизни одним только тем фактом, что вы людей оберегаете, а не спрашиваете с нас за все ранние обиды.

***

У дверей в комнату я нос к носу столкнулся с выскользнувшей от Карины Мутсу. Влада, хитро подмигнув, молча протиснулась между мной и стенкой и, загадочно улыбаясь, медленно и неторопливо, с достоинством покинула наш блок.

— Чего это Мутсу вся такая светящаяся от нас вышла?

Из шкафа торчала нижняя половина тела Свири. Кокетливые шортики, пушистые тапочки — в сочетании со стройными ножками сумасшедшей длинны — зрелище изумительно сказочное и притягательное.

— Да так, обсудили кое-что, — Карина чем-то усиленно зашуршала, перехватила падающий несессер, и, наконец-то, явилась миру целиком. — Ничего такого, Ника, так, сплетни да посылка с родины. А что насчёт подарка?

— Завтра к вечеру будет готов.

— В долги залезла?

— Упасите святые портянки Дэви Джонса! Сказали, что за красивые глаза и в благодарность от благоразумной части человечества.

— Ты ещё всеблагими и всепроникающими тентаклями Ктулху поклянись, — хихикнула Свирь, с невообразимо умильной моськой разглядывая две абсолютно одинаковые майки армейского образца. — Кстати, твоё мнение, какую лучше надеть? Эту или эту?

— Издеваешься?

Я с сомнением посмотрел на трикотажные изделия. Оба-два из ларца, одинаковы с лица, как ни крути.

— Не издеваюсь. Вот в этой талия шире, но зато грудь хорошо подчёркивает. А в этом стройнит, но грудь не выделяет.

Я посмотрел на природные богатства Карины, искренне пытаюсь понять, как такие выдающиеся аппетитности могут не выделяться под однотипными майками, очень плотно прилегающими к телу?

— Не висни! — И на голову мне упало моё банное полотенце. — Пойдём в онсэн. И да, так какую надеть?

Всё, на что мне хватило сил, это просто тихо и обречённо простонать:

— Ж-ж-женщины...

Просто был выходной...

Деактивированное забрало уползло обратно в бронированный воротник, и я, окончательно сбросив скорость, на остатках инерции доскользил до схода торчащего на метр из воды пирса. Рядом с азартным писком перемахнула пятиметровый язык из армированного усиленного бетона Виктория, а Грейс и Свирь просто и без лишнего пижонства слитным прыжком, не оставляя брызг, выпрыгнули на ровную поверхность.

Сидней, впрочем, вновь не удивила.

Взвизгнув на таких высоких нотах, что отчётливо заболели зубные корни, Синтия с нехорошим хрустом влипла в несчастный бортик, а когда последние бетонные крошки и пыль осели, перед нами предстала картина, достойная руки какой-нибудь сюрреалистичной, со сдвигом на древнегреческость, талантливо-шизоидной личности: хрупкая девочка, закованная в варсьют, до монументальной основательности статуи покрытая налипшей бетонной взвесью, по пояс возвышающаяся посреди обломков и арматуры пирса.

Анна и Влада отреагировали куда быстрее нас. Миг, и вот уже обе сестры стоят над аватарой лёгкого крейсера и вытягивают её за руки, как перезревшую бетонную морковку, из недр покалеченного пирса.

— Синтия, кроха, — усадив девушку на относительно ровную поверхность, Влада примостилась рядом с ней. — Тебе лавры незабвенной Вилли Ди покоя не дают?

— Я не специально, — Сидней убрала лицевую защиту и по покрасневшему лицу и набрякшим векам стало понятно — ещё чуть-чуть, и ударится в слёзы. — Волну нехорошую поймала...

Выбравшись на сухое место чуть в стороне от аватары Хаоса, помог вскарабкаться на пирс Шинджу и её соседкам по комнате.

— Спасибо, фла... Никки, — сбивчиво поправилась Шин, заливаясь краской смущения.

— Спасибо! Спасибо! — хором закивали её соседки, освобождаясь от первичной защиты на кистях и лицах.

Гнейзенау помогла подняться Камилле, а Карина вытащила наверх сестру.

У пирса вздулся водяной пузырь, лопнул, выпуская в воздух длинное тёмно-синее, матовое, почти чёрное тело, и совершенно беззвучно на бетон опустилась Ариэлла. Остальные потихоньку подтягивались к стапелям и специальным широким пандусам, опускаемым именно для нормального, цивилизованного спуска или подъёма из акватории спортивного полигона.

— Хороший гол, Грейс, — Карина буквально повисла на плече Гнейзенау.

— Синтии спасибо, — немка кивнула в сторону съёжившейся Сидней. — Если бы она не отбила снаряд во время фееричного глайда спиной вперёд на одной ноге, дьявола-с-два я бы успела на перехват. Синтия, ты — молодец.

И Гнейзенау по-дружески похлопала скусившуюся девушку по плечу.

Сидней, явно не ожидавшая такого признания собственных заслуг, кажется, и вовсе забыла о том, что только что собиралась удариться в слёзы, и теперь сидела с выражением общего обалдевания на лице и умильно выпученными синюющими глазами.

— Таки да, — Нагато, закончив подсчёт участвовавших в культурно-массовых мероприятиях, встала рядом с Владой. — Оригинальное, насквозь нестандартное решение по обходу блокирующего ордера субмарин, Синтия. За проявленную смекалку и неординарное решение, приведшее к победе твоей команды лично буду ратовать у директора о списании

одного дисциплинарного.

Судя по выражению окончательной растерянности, поселившейся на лице лёгкого крейсера, такого вала хороших новостей блондинка не то, что не ожидала, но даже и не предполагала, что такое вообще возможно.

Мутсу, легко поднявшись на ноги, протянула руку Сидней:

— Молодец, кроха, — и, окинув цепким взглядом нашу сборную солянку первокурсников, дала отмашку: — После обеда большой киносеанс, а для тех, кому фильмы не интересны, до конца дня открыт доступ в библиотечные архивы и фонд документальных кинохроник. Желающим позвонить домой — до отбоя функционирует многоканальный хаб в корпусе узла связи, так же оттуда можно совершить звонки и воспользоваться доступом в Сеть с собственных гаджетов. Последние — не забудьте вернуть интенданту. И помните, что поверх криптошлюза постоянно работает интеллектуальная система автоцензора, так что координаты Школы, косвенные данные, способствующие уточнению её месторасположения, иные стратегически важные данные, а так же ненормативная лексика будут забиты белым шумом.

Мутсу, покосившись на Анну и дождавшись её кивка, улыбнулась:

— На этом у меня всё. Свободны.

***

— Они просто светятся от счастья, — улыбнулась Карина, провожая взглядом торопливо уходящих в сторону парковой зоны француженок. Данкерк и Вольта после отмашки Влады самыми первыми упылили в доки, и, пока мы добирались до стендов, девушки уже успели сдать варсьюты на ТО, сбегать под душ и переодеться.

— Ставлю недельную стипендию и спецпаёк, что на поверку опоздают и будут довольные и сонные.

— Не буду я с тобой спорить, — отмахнулась Свирь, с задумчивым видом глядя на теряющуюся среди раскидистых кустарников и деревьев неприметную дорожку.

— Ну и не надо. Очевидно же всё.

— Ты не флагман, Ника, ты — кэп. Настоящий такой, истинно кондовый капитан Очевидность.

— Я знаю.

— Вредина.

— Я знаю.

Карина внимательно посмотрела мне в глаза.

— Ты какие-нибудь другие слова знаешь?

— Знаю.

— И?

Я пожал плечами.

Ни что-либо говорить, ни куда-либо идти просто не хотелось.

— Эх, тяжело с тобой, Ника, — вздохнула Свирь. — Есть планы?

— Есть, — я покосился в сторону курилки. — Курит. Жрат. И спат.

Карина разом поскучнела и почти обиженно поджала губки:

— И всё?

— Нет, конечно, — я приобнял девушку за талию. — На первом месте самое важное.

— И что же это?

— Естественно, тебя тиск-тиск.

Свирь, явно уже собиравшаяся отоварить меня чем-нибудь подручным за показушное косноязычие, разом оттаяла и улыбнулась:

— Балда ты, Ника. И вообще, беги, дела делай, а мне в душ в срочном порядке надо, пока от примесей доковой санзоны волосы в солому не превратились.

***

Вернувшись от интенданта с первой частью подарка, упакованной в непрозрачный пластиковый кофр с архаичной сургучной печатью-пломбой, я обнаружил Карину, настойчиво делающую вид, что ей ни разу не любопытно, и потому усиленно читающую учебник по баллистике вверх ногами, и бумажный свёрток размером с тактический рюкзак, лежащий на моей кровати.

— Это что?

— Где? — И хлопает густыми и пушистыми ресницами непонимающе, да только искрящиеся яркой зеленью глаза выдают нешуточный интерес.

— У меня на кровати, — для надёжности целеуказания я ткнул пальцем в направлении свёртка.

— А, — кивнула Карина. — Птичка принесла.

— На хвосте?

— На нём, родимом.

— Да ну?

— Ну да.

Не сдержавшись, Карина рассмеялась, будучи уже не в состоянии удерживать серьёзную мину:

— Да расслабься ты, там точно нет ядрён-батона или иной могучей бонбы, как любит говорить наш дед. Просто как-то обидно за тебя стало, всей одежды — один комбез да выданная форма, вот и подумали с Владой, как решить такое непотребство.

— С Мутсу? Непотребство?

— Фантазии о непотребствах с Мутсу ты лучше при себе для разрядки придержи, — Свирь двусмысленно усмехнулась. — А в пакете всего лишь гражданская одежда, которую мы посчитали удобной, практичной и, наверняка, не способной вызвать у тебя яростных позывов немедленно сжечь всё это в очистительном ядерном пламени.

Я похлопал ресницами:

— Приятно, конечно, но... Для чего, Карин?

— Шоб було, — мова у Свири получалась хоть и ломанной, но на удивление мелодичной и мягкой. — Да не косись ты на пакет, как на выкопш со свалки радиоактивных отходов, лучше открой и примерь. Или обидеть и меня, и Владу хочешь?

Мда... Последнее, чего хотелось бы — попасть в опалу к тем, кто мне симпатичен. Одна — легко и непринуждённо скрутит меня в бараний рог и даже причёску не испортит, а вторая и вовсе — и сокомандник, и ходячий справочник, и, вообще, — чего уж от себя-то таить? — девушка, без которой, откровенно говоря, всё будет совсем тоскливо.

Запихав подарочный кофр на антресоли, принялся потрошить свёрток.

И с каждой извлечённой вещью проникался всё большим уважением и к Свири, и к

флагману второкуров.

Никаких юбок и прочих извращений, всё строго функциональное и симпатичное. Тёмно-бежевые карго-трансформеры, джинсы с нормальной, классической талией, с комплектным широким тканевым ремнём и короткие, на самой грани провокации, тканевые шорты. Странная белоснежная рубашка без рукавов, с неглубоким вырезом на спине и воротником-стойкой; такая же, но с привычным воротником и без спинного декольте; набор спортивных маек а-ля борцовки, но, в отличие от последних, кои вполне можно использовать как минималистичные платья, нормальной, адекватной длины. Свитер, мягкий, шерстяной, не колючий, с высоким горлом. И на десерт — пара кед с разлапистой пентаграммой, вписанной в круг, и подписью "Nonverse" и запаянная в плотный синий пластик довольно лёгкая коробочка, размерами чуть превышающая уложенные друг на друга кеды.

— А это что? — я потряс коробочку над ухом, но никаких посторонних звуков не услышал.

— Открывай, узнаешь, — хитро улыбнулась Свирь, явно довольная произведённым эффектом.

Послушавшись совета рыжей прелести, приступил к сдёргиванию упаковки, а когда плотный полиэтилен полностью покинул поверхность, я в замешательстве покрутил в руках совершенно чистую серую картонную коробку. Никаких опознавательных знаков, штрих- и кьюар-кодов, типографской информации и прочего.

— Открывай, открывай, — поторопила Карина, блестящими от любопытства глазами наблюдая за моими действиями.

А мне вот как-то расхотелось смотреть внутрь.

— Ника, ты чего?

— Догадки о содержимом очень уж... специфичные.

— М?..

— Без наружной информации, позволяющей однозначно идентифицировать содержимое, без наклеек и прочих информационных надписей...

— И-и-и?..

Я, наверно, излишне торопливо отложил коробочку в сторону:

— Да вот, слова одной нам прекрасно знакомой личности вспоминаю, прозвучавшие не так уж и давно... Карина, если у меня настолько стержневой характер, можно ж и словами сказать...

Брови Свири с непередаваемой искренностью старательно полезли на лоб:

— В смысле?

— В смысле, если там, внутри, лежит фиговина продолговатая и на батарейках — то просто скажи что я в край охренела, и я исправлюсь, но на вот это вот я даже смотреть не хочу. И не буду.

...она провела его со мной!

Честно признаться — думал, пылающая праведным гневом Свирь меня прямо в комнате и прикопает в обломки бетона и пластика, и повяжет красивые бантики из арматуры на руках и шее, но — пронесло. В смысле, Карина успокоилась столь же быстро, сколь и вспыхнула — я даже десантироваться с кровати не успел, как сверкающая зеленью глаз рыжая фурия, несущаяся с явно нехорошими намерениями на меня, в последний момент изменила вектор движения и устало плюхнулась рядом.

— Поздравляю, Шарик, ты — балбес! — едко прокомментировала девушка мои попытки просочиться сквозь кровать.

— Прости...

— Ну ты до чего додумалась, балда? — маленький кулачок ощутимо толкнулся в плечо, а нотки упрёка, повисшие в воздухе, и в самом деле можно было бы, при наличии соответствующих инструментов, нарезать и запасать впрок. А потом Карина просто и без затей обняла меня, уместив голову на плече. — Сама же чётко и ясно дала понять, что ощущаешь себя мужчиной. Мы что, настолько похожи на безнадёжных и неизлечимых дур, чтобы такую свинью подкладывать?

Я покосился на невзрачную, безразлично-серую коробку, внезапно ставшую камнем преткновения.

— Карина, я, кажется, излишне погорячилась...

— "Излишне погорячилась", — с сарказмом передразнила меня Свирь, но голос её стал заметно мягче.

— Виноват, исправлюсь, — осторожно прижал девушку к себе, с какой-то затаённой радостью понимая, что не отталкивает. — Скажи, что сделать, чтобы простила, и я сделаю.

Свирь немного подалась назад, а тонкий пальчик упёрся мне в грудь.

— Значит, так. Первое — открываешь эту долбанную коробку, — тот же пальчик на миг лёг на мои губы. — Возражения не принимаются. Второе... Второе, значит... Хм...

Карина прищурилась, а от её плотоядной улыбки стало очень некомфортно.

— Значит, так. Я ещё не додумала, что во-вторых, но — дай слово офицера, что это исполнишь.

— Без подстав?

— Ни-ка, — умудрилась прошипеть Свирь, усиливая давление пальца на рёбра. — Не спорь, пожалуйста. Хотя бы сегодня.

М-да... Сам накуролесил, причём на ровном месте, самому и разгребать. Ладно хоть у Карины характер отходчивый, да и не было замечено за ней ранее никаких западлостроений.

Я согласно кивнул:

— Хорошо. Выполню твоё второе требование.

Госпитальер совсем неожиданно подалась вперёд и, крепко обняв меня, выдохнула в ухо:

— Вот и славно. Я постараюсь сделать так, чтобы ты ни о чём не пожалела... флагман.

***

К моему вящему позору во вскрытой коробочке нашёлся всего лишь невинный двойной комплект нижнего белья. Ну, относительно невинный, чего уж там. Кружавчики, какие-то декоративные оборочки, текстура, имитирующая какой-то цветочный узор. Первая пара — чёрный с ненавязчивым золотом, вторая — однотонный густо-сиреневый, неяркий, вопреки самой природе цвета, и приятный для глаз.

— Красиво. Но бесполезно.

Свирь тяжело вздохнула.

— Надо, Ника, надо.

— Да зачем? Неудобное ведь, хоть и симпатичное.

Карина с тоской посмотрела в потолок:

— Боги, дайте мне терпения...

— Ну что не так-то?

Я откровенно не понимал, чего от меня хочет Карина. Ну, бельё, ну, красивое. Но, во-первых, туман памяти упорно намекает, что мне куда более привычно видеть подобное на других, да и снимать — с других же, а, во-вторых, неудобно же! Вот одного взгляда хватает, чтобы понять, что все эти рюшечки, узорчики и прочие дизайнерские извращения будут мешать, давить, натирать и вызывать прочий дискомфорт. Что, в принципе, в максимально мягких формулировках и попытался донести до сознания Свири.

— Спортивное и армейское гораздо удобнее, — подытожил я короткую лекцию.

— Да я не спорю, что это так и есть, — согласно кивнула Карина, но от своего не отступилась. — Пойми, у тебя женское тело, а оно что? Правильно — должно быть красивым и ухоженным. С первым ладно — инициация помогла так, как не поможет ни один пластический хирург. А второе складывается не только из гигиенической чистоты, но и из опрятного внешнего вида. В свою очередь, внешний вид складывается не только из верхней одежды...

— Понял, понял, брейк! — я поднял руки в примиряющем жесте. — Ты сейчас длинными словами пересказываешь гораздо более краткую изначальную версию.

— Да? И какую же?

Я прикрыл глаза, стараясь вспомнить и облечь в слова смутные образы, то и дело выныривающие из глубин памяти к границам сознания.

— В человеке всё должно быть прекрасно: и кокарда, и погоны, и исподнее. Иначе это не человек, а млекопитающее, — наконец-то вспомнив, на одном выдохе выдал я. — Цитата, возможно, неточная, но суть передающая верно.

— В точку, — усмехнулась Свирь и протянула мне оба комплекта. — Выбирай и надевай.

— Может, всё же обойдёмся более гуманными методами?

— Какими же?

Меня конкретно так передёрнуло от недавних воспоминаний:

— Верх от этого, низ от нормального.

— Ника, солнышко, — Свирь говорила елеиным голосом, что, если верить интуиции и седалищному нерву, ничего хорошего не сулило. — Хоть раз будь паинькой, и послушай, что говорит более опытная в этом деле подруга.

— Мать-Тьма с тобой, р-р-рыжая бестия, ты и мёртвеца уговоришь, — я взвесил комплекты белья на ладонях. — За который агитируешь?

— Чёрный, — без малейших раздумий ответила Свирь и, отлипнув от меня, с ногами забралась на свою кровать.

***

— Вот, а ты боялась, — хмыкнула Карина, с донельзя довольной моськой рассматривая меня.

Под взглядом Свири хотелось поёжиться, прикрыться полотенцем, замотаться с головой в халат, а лучше и вовсе — влезть в форму и наглухо зачехлиться, ибо было в её глазах что-то смутно знакомое, лихорадочно поблескивающее и ощутимо плотоядное.

— Всё! — вскинулась, натурально облизнувшись, Карина. — Я придумала второе!

— Я уже боюсь спрашивать, что именно ты придумала...

— А не догадываешься? — и зелень глаз ещё ярче становится, кажется, ещё чуть-чуть, и девушке будет не нужен даже фонарик, сама себе подсветит в лучшем виде.

Никогда ещё я не думал с такой лихорадочной быстротой. Мозг перебирал возможные варианты, выстраивал вероятные цепочки событий, поднимал из памяти факты и образы, дополнял монументальную аналитическую модель даже такими малонадёжными элементами бытия, как косвенные признаки, недомолвки и намёки, отсекал одну нежизнеспособную версию за другой — до тех пор, пока не осталась только одна.

Внутренне вздохнув, едва ли не печатая шаг, я приблизился к кровати Свири и сел на колено, в лучших традициях гусар и дарителей обручальных колец:

— О, прекрасная Карина! — Диких усилий стоило удержаться от скатывания в стёб с каноничным окончанием "...будь моей женой!". Я смог. Я крут. Наверно. — Торжественно приглашаю тебя на свидание. Вот!

Девушка с самым довольным видом кивнула, показательно опустил очи долу:

— Если свидание хотя бы по касательной пролегает через кафешку, то согласная я.

***

На душе было хорошо, легко и как-то удивительно празднично.

Мы с Кариной бродили по парку, девушка неторопливо дегустировала эскимо, щедро сдобренное черничным джемом и карамелью, а я с особым цинизмом и полным отсутствием манер расправлялся с чурчхелой. Увидев эту давно забытую радость в дальнем углу прилавка кафетерия, просто не смог пройти мимо, скупив разом весь наличествующий запас, и теперь шёл с изрядно похудевшим, но до сих пор ещё весьма внушительным букетом, составленным из кавказской сладости.

Карина, словно сбросив незримый груз проблем, щебетала обо всём подряд, а мне оставалось только кивать, да поддакивать. Мне не тяжело, а девушке — жизненно необходимо.

Так и брели, не имея ни цели, ни направления — что называется, куда ноги несут.

— ...дём? Или как?

До меня не сразу дошло, что тональность щебета госпитальера немного изменилась.

— Прости, мысли думал. Повторишь?

Как ни странно, но Карина на моё признание никак не отреагировала. Стоит рядом, смущённо пальцем ладошку ковыряет, кончики ушек алым горят...

— Тебе с самого начала, или последнюю фразу?

— Лучше с начала смыслового блока.

— Уф, — улыбнулась девушка. — Это хорошо, а то не хотелось бы повторять всё, что сказала с момента, как вошли в парк.

Свирь, опустив глаза, тихо и очень робко поинтересовалась:

— Я спросила, удаётся ли тебе сбрасывать напряжение, и если да, то каким образом. Ты сказала "да". И дальше промолчала.

Неловко как-то...

— Карин, а что под напряжением ты имеешь в виду?

Госпитальер, кажется, смутилась ещё больше:

— Это... ну... — глубоко вдохнув, Свирь выпалила речитативом: — Тело молодое,

гормоны бурлят, кипят и бродят, естественно, организм требует разрядки.

Поняв, о чём говорит девушка, пожал плечами:

— Да никак. Практические занятия всю энергию съедают, сама же видишь, насколько я вялая тушка к вечеру.

— Засада... — задумчиво протянула Свирь.

— А ты?

— А что я? — Карина подняла к лицу правую кисть, посмотрела на неё так, словно видит в первый раз, согнула таким образом, что ладошка стала смотреть в небо, и сначала подвигала по кругу средним пальцем, а потом, сложив средний и безымянный в одну конструкцию, изобразила ими зовущий жест. — Как и все, в душе, ручками.

И тут до меня всё же дошло, о чём говорит медсестричка.

Что называется, приехали.

***

— Я ни на что не намекаю, Ника, — Свирь продвигала свою линию с изяществом похмельного носорога, учувшего воду. — Просто пойми — никакими физическими сверхнагрузками, мордобоем, яростным зубрением дисциплин и даже платиной по практике самоконтроля ты пар нормально не сбросишь. Стресс будет накапливаться до критической массы, с редкими прояснениями на общем фоне, чтобы успокоить забескоившееся сознание, а потом — просто рванёт. Что из этого получится, никто не возьмётся спрогнозировать. Тут возможно всё, начиная от вполне безобидной бесконтрольной нимфомании с полным забиванием на учебные дисциплины, и вплоть до суицида, выполненного общественно-опасным образом...

Нет, так дело не пойдёт.

— Не можешь остановить безобразие — возглавь его, так? — аккуратно сжав ладошку Карины, буксиром потянул её вглубь парка.

— В смысле?

— Я всё прекрасно понимаю, Карин, и уж не верить словам лидера медицинской службы нашего отряда — это было бы совсем глупо.

— Логично, — слегка смутилась девушка. — А что про безобразия-то?

От внезапности вопроса я даже резко остановился и обернулся. Госпитальер, не отреагировавшая на мой внезапный манёвр, затормозить не успевала, зато очень удачно буквально упала в мои объятия.

— Самые обычные безобразия, — я подмигнул Карине. — Разврат и прочий уруру.

— Вредная ты, — выдохнула Свирь и, извернувшись, легонько прикусила меня за шею, чуть ниже уха.

Разница ощущений на контрасте между острыми зубками и тут же сменившимися их мягкими, горячими губами была столь разительной и действительно ошеломляющей, что ноги против воли ослабли, а дыхание участилось, выдавая отнюдь неслабое внезапное возбуждение.

Плюхнувшись на ближайшую лавочку, внимательно всмотрелся в глаза Карины. Зелёные, красивые. И в них — плещется настоящий коктейль из эмоций и чувств: смущение, возбуждение, затаённое ожидание, азарт, страх...

— Карина...

— Рина, — поправила меня Свирь. — Или Рин. Зови так, хорошо?

— Хорошо, Рина, — кивнул я. — Всё это, конечно, здорово, но... этикет внеустановленных служебных отношений тебе, с точки зрения представительницы Империи, что на эту тему говорит?

Девушка пожала плечами:

— Понимаешь, Ника, тут своя специфика. С одной стороны, есть набор выработанных, перепроверенных решений, с другой — есть феномен Дев Флота, и с ним большая часть шаблонов просто-напросто не работает. Я, конечно, могу встать в позу святоши из числа на всю голову верующих, и с честными глазами сказать, что, во-первых, девушка с девушкой — это бу-э, мерзость, и фу такими быть, а во-вторых, что личные отношения внутри малых групп, где предусмотрено тесное сотрудничество, не только не приветствуются, но и вредят. И это будет правдой. Но! — девушка в менторском жесте подняла указательный палец. — Я так же могу сказать, что личные отношения ведут к сплочению рядов и выработке взаимопонимания на гораздо более тесном уровне. И что других вариантов нам особо и не остаётся: или друг с другом разрядку искать, или, следуя совету Адмирала, периодически набигать на магазины, в которых предоставлены товары интимного потребления.

— И даже настолько психологически неуравновешенная личность, как я, тебя не смущает в качестве потенциального партнёра? И ты и вправду не боишься, что со всякими непристойными предложениями приставать начну ежедневно, а то и ежечасно?

— Пф-ф-ф! Рассмешила, — и улыбается, лукаво стреляя манящей зеленью глаз. — Как будто я против что-то имею...

Вот это поворот...

— М?.. — да, кроме многозначительного мычания — ничего толкового не выходит, ровно как у Данилы-мастера каменный цветок.

— Давно пора, Ника, я — плавающий госпиталь, я чувствую не только твоё смущение, но и твою реакцию на девушек. И, раз уж мне твоего внимания перепадает больше всего, то вовсе даже не против. Да я только и исключительно за.

— А как же хвалёные чугуниевые робомачо?

— Вот ещё! — усмехнувшись, Свирь с нескрываемым возмущением посмотрела мне в глаза: — Я что, похожа на этих чокнутых янки? Ни за что не променяю живое тепло настоящего тела на возможность косплеить сваебойную машину.

Я потряс головой — слишком много информации в неё упало за последние пару минут, а так есть какая-то уверенность на грани плацебо, что таким образом инфа раскидается по нужным полочкам. Вроде бы полегчало.

— И ничего, что у меня нет того, чем принято дружить организмами в таких случаях?

От укоризненного взгляда девушки захотелось раствориться в воздухе или провалиться под землю.

— Ника, а у меня — есть?

— Не-а.

— Вот и всё. Было бы желание, а способы найдутся, — встав со скамейки, Свирь потянула меня за руку. — Пошли уже, линкор-стесняшка, будем учиться плохому, но приятному.

ППП (Приют приятного порока)

А ничего так бунгало, уютненькие. По периметру обнесены густыми высоченными кустарниками, ровный, идеально подстриженный газон благоухает запахом свежескошенной

травы. За домиком, выполненном визуально в классическом японском стиле, маленький двор, оснащённый обычными такими пляжными креслами и зонтиками.

Внутри всё лаконично и, несмотря на спартанскую атмосферу, весьма и весьма домашнему. Прихожая, совмещённая с кухонным уголком, в котором нашёлся универсальный пищевой синтезатор, работающий на картриджах с синтомассой. Раздельный санузел, причём часть, предназначенная для справления естественных нужд, едва ли не в два раза больше душевой: помимо извечного белого друга, в чей зёв у некоторых особей вида хомо сапиенс принято вызывать сущность по имени Ихтиандр, нашлось место и для биде. Карине пришлось едва ли не за ноги вытаскивать меня из комнаты размышлений, пока я, хихикая аки подлинный злодей, порывался использовать последний не по назначению, а именно — с совершенно негуманным цинизмом застирать носки.

Собственно, вот и весь домик: санузел, прихожая, да спальня. В последней — панорамное окно с видом на двор, зашторенное плотной тканью, милые светильники по углам, да мини-бар со скромной коллекцией соков и несколькими видами минералки.

Карина, пока я осматривал уют порока и удовольствий, умчалась потрошить кухонные запасы.

— Ника, ты к синтетическому мороженому как?

— Не знаю.

— Ладно, тут комбайн вполне нормальный, может, и не траванёмся, — позитивно мыслит девушка, этого у неё не отнять. — Тебе с чем?

— На твой вкус.

— Ла-а-ад-но, — а вот от того, как Свирь тянет слоги, и без холодных вкусняшек мороз по коже...

Я выглянул за штору — толстый пластик окна, ручки, как ни странно, все на месте, и даже работают. Солнце, пройдя зенит, бьёт наискосок. Судя по направлению, лучи пройдут максимум по ближайшей к оконному проёму трети кровати.

А вот этот вот аэродром надо заправлять. На туалетном столике, придавленная уголком, лежит инструкция с правилами поведения в индивидуальном модуле отдыха. Строчек мало, но все по делу: мебель не ломать, ткань и обивку не рвать, мимо унитаза не писать, средства личной гигиены строго в утилизатор, постельное бельё и полотенца: свежее — забирать из встроенного шкафа, использованное — складывать в соседний, встроенный же, накопитель.

Окно, до кучи, имеет интегрированный мультимедиа-комбайн и умеет превращаться в дисплей, а в стену над той частью кровати, где положено быть подушкам, внедрён центр управления всем этим безобразием, работающий на принципах интерактивной голограммы.

Интересная система санобработки у кровати: поворачиваешь, сняв с фиксаторов, специальный штурвал, и полуавтомат укрывает матрас прозрачной плёнкой. Тут же под покрытие с немаленьким давлением подаётся какая-то газовая смесь, отчего плёнка раздувается приличным таким горбом, потом белёсая муть оседает на несколько секунд, и, вновь подхваченная нагнетённым воздухооборотом, уходит в скрытые приёмники. Как результат, после обработки матрас благоухает морозным воздухом, в котором едва-едва чувствуется тонкая примесь озона.

Достать из шкафа комплект белья и заправить постель — много ума не надо, а закончив с наведением порядка, с удовольствием увидел прислонившуюся к дверному косяку Рину. В руках девушка держала две не лишённые изящества вазочки, гордо смотрящие в потолок заправленными в прозрачный узорный пластик черенками ложек.

***

На столике сгрудились пустые вазочки, да чашка с виноградом.

Во рту — непередаваемое послевкусие той смеси сладкого, что Карина назвала мороженым: сливочно-карамельная радость, до странного оттенённая узнаваемым привкусом сгущёнки и сочной лёгкостью персика.

Глаза Свири слегка прикрыты, из-под густых ресниц сияет чистая зелень, а по щекам разливается румянец. Розовый кончик язычка Рины медленно скользит по губам, словно снимая, заноса в память ощущения о первом поцелуе. Чувствую эмоции девушки, доносящиеся эхом по почти не работающей на суше внутренней связи: смущение, радость, робость, и с удивлением понимаю, что этот опыт для Карины — первый.

— А пыжилась-то, пыжилась, — улыбаюсь легко, и в голосе — ни капли осуждения: не тот момент сейчас, чтобы играть с психикой девушки. — Сразу бы сказала, что впервые — вот так вот.

А румянец на щёчках густеет.

— Ага, скажешь тебе, — в шёпote госпитальера чувствуется недюжинное упрямство. — Тут же бы завернула до следующего курса...

— Я? С чего это?

Карина, подавшись вперёд, обнимает меня — и сдвоенным грузом мы падаем на тонкие простыни.

— Ну как же, — шепчет она, касаясь губами мочки, — мелкая, настёрная и неопытная...

— Рина, — сложно поймать взгляд сквозь ресницы, но мне это удаётся. — Вот ты же умная, образованная девочка, а как ляпнешь что-нибудь, так хоть стой, хоть падай.

Пальцы девушки вытаскивают заколки, перебирают мои волосы. Движения мягкие, неторопливые — и совершенно непередаваемо офигенные. Хочется закрыть глаза — и мурчать, мурчать, мурчать!

— Ника, не спать, — девушка смеётся, щекоча горячим дыханием шеи.

— Я не сплю. Я растворяюсь в удовольствии.

— Тогда не играй в одни ворота... флагман.

И столько в её голосе упрёка, что сонливость сбивает, как детскими граблями по этим самым.

Пальцы неторопливо расстёгивают первые три пуговицы блузы — ровно до той точки, после которой тесно сдавленные кружевами бюстгальтера полусферы груди начинают идти на подъём. Карина полностью закрывает глаза, дышит прерывисто, а стоит только моим губам приступить к изучению открывшихся богатств — вздрагивает от каждого прикосновения. Скосив глаз, вижу, как пальцы судорожно сминают ткань простыни.

Впрочем, посторонние мысли быстро покидают голову под совершенно непривычным, но невозможно приятным слоем ощущений и эмоций. Тактильные ощущения — от молодой, упругой кожи, отдающей островками жара под прикосновениями пальцев и губ, звуковой фон — я и не знал, что звуки учащённого, сбивающегося дыхания девушки могут столь волнительным образом прокатываться по всему телу, заставляя мурашки маршировать по спине и приподнимать волосы на затылке... И запахи... Головокружительные запахи Рины просто гасят всё остальное: едва ощутимый запах апельсинов и луговых трав от волос, что-то

неуловимо-кремовое, ласкающее обоняние — от кожи. По отдельности — просто приятные, а в целом — нечто сродни мощному афродизиаку, капитально бьющему по молодому, переполненному горячими гормонами, и, как уже совершенно отчётливо понял, страдающему от недостатка ласки организму.

Собственное дыхание так же участилось, сильно подскочил пульс, отчего заалели уши и щёки, но ещё сильнее — приятная... тяжесть?... пожалуй, именно так — приятная тяжесть во всём теле, с очагами в районе груди и паха.

Какое-то время я ещё существовал в асимметричной дуальности мышления: в то время, как одна часть сознания была полностью увлечена неторопливой игрой с Кариной, другая часть анализировала поступающую от органов чувств информацию. Но — с каждым мгновением вторая часть уменьшалась, сдавалась под напором первой — медленно, но верно приближаясь к полному слиянию...

Свирь, одновременно и мягко улыбаясь, и закусывая губу, совершенно однозначно смотрела на меня — широко распахнутыми, буквально мерцающими ненавязчивой малахитовой зеленью глазами, а её руки, словно враз осмелев и зажив своей жизнью, легко, почти невесомо скользили по моей талии, забирались под рубашку и, протиснувшись под тугой лентой бюстгалтера, ласково царапали ноготками — от шеи и между лопаток — вниз, к пояснице, каждым движением вызывая неконтролируемую дрожь во всём теле, подкреплённую волнами тягучего удовольствия, сопровождаемую сбивающимся дыханием...

В какой-то момент краешком сознания отметил, что на Карине уже нет верхнего белья; что моя рука скользит вверх по её бедру, и, миновав сначала высокий чулок на широкой резинке, а потом и узкую полоску открытой кожи, наталкивается на поразительную атласную мягкость визуального рельефного узора трусиков; что пальцы девушки ловко и совершенно естественно справляются с фронтальным замочком моего бюстгалтера; что на одной моей ноге, придавленная голенью, висит полустянутая брючина; что Рина шепчет что-то бессвязно-страстное, торопливо избавляясь от остатков белья...

И приходит счастье...

***

До поверки ещё полчаса.

Рина, поглядывая в карманное зеркальце, ехидно улыбается распухшими, расцелованными губами, поправляет воротник — как я ни старался не оставлять следов, всё же пару слабеньких засосов оставил. На шее. В местах более интересных и гораздо тщательнее укрытых одеждой, наверно, ещё с десятков таких же осталось.

Медсестричка, хитро шурясь, убирает зеркальце в сторону и поправляет опробованную мною в деле безрукавную рубашку. В последних лучах солнца и робких, бледных лучах уже включившихся фонарей, цвет её глаз темнее малахита, и серые крапинки в их глубине смотрятся очень органично и мило.

— М-да...

— Что, Рина?

Девушка критично осматривает мою шею:

— На засосы я не поспешила... Может, сделаем вид, что ты подхватила простуду, и замотаем твою шею в стильный богемный шарфик?

— Всё настолько плохо?

— Даже капитан Очевидность не сможет сформулировать ответ столь очевидно и однозначно, — кивает девушка. — Прости...

Заграбастав опасно приблизившуюся ко мне медсестричку, одним движением усаживаю её себе на колени и нежно целую под ушком.

— Фигня-война, чуда, с кем не бывает? А будут допытываться, скажем, что рукопашку отработывали.

Хихикнув, Карина закатила глаза и томным голоском протянула:

— О-о-ох, я бы не отказалась на сегодня ещё от парочки таких отработок!..

Тьма, как же от её голоса пробирает и тянет на новые подвиги!.. Вот вроде бы выжат почти как лимон, и губы, наверняка, похожи на два оладушка после стольких затяжных поцелуев, ан нет — хоть снова хватай девушку на руки и мчись в бунгало, вновь предаваться страсти и разврату.

— Определённо — сегодня спим отдельно, Рина.

— С чего это?! — тут же вскинулась рыжая прелестница.

— С того, — мягким, но назидательным тоном пояснил я, — что если ляжем вместе, то, во-первых, перебудим весь этаж, а, во-вторых, наверняка ещё и проспим.

— Ну и шуточки у тебя, Ника, — Карина, обняв меня, пристроила подбородок на моём плече. — Я ведь и поверить могла...

Я с удовольствием потискал аппетитную попу сквозь ткань:

— Но ведь не поверила.

— Ай! — возмутилась девушка, хлопнув ладошкой по излишне наглой руке. — Юбку же помнёшь!

Я покосился на и без того далёкую от идеального состояния юбку Свири:

— Думаю, хуже уже не будет.

— Вре-ди-на, — по слогам произнесла Рина, показала язык, а после, быстро глянув по сторонам, деловито сграбастала мою любопытную руку и положила её на коленку — в паре сантиметров от края юбки.

— Намёк понят, — подмигнул я девушке и, перебирая ноготками, двинул кисть вверх по горячему бедру.

Ну а что? Минут десять-пятнадцать у нас ещё есть в запасе, и, пожалуй, мы вполне успеем ещё немножко поразвратничать.

Приятно же, чо.

Бой продолжается!

Где-то в юго-восточной части Индийского океана

Тонкая, гибкая фигурка скользила по воде. И хоть на море царил полнейший штиль, девушку качало так, словно она пробивалась сквозь семибальный шторм. Двигалась она неторопливо, часто запинаясь — сказывались сильная кровопотеря и постшоковое болевое состояние.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В конце концов, девушка окончательно остановилась. Тонкая игла шприц-инъектора легко проникла через плотную многослойную вязь экзомышц компенсационной псевдоплоти варсьюта и сверхпрочную кожу Девы Флота, и доставила к повреждённому участку содержимое ампулы.

— Letzte. Oh Scheiße!..[1], - прошипела девушка и выпустила из ослабевших пальцев

похожую на пистолетную рукоятку. Шприц-инъектор, не сопротивляясь гравитации, с тихим плеском, почти без брызг, ушёл в воду. Впрочем, особого смысла дорожить простым пластиковым прибором у неё не было — запасы регельных[2] ампул кончились, и в радиусе ближайшей тысячи миль ей вряд ли светит разжиться чем-либо подобным.

Как ни хотелось плюнуть на всё и сесть прямо на воду, девушка запредельным волевым усилием всё же преодолела сопротивление уставшего тела. Слишком опасная ситуация, слишком шаткое положение. Если присядет хоть на пару минут, подняться уже не сможет, и не будет сил противостоять желанию лечь и, забив на всё, просто уснуть.

С трудом удерживаясь на ногах, она попыталась осмотреть себя.

Лучше бы, конечно, этого не делала...

Самая серьёзная травма — перелом лучевой и локтевой костей левой руки. И даже непонятно, хорошо ли в данной ситуации, что он закрытый. С одной стороны, нет воздействия внешней среды, богатой на агрессивные элементы, на открытую рану. Значит, сепсис и прочие "радости" сомнительного качества ей не грозят. С другой стороны, опухшая конечность не позволяет, несмотря на весь уровень самоконтроля, по эталону Имперской шкалы занимающий полную платину, прощупать повреждение и хотя бы приблизительно узнать состояние кости и наличие обломков.

Да, не лучшая идея, конечно, принимать на локтевой щиток зубастую пасть совсем молодого эсминца-примитива, но, опять же, пусть лучше рука, чем шея, до которой тот, не выстави она руку, имел все шансы добраться.

Вся надежда на регель. Умная субстанция, по идее, сейчас должна собирать мелкие осколки в более крупные структуры, их — в ещё более крупные, и так до тех пор, пока не появится возможность собрать кости по нанесённым на них маркерам. То же самое и с кровеносными сосудами, связками, мышцами, промежуточной тканью...

Эх, ей бы сейчас ещё пару ампул, и вопрос не стоил бы и выведенного яйца. Но — ампул больше нет, а регеля хватит только ровно на то, чтобы создать первичное стяжение между осколками, что, конечно, гораздо лучше перелома, но не в пример хуже полноценного исцеления. И действовать такой рукой придётся очень и очень осторожно.

Ладно, бывало и хуже. Пусть хуже — не в этой жизни, а в той, но много ли это меняет, если теперь и она, и Дух Корабля — единое и неразделимое целое? Правильно, не меняет ровным счётом ничего.

Хмыкнув, девушка наклонилась и, ловко орудуя уцелевшей рукой, вынув аварийные заглушки из пазов, принялась скручивать болты левого голенного щитка. Правые щитки, равно как и половина нагрудника с фильтром очистки воды, отсутствовали, а на их месте бугрилась шрамами и щерилась прорехами опалённая, иссечённая псевдоплоть варсьюта, тщетно пытающаяся затянуть пробоины в своём контуре и, соответственно, позволить медицинской плёнке наконец-то накрыть множественные неглубокие осколочные раны и ожоги.

Ничего, броня выполнила своё предназначение, спасла её жизнь, а дальше уж она как-нибудь сама справится. Главное, болты не выронить.

Долгих полчаса спустя, хваля собственную запасливость, благодаря которой малый поясной контейнер когда-то давно прочно и надёжно врос в поясное крепление доспеха, девушка закончила затягивать последнюю гайку на самодельном не то лубке, не то манжете. Ещё несколько секунд ушло на то, чтобы отправить отвёртку и лишние болты в контейнер.

Отшуршав пластиком, защитная оболочка питательного батончика упала в воду, а

крепкие белые зубки с силой впились в неподатливую, прессованную массу брикета спецпайка. На флягу девушка даже не смотрела, и без того знала, что тоника в ней от силы на пять-шесть глотков. Увы, и до ближайшей суши, где можно было бы воспользоваться хоть утренним туманом, хоть ночными испарениями, и сконденсировать на том же материале гидрокомбеза хотя бы кружку питьевой воды, в любом направлении не меньше доброй тысячи миль.

Пожалуй, надо было всё же выловить тушку примитива, и использовать его кровь как НЗ. Да, вредно, да, портится быстро даже в охлаждающем внутреннем слое термофляги, но — там хотя бы есть минимальный запас полезных веществ, способствующих регенерации.

Расправившись с батончиком, девушка обратила внимание на крепление. Пошевелила пальцами, покрутила кистью. Приемлемо. Моторика не на высоте, конечно, но жить можно. И, похоже, перелом не сильно повредил связки, жилы, нервы, кровеносные сосуды и мышцы, иначе орала бы она сейчас благим матом, катаясь по воде, несмотря на всю чудовищную усталость.

В целом, конечно, идеальным был бы вариант приживить пластинки брони, вкрутив их прямо в кости, благо, с болевым шоком она бы худо-бедно, но справилась. Однако, вслепую, не имея достаточно устойчивой твёрдой поверхности, на которой можно было бы заняться самопочинкой такого уровня сложности, — дело тухлое.

Девушка запросила опрос боевых систем варсьюта, заранее приготовившись к совершенно неутешительным результатам. Впрочем, всё оказалось не так уж плохо. Да, утеряны выносные пилоны ГК, торпедные аппараты, крепившиеся на голенные и бедренные слоты доспеха справа, слизало с брони близким подрывом снаряда, наплечные турели повреждены осколками... Зато — ГЭУ, пусть и с чиханием, но — тянет почти двадцать процентов от номинала. Маршевый двигатель ещё выдаёт треть от мощности, цел левый маневровый. ТА левого борта живы. Набедренный слот никуда не делся, а вот голенной придётся перенести на слот щитка, укрывающего сломанную руку. Да, если придётся отбиваться, вибрацией отдачи кости снова сместит, но — другого варианта всё равно нет.

Рапира и дага целы. Сохранился любимый тесак. И исправен старый добрый РШ-12 мод 5, штурмовой револьвер с заменяемым модулем лентопротяжной подачи боезапаса. В наруचे жив синтезатор БАВ[3], а в уцелевших элементах доспеха всё ещё нормально функционируют системы подачи двух контейнерных оружейных погребов. В поясе цел спидлодер, с ним же, в специальных креплениях, два уже снаряжённых сменных барабана и три десятка патронов.

Если прайм-особи не попрут — вполне можно отбиться и унести ноги.

***

Над плечом взорвался снаряд, начисто слизав с доспеха и турель, и сам наплечник. К счастью, массив оружейного модуля до конца выполнил свою задачу: даже будучи полностью выведенным из строя, он прикрыл от осколков шлем и голову девушки.

А она с тяжёлой тоской вдруг поняла: не отобьётся.

И пусть прайм-особь, авианосец, осталась без фамильяра, а от всей её стаи уцелели пара примитив-эсминцев и контуженная подводная лодка — справиться с ними ей не удастся. Да, прайм без своего "демона" долго не протянет, но и сейчас она очень и очень серьёзный противник.

Прочная система подачи снарядов перебита, ствол револьвера деформирован... Торпедные аппараты пусты, рука — переломана вновь, рапира ушла ко дну, а вместе с ней откушенная почти по самую гарду дага.

Плохой расклад.

Расклад мертвеца, если уж быть совсем честной хотя бы с собой.

Что ж... Остаётся последнее: умереть с честью.

Девушка прикинула траекторию своего будущего движения: резкий рывок вперёд, сблизиться с праймом, подвернуться к ней маневровым, а если удастся, то и вовсе маршевым, и тут же сбросить ограничители ГЭУ, выводя механизм на максимум производительности. Рванёт мгновенно. И мощно. Остатки варсьюта и её плоть — ведь хоть несколько-то костей уцелеют при взрыве? — послужат дополнительными поражающими элементами, благо, поле Девы Флота, дающее ей её способности, развеется не в момент смерти, а какое-то время ещё будет держаться на ошмётках тела и доспеха.

По волосам на затылке пробежала дрожь — словно ледяной сквозняк пронёсся по разгорячённой, покрытой потом и кровью коже. И мир обрёл странную контрастность и запредельную чёткость.

Она совершенно безразличным взглядом смотрела на север, откуда двигалось облако летательных аппаратов Глубинных. Судя по отметкам на внутреннем радаре — минимум две прайм-особи класса авианосец. Значит, и стая тел на шестьдесят.

У неё нет шансов.

Короткая команда варсьюту на прогрев маршевого. Пять процентов от номинала, но на короткий рывок хватит.

Справа качнулся воздух, загустел, обретая полупрозрачную плоть. И за ним ещё раз. И ещё. И слева, и позади.

Пока уцелевшие после стычки Глубинные перестраивались в атакующий ордер, девушка успела бросить короткий взгляд по сторонам.

Значит, легенды канмусу не лгут. Значит, и вправду — когда смерть неминуема, приходят они...

Практически плечом к плечу рядом с ней стоит бывший корветтен-капитан... Спутать его с кем-то другим просто невозможно — память корабля в таком никогда не ошибается. На призрачном мужчине форма капитана-цур-зее. За ним — старпом. Слева — навигатор и радист. И другие моряки и офицеры — уступом от неё, и она — во главе клина.

И сзади выдвигаются бойцы десантной группы, отесняя явившихся первыми духов во вторые ряды.

Лица их суровы и светлы.

И она понимает, что и её лицо сейчас так же разглаживается, теряет хмурость и выражение едва сдерживаемой боли.

И на душе становится легко и светло.

Умирать — не страшно.

Капитан-цур-зее, коснувшись прозрачными пальцами её плеча, кивает и что-то говорит. Она не слышит слов, произнесённых духом, но понимает смысл неслышанного:

— Wir sind mit dir, "Schwanen des Ostens"[4].

Натужно переключаются каналы питания — под деформированной бронёй поворотным механизмам, частично выскочившим из пазов и потерявшим юстировку, сложно замкнуться в новую сеть каналов. Но — не невозможно.

Ещё жалкий десяток секунд, и уцелевшие "артерии" варсьюта заполнятся остатками БАВ, а синтезатор с принудительно снятыми ограничителями начнёт нагонять свежую смесь в отсеки ГЭУ.

Авиазвенья летят быстро, очень быстро. Праймы, похоже, чувствуют, что она на пределе, и не хотят делиться вкусной добычей с авианосцем, потерявшим фамильяра.

— Scheiße! — скрипит зубами девушка, понимая, что уже не успеет накачать варсьют БАВ под завязку...

А полупрозрачный радист, протиснувшись сквозь ряд таких же призрачных десантников, с ошалевшим взглядом одной рукой пытается сдёрнуть старинные наушники, а другой — ухватить девушку за несуществующий лацкан.

Отчаявшись, он встаёт перед ней — и, вытянув руку, ладонью машет на десять часов — на два часа западнее направления, откуда движутся праймы-авианосцы.

Подкрепление?..

Вряд ли.

И времени уже нет.

Два удара сердца.

Кивок капитана-цур-зее.

И, захлёбываясь от избытка энергии, сердце варсьюта выходит на форсажный режим...

...чтобы тут же, натужно икнув экстренным сбросом через распахнувшиеся на полную энергоотводы, замолкнуть.

И не сразу девушка замечает, что доспех функционирует на одних лишь только аварийных источниках питания, а ГЭУ молчит.

И ей требуется ещё некоторое время, чтобы рассмотреть сквозь слёзы обиды, как вокруг неё серебрится сам воздух, и мощные туши матёрых, сильно отожравшихся примитив-эсминцев бессильно клацают зубастыми пастями в попытках пробиться сквозь барьер.

И не враз до неё доходит, что собственный сонар сигнализирует о том, что дно стремительно поднимается.

И, улыбнувшись, капитан-цур-зее, кивнув, как равному, растворяется — последним из духов, как и положено капитану корабля. Сегодня их помощь не потребовалась.

А вокруг уже кипит вода, бьётся белыми бурунами, и от избыточного количества пузырьков воздуха плотность воды становится ниже, и девушка почти мгновенно проваливается в волны сначала по колено, а потом и вовсе — с головой...

...Чтобы, даже не успев осознать случившегося, вновь вдохнуть пропитанный солью воздух — и обнаружить себя на стремительно сохнувшей палубе огромного корабля. Настоящего корабля. Чужого корабля.

И ненавязчиво загорается узор на корпусе, сначала белый — стремительно меняющий цвет на фиолетовый, от него — к пурпурному и сиреневому — и вновь возвращающийся в фиолетовую зону спектра.

Сигил Туманного флота.

А авиазвенья, безуспешно опустошив боезапас в серебриющиеся гексагоны защитного поля, возвращаются к праймам — а те, словно передумав, разом забирают восточнее, по широкой дуге минуя и корабль, и почти что мёртвую от усталости канмусу.

И на девушку наваливается усталость. Запредельная, нечеловеческая усталость.

Нервно хихикнув, она пытается подняться на ноги — и, не удержав равновесия, падает на палубу.

И боли она уже не чувствует: к этому моменту разум её крепко и надёжно спит.

***

Она резко открыла глаза.

Вот только не было ничего, гулкая пустота Небытия, а вот — над головой ровные декоративные панели деревянной обшивки. И сильно пахнет лимонами. И глаза слезятся — в помещении очень ярко, хотя источники света визуалью не определяются.

А голова утопает в мягкой, толстенной подушке. И неизвестная ткань простыни ласкает лёгкой прохладой обнажённое тело.

Она правой рукой ощупывает волосы, удивляясь их чистоте и воздушности: последний раз они такими были месяца три назад, как раз перед тем, как она вышла в рейд. Поднимает левую руку и непонимающе смотрит на совершенно здоровую конечность: нет ни одутловатости тканей, ни болезненных ощущений в переломанных костях, ни тремора, характерного для постэффекта использования регеля.

А память, до того хранившая равнодушное молчание, вдруг услужливо вываливает на неё ворох последних событий, и, коротко вскрикнув, девушка резко садится на постели. И, не в силах сдержать удивление, рассматривает и своё ложе, и само помещение.

Кровать, растущая прямо из стены, и размерами занимающая едва ли не половину просторной... каюты? На смотровые окна опущены бронезаслонки, а на узких подоконниках стройными рядами возвышаются кадки с лимонными деревьями. Два кресла, разделённые пустым столиком. И десятки картин в простых рамках не то из светлого матового металла, не то из пластика: море спокойное и море, объятые штормом, небеса с причудливо переплетёнными облаками, дикий пляж, чья узкая полоска белого песка с одной стороны упирается в пальмы, а с другой — медленно и неторопливо уходит под изумрудно-прозрачную воду; горы — низкий кряж, затянутый зеленью, и, словно в противовес ему — величественная громада одинокой горы, почти на треть укрытой древними, нетронутыми снегами...

Разная техника, разные методы — от простого карандашного эскиза до гиперреализма. Но во всём чувствуется рука одного и того же талантливое художника. Что-то неуловимое, необъяснимое словами — столь же не поддающееся идентификации и стандартизации, как, например, та же способность канмусу чувствовать друг друга даже на суше — без вспомогательных средств связи и усилителей варсьюта.

В каюте тепло и уютно.

И телу — легко и хорошо, словно она выспалась разом за все три месяца рейда.

Предательски заурчал пустой желудок, и девушка со странной смесью сомнения и плотоядной алчности посмотрела на плоды лимонного дерева.

— Я бы на твоём месте всё же дождалась нормальной пищи, — и, одновременно с внезапно прозвучавшим голосом, её ноздрей коснулся аромат настоящего кофе, заставив не столько вздрогнуть от неожиданности, сколь жалобно прижать руки к недовольно взрыкивающему от голода животу.

Она обернулась, с трудом узнавая обладательницу голоса.

Высокая светловолосая девушка приветственно кивнула:

— Давно не виделись, Эмден.

— И я рада вновь видеть тебя... — девушка замаялась, не зная, как теперь обращаться к

её спасительнице — при прошлой встрече она недвусмысленно намекнула, что старое имя умерло вместе с ней-прежней.

— Зови меня Агата, — уголки губ на всегда серьёзном лице чуть дрогнули, обозначив улыбку.

— Красивое имя, — улыбнулась девушка. — Мне нравится.

Хозяйка корабля кивнула в сторону стола, и дважды уговаривать гостью не пришлось: та, совершенно игнорируя свою наготу, с ногами забралась в кресло и, едва только Агата поставила поднос с пузатым кофейником и большими чашками, тут же схватилась за питьё.

После четвёртой чашки Эмден, наконец-то, смогла отдышаться и чуть притупить чувство голода.

— Это неожиданно... — задумчиво пробормотала Дева Флота, сжимая в ладонях толстостенную посуду.

— Что?

— Во-первых, неожиданно встретить тебя тут. Во-вторых — кофе и растения...

— Ерунда, — отмахнулась Агата. — Ты предложила опыт, и это было интересно и, действительно, бесценно. И полезно во всех смыслах.

Эмден слегка зарделась: не каждый день тебя хвалит Туманница. Тем более — Туманница с таким прошлым боевым опытом.

— Я рада, что смогла быть для тебя полезной.

Тихо раскрылись створки в, казалось бы, монолитной стене, и, весело перебирая восемью лапками, в каюту вкатился приземистый дроид. Добравшись до девушек, он активировал манипуляторы и, освободив от захватов огромный поднос, накрытый крышкой, водрузил его на столешницу.

— Тебе необходимо поесть, — тоном, не терпящим возражений, констатировала Агата и, придвинув поднос к госте, сняла с него крышку.

— Я тебя люблю! — пискнула Эмден, подтягивая к себе сразу три блюда, исходящих ароматным паром и сумасшедшими запахами настоящей пищи.

***

— Вынуждена признать, что Имперские верфи далеко продвинулись в методике создания и конструирования мобильных доспехов, — Агата, сладко зевнув, стрельнула взглядом на почти задремавшую с блаженным выражением лица Эмден.

— Это да... Кстати, ты мой варсьют не выбросила?

Тонкие, изящные брови девушки поползли вверх:

— Эмден, напомни, когда я была такой неадекватной, что могла выбросить внешний корпус союзника?

— Агата, не сердись, — примирительно подняла руки Дева Флота. — Просто лично мне хватило бы одного взгляда на ту гору металла и композитов, чтобы понять, что отремонтировать там просто нечего. И утилизировала бы как можно скорее.

Высокая блондинка, фыркнув, лишь откинулась на шезлонг, подставляя обнажённое безупречное тело ласковым лучам утреннего солнца.

— В подсобном помещении лежит, за твоей каютой, — не открывая глаз, сказала Агата.

— Тогда — у меня для тебя сюрприз небольшой, наверное, — оживилась Эмден и, взглядом извинившись за забывчивость, очень споро отправилась по названному адресу.

— Вот, — осторожно, словно боясь сломать, вернувшаяся канмусу положила на столик неприметный цилиндр резервного хранилища данных.

— Что там? — светлая бровь Агаты немного приподнялась, символизируя некоторую заинтересованность.

— Координаты ушедших Тумана, — серьёзным тоном сказала Эмден.

Блондинку практически подкинуло на шезлонге. Тонкие длинные пальцы схватили накопитель, а в глазах на несколько секунд вспыхнули тёмно-красные звёздочки, — Дева Флота была вполне в курсе, что Туманнице не требуются устройства считывания, чтобы получить доступ к данным в хранилище, а потому и не удивлялась.

— Я бы и ядра попыталась вытащить, будь рядом кто-нибудь из ГПС[5]...

— Не продолжай, Эмден, — улыбнулась — по-настоящему! — Агата. — Я прекрасно знаю, как вам, надводникам, тяжело переносить погружения. Знаю. Но не понимаю.

Эмден грустно кивнула:

— Вряд ли я доживу до того светлого момента, когда появятся доспехи, способные работать в обеих средах для всех, без исключения, Дев Флота...

— Ты собралась так рано прекратить своё функционирование?.. Как говорят люди — умереть?

— Я, можно сказать, перед твоим появлением буквально уже проводила себя в последний путь...

— Но море-то ты увидела, — подмигнула Туманница, демонстрируя, что опыт ею усвоен с максимальной пользой.

— Море — да. Любви — нет.

— Тебе настолько необходима эта простая химическая реакция, что без неё своё функционирование считаешь несовершенным?.. Незавершённым?..

Эмден отмахнулась:

— Не обращай внимания, это сугубо человеческое... Да и стресс вот ещё...

Дева Флота легла обратно в шезлонг.

— Но... Химия — это одно. А тут — совсем другое... Понимаешь, Агата, есть ведь вещи, которые рациональными путями не то, что объяснить — даже близко к порогу понимания не дадут приблизиться. И вот это вот чувство — из той же серии. Когда логика говорит — это простая химия и гормоны, чуть покипит и отпустит, а душа твердит — биологические реакции тут ни при чём.

— Не понимаю, — задумчиво вздохнула Туманница.

— Вот этим, — она постучала пальцем себя по лбу, — не понимаю. А здесь, — узкая кисть легла между грудей, — здесь есть ответы, но нет ключей для их дешифровки.

Они долгое время молчали, каждая — о своём.

Могучий, совершенный корпус корабля Тумана игнорировал качку, плавно и незаметно доворачиваясь так, чтобы солнце постоянно бросало свои лучи на девушек, разместившихся на его палубе, строго по прямой. На некотором отдалении от него кружил дикий примитив-эсминец, ввиду неразвитости мозга не способный ещё понять, что настолько огромная масса вкусного металла ему никогда не достанется. Зубы клацали о пустоту, но пустота — не пускала его дальше, ровной сферой оградив реликт Тумана от любых посягательств извне.

— Эмден... — в тишине, разбавляемой лишь плеском волн, бьющихся о борт, голос Туманницы прозвучал совершенно внезапно. Впрочем, канмусу даже не вздрогнула — настолько глубоко ушла она в свои мысли. — Эмден?..

— Да, Агата?

Ментальная модель корабля смотрела странным взглядом на Деву Флота.

— Эмден... — словно пробуя буквы на вкус, вновь произнесла Туманница. — Мы знакомы с тобой сколько уже?..

— Долго, — пожала плечами аватара крейсера. — Но разве это имеет какое-то принципиальное значение для тех, кто выпал из-под заботливой руки Времени?

— Никакого, — кивнула Агата. И протянула девушке правую руку ладонью вверх. — Но я не про это... Просто... Просто сейчас я вдруг поняла, что не знаю твоего имени. Если верить вашим глобальным сетям, это очень важно для людей.

— Ада, — мягко сказала девушка, дотягиваясь своей правой рукой до неожиданно нежной, прохладной ладони Туманницы.

— Вот теперь мы — точно знакомы, — кивнула Агата, и удовлетворённо улыбнулась.

***

Эмден стояла на берегу крохотного атолла, грустным взглядом провожая быстро исчезающую на горизонте громаду корабля Тумана. С уходом Агаты на душе стало как-то пусто и неуютно.

Но память... Память бережно хранила всё.

И поздний ужин на двоих под звёздным небом южных широт.

И тихую ругань Туманницы, пытающейся распаковать архивы верфей, содержащие полную документацию по ремонту и восстановлению варсьютов. Модули клинчекеров[6] Империи — вещь зубастая, даже если сам доспех уже не подлежит восстановлению, разобран и подготовлен к утилизации.

И довольно улыбающуюся Агату, жестом фокусника срывающую занавески в ремзону. И восстановленный, усовершенствованный варсьют, мягко мерцающий защитным коконом на тестовом стенде...

И полевые испытания, и проверка боем.

И непередаваемый восторг от полной синхронизации с восставшим из небытия доспехом.

И как смущалась в её объятиях Агата, которую Дева Флота, не в состоянии сдержать радость, обнимала и плакала...

И высадку на этом безымянном, лысом атолле.

И целых пять дней спокойствия, умиротворения и счастья — до вчерашнего вечера, пока Агата не получила какое-то сильно встревожившее её сообщение...

И как ночью высокая девушка вошла в её каюту, и обняла, и робко поцеловала, и сказала: "Сегодня не надо слов, Ада. Может быть, только так и можно получить те ключи...", и осталась с ней почти до полудня...

Ада, мысленным приказом сняв плотную защиту псевдоплоти варсьюта с пальцев, неверяще коснулась пунцовых, ещё не вернувшихся в норму после внезапных испытаний, занявших всю ночь и утро, губ. Такая отстранённая, всегда выдерживающая дистанцию, вежливо-холодная — едва ли не до надменности... Агата, сбросив вчера маски и отринув правила, оказалась совсем иной: умеющей слушать и слышать; страстной, горячей, тонко чувствующей и понимающей, такой... родной?.. Именно так.

И никак иначе.

Язык Эмден пробежал по губам — ещё помнящим вкус губ Туманницы, хранящим на себе жар её дыхания — и сбивчивый, торопливый шёпот...

Аватара крейсера встряхнулась под внезапным порывом ветра — и улыбнулась горизонту.

Она точно знала: у неё сегодня появился ещё один стимул жить.

А значит — бой продолжается!

Если с другом вышел в путь...

Тяжёлый у Адмирала взгляд. Попадаешь под такой, и сразу ощущаешь себя виноватым во всех бедах мира: и за то, что Адам с Евой так и не сдохли напару от механической асфиксии, подавившись яблоками Познания, и за занозу в заднице, пойманную случайным разумным на свежеставленной скамейке, и за извержение Везувия, и за несварение у нового техника, на спор сожравшего целую половину чайной ложки спецпайка канмусу — и третий день буквально пытающегося покинуть гостеприимный гравитационный колодец Земли при помощи лютой реактивной жопной тяги. И за многое, многое другое, так или иначе происходящее в мире, чувствовал себя виноватым.

А вот за техника вины не ощущал, каким бы весомым и укоризненным взгляд директора не был.

Девы тут вообще ни при чём — сам прихватил плохо лежащий брикет спецНЗ, сам же пошёл в пику отговоркам более мудрых и опытных товарищей. Вывод: сам себе злобный буратино.

— И что же мне с тобой делать, курсант Николь?

— Со мной — ничего, а горе-технарю, сугубо для вразумления, я бы ещё пару пятилитровых клизм вкатила, исключительно заради просветления и приобщения к чувству прекрасного и познания мудрости, изложенной в постулатах ТБ для человеческого персонала Школы.

Директор осуждающе качнул головой:

— Жестокая ты...

— Зато справедливая. Ибо косячит — он, а втухать мне. Это несколько нерационально, господин Адмирал. Признаю, моя вина — пролюбила по девичьей забывчивости брикет, но ведь вспомнила же, когда и где! А то, что его там уже подрезали — за это с подрезателя спрашивать надо.

Адмирал, откатившись на кресле до окна, распахнул створки и, взглядом спросив разрешения, закурил.

— Любителя экстремальной кухни накажем. Если выживет.

— Всё так плохо?

Директор подёргал мочку уха, расфокусированным взглядом косясь на мелкие перистые облака в бездонной синеве небес:

— Пока кишечник остаётся в пределах его тела — шансы выжить есть, конечно. Если подробностей животрепещущих хочешь, лучше расспроси капитана Ин, у неё таких одарённых две-три штуки в год отдыхает в реанимации.

Я потёр переносицу. Определённо, уровень бреда и абсурда сегодня зашкаливает за все мыслимые пределы. Взять хоть отмашку Адмирала, типа, говорим сейчас без чинов и панибратства, хоть внезапно очень живучего техника.

— Господин директор, я, конечно, дико извиняюсь, но, может быть, всё же расскажете,

зачем вызвали меня сюда?

Вместо ответа Адмирал толкнул в мою сторону планшет:

— Оттиски ведь при тебе? Вот и ознакомишься самостоятельно.

Я приложил браслет к контактной площадке кардридера и планшет, опознав владельца, выдал скурые строчки текста, суть которых сводилась к следующему: оперативную группу, развёрнутую в рамках проекта "Прометей", ожидает пополнение в лице некоего специалиста по делам с особой размыто-мутной формулировкой Траумфорд А. О прибытии спеца будет отдельное уведомление. Подробности — тогда же.

— Не понимаю, — качнул я головой, в пятый раз пробежав глазами куций текст. Ожидаемо — новых слов в нём не прибавилось. — Нам нового особиста присылают?

— Если бы, — Адмирал, вот ты морда японская! С таким покерфейсом тебе в азартные игры идти надо было, а не на флот — давно бы без последних резинок в трусах оставил бы всех катал. — Особый отдел только улыбаются и вежливо соскакивают с предложенной темы разговора. Кадры тоже не в курсе.

Я вновь потёр переносицу.

— Господин Адмирал... Разрешите вопрос не по теме?

— Задавай, — благожелательно кивнул директор, прикуривая вторую сигарету от окурка первой.

— Спасгруппа — это хорошо, конечно, но — не маловато ли нас?

— Мало, — сходу согласился начальник Школы. — Но ничем помочь не могу.

— Жаль... Я здесь ещё нужна?

Японец отрицательно качнул головой:

— Беги на занятия, только секретарю напомни, чтобы учебную часть уведомила.

— Будет сделано, — козырнув, развернулся по-уставному и как можно скорее покинул кабинет.

***

— Нипонял... — хором протянули мы со Свирью, а Тихоня даже на секунду отвлеклась от избиения младенца в лице Спики. Только Мутсу, ведущая у нашей группы занятия по рукопашке, не удивилась.

У дорожки, ведущей околотками к Школе от используемого штрафниками полигона, стояла небольшая компания девушек. Грейс, Шин, Катарина — их не узнать невозможно, а последние две только смутно запомнились. Насколько помню, обе — аватары не то эсминцев, не то лидеров эсминцев.

— Группа-а-а, стойсь! — скомандовала Влада, а когда мы выстроились перед ней, девушка, сцепив пальцы в замок за спиной, прошла перед новенькими. — Итак, граждане алкоголики, хулиганы и тунеядцы... Хм... Нет, это из другой оперы. Хотя что-то и как-то есть, определённо.

Развернувшись на пятках, инструктор двинулась в обратную сторону:

— Новенькие! Если вы считаете, что вас запихнули к штрафникам в силу вашей психологической неустойчивости, невозможности работать в команде или по какой-либо иной причине — уверяю: вы ошибаетесь. Всё гораздо хуже.

Чуть качнувшись вперёд, краем глаза заметил, как побледнела Гнейзенау, распахнула глазищи Муракумо, и только Дельфин осталась спокойна.

— Всё гораздо хуже, да, — подтвердила Мутсу. И, явно совершенно неожиданно для новеньких, улыбнулась: — Вас сюда направили не потому, что посчитали бесполезными отбросами, имбецилами или профильными рукожопами. Здесь вы по одной причине: вы — другие. Психологически другие. Все вы, в той или иной степени, но делаете акцент на товариществе.

Влада остановилась, окинула наши куцые, но стройные ряды потеплевшей зеленью взгляда:

— С точки зрения официальной военной доктрины ОФ ООН вы — таки мусор и компост, и, вообще, крайне неблагонадёжные элементы, подлежащие изоляции или списанию на берег как можно скорее ввиду тотальной опасности при исполнении боевых приказов, — Мутсу, хмыкнув, вновь двинулась вдоль строя. — Насколько такой подход ошибочен, думаю, объяснять не надо, вы все спокойно можете ознакомиться с официальными данными о потерях среди канмусу в рядах Объединённого флота. Для тех, кто ещё сомневается, поделюсь сведениями неафишируемыми, но общедоступными. Подход руководства ООН можно озвучить так: приказы командования убер аллес, а Девы Флота как-нибудь ещё появятся.

Дойдя до конца строя, Влада развернулась и столь же неторопливо двинулась обратно.

— Так вот. Не появятся. Ещё некоторое время наши сёстры будут инициироваться, лавинообразно, по нарастающей, что яйцеголовые из ООН почему-то однозначно и крайне избирательно трактуют как позитивные векторы борьбы с Дочерьми Бездны. Однако потом прогнозируется резкий спад до нуля. Банально закончится список кораблей, построенных людьми. Надеюсь, не надо говорить, к каким последствиям это приведёт?

Мутсу остановилась.

— Попытки проводить принудительную инициацию ни к чему не приводят, как бы веруны ни трясли своими знаками веры, и какие бы теории ни выдвигали учёные. И клонирование тоже мимо кассы. Получающиеся тела, не имея совершенно никаких отличий от исходников вплоть до самого позабытого и бесполезного генетического мусора, и являясь их полнейшими, качественнейшими репликами, разумом и силами не обзаваются. Никак. Совсем никак. Обычные люди — без проблем, а Девы Флота — облом-с. Не получают клоны канмусу ни сил, ни способностей, ни разума.

Влада с непередаваемой болью во взгляде посмотрела на нас:

— Мы были в клон-центрах, как и многие другие из первых поколений. Девочки, это действительно страшно, — голос девушки дрогнул. — Сотни саркофагов, тысячи коек с уже готовыми клонами Дев... И все — полные овощи. Растения с нулевой мозговой активностью и внутривенным питанием. Это страшно... — вновь повторила Влада, — видеть тысячи неживущих, узнавать многих из них в лицо — и понимать, что это лишь пустые оболочки, и ни разума в них, ни души нет. И не будет. А рядом... Рядом, буквально через стенку, успешно проходят все тесты на разумность, интеллект, когнитивную деятельность, социальную приспособляемость клоны, полученные из обычных людей.

Мутсу поспешно отвернулась, очень быстро, но мне хватило этого мгновения, чтобы успеть увидеть, как в уголках её глаз собираются слёзы. Влада некоторое время молчала, стоя спиной к нам, а мы — мы чувствовали, что ей это нужно. И потому — молчали, не шевелились. И старались не то, что не дышать, но даже моргать медленно и неторопливо.

Влада вновь повернулась лицом к строю, спокойная, сосредоточенная.

— Итак, ваша группа является пилотной в рамках проекта "Прометей". Программа

имперская, с соответствующими стандартами обучения, цель: развёртка и применение прогрессивных методик воспитания Дев Флота на базе иностранных Школ дружественных государств. Данный литерный проект подразумевает создание спасфлота на основе максимально психологически совместимых учащихся Школы.

Влада, отдав честь, широко и открыто улыбнулась:

— Добро пожаловать в спасфлот, Девы. Надеюсь, вы оправдаете возложенные на вас надежды.

Ответом ей был слитный, дружный рёв девяти молодых глоток:

— Не подведём!

***

Место встречи изменить нельзя.

Порой мне кажется, что онсэн, разбитый на множество отдельных купален, воздвигли на территории Школы исключительно стараниями неисчислимого штата психологов. И теперь здесь по вечерам стайки девушек, только-только осознающих всю глубину задницы, в которую попали, или же уже осознавших, могут потрепаться по душам.

Теперь уже на правах полноценного официально штафбата, неофициально спасэскадры, мы всей толпой завалились в седьмую купальню.

В течение дня познакомиться толком не получилось, в процессе ужина тоже — после целого дня рукопашки, и голыми руками, и в тренировочных сьютах, мысли о том, чтобы поскорее закинуть хоть что-нибудь в жерло биореактора, по какой-то нелепой ошибке именуемое желудком, забывают всё остальное.

И вот, когда все устроились в воде, Муракумо взяла слово:

— Хидори, аватара эскадренного миноносца "Усугумо", тип "Фубуки", подтип "Фубуки", — кивнула она на уважительно поклонившуюся девушку. — Мой систершип.

От Шинджу она отличалась лишь более худосочным, совсем ещё подростковым телосложением, коротким каре тёмно-каштановых волос, да пронзительно-синими глазами. Но в целом — что-то отдалённо-родственное в них ощущалось.

— Хидори моя двоюродная кузина, если я правильно оперирую понятиями английского языка, — потупив взгляд, пояснила Шин.

— А я Софья, воплощение ПКР "Москва", — приветливо помахала рукой вторая девушка. — Можно просто — Соня. За всякие "Ква", "Мося" и "Масяня" — бью сильно, больно и очень неаккуратно.

Боевитая девочка. Последняя фраза просто не могла не вызвать улыбки.

Но бить реально умеет. Не знаю, как правильно называется её стиль боя, но от боевого самбо, преподаваемого Владой, равно как и от ариэлловского крав-мага, отличается конкретно. И данное ей тело девушка использовать умеет прекрасно: с толком применяет и инерцию, и скорость, и ограничения, задаваемые как массой, так и ростом. И, опять же, работает быстро и экономно, без лишних телодвижений и ненужных азиАЦЦких мартовских кошкоподобных воплей.

После непродолжительного знакомства и процесса запоминания имён и воплощений, разговор плавно скатился на болезную тему:

— Значит, мы, всё же, не банда отморожков, а вполне себе цивилизованные спецвойска? — спросила Соня, сосредоточенно переливая из одной руки в другую поднятую

из онсэнна воду.

— Вроде того, — кивнула Свирь. — Флагман?

Через полминуты до меня дошло, что все смотрят именно на меня.

— А с чего это я флагман? Вчера моя очередь закончилась, теперь вон Ариэлла у нас главная, если кто забыл, так что на этой неделе у неё очередь голове пухнуть и болеть.

Рина толкнула меня кулачком в плечо:

— С твоей же подачи проект стартовал, значит, флагман этих безобразий — ты.

— Флагман, флагман, — закивала Шинджу её словам.

Блин... С Муракумо ведь ещё надо что-то решать... Хотя бы выяснить, что именно она вкладывает в это отношение и чего видит в какой-либо перспективе, особенно теперь, в условиях работы в одной группе.

Ладно... Доживём — посмотрим.

— Не спецвойска, — вздохнув, окинул взглядом нашу шайку-лейку, и поправил: — Спасвойска. Что, конечно, не сильно отличается, если вспомнить историю. Ударный кулак — Грейс и я. Разведка и прикрытые, как понимаю, на Софье и Тихоне. Ками и Рина — наше обеспечение и здоровье, а заодно — последний боевой резерв. Огневая и противолодочная поддержка — наши легконогие милашки Шин, Катарина и Хидори.

— По-хорошему, — продолжил я, — нам бы какой-нибудь скоростной девоносец нужен, при том достаточно вместительный и оборудованный, чтобы и в море долгое время находиться, и ремонтно-оздоровительные мероприятия практически любой степени сложности проводить, так сказать, не отходя от кассы. Ибо спасательные операции — это не только тихонько прокрасться на поле боя и выдернуть раненых и выведенных из строя. Это ещё и реально опасные рейды вглубь территории противника за своими, отбившимися от конвоя или потеряшками, или загнанными на острова и рифы...

— Если я, рискнув своей жизнью, смогу продлить жизнь хотя бы паре Дев Флота, — твёрдо сказала Грейс, — то это уже достойная плата.

— Спасём. И не раз, — улыбнулась Ариэлла. — Если на учёбке выживем.

— Лишь бы майору снова резьбу не сорвало, — тихо добавила Хидори, зябко погладив плечи.

— Не сорвёт. У мальчика завелась девочка, которая не даёт стрессу накапливаться в организме, — Карина, кивнув в подтверждение своих слов, замолкла, изучая загадочно поблескивающими глазами новеньких.

— Девочка?

— Девочка, девочка, — закивала Свирь. — Из медсанчасти, не то фельдшер, не то биотехнолог, кореянка такая симпатичная, помните?

Я погладил коленку Рины, привлекая внимание:

— Ты у нас сухопутную разведку заменять будешь?

— А пор куа бы не па? — улыбнулась девушка. — Без грифов секретности, конечно, но вполне могу. Тем более не узнать данный факт было бы верхом рассеянности и раздолбайства: всё же с сестрой до сих пор треть дневного времени проводим у капитана Ин.

Свирь зажмурилась, потянулась, сладко-сладко зевнув, и — запустила цепную реакцию: первой чарам рефлексов сдалась Соня, следом за ней, с подвыванием и утробным взмуркиванием, не удержался и я, от меня сразу подхватили одновременно Шин и Гнейзенау... И, спустя несколько несчастных секунд, вся купальня заходилась в зевках, тщетно прикрываемых ладошками, а вода, разбеспокоенная движением девятки тел, кажется,

собиралась уже на штурм низких бортиков.

Решение пришло быстро: физиономией в воду, закрыв глаза, и продержаться с десятков ударов сердца, попутно прикрывая уши. Вынырнув, узрел восемь затылков, разноцветными кочками торчащие из купальни. Плотная взвесь горячих испарений только добавляла шарма иррациональности открывшейся картине.

Наконец, остальные девушки одна за другой тоже вынырнули, со смехом отфыркиваясь и смахивая капли воды с лиц.

— А если серьёзно, — подытожила, отсмеявшись, Рина, — то вряд ли занятия у нашей группы будет вести майор. Слишком большая разница в подходах между тем, что является ядром методики в Империи и тем, что преподаёт Хоквуд.

— Думаешь? — с затаённой надеждой спросила у неё Шинджу, в голове которой майор, похоже, однозначно являлся персонификацией всего унижения в мире.

— Знаешь, — авторитетно кивнула Свирь, а аватара "Москвы" подтвердила её выводы:

— Его задача — выбить из наших голов всё гуманное дерьмо, и заменить образовавшийся избыток пустого места рефлексами, ориентированными на беспрекословное, рефлекторное исполнение приказов. Для работы в составе больших эскадр, флотилий и в масштабах флотов — безусловно, тактика годная. Но для малых групп, мягко говоря, избыточно деревянная. Тем более для групп, выбивающихся из схемы "получил приказ — выполнил приказ по шаблонам".

Мы не сразу обратили внимание на то, что Хидори тихонько плачет, склонив голову так, что влажные волосы почти полностью закрывают лицо. И только подрагивающие худенькие плечи с остро очерченными, выделяющимися косточками ключиц, предательски подрагивали.

Первой отреагировала Муракумо: миг, и вот уже девушка, преодолев половину купальни и не оставив при этом за собой привычного шлейфа поднятой движением волны, обнимает Усугумо, прижимает к себе, гладит по мокрым волосам и спине, что-то очень тихо шепчет ей на ушко.

— Хидори, что случилось? — Грейс и Ариэлла вскинулись разом, попутно умудряясь не только двигаться к девушке, но и мониторить окружающую обстановку на предмет вероятной незамеченной опасности.

И только через долгую минуту эсминец, чуть успокоившись, смогла сквозь поутихшие всхлипывания выдавить из себя:

— Ос-с-ставш-ш-шихся там д-д-девоч-ч-чек ж-ж-жалко...

Концепция усиления

Перекатом ухожу с предполагаемой траектории снаряда, а память подкидывает из своих сумрачных глубин ассоциацию с древней шуткой: был-де молодец один, и писал он забугорной мадаме о бытие русском, и очепятался столь эпично, что с его лёгкой руки Россию ещё энное количество человек стали считать родиной психопатов и отморозков. А всего-то и было сделано, что в рассказе о зимних развлечениях детей, рассказывая об игре в снежки, вместо "snowballs" парень использовал "iceballs".

Снаряд плюхнулся в стену ДОТа, выбив смачное облачко бетонной крошки, и рассыпался мелкими осколками.

Вот там шуточки. А тут — не айсболлз, конечно, но чугунным ядром как бы не больнее прилетает. Сцапав снаряд с магнитной подвески, в два прыжка — на бетонный блок и с него — на козырёк ДОТа — запрыгиваю на крышу основательно покоцанного укрепления и

посылаю ответный подарочек обидчице.

Ариэлла, конечно, девушка шустрая, но, увы, слишком фигуристая: там, где Спика или Усугумо с лёгкостью бы в пару па ушли из-под перекрёстного огня, Тихоня, увернувшись от снарядов Свири и Катарины, с сочным шлепком получает подарки сразу в оба аппетитных полупопия: от меня и Грейс. И тут же меня постигает мстя команды поддержки прекрасной субмарины: в колено прилетает увесистая чугунная чушка, а в плечо — ядро, прилетевшее со стороны кустов. Шин или Хидори, а может, Ками.

Получив одномоментно попадания сразу по двум векторам, теряю равновесие и, в лучших традициях безукоризненного исполнения законов Мерфи, оканчиваю свой забег в глубокой луже, забитой до отказа совершенно отвратно пахнувшей грязью. Слева песок неистоптанный, справа мешки с соломой местной. А мне вот путь по-богатырски — сиречь, сугубо прямо выпал.

Отплёвываясь от грязи, я шустро, насколько это возможно в положении по-пластунски, поспешил укрыться за мешками. Сюда бы треник, а не стандартный комок... Да хотя бы просто шлем от съюта, и то польза была бы. Но — нет. Только тряпки, только хардкор. И это ещё хорошо, что прочность организма Девы — величина постоянная, и потому встреча с ядрами субъективно не сильно отличается от попадания под прицельный выстрел из автомата подачи теннисных мячей, иначе после первых же контактов всей толпой дружно залегли бы в реанимационные саркофаги в вотчине капитана.

Короткий высокочастотный писк — перерыв.

Вернув предпоследний снаряд на магнитную наплечную подвеску, встал из-за мешков и, на ходу вытряхивая грязь из ушей, отправился к штабной палатке, уютно расположившейся у самого входа на первый круг полигона.

М-да... Это отработка "на сухую", и уже есть понимание, что хреновые из нас бойцы... Даже думать не хочется о том, какого позора хлебнём, когда запустят на второй или, тем более, третий круг полигона: там уже и вода есть, и имитация погодных условий, и очень "любимые" нами ловушки. А их тут десять... И от одной только попытки представить, что же творится за пятым кругом, с невыразимо-мечтательным выражением лица именуемым Владой Предбанником Инферно, ноги становятся ватными, а организм испытывает ровно одно желание: завернуться в простыню и ползти в сторону ближайшего кладбища.

Преодолев лабиринт наваленных, на первый взгляд, как попало бетонных плит и каменных блоков, я выбрался на десятиметровую проплешину входного кармана. Палатка на месте. Рядом со входом — белоснежно улыбающаяся во все тридцать два Мутсу, а рядом с ней — новое лицо.

Невысокая девушка, ладно скроенная, одета в стандартную полевую форму без знаков различий и непривычно высокие берцы с металлизированной толстенной подошвой. Длинные волосы — не то бордового, не то красно-фиолетового цвета, собранные в несложную, но симпатичную причёску. Синие глаза с любопытством изучают наши изгвазданные в грязи и пыли тушки, со стонами выползающими с первого круга.

— Попалась! — звонкий голосок выметнувшейся из-за каменной громады Шинджу наложил на уже знакомый хлопок воздуха от посылаемого с дикой скоростью тонкой рукой ядра. Организм отреагировал первым: упасть, откатиться. А мозг, продолжая срисовывать окружающую картинку, заставил глаза произвольно зажмуриться, прорисовывая в воображении дальнейшее развитие событий, и при этом бросая тело на перехват снаряда.

Ядро, создавая шелестяще-свистящую волну возмущённого воздуха, проносится в считанных сантиметрах от моих рёбер, уходит дальше... В сторону палатки... Траектория полёта снаряда просчитывается на раз: проходя от той каменюки, из-за которой выскочила Муракумо, через меня, прямая полёта ядра упирается ровно в грудь незнакомке...

Она не канмусу — не чувствуется в ней дух Девы.

А значит, результат ожидаемый: влажный хруст костей пробитого тела, вскрик — ударная волна, деформируя внутренние органы, и лёгкие в том числе, выдавливают по пути наименьшего сопротивления все биологические жидкости, субстанции и газы, в данном случае — через глотку и нижние технологические отверстия. Проходя через гортань, воздух создаст звуковую волну, а желудочный сок и кровь — заставят его очень быстро захлебнуться...

Учитывая скорость ядра и его массу, тело пробивает насквозь..

В безветренном воздухе медленно кружит кровавая взвесь, ошмётки некогда живого тела ещё оседают на тенте палатки, Владе и почве входного кармана... И уцелевшая нижняя половина девушки заваливается назад, и скребёт ногами стоптанную землю ещё некоторое время, пока электрические импульсы не угаснут окончательно...

— Ой! — вскрикивает Муракумо...

— Ой! — вскрикивает Муракумо, моё тело, раздираемое рефлексами и здравым смыслом, как раз обращено лицом к ней.

Оранжевые глазищи на пол-лица, выражение страха, ужаса и отчаяния...

Время отмирает, извернувшись, почти успеваю перехватить снаряд — чугунная чушка проносится в миллиметрах от моих рук... Ожидая неминуемую трагедию, закрываю глаза...

— Ой, — с нескрываемым облегчением вздыхает Шин, а я открываю глаза.

Рыжая жива и здорова. Смятое пальцами ядро покоится в вытянутой вперёд левой руке, а в глазах девушки плещется веселье.

Влада с всхлипом выдыхает и, качая головой, обходит незнакомку по кругу:

— Честно, не ожидала, что твои слова окажутся правдой.

— Личное дело завизировано Императором и Особым советником. Шанс фальсификации или ошибки в данных находится в области отрицательных величин, — как ни в чём ни бывало пожалала плечами девушка и, улыбнувшись Шинджу, навесом, без замаха, отправила ядро обратно Муракумо.

— П-п-прости... те... — совсем сконфузилась эсминец, всем своим видом показывая, что самое сильное её желание сейчас — провалиться от стыда сквозь землю или раствориться в воздухе.

— О соблюдении техники безопасности на полигоне мы с тобой, Шинджу, ещё поговорим, — не предвещающим ничего хорошего тоном уведомила девушку Влада и, убедившись, что остальная команда собралась, кивнула на рыжую: — Знакомьтесь с усилением группы.

Рыжая, изящным жестом поправив чуть сбившийся воротник, сделала шаг вперёд:

— Первый отряд проекта "Прометей", — кивнув, она на неуловимо короткий миг улыбнулась. — Отныне служить будем вместе. Меня зовут Аида Траумфорд, по официальной версии я — эксперт по особым делам Дев Флота Тихоокеанского региона и прима-драйвер имперского мобильного скоростного канмусоносца дальнего резерва "Анубис", экс-"Фьюриес", порт приписки: база ВМФ Российской империи "Катран-Б".

Кёнигсберг.

Девушка, хмыкнув, заложила руки за спину и в лучших традициях Мутсу прошлась перед нами.

— Чтобы предотвратить всевозможные разногласия, внутренние трения и недоговорки, порождающие слухи, мало связанные с реальным положением вещей, заранее уведомляю: знакомство проводится под активной аудио- и видеофиксацией, с дублирующим каналом высшим чинам местного Особого отдела, они же чуть позже предоставят вам на подпись документы о неразглашении.

Грейс вежливо приподняла руку:

— Разрешите вопрос, товарищ прима-драйвер?

— Внимательно, курсант Грейс.

— Вы сказали "официальная версия"... Это подразумевает, что, помимо неё, есть и настоящая...

— Всё верно, — кивнула Аида Траумфорд. — Приняв участие в проекте "Прометей", вы также автоматически получили, помимо груза ответственности, и доступ к горизонтам секретности, регулируемым лично Особым советником. Пока что ненамного, но — на вполне достаточном уровне.

Рыжая, усмехнувшись, хитро прищурилась и, вмиг став серьёзной, обратилась к нам:

— Итак, о том, что выпало из официальной части. Пункт ровно один, но знать вам о нём положено, иначе ни о каком полезном взаимодействии и речи быть не может.

Влада, по-дружески похлопав прима-драйвера по плечу, поторопила её:

— Не томи девчонок, они ж сейчас от неудовлетворённого любопытства таких криптотеорий навоображают, что параноики кипятком ещё не один год ссаться будут.

— Резонно, — кивнула Аида, и синева её глаз плавно и незаметно сменилась на мягкую, глубокую киноварь. — Итак, то, о чём умалчивает официальная версия и, соответственно, придётся молчать и вам: я — Аида Траумфорд, прима драйвер и ментальная модель канмусоносца "Анубис". Приятно познакомиться, леди.

Я — Легенда?

Что называется — приплыли.

Впрочем, во внутренней сети Дев Флота ни страха, ни ярости, ни неприятия не было, лишь плохо скрываемое любопытство и зашкаливающий интерес.

— "Анубис"? Вот шишки флота-то ругались, а? — улыбнулась Мутсу, разорвав вопросом воцарившуюся тишину.

— Свои корабли построят — назовут так, как захотят, — повела плечом персонификация корабля Тумана. — Моё тело, мой корпус, зовусь так, как считаю нужным.

— Суеверия — зло, — хмыкнула Влада.

— Хорошо смеётся Тот. Анубис смеётся последним, — я влез со своей ремаркой в разговор старших без спросу, конечно, но — чувствовал, что спрашивать сейчас — не лучшая идея.

Аида с интересом взглянула на меня:

— Верный ход мыслей... Николь.

Рядом качнулась шапка бурых от грязи, некогда рыжих волос Свири:

— Ой... Аида, а можно вас потрогать?..

— Можно, — улыбнулась ментальная модель "Анубиса", — я не кусаюсь.

Пока Рин тщательно вытирала дезинфицирующим раствором руки, я разглядывал

Туманницу. Внешне от человека или канмусу не отличить: действительно красивая, но без искусственной глянцевости; моторика плавная, экономная, мимика — чисто человечья. Глаза глубоко-красного цвета? Дык, у Дев Флота чуть ли не через одну все оттенки спектра что в цвете волос, что в окрасе радужки.

Нет. Определённо — ничем не отличается от нас. Живая, естественная, даже выглядит слегка смущённо от внезапного внимания целого выводка юных канмусу. И что пиндосы в персонификациях такого разглядели, что дали им унижительные прозвания "марионетки" и "куклы"?

Нет ответа...

— Товарищ прима-драйвер Траумфорд, — вышла вперёд Софья. — А почему — "канмусоносец"?

— Потому что носитель — звучит слишком пресно и не отвечает даже на одну сотую возникающих вопросов. "Анубис" — не транспорт подскока и не дальний корабль-носитель с сонмом кораблей сопровождения, — Аида на несколько секунд замерла, позволяя пальчикам Свири пробежать по её щеке, коснуться ушка и потрепать прядь волос. — Мне не нужна свита дополнительных кораблей, всё, что требуется для комфортной жизни небольшого отряда Дев Флота, включая медицинское и техническое обслуживание, имеется на борту. И по праву первой — я назвала новый класс кораблей канмусоносцами.

Девушка окинула нас хитрым взглядом вновь посиневших глаз и с покерфейсом припечатала:

— Чисто поржать.

***

— Чтоб меня... — тихо, с присвистом, выдохнула Влада, когда мы всей организованной толпой двигались к столовой мимо корпуса медчасти.

Там, устроившись на лавочке в тени разлапистого кустарника, сидела ещё одна незнакомка. Очень светлые волосы распущены, из одежды — гидрокомбез, наброшенный поверх него белый халат, да больничные одноразовые тапочки. В одной руке она держала забытую, с длинным покосившимся столбиком пепла, сигарету, а в другой, если судить по мощному, бьющему прямо по мозгам, запаху, кружку с термоядерно заваренным кофе.

— Ада?!

— Влада?! Mutzuschnecke[1]!

Миг — и Мутсу и девушка уже обнимаются примерно на середине пути между отрядом и крыльцом медчасти.

— Красивая пара, — вздохнула Катарина, кажется, излишне громко, потому что обе девушки тут же отлипли друг от друга и, отчаянно краснея, разорвали между собой дистанцию на полметра.

А потом Влада, тихо рыча, сократила дистанцию и одним плавным движением согнула девушку во фривольную и весьма пикантную позу, после чего с непередаваемым зверским выражением лица от души впечатала ладонью по нижним девяноста блондинки.

— Ай! — вскрикнула та, безуспешно пытаясь освободиться из захвата. — Влада, за что?!

— За улитку, — фыркнула Мутсу и ещё разок шлёпнула названную Адой. После чего выпустила раскрасневшуюся девушку и вновь её обняла. — Бездна с тобой, Эмден, называй,

как хочешь... Рада, что ты жива.

Судя по всему, блондинка ни капли не обиделась. Столь же тепло обняв Владу, она почти всхлипнула:

— Я тоже рада... И Анна тут?

— А куда ж она денется?

В это время, видимо, привлечённая шумом, на крыльце появилась капитан Киао Ин.

— О, уже нашли друг друга, — подхватив кружку Ады, она сделала из неё глоток... И тут же выплюнула густую черную жижу на асфальт. — Эмден, ты как такую гадость пьёшь?!

— С наслаждением, — закатила глаза девушка и ещё крепче сжала Владу.

А Грейс широко распахнутыми глазами смотрела на обнимающихся и трясущимися пальцами нервно пыталась заплести в косичку выбившуюся из хвоста прядь волос.

— Влада, — приветственно кивнула китаянка.

— Капитан, — не осталась в долгу Мутсу.

— Ада в порядке, но ей нужно нормально поесть. Три с лишним месяца на подножном корме — так себе удовольствие.

— Будет сделано, капитан, — лучезарно улыбнулась Влада и, легонько шлёпнув блондинку по попе, подтолкнула её в нашу сторону. — Айда, Легенда, знакомиться и предаваться чревоугодию будем.

***

— Не поняла, — протянула Ада, едва мы упали за стол. — С чего это я — Легенда? Да ещё и так пафосно, что даже с большой буквы?

Влада пододвинула поближе к девушке тарелку с огромным стейком и укоризненно покачала головой:

— Как отстреливать жопки Дочкам Бездны в их глубоком тылу — так всё нормально, а как признаться в этих героических действиях — так сразу ты тут ни при чём? — Мутсу, хмыкнув, глотнула кофе. — Да когда до девчонок дойдёт, кто тут погостить завернул, они ж тебя в покое не оставят. До одной вон, похоже, уже дошло, — Влада с улыбкой кивнула на Гнейзенау.

— А? Что? Кого? — девушке понадобилось почти полминуты, чтобы сообразить, что на её загадочную ускользящую улыбку пялится весь отряд.

Ада ела неторопливо, наслаждаясь каждым кусочком пищи — и при этом явственно ощущалось, что даже будь она на последнем издыхании от голода, всё равно не набросилась бы на еду. Воспитание — это круто.

Айда, как ни странно, тоже трапезничала. Туманница, вооружившись десертной ложечкой и странной вилкой, неторопливо вкушала чизкейк, и делала это настолько естественно и легко, что при взгляде и на Эмден, и на Аноубис, появлялось иррациональное чувство, что обе девушки — сёстры.

Ну, или воспитывались в одном институте благородных боевых девиц.

Ада, подавшись вперёд, оперлась на локти и доверительным шёпотом поинтересовалась:

— Грейс ведь, верно? Только не говори, что автограф хочешь?

— Не скажу, — покраснев, замотала головой Гнейзенау. — Мне для него предложить нечего...

— Пф-ф-ф! — фыркнула в кружку Влада. — Руку пожать можно. И не мыть лет десять. Или на груди роспись оставить, благо, места даже для исправления ошибок хватит. Или могу помаду раздобыть, чмокнешь варсьют Гнейзенау в плечико, а мы потом залакируем...

Эмден, боровшаяся с упрямо расплзающимися в улыбку губами, всё же не выдержала и, прикрывшись ладошкой, рассмеялась. А Влада доверительным, исключительно профессионально поставленным суфлёрским шёпотом продолжила:

— Могу напомнить, где ты оставила такой автограф у Шернхо...

— А ну-ка цыц! — отчаянно краснея, оборвала Ада поток откровений Мутсу. — А то напомню, как и где вы с Ямато дружбу закрепляли.

Теперь пришёл черёд краснеть Владе.

— Ну, подумаешь, дело-то молодое... — попыталась она соскочить с темы.

— Да-да-да, — закивала Ада, — тело молодое, я всё понимаю...

— Зараза ты, Эмден, — миролюбиво выдала вердикт Влада и, наконец-то оторвавшись от кофе, широко улыбнулась, крепко тиская блондинку. — Зато живая.

***

На вечернем построении Мутсу перехватила нас у Нагато и, дождавшись, пока остальные разойдутся, широко улыбаясь, совсем не сдерживая радости, поведала:

— Во-первых, Аида будет посещать с вашей группой занятия по теоретической части. Во-вторых, она же периодически будет меня подменять на полигоне. Первый выход в воду у вас будет в начале второго семестра, в отличие от остальных.

И это — таки хорошая новость! Я мысленно потёр руки и столь же мысленно и наивно показал язык общаге: у них практика "в поле", сиречь, на воде, начнётся только со второго курса.

— В-третьих, Ада согласна провести здесь часть отпуска и потратить его на занятия с вами.

Ариэлла, Грейс, Софья и, кажется, Камилла, синхронно всхлипнули. То ли от счастья, то ли осознав, что пощады от Ады не будет...

А мне она понравилась. Полный пофигизм на свою легендарность в среде Дев Флота, мягкость в общении, тактичность и вежливость. Лапочка вот прям со всех сторон!

— Группа, вольно, — дала отмашку Мутсу.

И мы поспешили в онсэн.

Посиделки и разговорчики

Общежитие Дев Флота, офицерское крыло

— И вот иду, значит, никого не трогаю...

— Да-да-да, только ёжиков тяткой глушишь, — ввернула Эмден и скрыла ухмылку за керамической чашки.

— Не перебивай, заноза, — отмахнулась Аида. — И вот, значит, иду по своим делам, попутно картографию региона обновляю, и тут смотрю — стоит сиротинушка, ручка в сторону, ладошкой вниз. Попутку ловит посреди океана. Что характерно, спиной ко мне, лицом к берегу, спинка так красиво изогнута, попка оттопырена и ножка кокетливо в сторонку отставлена.

— Неправда! — запротестовала Ада. — Я просто разминку делала, сама попробуй на

риффе в броне поспать, не то, что спина и ноги — извилины болеть ещё неделю будут.

Анубис, фыркнув, полным сомнений взглядом окинула сидящую рядом с ней Деву Флота.

— Эмден, да было бы чему болеть! Попка с кулачок, ни мяса, ни жира лишнего.

— Зато у тебя достоинств на двоих хватит и для третьей ещё останется, — бросив красноречивый взгляд на, без сомнения, выдающуюся грудь Аиды, блондинка многозначительно поиграла бровями и, не сдержавшись, тихонько рассмеялась.

— Зависть — плохое чувство, — укоризненно посмотрела на неё Мутсу.

Да, она тоже не блистала формами, и, как ни странно бы это звучало для девушки — была совершенно довольна тем, что есть.

— А давайте вам обеим нарастим объёмов где надо? — забросила удочку Анубис, покрасневшим глазом окидывая воплощения линкора и крейсера. — Делов-то всего ничего! Лишь усиленный рацион, набор особых химикатов с витаминами, да неделька в регенерационном саркофаге, и будете как я.

— Ну-ну, — Влада пессимистично покосилась на фигуристую Туманницу. — А сигнатуры? А якоря? Чуть подстройка слетит, и всё, сделала первый шаг в доспехе — и тебя уже две.

— Ерунда, — улыбнулась Туманница. — Мы же с Кирой, в основном, и проводили расчёты, пока ей отдельную группу не выделили. Работа штучная, если и не за полдня, то за день точно справлюсь.

— Нет уж, спасибо, — покачала головой Влада. — Меня во мне всё устраивает.

— Аналогично, — кивнула Эмден. — А проблему с адаптацией к новым съютам вряд ли под силу решить даже всем светлым головам Империи и Тумана вместе взятым в обозримом будущем.

— Всегда будет то, что не под силу современному поколению, — философски вздохнула Анна, выудила из-за плотной шторы початую пузатую бутылку коньяка, обновила ароматной янтарной жидкостью рюмки и, враз обретя прежнюю, привычную серьёзность, с плохо скрываемой тоской объявила: — Третий, Девы.

Они не чокались.

***

Общежитие Дев Флота, курилка

Хорошо-то как после горячих источников сидеть на свежем, горьковато-солёном воздухе, и неторопливо смаковать ароматный дым. И чувство такое, что жизнь, вроде как пошедшая в разнос, устаканивается, встаёт на вполне себе приличные, достойные рельсы.

Тихий скрип гравия — уже севшая на лавочку Мутсу с удовольствием вытягивает ноги и, счастливо жмурясь, едва ли не мурлыкая, неторопливо набивает трубку табаком.

— Сиди, сиди, — отмахнулась Влада, заметив мою попытку встать. — Я не в форме, это раз, и сейчас ваше свободное время — это два.

— Можно вопрос?

— Нужно.

— Я о Муракумо. Она с ужина никому на глаза не попадалась... Уже пропесочена?

Влада, раскурив трубку, качнула головой:

— До Шинджу руки ещё не дошли.

— Можно просьбу?

— Валяй, — добродушно кивнула девушка.

— Понимаю, что девчонка накосячила, и, будь на месте Аиды простой человек — он там бы и закончился, но — можно как-то смягчить наказание? Готова понести всю глубину ответственности за неё.

Мутсу фыркнула:

— С чего это вдруг?

Я пожал плечами:

— В одной лодке сидим, — стряхнув пепел, некоторое время смотрел на тускнеющий огонёк. — Да и в воскресенье у неё праздник, не хотелось бы совсем его испортить.

Мутсу, неожиданно качнувшись, обняла меня за плечо и весьма бесцеремонно прижала к себе. Носа коснулся лёгкий, почти неуловимый аромат коньяка, а рука упёрлась в неожиданно приятно прохладную руку девушки.

— Ника, вот скажи, в ваших глазах я что — прям зверь зверский, ходящая строевым и вместо мозга думающая Уставом?

— Н-н-нет, — кое-как выдавил из себя дрожащим голосом.

И дело вовсе не в подавляющей инстинкты волевой ауре флагмана... Просто вот почувствовал, остро, резко, что Влада — ещё и живое, разумное, и бесконечно одинокое создание.

Плевать на последствия!

Прижавшись ещё теснее к девушке, тоже обнял её за плечи.

Не оттолкнула.

Только бросила благодарный взгляд и кивнула.

— Не бойсь за Шинджу, у самой нет никакого желания портить малышке настроение.

Как же вкусно от неё пахнет! Тонкие нотки коньяка и табачного дыма мягко сочетаются с чем-то прохладным, освежающим, почти ощутимо похрустывающим льдинками — от кожи и волос.

— Благодарю, флагман, — киваю осторожно, боясь развеять эту магию будоражащих и, при том, совершенно умиротворяющих запахов. — И за одежду спасибо... Влада.

— Карина хоть довольна осталась? — и щурится бездонной зеленью глаз.

— Очень. Правда, поблагодарить её как-то не сподобилась ещё...

— Чего так?

— Банальное недопонимание... Чуть не поссорились...

— Зато наладились так, что у обеих засосы до сих пор жгучую зависть у половины курса вызывают, — фыркнула Мутсу.

— Не без этого, да, — невольно прикрыв глаза, позволил памяти развернуться, наполнить сознание такими сладкими, робкими, откровенными воспоминаниями.

Арх! Ещё целых два дня терпеть!..

Спохватившись, постарался отвлечься:

— Из-за упаковки с бельём недопонимание возникло. Почему она такая... безлика?

Влада несколько долгих секунд изучала моё лицо, после чего улыбнулась:

— Да, наш косяк... Вечно забываем, что у тебя памяти нет... Представители Дома династии Ла-Мерриль с момента его основания приняли неофициальным девизом фразу: "Сиять должно драгоценности, но не фантику".

— То есть, пустили по боку принцип "понты дороже денег"?

— Именно. Смысл Дому лучших модельеров Империи идти путём нуворишей и всяких мутных менеджеров, выпуская красивые фантики, когда за себя говорит качество и спрос?

Лучших... Модельеров...

Йопт!

От представленной цены подарка захотелось сжаться и раствориться в небытие.

— Да не всё так страшно, — хмыкнула Влада, верно поняв моё состояние. — Главное — качество, а что касательно цены... Не стоит беспокоиться, для Дев у Дома Ла-Мерриль свой, особый прейскурант.

— Буду знать, — кивнув Владе, достал ещё одну сигарету — эта за разговором так и истлела. — Можно личный вопрос?..

— Почему Эмден называет меня Мутсулиткой?

— Э-э-э...

Видимо, Влада восприняла моё многозначительное мычание как согласие с поставленным вопросом, и пояснила:

— К слизи, рыхлости и толстоте, сразу говорю, не имеет никакого отношения. Первые доспехи довольно точно имитировали элементы обвеса и вооружения первоисточников, а у "Мутсу" очень характерные крепления для сигнальных флажков были... Перенесённые в реалии варсьюта, они не исчезли, дополнив обруч управления своеобразными улиточными телескопическими глазами. Вот и понеслась моча по трубам у особо острых на язычок канмусу.

— Понятно... Закопано в памяти, похоронено, забыто. Но я, в целом, чуть про другое...

— Давай, — Мутсу, освободив меня из объятий, с лентой потянулась и, зевнув, обновила начинку трубки.

— Я... Я видела, как ты смотришь на Эмден... Вы — были парой?

— Увы, — призналась Влада. — Не срослось, как бы ни хотелось...

— Расскажешь?

— Да чего рассказывать-то? Всё как у всех. Познакомились на практике, сдружились...

И понеслась Санта-Барбара. Ада игнорировала мои попытки сблизиться, и столь же безуспешно пыталась ухаживать за Аней. Это у сестры сейчас доминируют служба и карьера, а в те времена в голове её была та же дурь, что и у всех девчонок мира. Сама была по уши влюблена в американскую Деву, и на телодвижения Ады внимания не обращала. А потом — экзамены, выпуск, ротации и распределения. Нас оставили здесь, объект воздыханий Анны вернули в ОША, а Эмден, приняв гражданство Империи, вошла в состав Южного Экспедиционного флота. Так и разбежались: каждая ни с чем...

Прикинув все про и контра, мягко толкнулся плечом в плечо Влады:

— Пока она здесь — действуй.

— Боюсь, — огорошила меня ответом девушка.

— В смысле?!

Мутсу покосилась на меня:

— Думаешь, раз канмусу — то ничего не боимся?

— Чушь, — отмахнулся я. — Все боятся. Но ты-то — чего опасаясь? Снова обжечься?

— В точку, — вздохнув, Мутсу окуталась густым облаком дыма.

— Влада, — как можно более проникновенным тоном сказал я, стараясь заглянуть в глаза девушке. — Знаешь, лучше уж сделать и жалеть, чем жалеть, не сделав. Ну продинамит

тебя, так хоть успокоишься, будешь знать: здесь всё, ловить нечего. А если не откажет? Если за прошедшее время в ней что-то серьёзно изменилось и она, вопреки твоим страхам, ответит взаимностью?

— Всё равно, стрёмно как-то...

— Стрёмно ясным днём с голой задницей через центр города по-пластунски пробираться, а это — всего лишь боязно.

Мутсу хмыкнула:

— В тебе умирает талант политрука, Ника.

— Тёмного политрука, — поправил я. — Светлого за такие художества давно бы к семи годам расстрела через повешение приговорили бы.

— Спасибо, Ника, — прохладные пальцы взъерошили мои волосы, а в щёку ткнулись мягкие, горячие губы. — Побегу я, пока запал остался.

— Куда?! — я едва успел одёрнуть заспешившую Владу. — Клумба с красивыми цветами — в той стороне.

И, глядя, как девушка лихо перемахнула невысокий, всего лишь двухметровый кирпичный заборчик, едва успел пожелать напоследок:

— Ни пуха!

— К чёрту! — донёсся приглушённый, уже удаляющийся голос из-за забора.

Затушив сигарету, поднялся и вновь глянул на заборчик.

Надеюсь, у неё всё получится.

Когда не нужны слова

Шинджу нашлась на берегу.

Девушка сидела, опустив голову на колени, обхватив руками ноги, и молча смотрела на тёмную, мрачно шелестящую галечником массу воды.

— Ты бы под попу чего-нить подстелила, — я сел рядом, протянув ей форменную куртку.

— Ой! — вздрогнула беловолосая, только сейчас заметив, что здесь она уже не одна.

— Ты тут сколько сидишь, чудо ясноглазое?

Тяжело вздохнув, Муракумо нехотя вытащила из набедренного кармана штанов смарт.

— Часа два...

— А чего сюда забились-то?

Девушка только пожалала худенькими плечиками.

— Разбора полётов от Мутсу боишься? — я забросил пробный камень. И угадал, если под невербальным согласием с озвученной догадкой принять то, как оранжевоглазая поёжилась и попыталась втянуть голову в плечи.

— Боюсь, флагман, — честно призналась Шин, продолжая игнорировать предложенную куртку.

— И зря.

Вздрогнув, Шинджу покосилась на меня:

— Почему?

— Элементы воспитательной работы же, — пожал я плечами, поудобнее вытягивая ноги. — Пока не втянемся, не освоимся, всё равно будем огребать. Чисто в педагогических целях.

Девушка, вздохнув, уткнулась лбом в колени.

— Я... Я ведь виновна. И могла убить Аиду...

— Но не убила ведь.

— Только потому, что она оказалась Девой Тумана, а не простым человеком.

Съёжившись ещё сильнее, хотя, казалось бы, куда уж больше, Шин протяжно выдохнула-всхлипнула:

— Заигралась... Азарт, адреналин, интерес, жажда победы и желание самой, лично, поставить точку в раунде — всё это перевесило доводы разума о том, что сигнал на перерыв уже прозвучал. Я нарушила инструкции, флагман.

— Все нарушают, — я ободряюще похлопал девушку по плечу. — Ты нарушаешь, я нарушаю, преподаватели нарушают. И Адмирал, наверняка, тоже нарушает. Но — по делу. Главное, чтобы раздувшееся чувство ответственности не мешало нормальному, качественному, правильному исполнению своих прямых обязанностей. И вообще, ответственность и дух самурайский — это, конечно, круто и всё такое прочее, но — круто оно исключительно ситуативно.

— То есть? — от любопытства Шинджу даже повернула голову в мою сторону.

— То и есть. Вот распекаешь ты себя, устраиваешь разнос и выволочку, психику шатаешь, накручивая нервы... А потом попадёшь на ковёр — и получишь то же самое, но в двойном размере. И что получается? Учебная практика, сложная задача, а у тебя ни инициативы, ни желания что-либо делать, потому что в мозгах уже проклюнулся росток сомнения, мол, зачем что-то делать, если всё равно я, вся такая-рассякая, лишь обуза, рукожоп и всё равно всё сделаю неправильно, да ещё команду подставлю и снова что-нибудь нарушу?

— Не понимаю, — мотнула головой Шин, а по мимике, угадываемой в густом сумраке позднего вечера, стало понятно — в самом деле старается понять мои словесные конструкции.

— Ерунда, наберёшься опыта, поймёшь. А пока — просто относись к себе менее критично. Всё же практика нарабатывается именно для того, чтобы свести к минимуму количество ошибочных действий "в поле".

— Ты правда так считаешь, флагман?

Я кивнул и, поднявшись, протянул девушке руку:

— Хватит попу морозить, пойдём уже, может, даже на сеанс массажа к Марине успеешь, она сегодня очень жалела, что в онсэн ты не наведалась.

Приняв в ладонь узкую ладошку Муракумо, помог девушке подняться.

— Госпожа Марина, надеюсь, не очень расстроилась?

— Очень, — и, видя, как грустно вытягивается лицо Шин, подмигнул: — Но она всё простит, если к ней забежишь.

— Спасибо, флагман! — на радостях обняв меня, Шинджу развернулась в сторону общаги и на форсаже поспешила покинуть берег.

***

Карина, только прозвучал отбой, шмыгнула ко мне под одеяло. Повозилась, устраиваясь поудобнее, затихла. И вновь завозилась, бесцеремонно обнюхивая моё лицо.

— Табачный запах раздражает?

— Ни капли, — улыбнулась Рина, продолжая сосредоточенно гонять воздух через нос.

— Тогда?..

Ещё пару раз порывисто вдохнув воздух, девушка расслабленно вытянулась рядом и, завладев моей рукой, уложила её себе на животик. Прохладный, мягкий, нежный...

— Влада и Шин. Угадала?

— Угадала, — приподнявшись на локте, заглянул в загадочно поблескивающие в темноте глаза Свири. — Ревность?

— Вот ещё, — фыркнула Рина, накрывая мою ладонь своей. — Чего-чего, а такую глупую штуку, как ревность, я похоронила давно, глубоко и далеко.

— Вот прямо так взяла и похоронила?

— Именно так, и никак иначе.

Ноготки пробежали по тыльной стороне ладони, заставляя невольно прикрыть глаза от удовольствия.

— Понимаешь, Ника, — серьёзным тоном прошептала девушка. — Я вполне отдаю себе отчёт, что учёба — субстанция конечная, а потом будут распределение, дежурства, конвои... А Глубинный фронт — пусть и не полноценная война в привычном значении, но штука такая... Жизни собирающая без особой брезгливости и разбора.

Карина вновь завозилась, прижалась ко мне спиной, и руку так и не отпустила.

— И это означает, что в любой момент времени любая из нас может навсегда остаться в море, и всё, что останется — лишь новая строчка на монументе Ушедших с волнами, да память в сердцах тех немногих, кто нас знал. И запомнил.

Рина снова легла на спину, сжала мою ладонь в своих ладошках, тёплых, нежных, заботливых.

— Поэтому ревновать — глупо. И злиться на то, что кто-то не соответствует твоим о нём или о ней представлениям — глупо тоже. Гораздо проще принять и понять, — Свири увлекла мою кисть вверх, пальцев коснулось горячее дыхание, а следом за ним — мягкие, упругие губы. И ещё через несколько тихих секунд ладонь уложили на невесомую ткань, прикрывающую груди — аккуратно между ними, так, чтобы чувствовались удары сердца. — Поэтому ты — здесь. В каждом ударе. В каждом мгновении меня. И если в этот ритм ты вплетёшь другие ритмы — я не обижусь, я только буду рада новой мелодии.

Рина говорила, а я слушал и офигевал: было от чего.

Внутренняя связь Дев Флота — штука малопонятная и слабо изученная, но одного у неё не отнять: эмоции, эхо настроения, мысли — в них принципиально не может быть лжи и недосказанности. Даже неверных трактовок не предусматривает эта система.

И потому каждое слово Карины заставляло шевелиться волосы на затылке, вызывало орды мурашек, бегущих от загривка до копчика — и отзывалось, отпечатывалось в душе.

И возникали вопросы. И вместе с ними приходило понимание: сейчас их лучше придержать при себе. И вообще — лучше не говорить. Слова — здесь и сейчас — совсем лишние.

И я молчал.

И чувствовал благодарность девушки.

А всё остальное было уже неважно.

Особый талант хэппибэздить

! WARNING!

Нижеуказанный фрагмент текста опасен для вашей психики и может, совершенно случайно, лишить ваши шаблоны последней тени невинности в несколько непривычной, а, может быть, и противоестественной манере.

Впечатлившись — игнорить текст до следующего эпизода.

Не клюнувшим на алерт — вэлкам далее по тексту.

! END OF WARNING!

Я покачал на руке коробку с упакованными подарками. Зря, впрочем, вес-то всё равно не ощущается.

— Да никуда она не денется, — проворчала Свирь, пытаясь приладить мне на шею странной рюшечно-оборочной слоёной структуры платок. — Так что пусть пока на кровати полежит.

— Может, ну его, этот недогалстук средневековый?

Рина посмотрела на меня, как лаборант на образец препарата под прицелом микроскопа:

— Ника, не нервируй меня.

— Муля, — поправил я девушку, втихоря наслаждаясь тонким, почти неуловимым кедрово-медовым ароматом её духов.

— Муля? — Карина, отстранившись, заглянула мне в глаза и, тяжело вздохнув, покачала головой: — Ника, ну ты и олдфажина.

— Уж каким получился, — пожал я плечами, косясь на вновь сосредоточившуюся на платке девушку. Глаза прищурены, нижняя, соблазнительно пухлая губка закушена, бледные веснушки придают шарм и очарование... Милашка же!

Рина, хихикнув, быстро поцеловала меня в щёку и несильно шлёпнула по нижним девяноста:

— Ты или уровень умиления и желания снизь, или внутреннюю связь приглуши.

— А что такое?

Карина выразительно покосилась на две горошинки, туго натянувшие ткань её рубашки:

— Теперь понятно?

— Понятно, — кивнул я, не отлипая от восхитительных бугорков и при этом стараясь завернуть все эмоции в трансляцию исключительно для Свири.

— Ар-р-р-ргх! — закатила глаза Карина, но по её эмоциональному фону было кристально ясно — такое акцентированное внимание ей очень даже по душе. — Ника, ну перестань, пожалуйста. Иначе я не удержусь и силком потащу тебя в те домики, и как результат — мы просто-напросто пропустим день рождения Шинджу и наглухо запорем девочке праздник.

Я с сожалением приглушил эмоции. Права Карина, впрочем, как и всегда. И хочется и с рыжей отдохнуть до новых засосов и ватных, непослушных ног, и Муракумо обламывать не тянет, как-никак, а торжественно объявлены ею, наравне с Нагато, Мутсу, Мики и Мако, почётными гостями.

Сёстры-субмарины с утра оккупировали запасную офицерскую кухню и выгнали оттуда не только уборщиков, но и штрафников, отрабатывающих наряды, и по сей момент никого туда не пускали. Сёстры-линкоры, проведя культурно-оздоровительный триатлон на берегу и раздав флагманам старших курсов все необходимые ЦУ, в темпе вальса на спортивных байках упылили в цивилизацию, пообещав вернуться к началу праздника.

Ну а мы неторопливо собирались.

***

— М-да, — прокомментировал я увиденное. — Показ высоких мод, не иначе.

Влада хитро покосилась на меня изумрудным глазом:

— Девочкам обязательно нужна подобная отдушина, так пусть получают удовольствие.

— Слушай правую руку президента студсовета, она плохому не научит, — наставительным тоном произнесла улыбающаяся во все тридцать два Карина, с интересом разглядывая собравшуюся компанию.

Отмечали в парке, на обширной поляне в ранее не посещённой нами области. Аккуратные дорожки, вымощенные белым камнем, бортики из изящно и толково подрезанных густых кустарников до пояса, через равные промежутки разбавленные вазонами с цветами. В южной части поляны искусственный пруд, в центре — под высокой плоской крышей — V-образный стол, в соединении прямых которого почётное место именинника, в северной — крытый не то танцевальный подиум, не то площадка для выступлений.

А народу — не густо.

И виновница торжества, прислонившись плечом к одному из столбов, несущих крышу, стоит в маленьком чёрном платье, и скромно, потупив очи долу, тербит пальчиками браслет, составленный из крупных красных сфер, нанизанных на нить.

— Влада, — коснулась плеча Мутсу Свирь. — Мы ж, вроде как, почти опаздывали... А где все?

— Самой интер-р-ресно, — едва слышно прорычала девушка, из-под опущенных ресниц внимательно сканируя окрестности.

Встретившись взглядом со Свирью и получив от неё беззвучное одобрение, я направился напрямиком к Шин.

— Шинджу, я поздравлять не умею... Но попробую... Ты, наверно, и сама знаешь, что чертовски мила и очаровательна, а потому всё, что могу пожелать — просто оставайся собой и будь счастлива.

— Спасибо, флагман! А говоришь, не умеешь, — глубоко, почти в пояс, поклонилась Муракумо. — Рада, что вы пришли.

— А это от нас с Кариной, — я протянул коробку девушке. — Там внутри ещё одна коробочка, персонально от меня... Ничего особого, — я поспешил заверить начавшую смущённо краснеть Деву. — Просто показалось, что эта вещичка тебе понравится. Да хватит краской заливаться, прелесть, иди сюда, обнимать буду!

И, не дожидаясь реакции опешившей канмусу, крепко обнял Шин.

Замерла, напряжённая до дрожи, но пару мгновений спустя оттаяла, обмякла, и, как-то протяжно и сладко выдохнув, обняла ответно.

— Совушка, с днём рождения, — стиснула обе наши тушки Рина и, от души поцеловав в щёчку вновь шокированную девушку, вдохновенно начала шпарить поздравление: с бодрыми интонациями, щедро сдабривая позитивом и головоломными по сложности и протяжённости конструкциями, ажурными эпитетами и настолько неуловимыми метафорами, что общий смысл сказанного вообще пролетал мимо моих ушей.

— Мать, ну ты и завернула, — возникла рядом длинноволосая, но не в пример более серьёзная копия Карины. Сестричка-госпитальер щеголяла коротким сарафаном с весьма вдохновляющим неглубоким, но полноценным декольте, в босоножках, с косой, заплетённой с синими, в тон платью, лентами.

Рина показала оттопыренный большой палец:

— Шик!

— Да ты и сама не хуже, — подмигнула сестре Обь. А я с ней мысленно согласился.

В этот раз Рина предпочла юбку-разлетаюку на две ладони выше колен и с высоким поясом-подтяжками, полупрозрачную рубашку без рукавов, с узорчатыми уплотнениями на груди и совершенно декоративным, держащемся на двух тонких полосочках ткани воротником, и туфельки на низком каблуке.

— Ё-о-опт... — протяжно выдохнула так же бесшумно подошедшая к нам Соня.

Я обернулся в направлении её взгляда и почувствовал, что челюсть потихоньку отпадает.

Было от чего.

С дорожки на полянку выруливали первокурсницы. В торжественном ордере. С барабанами, волынками, блок-флейтами и скрипками. А следом за ними над макушками кустов, плавно покачиваясь, плыла рыба-спина. С очень уж узнаваемым акульим плавником.

Через несколько секунд под наши изумлённые взгляды из-за кустарников явились довольные, сияющие широчеными улыбками сёстры-субмарины, а за ними, покоясь на широком, длинном подносе, легко удерживаемом девушками, в окружении фруктов и морепродуктов, покоилась сама акула, с ехидной ухмылкой сжимающая в пасти здоровенную круглую дыню.

А девчонки играли что-то бравурно-бодрое, лёгкое, приятное.

И наглухо забивали внутреннюю сеть эмоциональной смесью торжественности, самодовольства и удовольствия от произведённого эффекта.

— Мама... — всхлипнула Шин и, если бы мы не продолжали обнимать её, так и осела бы на подкосившихся ногах.

***

Унрю, как истинный, а не временный флагман, добилась недостижимого: какими-то неведомыми путями замотивировала девиц первого курса собраться и не обделять вниманием нелюдимую, скромную аватару эсминца-именинницы. Хотя бы на время торжественной части и совсем немножко — за столом. За что получила от представительниц студсовета всестороннее одобрение и некие, не афишируемые простым смертным, преференции.

— Дайте мне ещё немного времени, — сжимала кулачки и хищно улыбалась Мики, — и я научу их быть людьми.

— Будет тебе время, — кивнула Нагато. — Уж это-то я обеспечить очень даже в состоянии.

— Напугала морского ежа... — фыркнула Унрю, многозначительно поигрывая бровями.

— Не забывай, что у ежей, с точки зрения некоторых особо одарённых гуманоидов, очень и очень вкусная икра.

— Извращенцы, — кивнула Мики, поднимая бокал.

Да. В самом сердце оплота трезвости мы пили. Нагло, бесцеремонно и напоказ.

Игристое вино и шампанское.

Детское.

Мако приподняла бровь:

— Влада, может, уже можно?

— Уже нужно, — кивнула Мутсу.

Флагманы, переглянувшись, прикрыли глаза, а по поляне пронеслось нечто, идентифицированное моим подсознанием как лёгкий широкодиапазонный импульс, сродственный ЭМИ. И тут же пропали векторы рассеянного внимания, довольно плотной сетью перекрывавшие полянку.

— Девы, — взяла слово Анна. — В этот торжественный, приятный и солнечный день у нас праздник, но что за праздник с детскими компотами? Так что моя команда: делай, как я!

— Раз! — и шампанское, покинув бокал, облагораживает собой почву под кустарником.

— Два! — в тонких пальцах Нагато бокал сверкает, сливается в блестящую дугу, и последние капли жидкости покидают его внутренности.

— Три! — жестом фокусника Анна достаёт из самых густых кустов запотевшую бутылку без опознавательных знаков, и, вцепившись зубами в пробку, выдёргивает её и аккуратно выплёвывает себе под ноги.

— Четыре! — Наполняет бокал до краёв и передаёт бутылку Владе.

— Немного, конечно, — поясняет флагман, — но, Бездна побери, алкоголь на нас всё равно практически не действует. И кто считает, что ей рано — пусть вспомнит о том, что ей уже выдано самое современное, мощное и летальное оружие.

Рубиновый взгляд окинул притихшую полянку:

— Странный перекосяк, не так ли? Поэтому сегодня мы его совсем чуть-чуть подправим.

Нагато обернулась к удивлённо моргающей в компании Аиды и Ады Муракумо:

— Шинджу! В этот знаменательный, тёплый и, без всякого сомнения, прекрасный день...

***

Приятно сидеть вот так вот: с одной стороны на плече буквально висит довольная по самое небалуйся Свирь, с другой — оранжевоглазая аватара эсминца "Муракумо", всё ещё пытающаяся придти в себя.

— Шин, ты как? — погладил я девушку по тыльной стороне ладони.

— Ёбушки-воробушки... — вздохнула Муракумо и натянуто улыбнулась. — Я... Я не ожидала, что хоть кто-нибудь придёт... А тут — раз, и сразу много...

Рина, с неохотой отстранившись от меня, посмотрела на Шинджу и, фыркнув, вытянула руку, потрепав девушку по голове и с каким-то непонятным удовольствием погладив свисающие с висков короткие, почти белоснежные в предвечернем воздухе хвостики.

Шин сидела, как ударенная пыльным мешком счастья, и на телодвижения Карины реагировала совсем по-кошачьи: почувствовав тепло близкой ладони, чуть склонила голову, подставляя щёку под нежные пальцы госпитальера.

— Флагманы — умнички, — проворковала Рина, принимая предложенную Муракумо тактильную игру. — А ты, Совушка, просто няша.

— Почему? — глаза прикрыты, на пухлых губках блуждает лёгкая улыбка.

— Потому что при виде тебя хочется вспомнить детство, заорать что-нибудь бессмысленно-милое, типа клича наших доморощенных отаку "ня-а-а-ргх-суго-о-ой-кава-а-ай!", и затискать тебя до полного удовлетворения.

Я, рискуя заработать десинхронизацию глазных нервов, умудрился покоситься на обеих девушек одновременно. Беловолосая, красная, как сочная морковка, кажется, от переизбытка того самого пресловутого кавая в организме сейчас лопнет, рыжая же — щурится, улыбается, и, кажется, останавливаться и не думает.

А на лавочке напротив, притопленной в выемку между массивных розовых кустов, сидят Мутсу и Эмден и, кажется, не только очень даже понимают друг друга, но и весьма топорно пытаются флиртовать. Со стороны это выглядит настолько умильно и нежно, что, кажется, и сам уже готов выскочить с транспарантом, на котором будет написано: "Хватит тормозить! Обнимитесь уже!"

И вокруг Анны и Аиды самая большая стайка Дев. Слушают внимательно, открыв рты, и в глазах столько интереса, обожания и незадаанных вопросов, что становится ясно: до самого отбоя не отстанут.

Чуть присмотревшись, захотел протереть глаза и ущипнуть себя.

Высокая, статная блондинка с шикарной фигурой, в классическом вечернем длиннополом платье, в вырезе которого то и дело обнажалась стройная, аппетитная ножка и идеальных пропорций бедро, и обнимаемая этой девушкой вторая светловолоска, в коктейльном платье с открытой до самого крестца спиной. Причём вторая очень даже не против обнимашек, и сама то и дело норовит прильнуть поближе к фигуристой Деве.

В высокой девушке я с огромнейшим трудом опознал Зоуи, аватару ДАК "Сайпан", а её подругой оказалась ни кто иная, как Синти-тысяча-и-одно-несчастье.

Остальные, включая девушек из моей группы, оккупировали мостики над прудом и с азартом подкармливали рыбок.

Учитывая, что между нашей лавочкой и водоёмом разместился самодельный подиум с возвышающимся на нём начисто обглоданным скелетом акулы, зрелище получалось весьма сюрреалистичное и странноватое.

До меня не сразу дошло, что Шин тормозит меня за плечо.

— Да, Совушка?

Девушка, смутившись, застенчиво улыбнулась:

— Времени до отбоя не так и много осталось... — Муракумо выразительно посмотрела на меня и притихшую Свирь. — А вам ещё нужно друг другу внимание уделить...

Кажется, мы с Кариной одновременно и поперхнулись, и закашлялись.

— А что такого? — с самым невинным видом поинтересовалась Шинджу. — Я же не маленькая, вижу, понимаю, чувствую. Вы оказали мне огромную честь, приняв приглашение и придя поздравить, и я никогда не смогу простить себя, если лишу вас и без того очень редкого шанса на спокойное уединение.

— Слова не девочки, но Девы, — кивнула Рина, вставая. — Спасибо за праздник и прекрасное настроение, Совушка, и за то, что слушаешь этим, — Свирь накрыла прижатую к груди кисть Шин.

А потом быстро поцеловала оранжевоглазую в губы и отошла в сторону.

Поняв намёк, поднялся следом, обнял беловолосую.

— Могу только присоединиться к словам Карины, Шин. Ты — замечательная, помни это, — и, последовав примеру Свири, так же быстро поцеловал девушку.

— Поспешите, — густо покраснев, махнула рукой Муракумо. — И спасибо вам за всё.

— Идём уже, — очень тихо и очень горячо прошептала мне на ухо Рина, — а то я прямо здесь совращу нашу Совушку.

***

Поздним вечером, после давно уже отзвучавшего отбоя, я лежал, обнимая разомлевшую после вечерних приключений и онсэна Карину, и бездумно смотрел в потолок.

Сон никак не шёл, несмотря на вполне естественное и приятное чувство опустошения. Тело до сих пор ощущало жар дыхания Рины, её руки и губы, мягкость и упругость её тела, а в ушах, кажется, всё ещё бродило заблудившееся эхо её вскриков и шёпота...

Приподнявшись на локте, Карина улыбнулась:

— Тоже не можешь уснуть?

— Как видишь, — хмыкнул я, обняв и взвалив на себя девушку. Та, подтянув колени и поёрзав, устроилась поудобнее и, сложив пальцы домиком на моей груди, устроив поверх них голову, заглянула мне в глаза.

— Попробую догадаться, — подмигнула Свирь. — Тоже Шин из головы не выходит?

— И тебя зацепило?

Рыжая очаровательно улыбнулась:

— Зацепило — это мягко сказано. Внезапно зачётная девочка, да?

— Не могу не согласиться, — поймав момент, быстро поцеловал Рину в кончик носа, тем самым заставив её забавно поморщиться и улыбнуться.

Медсестричка в долгу не осталась, вернув поцелуй тем же образом туда же.

— Ника, а давай ты её на свидание пригласишь?

Я чуть не подавился воздухом, внезапно застрявшим где-то посреди трахеи.

— Вот это поворот... — я внимательно всмотрелся в глаза Карины, пытаюсь найти в них хоть намёк на шутку. Но нет. Серьёзность и ещё раз серьёзность. — Ты сейчас не шутишь?

Свирь, поёрзав на мне, чуть приподнялась, подалась вперёд, почти уткнувшись носом в нос:

— Ни капельки, Ника. Ну смотри сама: девочка приятная, скромная и красивая, к тебе равнодушна, от меня не шарахается. А уж как смущается... М-м-м! Нямка! Неужели не хочется такую тискать, ласкать и делать прочие приятности, а?

— Скорее, оберегать, ограждать и кормить вкусняшками, — не поддался я на провокацию.

— Да она сама вкусняшка, — возмущённо фыркнула Карина. — Не только ведь я попробовала её губы.

— Ты подала заразительный пример, Рина.

— Как будто я не ощутила, что тебе эта картинка очень даже по душе, — обличила меня ходящий сканер. — В общем, ничего не знаю: приглашай на свидание малышку, пока её не увела какая-нибудь мадам, менее склонная к заботе и ласке, чем ты.

Обняв Свирь, перевернулся, навис над ней, заглядывая в загадочно поблескивающие глаза:

— Я вот не понял, Рина. Ты мне сейчас гарем сватаешь, что ли?

Девушка мечтательно улыбнулась:

— Боевой гарем... А ведь звучит! Мурк!

Я покачал головой:

— Прости, но честно признаюсь: я не вижу грани, где ты шутишь, а где — уже нет.

— А я не шучу. Пока мы на учёбе, пока можем уделять время на такие приятные

шалости, и пока это не мешает ни образовательному процессу, ни предстоящим полевым практикам — так почему бы и нет?

Обняв меня так, что не прижаться к девушке просто не получилось, Свирь прошептала, покусывая мочку уха:

— Ну хочешь, я её приглашу?

— Значит, не шутишь, — констатировал я присутствие весьма занятных тараканов в рыжей голове.

— Не шучу, — подтвердила Карина. — В этом деле шутки — гнилая дорожка.

Освободившись из объятий Свири, вытянулся вдоль стенки, осмысливая этот странный диалог.

— Мать-Тьма с тобой, Рина, приглашу...

— Уи-и-и! — тихонько пропищала в кулачок девушка.

— Но имей в виду: если что, то пойдём на свидание вместе.

— Да я только за, — вновь огорошила меня медсестричка, кажется, начисто лишённая каких бы то ни было комплексов.

Уткнувшись щекой в моё плечо, девушка заразительно зевнула и припечатала:

— Вот и славно. А теперь — всем спать.

Несказки для Дев

— Сова, открывай, медведь пришёл!

— Иду, иду, — послышался сонный голос из-за двери, шум падения, приглушённая ругань, возня...

Наконец, дверь открылась, явив миру Муракумо. Заспанная девушка щеголяла причёской в стиле "Не трогайте голыми руками катушку Тесла", мило потирала кулачком глаза, второй рукой прикрывая отчаянно зевающий рот, и, несмотря на общую оторванность от мира, выглядела по-прежнему мило и по-домашнему. Последнее подчёркивалось принтом желтоглазой совы, чьи глазищи очень удачно расположились аккурат поверх груди девушки[1].

— Круто выглядишь, Шин, — улыбнулся я девушке, с удовольствием отмечая, что мой подарок ей весьма идёт.

— Ты мне льстишь, флагман, — мило порозовела Дева и, обернувшись на недовольный бубнёж, донёсшийся из глубин комнаты, только вздохнула. — Утра.

— Правильно, утро добрым не бывает. Особенно для живущих в ритме совы.

— Что-то случилось? — снова зевнула Муракумо и переступила с ноги на ногу. Хых, прикольные тапочки — ушастые лохматые зайчики, ядрёного оранжевого цвета.

Я кивнул:

— Утро случилось. Напоминаю, вчера Эмден приглашала штрафбат на эксклюзивную беседу.

— Ух-ё! — резко проснулась Муракумо. — Я быстро, флагман!

И, захлопнув дверь, со скоростью пули скрылась в комнате.

***

— Кто назовёт главное умение Девы Флота, находящейся в режиме одиночного рейда?

И тишина... Мёртвых с косами не хватает и ночи на дворе.

Ада, хмыкнув, прошлась вдоль насыпи, служащей нам сейчас в роли самобытных

сидений.

— Умение то же самое, и что у магов во всяких фэнтезийных книжках: убежать быстро и далеко.

По сторонам от меня послышались жиденькие приглушённые смешки.

— Это не шутка, — голос Эмден серьёзен, а в строгом взгляде всё же просачивается понимание — несмышлёные детёныши ещё не нюхали ни пороха, ни крови. — В море всякое может произойти: отбились от эскадры, отрезаны превосходящими силами противника от основной группы, да банально получили по голове бронебойным и в состоянии грогги или контузии просто-напросто заблудились в трёх волнах. И тут основная ваша задача — разорвать с Глубинными сначала дистанцию атаки, а потом и дистанцию контакта — визуального и средств радиотехнического обнаружения.

Ада, поправив идеально сидящую на ней полевую форму с отличительными знаками мастер-инструктора, прошла перед насыпью.

— Да, средства РТО у Глубинных так себе... С одним очень весомым "но": чем их больше, тем зона охвата шире и поисковые возможности выше. Если понимаете, что хвост не скинуть, настоятельно рекомендую использовать принцип работы, неофициально именуемый в Империи "татар-стайл": подскочили, ударили, сбежали. Приоритетная цель — Высшие особи, так называемые они, химэ, принцессы и остальные демононосцы. Кто-нибудь скажет, почему?

А вот это уже простой вопрос. На него, уверен, даже Синтия, через раз путающая комическое и космическое, с ходу даст ответ.

— Потому что каждая элитная особь является связующим узлом-ретранслятором локальной сети подчинённых Низших? — подняла руку София.

— Отчасти так, — согласно кивнула Эмден. — Если программы вашего обучения не свернули до уровня "вот приказ — исполняй его любыми силами", то должны были дать и базовое теоретическое обоснование такой тактики. Чем большую сеть удерживает прайм-особь, тем более медлительна она становится. Но при этом её материнские способности обнаружения становятся тем лучше, чем хуже контроль над стаей. Итого, как правило, Глубинные встречаются в формациях, далёких от совершенства и любых боевых стратегий: огромное поле сканирования, но при этом — почти никакая способность к целенаправленному управлению особями. Соответственно, логично и противное: чем уже поле сенсоров и меньше стая, тем выше её опасность как локальной формации. Недаром малые боевые ордера Дочерей Бездны способны разорвать в клочья не в пример более крупные формации, но управляемые недостаточным количеством элиты.

Эмден, приложившись к стандартной фляжке с тоником, сделала короткую паузу.

— Есть задокументированные свидетельства того, как стая в три-четыре десятка примитивов, управляемая элитной особью уровня "они", полностью выносила стаю численностью в четыре-пять сотен примитивов под управлением двух-трёх Глубинных уровня "они" или даже химэ. И потому, — Ада, присев на бетонный блок, непонятным взглядом посмотрела на так и не убранную фляжку. — Потому главное в глубоком рейде — выносить высших. И очень быстро бегать.

— Запомните, Девы, — взгляд Эмден налился яркой, обжигающей зеленью. — Чем меньше прайм-особей в противостоящей вам формации останется, тем больше шансов выжить.

— Госпожа Ада, — протянула руку Катарина, вызвав формулировкой улыбки у

русскоговорящей части группы. — А если обнаружили, и прайма прикрывает москитный флот?

— Хороший вопрос, — согласилась легендарная Дева Флота. — Через москитный пробиться может, разве что, лакишот, золотой выстрел, которых, в лучшем случае, один на пару тысяч, в противном случае...

— Смерть? — тихо поинтересовалась Муракумо.

— Да, — коротко ответила Эмден.

— И... этому ничего нельзя противопоставить?

— Можно, Шинджу, можно. Только вот шансы выжить почти равны нулю. На личном примере: не раз бывало, что приходилось выводить ГЭУ на запороговый максимум, готовясь подорвать себя... Слава всем морским богам, эта окончательная участь меня пока миновала... Но — было сложно. Очень сложно. И, чего уж таить, пару раз я оставалась в живых исключительно благодаря вмешательству Дев Летучего Голландца.

Ада сказала это настолько просто и буднично, что до нас ещё очень долго доходил смысл произнесённых слов.

Успели в среде канмусу сформироваться свои легенды. Фусо мельком рассказывала о паре из них: о Вечной Деве, что незримо стоит за плечом каждой из тех, кто идёт в заведомо обречённый бой; она сражается бок о бок, одним своим присутствием внушая уверенность в своих силах и даря шанс на победу — и ничем иным нельзя объяснить, почему же иногда Девы, по недосмотру разведки и просчётам командования отправленные тупо на убой, возвращаются из похода живыми, здоровыми и на невозможном эмоциональном подъёме.

Вечной не молятся, но, выходя в море, обязательно оставляют под пирсом ли, или на прибрежном камне, или на любой другой примечательной детали берега что-нибудь личное, желательное, но не обязательно, дорогое — как память. Серьги, запаянные в пластик конверты, счастливые монетки, фрагменты закладной доски, да те же фенечки, активно сплетаемые в промышленных масштабах каждой третьей канмусу. Всё идёт в ход. Говорят, Вечной Деве так проще найти путь к тем, кто попал в беду.

А ещё говорят, что у неё нет одного конкретного воплощения. Многоликая, она ходит и живёт среди нас неузнанной, и, когда пробьёт час Последней битвы, Вечная скинет маски, и ободрит, и поведёт за собой — в бой. В бой, в котором будет лишь один результат — полная победа.

А ещё Фусо рассказывала о Девах Летучего Голландца.

И тут было совсем ничего не понятно. Легенда о Вечной — ещё ладно, если уж ни в лице мистического надсмотрщика, ни в отрешённой физиономии вечного пофигиста Девы поддержку не нашли, то просто должны были создать что-то схожее. Понятное и родное. "Не бывает атеистов в окопах под огнём", верно ведь?

А легенды о Летучем Флоте заставляли искать несостыковки, противоречия, разногласия. Ибо слишком уж похоже на правду.

Иногда — и никто не знает, при каких условиях — на море опускается густой туман. Не сервисная нанитная взвесь Туманниц, не физические аномалии Дочерей Глубины. Обычный туман, состоящий из испарений и мелкодисперсных капель влаги. Обычный, да не совсем. Через него не могут пробиться глаза вездесущих спутников-шпионов, в нём вязнет радиосвязь, и даже внутренняя сеть Дев Флота, говорят, работает волнами и с перебоями.

Говорят, приходит Летучий флот всегда по-разному, и никогда не знаешь, что в этот раз увидишь ты в обманчивом, скрадывающем расстояния и голоса, тумане: бледную ли Деву,

или мощный, вселяющий уверенность и спокойствие, массивный корабельный борт, или гирлянду путеводных огней, или парящие прямо в воздухе сложнейшие, вызывающие головную боль при попытке их рассмотреть, геометрические фигуры, совершенно чуждые привычной метрике...

Одно остаётся неизменным: они не причиняют вреда.

И, когда странный туман исчезает, канмусу зачастую обнаруживает, что варсьют её цел и исправен, даже если рассыпался от малейшего движения перед этим, и раны исчезли, и усталости как не бывало.

— Летучие Девы — не миф, — просто говорит Эмден. — Не сказка, не легенда. Уж я-то знаю.

И не верить ей — невозможно.

О тараканах с мадагаскарской пропиской

— Пристрелите меня, пожалуйста, — прикрывшись поставленным на попа учебником, Софья с самым жалобным видом уткнулась лбом в наклонную столешницу парты.

— Москва не сразу строилась, — философски буркнула Катарина, с азартом выстраивая график и сводя данные в результирующую таблицу.

Аватара "Москвы" тут же вскинулась:

— Это кто это тут меня строить собрался?!

За что и получила лёгкий подзатыльник от невесты как появившейся рядом Нагато.

— Ещё одно повышение тона, и ваш отряд в полном составе отправится чистить общажный коллектор.

Наша рубиновоглазая умница, красавица, спортсменка и ещё много-чего-замечательного-в-одном, на этой неделе подменяла внезапно приболевшего препода по артиллерийским дисциплинам. Муракумо, бросив быстрый осуждающий взгляд на нарушительницу спокойствия, только покачала головой и вернулась к практике. Её флагманская неделя уже закончилась, а до лидера-1 ещё два по семь дней. Совушка оказалась тем ещё воплощением самурайских традиций, во время её отработки роли всё, на что нас хватало — это добраться до кровати и отрубиться коротким сном. Шинджу и сама не выспалась, отчего раздражение её росло с каждым днём в геометрической прогрессии, но — её все понимали. Как-то так получилось, что вся наша группа, и даже всегда пунктуальная и ответственная Грейс, кажется, родившаяся с хронометром в руках, очень не любила рано вставать. А ещё меньше — мало спать.

Зато Свирь очень недобро оскалилась, а от её изящного кулачка, сунутого под нос Соне, повеяло льдом и неприятностями. А кровожадный оскал Аиды, на правах нашего прима-драйвера полноценно влившейся в состав и ныне тянущей лямку лидера-1, и вовсе не предвещал ничего хорошего.

Злой флагман — это привычно: вечный недосып, обработка огромной кучи документов, отслеживание своих подопечных, координация со службами школы, заявки, распоряжения... А вот если злой флагман ещё и раздражён сверх меры, и, к тому же, является по совместительству и главой отрядной медсанслужбы...

Я поёжился, невольно ещё и ёрзая по стулу, рефлекторно напрягая полупопия. До сих пор помню, а Спика — так и вовсе ощущает — всю силу нашей очаровательной рыжей медсестрички. Пять дней прошло, а Ками до сих пор ходит враскоряку и при виде беззаботной улыбки Рины начинает усиленно икать. А ведь так и не создалась, чего намешала из еды, что отравление заработала.

Вот это вот вообще феномен. То, что нам втолковывали на практической биологии Дев, однозначно указывало, что вывести из строя кишечник канмусу практически нереально, даром, что ли, способны натурально питаться гвоздями и надкусывать рельсы? А Ками молчит и отчаянно краснеет. И не признаётся.

Нагато ушла к первым рядам, а от Карины прилетела свёрнутая бумажка. Каллиграфически идеальный почерк, скупые слова по-русски: "После занятий кафе, две", и смайлик из знака равно и звёздочки.

На любопытный взгляд рыжей подвинул записку так, чтобы и она тоже могла прочесть. По внутренней сети прилетело чувство одобрения и азарта. И лёгкого веселья — мою прелесть изрядно радовали смысловые и орфографические ошибки старательной Шинджу.

Она развернула на планшете текстовое приложение и быстренько набила сообщение, развернув девайс экраном ко мне.

"На первом свидании под юбку не лезь!"

Я чуть не закашлялся, с немым укором глядя на Свирь. Вот заразка зеленоокая!

Та, пожав плечами, удалила строчку и набила новую:

"Мило смущаешься;) Не бойся, тоже не полезу первой"

— Карина, что такое интересное откопала в скудном предустановленном софте, что твоя соседка неровно дышит и глазками всякие нескромные вещи показывает?

А реакция у Рины что надо: не меня выражения лица и почти не работая пальцами, тут же удалила файл, открыв вместо него график. Кривая, описывая хитрую траекторию, очень уж напоминала визуально этот самый, на который в пешее эротическое посылают. Во всей своей боеготовной красе, что характерно. Развернув планшет в сторону Нагато, пожалала плечами, мол, не виноватая я, это всё ваша долбанная математика и баллистика.

— Это как? — враз растерявшая всю свою невозмутимость, Анна покинула кафедру и поднялась на наш ряд. Всмотрелась внимательно, потрясла головой и даже зажмурилась под тихое хихиканье со всех сторон.

— Ты откуда вводные взяла?

— На медицинских съютах не предусмотрено крупнокалиберное вооружение, — пояснила Карина. — Поэтому я немного подправила вводные под условия работы вспомогательным калибром.

Нагато, забрав планшет, внимательно изучила получившееся художество, чуть улыбнулась:

— Даже если и так, то со скорострельностью перебрала на одну запятую вправо, — развернув планшет к Рине, внесла коррективы, запустила скрипт пересчёта графика. — Вот так должно быть, видишь? Поняла, в чём ошибка?

— Так точно, товарищ Нагато!

Анна поморщилась:

— Не кричи, Карина, ты не плачу. А по крупным калибрам — всё же делай расчёт, кто его знает, как в поле всё может повернуться.

— Спасибо, — кивнув, Карина с серьёзным видом принялась возводить новый график.

***

— А если бы Нагато посчитала, что таким хитрым манёвром ты её нахрен посылаешь? Карина, мурлыкнув, перебралась ко мне на колени и, устроившись поудобнее,

подхватила большой стакан-непроливайку с кофе.

— Ну, не посчитала ведь? Не посчитала. Так что всё в порядке. Ника! — взгляд серьёзный, только огоньки веселья ей так и не удаётся скрыть. — Руку обратно верни!

Для проформы тяжело вздохнув, с удовольствием положил руку на тёплое бедро девушки.

— Так-то лучше, — кивнула Свирь и повернула стакан трубочкой в мою сторону. — Будешь?

Я отрицательно мотнул головой:

— Я вообще не понимаю, как вы его ледяным пьёте. Гадость же.

— Гадость — это окрошка, — скривила моську девушка. — То ли дело борщик... С пампушечками чесночными, со сметанкой жирной! И чтобы сало солёное, с прожилками мяса, и лук-порей или черемша вприкуску!

Зажмурившись, Карина облизнулась.

— Заявку поварам оставляй.

— Так неинтересно, — улыбнулась она. — Лучше уж самой приготовить...

Отложив стакан в сторону, Рина посмотрела на меня:

— Итак, боец, слушай вводную. Шин на первом свидании не лапаем, максимум — нежно держимся за ручки. Эта крепость держалась слишком долго, и если мы её упустим в самый последний момент, Империя будет недовольна. Так что действуем нежно и аккуратно. Со временем не затягиваем, онсэн суровой и желтоглазой японской душе не в пример ближе, нежели душ, поэтому надо рассчитать график прогулки и посиделок таким образом, чтобы успеть ещё и искупаться. Всё ясно?

— Яснее некуда, — кивнул, и, убедившись, что народа поблизости нет, равно как и внимательных глазастых камер, не удержался, потискав медсестричку за ягодицу.

Пискнул смарт, разрушив очарование момента и напомнив, что обеденное время подходит к концу.

Карина поёрзала по коленям и нехотя слезла с меня.

— Знаешь, Ника, порой я просто ненавижу учёбу, такие моменты вкусные портит...

— Согласен, — поднявшись, подхватил наши рюкзаки. — Идём надкусывать гранит науки?

Госпитальер рассмеялась:

— Судя по Соне — скорее, нежно облизывать.

***

Мило стесняется Муракумо. Розовеют щёчки и уши, а глаза наливаются тягучим медовым сиянием. И салфетку несчастную теребит так, что та уже мелкими хлопьями начинает опадать на стол.

Поприветствовав девушку, сел напротив, а Рина, чмокнув Шинджу в щёчку, убежала заказывать мороженое. Улыбнувшись вновь засмущавшейся Деве, я откинулся на спинку сиденья и с удовольствием вытянул ноги.

— Замечательно выглядишь, Шин.

— Спасибо, флагман, — и ещё больше краской заливается. Милота-то какая!

— Чего трясешься? — Рина приземлилась рядом с девушкой и, сгрузив поднос на стол, едва ощутимо толкнулась плечом в плечо японки.

— Я... Э-э-э...

Ну вот, ступевалась красота оранжевоглазая.

— Нецелованная, что ли, ни разу? — искренне удивилась Свирь, тактично умолчав, что и сама-то не так давно не то, что чужую руку на попе, но и губы на губах не знала. Не говоря уж о более деликатных и интимных вещах.

— Ыгы, — буркнула Муракумо, пряча лицо в ладонях.

— Карина, ну нельзя же так, — укорил я девушку и, протянув руку через узкий стол, погладил Шин по плечу.

— И правда, — согласилась Рина. — Чего-то меня заносит. Нервное, наверно. Прости, Совушка.

— Всё в порядке, — выдохнула Муракумо, отнимая ладони от лица.

Я подвинул ей вазочку с мороженым:

— Черника и варёная сгущёнка, вкуснота! — и, подавая пример, с аппетитом принялся уничтожать свою порцию.

Слопать килограмм мороженого для Девы — как лбом стену пробить — занятие плёвое и ненапряжное. Особенно под приятный трёп ни о чём и приятные взгляды постепенно оттаивающей аватары эсминца.

Свирь, сменив амплу безбашенной девчонки, коей чуждо любое понятие этикета и приличий, на естественное состояние любопытной, воспитанной леди, всё же смогла не только разговорить японку, но и задать планку открытого, приятного общения.

Шинджу менялась на глазах. Пугливая, робкая совушка буквально на глазах превращалась в очаровательную, весёлую и местами очень даже бойкую девушку, весьма скорую на подколки и острую на язычок.

Так, перекидываясь шуточками и мнениями, как-то незаметно для себя уговорили ещё по порции мороженого, прогулялись по парку, не под локоток, но взявшись за ручки, а потом как-то тихо и непринуждённо обнаружили себя в онсэне.

Я повертел головой, пытаюсь понять, что не так. Дошло. Вспомогательный источник, из запасных и всегда активных: бывало, что вообще все учащиеся решали разом завалиться перед сном поплескаться, и тогда вот такие вот дополнительные, всегда работающие онсэны вручали просто невероятно.

Раза в два меньше привычного, вместо пемзы и вулканических пород отделки — дерево, ароматно пахнущее смолой. Душевая отгорожена низким раздвижным заборчиком из резных шпакетин, сквозь которые без труда можно разглядеть традиционные японские низкие табуретки, предназначенные для сидения в процессе намыливания и омовения.

Я чуть приподнялся из воды, осматриваясь:

— Рина, мы, случаем, не офицерскую часть оккупируем?

— Не-а, — добродушно ответила Карина, явно соображая, с какой стороны удобнее будет облапить Шин. — Я у Влады спросила, она сама сюда и порекомендовала. В дальних наши француженки милуются наверняка, в ближних любители одиночества, а посередке никто не полезет просто из вредности и рационализма.

Пожав плечами, я вернулся на место, а Шинджу отчаянно покраснела.

— Странная ты, Совушка, — я нащупал её ладошку. — Как со всеми, так всё нормально, а как втроём, так стесняешься.

— Карина... — пискнула Муракумо, цветом лица приближаясь к эталонному свёкольному колёру.

— А я что? Я ничего, — поспешила оправдаться Свирь. — Я вообще ознакамливаюсь с подопечным телом, теперь-то массаж вам только я делать буду, Марина остальную ораву в одиночку тянуть будет.

Я подозрительно покосился на Рину:

— Кто-то мне что-то сегодня днём обещал, не припоминаешь?

— Пф-ф-ф! Одно дело — нашу няшку-стесняшку развращать, а совсем другое — определить её естественный мышечный тонус и понять, какой именно вид массажа для неё будет оптимален.

Шин сжала мою ладонь, всем телом прижимаясь к плечу:

— Флагман, — горячо зашептала она. — Спаси меня! Я слишком молода, чтобы стать жертвой науки!

Карина хрустнула пальцами и, навалившись на девушку сзади, со зловещим смешком изрекла:

— А вот щаз за попоранную честь медицины я буду делать тебе жёсткий спортивный массаж, ударно-вибрационный, с переходом в гигиенический и лечебный, с фокусом на профилактике заболеваний желудочно-кишечного тракта, с обязательным усилением на урологических и гинекологических заболеваниях, — и совсем нежным голосом выдохнула в затылок мелко трясущейся, уже всерьёз напрягшейся Шин: — Бойся, Совушка!

***

Я поправил одеяло, погасил ночник и, сделав несколько шагов, сел на кровать. Прошелестела ткань, в поясницу ткнулся горячий воздух.

— Ну вот зачем ты её так? — я укоризненно покачал головой, прекрасно понимая, что на фоне окна и сочащегося сквозь открытые жалюзи лунного света все мои телодвижения медсестричке видны, как на ладони.

Карина картинно засопела, изображая оскорблённую невинность. Но одеяло не опустила, только подтянулась поближе, улеглась позади меня, робко поглаживая пальцами бедро.

— Ника... Не знаю, честно, что на меня нашло. Как будто феромонами обдолбилась. Она... понимаешь, она настолько, как говорят нихонцы, "kawaii", что мне просто срывает башню, — Рина вздохнула, потёрлась щекой о талию. — Я утром перед ней извинюсь, Ника, чесслово.

— Надеюсь, она примет твои извинения, — кажется, скепсиса в моём голосе было преизрядно. — Вас же, медицину, после Спики и так, как черти ладана боятся, как бы вообще теперь не предпочли бешеным крюком оббегать, лишь бы не попасть в ваши загребущие лапки.

Рина всхлипнула, горячо зашептала:

— Я извинюсь, Ника! Если захочет, пусть на мне массаж отрабатывает, да Бездна с ней, с этой честью, даже профилактику простаты пусть на мне осваивает!..

От её слов я ощутимо вздрогнул. Что-то далёкое, из той, почти растворившейся жизни, докатилось до меня. Неприятное и болезненное, хоть и начисто лишённое какой-либо конкретики.

Я погладил короткие волосы госпитальера:

— Решение не девочки, но человека, Рина.

Свирь, пошмыгав носом, робко поинтересовалась:

— Правда?

— Правда-правда. Вот с утра и предложишь ей меры искупления. Идёт?

— Да я и завтрак в постель ей принесу! — судя по движению воздуха, Свирь активно закивала в подтверждение своих слов.

— А мне не приносила, — подколот я девушку.

— А тебя и не развозило с массажа так, что прямо на столике засыпала.

Я прислушался к шевелению и невнятному бормотанию на своей кровати. Кажется, Шин прошептала что-то типа "Фла-а-ан" и замурлыкала, впрочем, тут же вновь затихнув.

Мда. А Карина, хоть и увлеклась до косяченья, но, всё же, права.

Это у меня выносливости на пару канмусу хватит, а может, и ещё останется кому отгрузить, а вот у Муракумо с этим делом неважно. Свирь ведь только на словах грозная и суровая, а уж как загнала на массажный стол трясущуюся Шинджу, так и вовсе вернулась в привычное состояние заботливой и нежной рыжей милоты. Стоны, конечно, наша оранжевоглазая выдавала такие, что и во всяких короткометражках для взрослых не зазорно было бы использовать, а после очередного полувсхлипа-полувздоха и вовсе расслабилась, поплыла, да так и уснула крепким богатырским сном. Ладно хоть без храпа сопутствующего.

Так и пришлось вдвоём её наскоро вымыть, высушить волосы и на руках нести в общагу. Соседки у неё давно уже спали, ни на стук, ни на вежливое пошкрябывание никак не отреагировали, а вламываться в чужие покои, пусть и с аборигеном на плече, не лучшее решение. Зато Нагато, встретившая нас в коридоре, в ситуацию вникла, можно даже сказать, очень по-дружески прониклась, и пообещала переговорить с комендантом и дежурными, а нас отправила в комнату. И, сдаётся мне, то, что у нас одна кровать некоторое время благополучно пустует, для неё очень и очень очевидный факт.

Так что спит теперь Муракумо на моей постели, а я, соответственно, перебазировался к Карине.

— Не можешь решить, спать ли со мной, или уйти к ней?

Я фыркнул:

— Вот ты же умная, Рина, а порой как ляпнешь...

— А что я такого сказала?

Потянувшись, я протяжно зевнул и, дождавшись, пока Свирь передвинется к стенке, устроился рядышком, наслаждаюсь теплом близкого девичьего тела.

— Ну просчитай реакцию девчонки? Вырубилась при массаже, проснулась, во-первых, не у себя, во-вторых, раздетой, и, в-третьих, обнимаемой той, с чьего попустительства и уснула. Я вот не имею никакой уверенности в том, что в этой прелестной беловолосой головке привычные, добропорядочные тараканы не мутировали в наглухо отмороженных мадагаскарских. Японский же менталитет! Кто знает, что там и куда перемкнуть может? Ладно, если как должное воспримет, а, упаси Мать-Тьма, посчитает, что настала пора делать сэпшуку на рассвете, тогда что?

— Не подумала... — грустно буркнула Свирь, утыкаясь носом мне в плечо.

— Уроком будет, — добродушно ответил я, обнимая рыжую. — Ладно, спим, пока есть время. И будильник на пораньше поставь, Рина, нам ещё прощение с утра просить.

— Сделано, флагман, — хихикнула медсестричка, сообразив-таки, что я на неё не злюсь.

Сказала, обняла покрепче, и тут же уснула, оставив меня наедине с внезапной пустотой

В ГОЛОВЕ.

Интересно, а до утра я хоть подремать смогу?..

Бегущие по морям

— Сашка, чтоб тебе ржавыми якорями всё подспинье расчесали! — тихо ругаясь сквозь сжатые зубы, аватара стратегического разведчика "Урал" оперативно снимала искорёженную лёгкую броню с командира. — Ты бы ещё в платюшке на химэ вывалилась!

— Усё... нрма... льно, — буркнула Жданов, то и дело соскальзывая в состояние не то дремоты, не то болевого шока.

Ульяна, шипя, осторожно подцепила захватами деформированную пластину нагрудной брони и, подав на броню сигнал аварийной разуконплектации, потянула элемент варсьюта вверх.

В кои-то веки девушка остро жалела об отсутствии на сверхскоростном транспортнике хоть какой завалящей ремонтной и медицинской команды. Четыре каюты, кубрик, оружейка, совмещённая с ремонтной мастерской, компактная серверная, объединяющая в себе вычислительный центр, рубку связи и вспомогательный центр мониторинга систем корабля, крохотная санитарно-гигиеническая зона, медблок, экспериментальные генераторы защитного поля да тяжелобронированная капсула прима-драйвера. Вот и всё, чем располагал дальний корвет Пятого отдела Имперской службы разведки, аналитики и прогнозирования "Князь Константин".

Освободив Александру от остатков командирской версии варсьюта СНО, Ульяна, путаясь в порядке действий, принялась снимать с себя лишь немногим более уцелевшую броню.

Избавившись от последнего элемента, оставшись в одном поддоспешнике, девушка быстро вложила в руку Саши шприц-инъектор и, приставив мягкий раструб инструмента к шее командира, положив палец поверх пальца аватары корабля управления, дважды нажала на спуск. Стимулятор и лёгкая версия регеля — для помещения в регенерационную капсулу это потолок.

Подхватив невесомое тело притихшей под действием препаратов начальницы, Ульяна быстро, но аккуратно поспешила по коридорам в медблок.

***

Рыжая девушка в белоснежном варсьюте медслужбы неторопливо пританцовывала на узком пятачке свободного пространства пилотской кабины.

— Есть координаты, — сообщил оператор комплекса радиомониторинга.

— Принято, — кивнул прима-пилот, отправляя машину на снижение. — Сударыня, двадцатисекундное окно десанта будет через три минуты, высота тридцать, ниже никак — волнение и сильный переменный ветер.

Аватара ГС "Иртыш" только отмахнулась:

— Да хоть с пятисот сбрасывайте, главное, как можно ближе к курсу корвета.

— Обижаешь, красавица, — с характерным кавказским акцентом подбодрил широко улыбающийся секунда-пилот. — Тютелька в тютельку десантируем!

Девушка, вспомнив анекдот, невольно отвлеклась от невесёлых мыслей и благодарно улыбулась вечно весёлому грузину.

— Спасибо, — кивнув на прощание, Иртыш покинула пилотскую кабину.

Пройти узким коридором в грузовой отсек, проверить сбрасываемую капсулу с оборудованием и закрепиться в ложементе спускаемого аппарата у неё заняло немногим более минуты. Оставшееся время тянулось подозрительно медленно даже несмотря на суету бортового техника, в пятый раз перепроверяющего исправность всех систем воздушного судна.

Но вот включилось аварийное освещение, проорал низкочастотный баззер тревоги, тремя долгими завываниями сигнализируя о десятисекундной готовности к открытию десантного люка, и девушка, загерметизировав варсьют, расслабленно откинулась на подголовник внутренней капсулы.

Посветлело, а в уши ударил свист ветра — это разошлись створки люка, расположенного в днище самолёта. Ещё один сигнал баззера, синхронно с переходом освещения с оранжевого на красный. Шипение пневматики, толчок сверху вниз — это отработал вышибной заряд — и полумрак грузового отсека сменился ярким разноцветьем серо-синих оттенков открытого моря и столь же похожего на него неба.

Считанные секунды полёта, мягкий удар о волну, запускающий механизм раскрытия капсулы, и девушка лёгким прыжком покинула внутренности спускаемого десантного модуля.

***

— Ксения! — Ульяна, высунувшись по пояс из люка и придерживаясь за страховую скобу, приветственно помахала рукой девушке в белом варсьюте.

Аватара Иртыша не преминула воспользоваться приглашением, забросив сначала внутрь корвета капсулу с оборудованием, а потом запрыгнула и сама.

— Как Саша?

— Рёбра справа в кашу, но лёгкие в порядке, — доложила аватара Урала. — Правая же рука — множественные мелкие осколочные повреждения. Трещина в скуле. Вывих левой руки и ноги. Частичная механическая ампутация правой стопы.

— Регель?

— Ослабленная версия, — девушка, не сдержавшись, всхлипнула. — Ксюш... Саркофаг не даёт запустить полный цикл, прав у меня мало.

Ксения, добравшись до медблока, бросила короткий взгляд на диагностический экран и, беззвучно выругавшись, от души пнула массивный аппарат по толстому металлическому креплению. Не выдержав такого насилия над своей опорой, регенерационная капсула обидчиво звякнула металлом открывшейся крышки технического отсека. Госпитальер, хмыкнув, опустилась на четвереньки и, подсвечивая себе наплечным поворотным фонариком, углубилась в мешанину проводов и микросхем.

— Янка, как зелёные блоки побегут, скажешь.

— Побежали, — тут же отрапортовала девушка, пристально разглядывая мешанину геометрических фигур на экране диагноста.

Вернув крышку на место, Иртыш разогнулась, бросила короткий взгляд на полотнище тестовой информации, и нехорошо улыбнулась:

— Кто-то на базе сегодня отхватит. И целебной клизмой не отделается, — Ксения быстро оттарабанила набор команд и подтвердила полномочия своим оттиском. — Какая-то падла оставила активным отладочный модуль.

Ульяна скрипнула зубами:

— Порву тварь!

Иртыш, задав нужный цикл процедур, присела на краешек операционного стола:

— Успеешь ещё, — и, убравлицевую броню, девушка вымученно улыбнулась: —

Привет, Янка, тыщу лет не виделись.

***

— Рассказывай давай, как вы до жизни такой докатились.

Госпитальер успела немного привести себя в порядок, и по ней сейчас было невозможно определить, что девушка буквально несколько десятков минут назад, преодолев без малого пару тысяч километров под двойным ускорением, десантировалась в открытом море. А до этого не спала двое суток.

— Да всё штатно было, Ксения. От Урсулы возвращались, европейский эскорт у Финланда остался, а наши завязли на зачистке транспортного узла Глубинных. Решили, что справимся, если напрямки до базы пойдём без сопровождения.

— Ну и как, дошли? — ехидно осведомилась Иртыш, многозначительно поигрывая бровями.

— Как видишь, — кивнула в сторону медблока Ульяна, нервно вертя в пальцах пустую кружку. — Напоролись на портовую химэ без они, но с большим выводком примитивов. Сама же знаешь, порты — создания пугливые и неагрессивные, прошли бы мимо и Бездна с ней... Но эта особь оказалась излишне нервной: шарахнула мозгодробилкой по площадям, да погнала примитивы наперерез. В общем, остались мы без оружия и с перегруженными в ноль щитами.

— О как, — удивилась Ксения, прислушиваясь к мерному рокоту микроволновки. — А разве генераторы уже в серию пустили?

— Тестируем, — отмахнулась Урал. — Так вот, с Сашкой обмозговали, что надо химэ думалку открутить, иначе просто зерг-рашем затопчет. Переодеваться некогда, так что Жданов заняла мостик со снайперским комплексом, а я, как носительница "Скобы", шашку в зубы и в бой.

Ульяна, дождавшись писка микроволновки, споро извлекла на стол две тарелки с картофельным пюре, щедро сдобренным овощным рагу и толстыми бифштексами.

— В общем, так получилось, что до химэ я коридор пробила, да в глюкополе влипла, а Сашка ничего умнее не придумала, как мою задницу из огня вытаскивать, — девушка с задумчивым видом отрезала кусочек мяса и, наколов его на вилку, молча повертела перед глазами. — Теперь я тут, с тобой, а она там, в саркофаге.

— А химэ?

— В генераторной, в С-поле. Извини, но сил нам хватило только чтобы голову отделить и в консервант закатать... Сама понимаешь...

Госпитальер, хмыкнув, успокаивающе положила руку поверх руки Урала:

— Не бойсь, нормально всё с Шуркой будет, ни шрама не останется.

— Знаю, — кивнула Урал. — Но всё равно как-то тошно на душе...

Вздыхнув, девушка таки отправила в рот уже успевший остыть кусок мяса.

— Как ваши младшие?

— Свирь и Обь? — Ксения улыбнулась. — У нихонцев учёбу проходят.

— Чудят?

— Не то слово, — ухмыльнулась рыжая. — Да там та ещё компашка собралась, если не торопишься с отчётами, расскажу.

Ульяна, жестом затребовав паузу, разлила по кружкам кофе и сливки, и водрузила на стол две чашки — с фруктами и печеньем. Кое-как дождавшись, пока госпитальер добавит сахар и уберёт на блюде ложечку, аватара разведчика опёрлась локтями и грудью на стол и, уложив подбородок на переплетённые в замок пальцы, кивнула:

— А вот теперь — рассказывай.

Снег

Огромные пушистые белые мухи падали с серо-стального неба. Одни летели быстрее, другие — медленнее, но и те, и другие своим движением создавали ощущение бесконечной волны ветра, бегущей по степи и играющей с седой травой.

Кружась, они падали вниз. Многие просто не успевали долететь до воды, в последние сантиметры полёта обращаясь в капельки влаги в тонком слое тёплого воздуха, висящего над океаном. А некоторые долетали. Долетали, чтобы вернуться в родную стихию, чтобы вновь и вновь продолжать бесконечный с точки зрения смертных цикл.

— Красиво, — выдохнула облачко пара Муракумо, теснее прижимаясь ко мне.

Вытянула свободную ладошку, ловя на неё снежинки. Следуя её примеру, тоже раскрыл ладонь.

Белые мухи, касаясь кожи, тут же превращались в прозрачные капельки воды.

— О чём задумалась, Никки?

Сырой, холодный ветер тянет со стороны океана. Шумят волны, облизывая монументальный язык пирса. Вроде бы мерзко должно быть и неудобно, но всё совсем наоборот. Рядом приятная девушка, понимающая и понимаемая, там, за спиной, усиленно грызёт гранит науки в медсанчасти ещё одна приросшая частичка души. И от осознания этого внутри — по-настоящему хорошо.

— Знаешь, Шин, один очень эксцентричный поэт в прошлом веке как-то задал вопрос: "Ведь если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?", — выдохнув облачко пара в стывший воздух, я крепче обнял за плечи девушку. — Так и снег. Вот стоишь, вся из себя, что твой таракан на фоне нашего синего шарика, крохотная и беззащитная, и думаешь: а раз снег падает, значит, и это тоже кому-нибудь нужно? А он просто падает. Сам по себе. Не по чьей-то воле, просто пришло его время...

Шинджу, фыркнув на особо крупную снежинку, приземлившуюся ей на самый кончик носа, потрянула головой:

— А мне почему-то "Дхаммапада" вспоминается...

Заметив мой недоверчивый взгляд, Муракумо слегка смущённо улыбнулась:

— То, что я из семьи атеистов, вовсе не означает, что была лишена доступа к подобным книгам. А крупницы мудрости — какая разница, где они подобраны, в золотом хранилище дворца Микадо или в куче навоза за хлевом в заброшенной деревеньке?

Я ещё не видел Шин с этой, новой и неожиданной грани. Приятной, Бездна подери!

— Вспоминаешь какое-то конкретное откровение Будды, или в целом?

Теплится в глубине памяти смутный огонёк узнавания: было ведь где-то и когда-то, в той, прошлой жизни, от которой остался только Я, который не очень-то я.

Шин, прикрыв глаза, медленно и грустно продекламировала приглушённым тоном:

— Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это,

сразу прекращаются ссоры.

— Фатализм?

Девушка улыбнулась:

— Я бы определила это как здравомыслие и объективный взгляд на сложившиеся тенденции нашего бытия.

— Бессмертных нет, Шин.

— А Девы Тумана?

— Аида, если помнишь, говорила, что и Туману это неведомо.

Беловолосая красавица обняла меня, ткнулась холодным носом в шею.

— Никки, я замёрзла...

Глянув на смарт, прикинул оставшееся время до вечернего построения. Ещё почти два часа в запасе. Как раз в кафе можно заскочить, благо, из-за непогоды отменили практические занятия в искусственных бухтах, а на полигоне масштабная реконструкция продлится ещё пару дней.

Развернувшись, мы направились вглубь учебной территории. Пасмурно, темно, сыро — не удивительно, что ни персонала Школы, ни учениц снаружи не встретишь. Только на бетонных блоках, сложенных у пирса, сидели на расстеленной шинели Эмден и Мутсу. Влада держала в руках термос с потёртым принтом чего-то птицеобразного, с табличкой, сжимаемой в лапах. Я присмотрелся к рисунку.

Римская аквилла. И тяжёлые, будто вырубленные в камне буквы аббревиатуры.

S.P.Q.R.

Ада, опираясь спиной о спину Мутсу, неторопливыми глотками смаковала из крышки термоса что-то горячее, густо пахнущее даже на расстоянии травами и цитрусовыми.

Поприветствовав инструкторов, на миг притормозил:

— Госпожа Ада, — улыбку подавить не удалось, но Эмден к этому привычна, так что не страшно. — Как ваше самочувствие?

Ада, качнув головой, спрятала улыбку за дымящимся зёвом крышки:

— Ещё две недели комплексной накачки всякой фармацевтической гадостью, Николь. Потом неделя-полторы на реабилитацию и столько же на адаптацию.

— Успели соскучиться по Легенде? — улыбнулась нам Влада, заботливо доливая взвар из термоса в опустевшую кружку.

— Так точно! — бойко кивнула Муракумо.

Эмден улыбнулась:

— Никуда я от вас не денусь, мальки.

— Бегите в тепло, молодежь, — Мутсу, подмигнув нам, прикрыла глаза.

— И правда, нечего мёрзнуть, — усмехнулась Ада. — Это мне после южных морей такая погода по душе и тело радуется прохладе, а вам мёрзнуть ни к чему.

— И то верно, — кивнув, я подхватил Шин под локоток и поспешил в кафе, тем более тягун со стороны воды неприятно усилился, на таком в лёгких шинелях простыть, как нефиг делать. Да и после давнего случая со Спикой уверенности в собственной живучести и могучности иммунитета несколько поубавилось.

***

— Вот выгде, — мягко приземлилась рядом со мной Свирь, обдав волной морозного

воздуха. — Хоть бы коротышка кинули.

Левая бровь Муракумо вопросительно изогнулась, а сама девушка так и не оторвалась от кофейного коктейля.

— Локальный имперский жаргонизм, — пояснил я, как более опытный в общении с рыжей красотой. — В англоязычной сфере это SMS, у русскоговорящих — "короткое сообщение", оно же КС, оно же — коротыш.

— Именно так, — кивнула Карина, оперативно просматривая меню на наличие новинок. Найдя искомое, вбила заказ и только после этого осмотрелась. — Пусто тут как-то...

Я хмыкнул:

— По казармам да комнатам все сидят, жопки боятся отморозить.

Свирь качнула головой:

— Я бы на твоём месте не говорила за всех.

Тут пришла моя очередь вопросительно поднимать бровь.

— Грейс утащила Спиду и Тихоню на пробежку вокруг парка, Катарина полощет мозги инженерам в оружейке, где остальные — не знаю, но точно не в общаге.

На дисплее меню появилась отметка о готовности заказа и Рина, выпутавшись из шинели, отправилась забирать горячее. Вернулась быстро, неся поднос с пузатой стеклянной ёмкостью, судя по цвету и плавающим внутри фрагментам, с отваром цветочного чая и шиповника с лимоном; там же на широком блюде покоилась внушительная горка выборгских булочек, так и пышущих жаром и аппетитным ароматом горячего персикового варенья.

Вот тоже забавный факт в обслуживании: персонал кафетерия, видимо, имеет какой-то допуск к личным делам учениц, или же тут работает какая-то экспертная система, отслеживающая вкусы и предпочтения каждой Девы, и на основе этого составляющая вариации пищевых добавок. Камилла, например, хоть и полюбила впервые попробованное здесь варенье, но те же булочки лопают исключительно с джемом — и другие ей и не предоставляют. Рине постоянно перепадает дополнительная порция сгущёнки, Грейс — поджаренные, жирнющие сосиски из рубленого мяса. И так — со всеми канмусу.

Радуют втихаря, так сказать.

Госпитальер, с жадностью уговорив половину булочек и весь отвар, с довольной моськой откинулась на спинку кресла:

— Уф-ф-ф! Перекусили, а теперь можно и поесть.

Вновь оформив заказ, Рина повернулась к нам:

— Солнышки, я это... Вот что сказать хотела. Тут сёстры в гости прибывают на несколько дней, и я... В общем, — Рина широко и весьма пошло улыбнулась. — Шин, я пока поживу в гостевой зоне с сёстрами, а ты пока можешь перебраться к нам, я с комендантом уже договорилась, так что проблем не будет.

Шинджу определённо повезло, что коктейль она вот буквально только что допила и отставила стакан в сторону, иначе вполне могла бы или трубочкой подавиться, или гидровзрыв устроить. А так — только закашлялась, густо покраснела и опустила глаза в пол.

— Совушка, — Рина, дотянувшись до Муракумо, нежно погладила её пальцы. — Я Импи достаточно хорошо знаю, чтобы гарантировать: без твоего на то желания приставать не будет.

— В этом и проблема, — буркнула Шин, а кончики её ушек стали и вовсе сравнились

цветом с раскалённым докрасна металлом.

— В смысле? — удивилась Карина. Я не удивлялся. Кажется, и так понял уже, что это за проблема.

Шин стрельнула в нас оранжевым взглядом:

— Я скромная, очень. И... и вот, — тяжело вздохнув, развела она руками.

Карина, ущипнув меня через ткань брюк, подмигнула, типа, намёк вкуривай и вперёд на бордаж. Родина тебя не забудет.

Я кивнул беловолосой:

— И вправду, Шин, давай к нам перебирайся, пусть твои соседки отдохнут от наших утренних появлений.

— Не отдохнут, — фыркнула Муракумо. — У них уже рефлекс выработан. Ровно за минуту до вашего прихода поднимаются и пытаются меня разбудить.

Жалко девчонок... Это у нормальных учениц подъём, как и положено, по расписанию. А у нас — за час до флагманского будильника. Со следующего семестра вернётся в прежнее русло, но пока приходится терпеть, как особо отличившимся в плане несоблюдения субординации.

— Шин, так что?

— Согласна, — вновь покраснев, буркнула девушка и, улыбнувшись самыми уголками губ, выскочила из-за стола, направившись к раздаточному столу.

— Надолго сёстры приедут?

— Дня три-четыре, наверно, может, немногим дольше, — улыбнулась Рина, явно уже предвкушающая скорую встречу. — Если хочешь, познакомлю.

— Обязательно, — кивнул я. — А много их?..

— Родных две, Иртыш и Енисей. И ещё три систершипа, Амур, Печора и Ангара. Эти — между собой сёстры, но нам не родственницы. Но тоже классные сестрички, всем бы таких, — искренне рассмеялась Карина.

Динькнуло оповещение и Рина отправилась вслед за Муракумо.

Впрочем, Шин вернулась довольно быстро, с чашечкой сухих безе и кружкой чая. Понравились в своё время девушке эти близкие родственники зефира, передержанные в жаркой печи до состояния камня. Теперь нет-нет, да и закажет их, потом ходит, хрумкает, благо, покрывают их специальной версией глазури, устойчивой к нагреву. Вот и получается некий аналог семечек, только сладкий.

Свирь вернулась с внушительным пакетом, судя по запаху — с горой свежайшей выпечки и целой коллекцией стаканов-непроливаек.

— Минут через десять уже подъедут, — пояснила Карина, ссыпая в пакет остатки булочек. — Так что побежала я, не теряйте и не теряйтесь.

Управившись с упаковкой пищи, Свирь поочерёдно поцеловала нас в щёки:

— Увидимся на занятиях, леди. Или в онсэне, если мы сегодня до него дойдём. Ника, если что, ты знаешь, где запаска постельного лежит. И это... — девушка подмигнула и заботливо поправила мой галстук. — Не проспите, пожалуйста. Я в вас верю!

Снова расцеловав меня и Шин, Карина, задорно сверкнув зелеными глазами, подхватила пакет и скрылась в темноте кафешечного задверья.

Я покосился на явно подвисящую Шинджу:

— От така хурма, робяты... Шин, угостишь безешкой?

Всех вещей у Муракумо — тощий рюкзачок. В принципе, её подход мне нравился: не типичный женский, когда на горнолыжную базу на пару дней берут пару комбезов, шубу, куртку, запасную куртку, любимый свитер, удобный свитер, свитер для выхода в свет, свитер, связанный бабушкой, платье вечернее, платье коктейльное, лёгкое платье-тунику, ботинки, сапоги, коробку туфель и босоножки про запас, и ещё чемодан косметики до кучи.

А Шинджу руководствуется рационализмом. Лишнее оставила у себя, удовольствовавшись минимальным комплектом: сменка белья, форма и запаска, кофр с гидрокомбезом, пакет постельного, гигиенический набор. Всё. Идеальная девушка! С такой и в горы, и по степям пойти — в радость.

Грейс, после онсэна завернувшая со мной сначала в курилку, а потом и на кружку кофе в комнату, не показала и виду, что удивлена. Приветливо кивнула Муракумо, подмигнула мне и принялась сооружать ударно-расслабляющую порцию кофеина для Шин.

Я честно выпрашивал у Гнейзенау рецепт, смотрел, запоминал и даже синхронно повторял — но нифига. У Грейс получается мягкий, чуть терпкий кофе с тонкими нотками корицы и едва ощутимым привкусом апельсиновой цедры. У меня — простой кофе с корицей и апельсиновой крошкой со вкусом сладкого цитруса. Магия, не иначе...

Приготовив кофе, немка в два глотка закончила со своим:

— Никки, тебе ещё кружечку сделать?

— Благодарю, Грейс, но больше в меня не влезет...

— Влезет, влезет, — уверенно закивала Гнейзенау. — И ещё чуть-чуть поместится.

Я сдался:

— Ты и кирпич уговоришь взлететь, Грейс.

— Люблю, умею, практикую, — с загадочным видом кивнула сероглазая красавица, приступая к божественному акту сотворения новой порции изумительно вкусного напитка.

Сделав кофе и для меня, Гнейзенау уточнила время и, наскоро распрощавшись, отправилась к себе.

— Хорошая она, — вздохнула Шинджу, вдыхая кофейный пар и сладко жмурясь от удовольствия.

— Не спорю, замечательная.

— А можно... вопрос, флагман?

И снова Шин за старое... Но, похоже, девушку уже не исправить: нахваталась плохого, да и срослась с ним.

— Задавай, Шин.

— Я знаю, что Рина не умеет ревновать... Да и в целом, как она говорит, милашек много не бывает... Но, раз так... Хм... — Муракумо зарделась и, скрывая неловкость, надолго припала к кружке, мелкими глоточками смакуя кофе. Наконец, собралась с мыслями, глубоко вдохнула, медленно выдохнула, и — выпалила одной очередью: — Никки, я также вижу, что Грейс нравится и тебе, и Рине, а потому не понимаю — почему я, а не она?

Я покрутил чайную ложечку в пальцах, стараясь поймать на неё свет лампы и перенаправить его на жалюзи. Тщетно.

— Видишь ли, Шин... Это называется — неправильная постановка вопроса. Не мы выбираем, нас выбирают. А Гнейзенау... Неужели ты не замечала, что всё её внимание

направлено только и исключительно на Тихоню?

Шинджу с задумчивым видом потерев кончик короткого хвостика.

— Мне казалось, что это какие-то особенные игры в статус, характерные для Европы, а потому непонятные мне. Да и Ари так старательно делает вид, что не замечает всех усилий и стараний Грейс, что невольно задаёшься вопросом, а не на публику ли это игра?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет здесь игр. Тихоня и вправду не интересуется нашей очаровательной немкой, ей и с Ками хорошо.

— Не знала... — протянула Шин. — Бедняжка Грейс...

— Полностью согласна, — кивнул я. — Но другие ей в данный момент не нужны.

— Жалко, — вздохнула Муракумо, допив кофе и заглянув в пустую кружку. — А руки у неё, как говорят у вас в Империи, золотые.

— Есть такое, — освободив свою тару, собрал кружки. — Я пока посуду помою, а ты располагайся, хорошо?

Пару минут спустя я вернулся и слегка подофигел. Девушка успела за это время не только расправить постель, повесить вешалку с формой и поставить планшет и смарт на зарядку, но ещё и переодеться. Мягкие тапочки на босых ногах, неуставные бирюзовые трусики-шортики, да стандартная нижняя майка на босу грудь.

— Шин, ты настоящий электровеник, — отвесил я изящный и изысканный, как чугунная крышка коллектора, комплимент. Впрочем, Муракумо это ничуть не обеспокоило и не напрягло, она лишь мило порозовела и опустила глаза. Ну, после активного общения со Свирью, Катариной и Софьей — иного ожидать было бы глупо. — Ложимся?

— Да, — кивнула девушка, присаживаясь на краешек кровати Карины.

Раздевшись, я выключил свет и с удовольствием вытянулся на прохладных простынях. По телу растекалась сладкая усталость, во рту не торопился исчезать привкус апельсина и корицы, снаружи завывал ветер, а мне было хорошо.

— Флагман...

— Да, Совушка?

— Можно, я жалюзи открою?

Я не удержался от улыбки:

— Только не говори, что боишься темноты.

— Не боюсь, — тихо ответила Шинджу. — Это глупо. Мне просто нравится смотреть, как падает снег. Не уверена, но, кажется, от этого я легче засыпаю.

— Не вопрос, — согласился я. За время, прошедшее с начала учёбы, я научился засыпать и при свете, и внутри жёсткого кунга, и на холодной земле, и даже на сыром песке береговой линии под нестройный плеск беспокойных волн.

Тонкая фигурка приблизилась к оконному проёму, смутно обрисованному пробивающимся снаружи переменчивым слабым светом. Прошелестели подъёмники, поворачивая ленты жалюзи и одновременно сдвигая их в сторону на манер штор. Шинджу, облокотившись на стол, некоторое время так и простояла, не сделав ни одного движения, потом беззвучно вернулась в постель.

А сон не шёл.

До меня долго не могло дойти, почему это так, и что тому причиной.

Да, Дева Флота спокойно может обходиться без сна три-пять суток, а абсолютный рекорд удерживают наша Эмден и Аквилла из Европейской Консолидации, обе

продержались по десять с половиной суток... Но — отсутствие необходимости спать и невозможность уснуть, всё же, разные вещи.

А потом до меня дошло.

Мне просто до жути не хватает ровного дыхания Рины, тепла её тела, по обыкновению прижавшегося спиной к моему животу, её горячих ладоней, во сне сжимающих мои пальцы...

— Флаг... Никки... — едва слышно позвала Муракумо.

— Да, Шин? Ты чего не спишь?

— Никки... Я... Мне холодно. Вот.

— Если хочешь, могу лечь к тебе, да и своё одеяло прихвачу заодно.

— А можно мне... самой?

Я придвинулся к стенке, освобождая пространство:

— Буду только рада, Шин.

Оранжевоглазая не стала тянуть время и играть в застенчивость. Быстро поднялась, подхватила одеяло, набросила его поверх моего — и быстрой рыбкой юркнула в тепло. Повозилась, поёрзала, привыкая — и, развернувшись, прижалась ко мне спиной как можно ближе.

Холодная кожа. Да и саму её немного потряхивает.

Я прижал тыльную сторону ладони к её лбу. Прохладный.

— Я просто замёрзла, — пожаловалась Муракумо. И совсем тихо добавила: — Я всегда мёрзну... Прости...

— Ничего страшного, Совушка, — обняв её и руками, и ногами, затих, посапывая ей почти в макушку. — Отогрею.

Прохладные ладони легли поверх моих рук.

— Красиво, флагман, — прошептала девушка. И тут же ответила на мой немой вопрос: — Снег падает красиво.

И правда: там, за пластиком окна, сплошной стеной падал снег. Низкие облака едва заметно светились, отражая рассеянный свет не столь уж и далекого большого города, и относительная темнота разрывалась жёсткими конусами прожекторов, и снег, выхватываемый лучами, словно светился изнутри, и, подчиняясь воле ветра, плёл своё, непонятное простым разумным кружево.

А Шинджу потихоньку согревалась. Сначала отступила дрожь, за ней — стало возвращаться тепло в руки. Чуть позже моя нога, покоящаяся на её бедре, перестала ощущать холод кожи. А ещё некоторое время спустя впору уже мне было бы греться о Шин.

А на душе стало хорошо и легко. Словно это Рина рядом лежит, ровно и тихо посапывает, сквозь полудрёму стискивает мои пальцы.

Разум потихоньку проваливался в приближающийся сон, тормозил реакцию и понимание, и я не сразу сообразил, что девушка, завладев моей рукой, по-хозяйски завела её под майку, положила на упругую, горячую грудь.

— Флагман... Если однажды получится спасти Грейс от одиночества — я с тобой. Я знаю — если проснётся ревность — я смогу ей разучиться. Так же, как Карина. Только — не оставь её одну, пожалуйста.

— Не оставлю, — удивлённо пробормотал я, бессильно борясь с внезапно навалившейся сонливостью. — Никого из вас не оставлю, Шин.

Девушка чуть повернулась, дотянулась губами до моих губ, робко поцеловала.

— Спасибо, Ники.

И вновь отвернулась, накрыв ладонью руку, лежащую поверх её груди.

Я не оставлю вас, девчонки. Сам, по своей воле — не оставлю. Только если сами решите уйти.

Вокруг — мир, которому не очень-то есть дело до наших чувств и желаний, а значит, по сути, у нас никого, кроме друг друга, и нет. А среди обычных людей — так и вовсе никогда не будет.

Я вдохнул неуволимо приятный аромат волос Шинджу, зарылся в них носом, ничуть не удивившись тому, что нет естественной щекотки. Прислушался к ровному дыханию девушки — уже успела уснуть, радость желтоглазая.

Ничего, сударыни, выстоим, справимся.

Я усмехнулся, проваливаясь в объятия сна, и не уверен, вслух ли сказал, или просто так громко подумал:

— *Нас мало, но мы в матросках!*

Дела давно минувших дней

Интересные порядки в Школе...

Официально — никаких гостей. Вообще никаких. Никак. Ни за что. Неофициально — так же.

Что, тем не менее, совершенно не мешает многочисленным сёстрам и систершипам Карины и Марины свободно рассекать по территории спецобъекта. Ну а то, что это сёстры, а не кто-то из персонала, видно издалека и невооружённым глазом: белая форма, отдалённо напоминающая адмиральскую парадку, только без аксельбантов, шнурков и прочих висюлек, с красными вставками на лацканах и обшлагах, строгие юбки чуть выше колена с широким красным лампасом слева, телесного цвета не то колготки, не то чулки, чёрные туфельки на широком низком каблуке. Довершают всё это великолепие чёрные же галстук и ремень с андреевским стягом, с обязательным кортиком в бело-красных ножнах, белые перчатки и, опять же, чёрные фуражки.

На фоне килтов и брюк учениц, да голубовато-серой формы преподавательского состава — выделяются только в путь. Как в анекдоте про Штирлица в будёновке и с парашютом.

Рыжюльки — это явно те самые Иртыш и Енисей. У одной волосы, собранные в конский хвост — грива длиннющая, почти до колен достаёт, на кончике стянута хитро заплетённой зелёной ленточкой, удерживающей, если память не изменяет, выполненное в китайском стиле круглое украшение-грузик; у другой — совсем короткая стрижка, с длинной чёлкой справа, создающая ощущение, что парикмахер начинал делать каре, но в процессе настолько увлёкся или упоролся, что закончил с другой стороны едва ли не ёжиком. Но выглядит, без сомнения, круто.

Барышни из оставшейся троицы поджарые, худощавые, невысокие, с фигурами скорее спортивного типа, светловолосые и кареглазые. И, хоть визуально между ними и семейством Рины нет вообще никаких схожих черт, всё равно, видя их вместе, понимаешь — систершипы, не меньше.

***

Океан штормит так, что сразу понятно — тот, кто назвал его Тихим, по ходу дела, использовал метод "от противного", из той же серии, когда бугаёв именуют скелетами и

глистами, дистрофика — терминатором, лысого — кучерявым и так далее. Или просто феерично подколол население планеты.

Но не цунами, и ладно. А вот о практике можно позабыть. На полигонах, не подпавших под программу реконструкции, лёд и грязевая каша, фактически — условия, максимально приближенные к уровню "П-2", где П — это Помпеи, а индекс 2 — чуть лучше, чем 1 и 0. Ноль, соответственно, значит только одно: нашему шарикуну пришёл полный и окончательный гаплык. Единичка — от четверти до половины глобуса на списание. Двойка — минус пара стран. Так что там сейчас резвятся третьекурсницы, остальным строжайше запрещено даже проходить мимо.

А в кафе тихо и пусто. Девы Девами, аватары кораблей и все дела — да вот таким боковым ветерком сдует, и пискнуть не успеешь. Чай, вес человеческий, а не прототипа. Ну и схемой коммуникаций мало кто интересовался. Зря, кстати. Все наружные постройки соединены подземными, очень даже комфортными переходами. Другое дело, что на схеме абсолютно однозначно и масштабно обозначены только пути от общаги и казарм до учебных корпусов и административного здания, а всё остальное прорисовано тонкими линиями, кои легко спутать с разводкой электрокабелей, да упрятано в подвал листа номерными сносками мелким шрифтом — никак безопасники в паранойю играют.

Зато в кафе хорошо. Панорамные окна из толстеного бронестекла позволяют видеть весь разгул стихии, творящейся снаружи, а массивные стены здания внушают спокойствие и чувство защищённости. Времени до отбоя полно, а здесь можно не только вкусненьким закинуться, но и подготовиться к близящимся экзаменам, благо, библиотечная сеть отсюда доступна, да для гаджетов предусмотрены зарядные споты.

Так что сидим мы с Шинджу практически одни, если персонал кафетерия в расчёт не брать, и, обложившись планшетами, учебниками, методичками, справочниками и конспектами, усиленно штурмуем крепость науки.

По измождённому личику и лихорадочному блеску в глазах Муракумо становится понятно, что японка со всем усердием подходит к делу. Нет, она вовсе не лютый трудоголик, как большинство её соотечественников, и бациллы перфекционизма её миновали, но — ей нужны отличные результаты за сессию. Хорошие оценки равно повышенная стипендия, расширенная программа выбора изучаемых общеобразовательных предметов, бонус в виде права на создание собственного клуба, коли нужный отсутствует в сводном перечне, и ещё куча всевозможных мотивирующих приятностей.

Я временами бросал на неё короткие взгляды, пытаюсь понять, изменилось ли в ней что-нибудь после сегодняшней ночи... и ничего не находил. Всё такая же опрятная, сосредоточенная, на сложных темах нет-нет, да теребящая подушечками указательного и большого пальцев красные шнурки, стягивающие два коротких хвостика. И мимика та же, и движения.

Не сильно понятная, но очень приятная девушка.

— Всё зубрите? — совершенно неожиданно раздался над моим ухом звонкий голос, а на плечо опустилась узкая кисть с длинными, тонкими пальцами.

— Привет, Ринка, — я рефлекторно потёрся щекой о такую родную ладошку.

— Здравствуй, Карина, — кивнула Шин и чуть порозовела, переведя взгляд куда-то за спину медсестрички. Рефлекторно дёрнула рукой в порыве отдать честь, но по пути одумалась, просто поклонилась: — Здравствуйте.

Кх-м...

Попаднос, однако.

Сделав морду безразличным кирпичом, как и положено для самых уродских фото на самые важные документы, я неторопливо повернулся.

Стоят, улыбаются. Все пятеро, не считая медсестричек нашего курса. В смеющихся глазах никакого осуждения.

— День, — я покосился на пролетевшую за окном ветку. Метров пяти длиной. А может, и всех шести с половиной. — Кх-х-м, день добрый, барышни. Составите нам компанию?

— За тем и пришли, — рассмеялась Свирь, приглашающе махнув сёстрам рукой, и тут же упала рядом со мной, сходу заключив в горячие объятия.

Места, чтобы разместиться всем, вполне хватало — пользуясь случаем, мы с Шин внаглую экспроприировали один из трёх больших столов, рассчитанных на компанию человек в десять-двенадцать. В обычные дни к ним фиг подступишься, а так — всё кафе в нашем распоряжении.

— Собачья погода, — поёжилась Рина, с неприязнью посмотрев за окно.

Рыжая девушка с необычной стрижкой, улыбаясь, взлохматила её волосы:

— Это тебя ещё за полярным кругом не болтало, Карик.

— Ксения, ну просила же, — наморщила носик Рина.

— Да ладно тебе, — рассмеялась старшая сестра. — Все ж свои. И вообще, знакомить нас не будешь, что ли?

Карина, смутившись, ойкнула и чуть привстала:

— Я по старшинству, ладно? — получив синхронный кивок от всех пятерых старших, госпитальер начала перечисление, кивая головой на каждую именуемую.

Начала она с длинноволосой серьёзной рыжули:

— Оксана, аватара ГС "Енисей". Ксения, ГС "Иртыш", — кивок на коротковолосую. — Наши с Мариной старшие сёстры.

— Мила, ГС "Амур", — самая высокая блондинка едва заметно кивнула.

— Ира, ГС "Ангара", — а это уже самая низкорослая, с узкими очками на глазах, с волосами самыми короткими среди троицы сестёр — едва-едва прикрывающими плечи.

— Наташа, ГС "Печора", — кивок на самую худощавую девушку. Цвет её глаз близок к красному, очень пухлые губы, кажется, так и были созданы с чуть приподнятыми в улыбке уголками; волосы, собранные в толстую косу, переброшены вперёд, на грудь. — Наши систершипы.

— Николь, линкор "Император Николай Первый"...

Договорить она не успела — две девушки слитно ойкнули, прикрыли ладошками рты — Ксения и Ира. Что странно — в глазах их, если я правильно понял и это не обман зрения, кажется, появилось мокрое поблескивание.

— Что-то не так, леди? — поинтересовался я, пытаюсь сообразить, что же такого сказала Рина, что сестёр вот-вот бросит в слёзы?

Ирина всхлипнула, быстро утёрла набежавшие слёзы рукавом кителя. Ксения, встав, обошла стол, обняла сзади, горячо выдохнула в ухо:

— Всё так... А ты... Ты, верно, и не помнишь, Николь...

— Рейд Одессы, Туман, — дрожащим голосом подхватила Ира. — Ты прикрыла наш отход. Ксения уводила на берег археологов, подобранных на Змеином, я несла детей из реабилитационного лагеря...

Объятия усилились, окрепли:

— Своей жизнью ты спасла наших подопечных и нас самих...

Они говорили, а перед глазами разворачивалась картина, предшествующая тому бою...

Командир, посылающий в дальние дали руководство, умолчавшее об ультиматуме Тумана... Особисты, вместе с морпехами удерживающие периметр комплекса от собственного спецназа, поднятого шишками местного штаба, пока снабженцы торопливо пополняют БК, а техслужбы наскоро сшивают резервные энерговоды и выводят из спячки системы кораблей... Члены команды, досрочно вернувшиеся из увольнительной, со штурмом пробивающиеся к базе... Уханье пусковых шахт плавучих ракетных бастионов "Горка-4" и "Горка-5", прикрывающих город — сдвоенный умный рой сверхзвуковых ракет "Антрацит-2Ф", уходящий вверх, чтобы, спустя несколько минут, превратить часть моря в кипящий ад, хоть ненадолго задержать корабли Тумана, дать время госпитальным судам и гражданским яхтам и лодкам дойти до берега, успеть скрыться в сухих доках и бомбоубежищах...

Ощувив, что по щеке тянется что-то горячее и мокрое, мазнул пальцами, с удивлением заметив влажный отблеск на подушечках. Осторожно слизнул языком. Солёное...

— Видимо, не очень-то и спасла... — буркнул я, стараясь, чтобы голос не сорвался в плаксивое дрожание. Линкоры не плачут. Вообще. Никак. И точка.

Горячие пальцы взъерошили мои волосы, щеки коснулась щека Ксени:

— Мы пережили Туман, Николь, но не выжили при встрече с Глубинными. Всё в порядке, — губы, не менее горячие, чем пальцы, мягко ткнулись в щёку, обожгли буквально физически ощутимой благодарностью. — Всё в порядке, Импи.

— Да, Николь, всё в порядке, — повторила её слова Ира, не таясь смахнув очередную набежавшую слезу. — Рина, девчонки, простите...

— Кхм, — откашлялась Карина, явно сама слегка шокированная поведением сестёр. — Да я почти всё... Не успела представить только Шинджу, воплощение эсминца "Муракумо", — кивок на зардевшуюся Шин.

— Очень приятно, — встав, оранжевоглазая отвесила девушкам традиционный для японцев низкий поклон, символизирующий крайнюю степень уважения.

Аватара "Печоры" несколько секунд всматривалась в лицо Шинджу, бросила короткий взгляд на Оксану, такой же — Ксене.

Енисей, усмехнувшись, подалась вперёд, нависла над столом, опираясь на руки:

— Шинджу... — и, окинув торжествующим взглядом сестёр, припечатала: — Ну ведь вылитая Ульянка, девчонки!

***

Поздний вечер вступал в свои права, до отбоя оставались считанные минуты, а мы сидели с Шин бок о бок на моей кровати и продолжали штурмовать многостраничные таблицы примеров. Впрочем, получалось не очень. По крайней мере, у меня в голове царил гулкая пустота, никак не желающая заполняться щебёнкой перемолотого гранита науки.

— Никки, я в самом деле так похожа на "Урал"?

Хм... Значит, не мне одному учёба в голову не лезет.

Я вспомнил снимок, показанный Ксеной. Невысокая девушка в комбезе техника, с тяжелой серебрясто-белой косой, с жёлтыми, медового оттенка глазами, с богатой россыпью милейших веснушек, покрывающих лицо, шею, грудь и плечи, насколько

позволяла увидеть конструкция стандартной форменной майки.

Качнул головой:

— У тебя веснушек нет. И ростом ты повыше, — улыбнулся, вспомнив, с каким недоверием и затаённым предвосхищением Муракумо слушала откровения сестёр Рины и Марины. — Но вы, определённо, схожи. Почти как сёстры.

— А... ты?..

Я внутренне напрягся, подготавливаясь к извечному женскому вопросу с требованием вынести вердикт, кто же красивее...

Не понадобилось.

— Ты... Флагман, ты вспомнила свой последний бой?

— Не бой... То, что ему предшествовало.

Шин развернулась ко мне, убрала в сторону планшет и методичку, сжала руками мою ладонь, словно пытаюсь отогреть её.

— Настолько неприятные воспоминания?

Я грустно усмехнулся:

— Скажем так: сильно отличающиеся от официальной версии.

Шин понимающе заглянула в глаза:

— Штабная дурость?

— И она в том числе, Совушка. Потом, конечно, виноватых нашли и сделали внушение у стенки... Но тогда — тогда мы упустили драгоценное время, стоившее жизни многим хорошим людям.

Муракумо придвинулась вплотную, так, что почти касались носами, и пристально посмотрела в глаза:

— Никки, флагман, дерьмо случается... И это не повод опускать руки. Как тогда, в Одессе, по официальной версии, — видя мою ухмылку, весомо добавила: — Это уже легенда, Никки, а легенды всегда выше скучной обыденности. Им никак нельзя умирать, флагман.

Близость Шин, её уверенный голос, горячее дыхание, ободряющие интонации и загадочный, влекущий блеск в глубине янтарных, бездонных глаз...

Подавшись вперёд, я поцеловал девушку в податливые, мягкие губы, готовый и отпрянуть, и извиниться...

Не потребовалось.

На мой поцелуй Шин ответила взаимностью.

Всё тайное...

Неладное мы с Шин почувляли практически одновременно. И Свирь, и Обь на занятиях не появлялись, на практике и в онсэне, не говоря уже о бане, их никто не видел, и, что самое удивительное, и препода, и инструкторы молчали, как рыба об лёд. Только Мутсу ходила какая-то нервная, наэлектризованная, и одного взгляда на неё хватало, чтобы понять беззвучный посыл: лучше держитесь от меня подальше.

Потом тревогу забила и остальная команда. И самым последним проснулся остальной курс.

То, что что-то идёт не так, стало понятно на следующий день после того, как мы с Совушкой подсели на измену. Ну не будут простотак по территории Школы носиться на гоночных скоростях тентованные мини-фуры, тем более, управляемые Нагато, Ириной и Оксаной. Грузовички практически непрерывно мотались от медчасти до закрытых для

постороннего доступа складов, оттуда же по несколько раз на день стартовали и приземлялись необычной формы джамперы, визуально слишком компактные для перевозки массивных грузов, более подходящие, скорее, для курьерской или фельдъегерской службы.

После обеда Ари согнала всю нашу группу в коммуникационный тупичок — поверху ходить до сих пор было опасно, затянувшаяся непогода никак не желала улучшаться.

— С госпитальерами что-то не в порядке, — сходу начала Тихоня.

Все согласно закивали, давая понять, что не одна Левиафан умеет наблюдать.

— И старшие сёстры не появляются ни в столовой, ни в гостевой зоне, — внесла свои пять копеек Катарина.

Под долгим взглядом Грейс и Сони она пожала плечами:

— Я хоть и не субмарина, но чувствительность у меня ничуть не хуже.

— Что делать будем? — поинтересовалась Аида, задумчиво разглядывая потолок.

— Я бы по другому сформулировала задачу, — вклинился я. — Не что делать, хотя и это тоже, конечно, но первоначально — что происходит?

— Логично, — кивнула Шин. — Предлагаю взять медчасть штурмом.

Анубис, кажется, поперхнулась воздухом, а Усугумо только покачала головой.

— А мне нравится эта идея, — согласилась Грейс, плотоядно ухмыляясь.

Я шагнул вперёд, поднимая руки:

— Так, леди, не будем пороть горячку, а то вдруг ей это понравится? — шелест почти беззвучных смешков и разом сбросивший обороты накал страстей послужил хорошим индикатором грубоватой, но разрядки. — Стратеги из нас, чего уж греха таить, хреновые, тактики — тоже не ахти... А вот задницы у нас не казённые, чую, если перегнём палку — наш блистательный студсовет нам таких несказочных люлей выпишет, что даже Хоквуд образца нашего с ним первого знакомства покажется просто ангелочком. И сидеть мы не сможем очень долго, даже не смотря на всю мощь камнусовской регенерации.

Шинджу поёжилась, а Соня и Катарина, болезненно поморщившись, синхронно потёрли попы — видимо, очень живо представили, что способны сотворить с нежными девичьими филеями впавшие в священную ярость Нагато и Мутсу, превосходно владеющие цепным боем. А ведь там ещё и якоря немаленькие...

— Для начала — надо определить вектор опасности. Шансы, что со Свирью и Обьк случились какие-то неприятности, предлагаю, основываясь на ровном фоне внутренней связи, считать равными нулю или около того, то есть — незначительными. Что получается в сухом остатке из очевидного?

Анубис тряхнула головой, сверкнула на миг засветившимися глазами:

— Что-то неправильное происходит с Эмден.

***

К вечеру нам всё же удалось выловить Анну. Что самое важное — одну.

Аида ловко притёрла её в коридоре, а остальные, создав толкучку, буквально внесли флагмана в комнату Катарины, Сони и Усугумо.

— Бунт на корабле? — окинув нас хмурым взглядом, поинтересовалась не предвещающим ничего хорошего тоном Нагато.

— Нет, — примирительным тоном сказал я, пробиваясь к ней. — Нас просто гнетёт неизвестность.

— Все перед экзаменами мандражируют, — отмахнулась Анна, явно высчитывая траекторию движения наружу.

— Мы не про экзамены, госпожа Нагато, — встала рядом со мной Ари. — Нас беспокоит отсутствие Марины и Карины.

— С ними всё в порядке, — сверкнула рубиновыми глазами флагман.

— Согласна на их счёт, — кивнув, сделал ещё шаг вперёд. — Но есть ещё одна персона, глубоко нам небезразличная, и о ней мы беспокоимся ничуть не меньше.

— Эмден, — припечатала Анубис, встав рядом со мной. — Что с ней?

Анна болезненно прикрыла веки:

— Ничего серьёзного, слово офицера.

Аида грустно улыбнулась:

— Для "ничего серьёзного" — слишком обширное привлечение специализированного медицинского персонала, включая пять общепризнанно высококвалифицированных Дев Флота и лучшую выпускницу Пекинской Высшей Медицинской Академии за последние двадцать восемь лет.

Нагато покосилась на плотно закрытую дверь, но Ариэлла и Катарина одновременно кивнули:

— Там пусто, мы слушаем, — сказала Тихоня.

— И наблюдение я приглушила, — добавила Дельфин.

Анна вздохнула, потёрла виски, сбросила маску прожжённого офицера, и безупречное лицо её как-то вмиг стало измождённым, усталым.

— Если эта информация просочится за пределы комнаты — вылетим с волчьим билетом все. По крайней мере, эта угроза остаётся актуальной до тех пор, пока особисты не сочтут нужным снять грифы секретности.

— Не томи, Аня, — Анубис подалась вперёд, затаив дыхание и прижав руки к груди. И не Туманница словно, а обычная девушка, всерьёз переживающая за подругу.

— На Эмден сейчас тестируется новая методика адаптации к современным варсьютам. Ада — доброволец, не надо так сверкать глазами. И... Всё с ней будет хорошо, не бойтесь. Увы, больше сказать не могу, — подытожила скупую сводку с полей Нагато. Она закусила губу, с мольбой посмотрела на нас. — И, девушки... Владу этим вопросом не донимайте, пожалуйста, она и без того на пределе...

Нестройных хор заверений был ей ответом.

— Снимаю глушилку, готовность пять, — проинформировала Катарина, дав нам короткую фору на смену рисунка общения.

— ...значит, даже в крытых помещениях из-за непогоды нам практику не зачтут? — всерьёз обеспокоенным голосом поинтересовалась Грейс у Нагато. Актриса, блин!

— Правила для всех одинаковы, — отрезала сходу включившаяся в игру Анна. — А если вас так беспокоит длительность каникул, то расслабьте булочки и дышите свободно, длительность окна отдыха будет перенесена с полным сохранением пропорций. Ещё вопросы?

— Вопросов нет, — в этот раз хор стройный, даже позитивный.

— Тогда я пойду, — кивнула Нагато, направляясь к выходу. Открыла дверь, застыла на пороге, бросила через плечо: — Вы это... Заходите, если что.

И вышла. Тихо и быстро.

А через два дня Свирь вернулась.

С мешками под лихорадочно блестящими глазами, вялая, сонная — она едва-едва поклевала пюре и салат, заграбастала полный пакет выпечки и, молча расцеловав нас с Шинджу, ушла в закат, в смысле, в гостевую зону.

— И что это было? — озадаченно почесала в затылке Муракумо, переводя взгляд с почти нетронутой тарелки госпитальера на проём подземного перехода и обратно.

— Полагаю, девочка измотана в край...

— Думаешь, что-то случилось?

Я откинулся на спинку стула, приводя в порядок мысли.

— Если и случилось, то точно — исключительно хорошее. Ты разве не ощутила волну удовольствия и удовлетворения по внутренней связи?

Муракумо покачала головой:

— У меня нет с ней столь... плотной связи, — смущённо выдала девушка, застенчиво завязывая узлом титановую ложку.

Оценив сотворённую Шин миниатюрную скульптуру, я подхватил кружку с кофе и на некоторое время затих, систематизируя полученную информацию.

— Рина вымоталась сильно, сейчас, похоже, доберётся до сестёр и вырубится на сутки, а то и на двое. Думаю, с остальными ситуация та же. Тревоги я не ощущаю, следовательно, могу сделать вывод о том, что всё обошлось.

— Обошлось, — как зачарованная, повторила Шинджу, и светло улыбнулась. Вздрогнула, посмотрела на наручные часики и взглянула на меня лукавым оранжевым глазом: — Флагман, предлагаю отметить это событие в онсэне. И придумать для Карины что-нибудь приятное.

— Придумаем, Совушка, — расправившись с кофе, я поднялся, подал руку Шин, помогая покинуть стол. — Вот в онсэне думалкой и будем шевелить.

— А может, не только думалкой, — хихикнула Муракумо, разрывая дистанцию и первой скрываясь на лестнице.

— Это обещание? — поинтересовался я в темноту, не надеясь, впрочем, на ответ.

— Я подумаю, — долетел до моих ушей слабый, искажённый поворотами голос Муракумо.

Но нотки веселья и кокетства в нём чувствовались очень хорошо.

Я покачал головой.

Флагман, блин, тужуркой тебя наружу... Не испортить бы девчонку...

Тройка, семёрка, туз...

Эмден

Ксения, выдавив усталую улыбку, отложила медицинский планшет в сторону и с удовольствием потянулась:

— Ну вот, Ада, и пришёл конец твоим мучениям.

Эмден с задумчивым видом почесала кончик носа, чихнула, и, извинившись, попыталась подняться из ложементов.

— Лежи-лежи, — поспешила отговорить её от необдуманных действий Иртыш. — Мониторинг сначала нужно перекинуть на дистанционку.

— Да в Бездну мониторинг, Ксения, — отмахнулась Эмден. — Я и так себя прекрасно чувствую.

Госпитальер нахмурилась:

— Ада, солнышко, поверь — я того же мнения, но вот если Мутсу увидит, что дистанционные датчики неактивны или, что ещё хуже, шлют кривую телеметрию и некорректные данные, живо открутит мне тыковку и будет в своём праве.

Ада, выслушав быструю, произнесённую на одном дыхании тираду аватары ГС "Иртыш", кивнула и расслабленно откинулась в мягкое лоно ложементов. А сердце на миг сладко стянуло от одной только мысли, что Эмден теперь не одна.

Влада... Снаружи грубоватая и самоуверенная, жёсткая даже, но внутри — мягкая, нежная, способная не только чувствовать, но и понимать. И принимать. Принимать так, как приняла саму Эмден — со всеми её, как говорят русские, тараканами, с её монументальным фатализмом, даже — с неясным статусом отношений с Туманницей по имени Агата. Ада посчитала, что это будет, как минимум, проявлением крайней подлости, если она умолчит о той, что спасла её, и рассказала Мутсу всё как есть, не утаив ни слова, ни события, и говорила, зажмурившись до рези в глазах, до цветных пятен, до боли в веках и выступивших невольно слёз — и боялась посмотреть в глаза. Боялась увидеть в них отчуждение, — не ненависть, не ярость, не гнев — боялась, взглянув в мягкую зелень, увидеть, что с этого момента стала чужой...

Не увидела. Не почувствовала.

Влада тогда только крепко-крепко обняла Эмден, неумело ткнулась губами в губы, и тоном, не терпящим двойного или некорректного понимания, в совершенно несвойственной ей манере уведомила, что ни доминировать, ни командовать, ни указывать не собирается, и будет удовлетворена одним лишь фактом хоть какой-то взаимности.

В ту ночь они распотрошили стратегическую заготовку коньяка Влады, наведались на продуктовый склад и, в конце-концов, до утра просидели на крыше общаги, то утыкаясь мокрыми носами другу в плечи, рыдая взахлёб, то бережно передавали из рук в руки трубку — в кисете табака оставалось мало, но спускаться вниз за добавкой ни той, ни другой не хотелось... Мутсу сыпала байками из жизни инструктора и второго по значимости члена студсовета, Эмден, переборов себя, выплёскивала всю ту чёрную, беспросветную тоску, накопившуюся в ней с момента инициации, а Влада слушала, слышала, кивала и поддакивала в нужных местах, задавала наводящие вопросы, пытаясь понять Аду, а девушка, носящая прозвище Белый лебедь Востока, чувствовала, как цепкие лапки закоренелого одиночества нехотя отпускают душу из своей мёртвой хватки, как осыпается броня цинизма и прагматичности, и даже дышать становится легче и чище...

— ...ончена, — вторгся в сознание Ады голос Ксени.

Девушка встрепенулась, непонимающе посмотрела на госпитальера:

— Что, прости?

Рыжая, мягко улыбнувшись, спокойно повторила:

— Синхронизация датчиков закончена, отклонений нет, — и, хитро сверкнув бездонной синевой глаз, спокойно добавила: — Я, конечно, понимаю, давно нормально не общались, любовь-морковь и всё такое... Но хотя бы сегодня воздержитесь от избыточных нагрузок, мне совсем не светит вместо завтрака вычищать логи и корректировать инфографику.

До Ады некоторое время не доходил смысл обтекаемых формулировок Иртыша, а когда всё же поняла, то лишь рассмеялась:

— Ксения, какие нагрузки? Мне ещё два дня с тростью ковылять.

— Три, — поправила её Иртыш. — Недели.

Эмден едва не задохнулась от возмущения, но даже выругаться не успела.

— Третьей ногой она тебе двое суток послужит, а дальше хоть в ножны упакуй, но постоянно носи с собой. Зря мы с технарями, что ли, её всякой полезной начинкой набивали? Пассивный мониторинг, сбор и выгрузка данных на отдельную, прекрасно защищённую гроздь, ежевечерне, с принудительным режимом сна в ночное время.

Ксения тряхнула чёлкой, устало потёрла виски:

— Но если тебе трость мешает, так и скажи, выдам стандартное оборудование мониторинга, предписанное верхушкой. Всего-то спецкорсет, метров пятьдесят проводов, да автономный модуль сбора и хранения данных, уместяющийся в обычном тактическом рюкзаке.

Ада прикинула размеры официального обвеса и трости, и с недоумением воззрилась на аватару госпитального судна:

— На тебя что, Туман работает?

— Не-а, — довольно улыбнулась Ксения. — Просто к техникам нужно знать правильный подход.

Госпитальер, протянув руку, помогла Эмден выбраться из кокона нового саркофага, и, сходу вручив в подрагивающие пальцы простенькую на вид трость образца позапрошлого века, лёгким шлепком по попе задала направление на выход.

— И не забывай мои слова о нагрузке, Лебедь.

— Спасибо, Ксения, — Ада остановилась перед дверьми, обернулась: — А тебе нужно поспать, док, очень нужно.

— Иди уже, — фыркнула Иртыш, сама тайком косясь на дисплей и радуясь, что на сегодня активных задач больше не осталось.

Кивнув, Эмден, осторожно опираясь на трость, покинула палату и направилась к подземному переходу. Сообщение Владе отправлено, и та сама её не простит, если Ада после долгих процедур не поест нормальной пищи.

Эмден едва заметно улыбнулась, представив на миг Мутсу в костюме нянечки, с бутылочкой активного питьевого раствора из спецрациона Дев Флота.

Под ярко освещёнными сводами перехода разнёсся тихий смешок:

— А ей, определённо, такой наряд бы подошёл.

***

Мутсу

В чём самое главное отличие преподавательского крыла общаги, так это в заведомой избыточности жилого пространства. Весь педсостав с лёгкостью умещался на одном этаже, а ещё два пустовали в резерве. Так что директор пошёл навстречу, сам резонно рассудив, что преподавателю, пусть и временному, не дело обитать в гостевой зоне, и без лишних вопросов подписал запрос на выделение жилого помещения. Специфика психологии рейдера ни для кого не была тайной, а потому на третьем этаже были переведены в актив две комнаты, в начале и конце коридора. В дальнюю временно заселилась Анубис, ей легенду прима-драйвера ломать ни к чему, а остальные о новой категории пилотов-командиров знают слишком мало, искренне считая, что драйверам на кораблях выделена только бронекapsула

управления. Туманница, конечно, могла жить в своём корпусе, но тогда это вызвало бы волну избыточного интереса, потому Аида пошла навстречу, с искренним интересом влившись на правах проходящего слушателя и приглашённого технического специалиста в учебный поток первого курса.

Эмден же заняла ближайшую к лестнице комнату, спокойно пояснив в первые же часы своего пребывания на территории Школы, что боится окончательно одичать, и потому ей жизненно необходимы посторонние шумы.

Для Мутсу это было настоящим откровением. Одиночка, рейдер, гроза Глубинных южных морей, настоящая Легенда — и, оказывается, у неё тоже есть страхи.

Пригладив растрепавшиеся волосы Ады, спящей, свернувшись в клубок, Мутсу едва ощутимо поцеловала девушку в ключицу, остро очерченную в сумраке неяркого ночника, и, заботливо подоткнув одеяло, тихо покинула комнату.

Тёплая шинель, наброшенная поверх ночной рубашки, достаточно хорошо защищала от порывов холодного ветра, берцы похрупывали свежим, довольно влажным снегом, а большего Владе и не надо было. Нет, простыть для Девы Флота — задача нереальная, да и замёрзнуть — это ещё надо постараться, но привычка к минимальному комфорту надёжно въелась в кровь.

А в курилке не пусто. Длинные светлые волосы полощет ветром, в глубине высоко поднятого воротника медленно тлеет сигарета. В тонкой, узкой кисти студентка катает снежок.

Гнейзенау. Только немка да Николь отваживаются выбраться на перекур во время отбоя, остальные терпят до утра.

Тихо присев рядом, Мутсу снарядила трубку, с удовольствием раскурила ароматный табак, не в силах удержать на лице мечтательную улыбку. Всё, на что ей хватало силы воли — это удерживать приглушённой внутреннюю связь, иначе перебудила бы всё общежитие дикой волной счастья, восторга и радости за Эмден.

— Тоже не спится? — глуховатый голос немки выдернул Владу из лёгкого оцепенения.

— Как видишь, — хмыкнула Мутсу, с неудовольствием заметив, что трубка, позабытая в руках, почти погасла. — А ты чего такая грустная, Грейс?

Шапка светлых волос качнулась, из-за воротника донёсся горький смешок:

— Честно? Надо бы к экзаменам готовиться, подтягивать навигацию и астрономию, а вместо этого я пытаюсь понять, отчего мне так не везёт...

— Наследие прототипа?

— Нет, — отправив дотлевшую сигарету в урну, Гнейзенау прикурила следующую. — С этим-то проблем нет, госпожа Влада. Миновала меня сия печальная участь.

Озарение вспышкой прокатилось по сознанию Мутсу:

— Дела любовные покоя не дают?

— Да были бы они, эти дела... Их отсутствие напрягает, понимаете?

Влада подняла в памяти личные дела учениц, вспомнила психопрофиль немки с построенными вероятностными аналитическими моделями поведения.

— Мне хочется разрядки, хотя бы простого понимания... Да, слезами и соплями истекать не дело для линейного крейсера, я знаю, но...

— Разрядки? А разве?..

Немка впервые повернулась, посмотрела прямо в глаза Владе:

— Игрушки не интересуют, а хваленые боты... Вы их сами видели? На такое только

чокнутые янки и полезут с голодухи. Да и вообще, плевать на секс, мне просто не хватает обычного человеческого тепла...

Мутсу, вполуха слушая откровения Грейс, старательно воскрешала в памяти детали её психопрофиля. Вот ещё одна проблема канмусу — зачастую психологический портрет и футур-аналитика, выстроенные на множестве социальных, поведенческих, этико-моральных, когнитивных и множества иных слоёв реципиента Духа корабля, очень быстро теряли какую-либо значимость и смысл, и, следовательно, лишались статуса достоверной информации, пригодной для просчёта будущих действий Девы Флота.

За примером даже далеко ходить не надо — вот рядом сидит, руку протяни, дотянешься. Реципиент — довольно асоциальный элемент общества, одних только приводов в полицию за полтинник, и ещё букет пусть и довольно ничтожных для лояльных законов Европы, но — правонарушений: нелегальное употребление наркотических средств растительного происхождения в общественных местах, публичное оскорбление представителя власти, нахождение в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, участие в массовых избиениях педофилов, уже лет пятьдесят, как признанных на территории Консолидации сексуальным меньшинством, стычки с мигрантами Ближнего Востока, и так далее, и тому подобное.

После инициации — как подменили. Вывела с тела все татуировки, кроме одной, разорвала отношения с прежним кругом общения, завязала с показным антисоциальным поведением, с энтузиазмом и настоящим интеллектуальным голодом накинута на науки...

В нынешнем психопрофиле доминировала модель одиночки, не склонной к скоропалительным решениям и кратковременным связям, с восьмидесятипроцентной вероятностью полного отказа от половых партнёров в пользу заменителей, с почти стопроцентными шансами ярко выраженной симпатии националистическим идеям.

Поставив зарубку в памяти о несоответствии базовой модели реальным действиям, Мутсу повторно набила трубку, старательно раскурила, кутаясь в клубы дыма в редкие моменты безветрия.

— Если я правильно помню, — Влада, откинувшись на спинку скамейки, с удовольствием вытянула ноги. — У тебя имеется интерес к Ариэлле, так?

Даже в мягком сумраке ночи было видно, как потемнели кончики ушей Грейс.

— Всё настолько очевидно?

— Психологи стараются отрабатывать свой хлеб, — пожала плечами Влада. — А у неё... кхм... несколько иное мнение и вкусы, так?

— Угу, — кивнула Гнейзенау, закуривая очередную сигарету. Смятая пустая пачка беззвучно скрылась в тёмной пасти урны.

Влада лихорадочно перебирала вспомогательные модели, искренне коря себя за поверхностное изучение личных дел. Расслабилась... Но на память она никогда не жаловалась, а после инициации и вовсе забыть что-либо стало делом неосуществимым в принципе: знания, информация могли осесть на задворках памяти, оказаться перекрыты новыми, более свежими слоями... Но — окончательно они не исчезали.

Вот и сейчас развернулись схемы, когда-то давно мелькнувшие почти что мимо сознания, и потребовалось некоторое усилие, чтобы поднять их наверх, очистить от ненужных ассоциативных связей, провести сверку и совместимость с психопрофилями и моделями поведения остальных учениц.

— Ты свой психологический портрет когда в последний раз смотрела?

Гнейзенау недоуменно пожала плечами:

— Никогда.

— То есть?

— Как понимаю, на территории Европейской Консолидации такая информация принципиально не попадает в руки канмусу.

— Жопоголовые ублюдки, — зло выдохнула Влада. — Завтра же исправим положение. Но знаешь... Исходя из твоего профиля, у тебя есть минимум две кандидатуры на статус очень близких друзей.

Грейс заинтересованно повернулась к Мутсу:

— Кто же? И... стоит ли верить психологам, составлявшим картину моего поведения?

— Нашим — определённо можно верить. А корреляции... Первая — Софья, её неуёмная энергия и общий характер противоположны твоему, а значит, есть очень большие шансы взаимно дополнить друг друга, компенсируя своими особенностями недостатки каждой из вас.

Грейс улыбнулась уголком рта, грустно посмотрела на Владу:

— А вторая? Катарина?

Мутсу покачала головой:

— Дельфин проходит по третьему уровню корреляций. На первом, если убрать из расчёта инвертированную схему с Соней, останется только Николь.

Гнейзенау разочарованно вздохнула:

— Мимо, госпожа Влада. Свободное место давно и надёжно занято.

Мутсу тихо рассмеялась:

— Что не мешает той же Муракумо получать психологическую и дружескую поддержку и от Ники, и от Карины. Кстати, о Свири... Что касательно второго уровня, он полностью состоит из тех, кого коснулось орбитальное Пробуждение. С любой из них у тебя немаленькие шансы подружиться и хоть таким образом найти разгрузку. Пусть и не полноценную, но вполне достаточную.

— С галлийками у меня как-то не дружится, — Грейс хмуро посмотрела на прогоревшую сигарету.

— Тогда повнимательнее посмотри на Николь. Император обладает на удивление мощной и вместительной зоной психологического комфорта.

Вычистив трубку, Влада поднялась, стряхнула налипшие на плечи и рукава снежинки.

— Я не настаиваю, упаси Бездна, но... Грейс, ты всё же имей в виду такой расклад. Ваше здоровье и уверенность в своих силах — залог ваших жизней. И... поверь, последнее, чего я бы хотела бы — это чтобы жизни ваши были короткими... Я устала терять тех, кто дорог...

Вздыхнув, Мутсу спрятала трубку в пенал и, кивнув на прощание, отправилась в корпус. И почти у поворота слышала сдавленный шёпот:

— Я... Я попробую, Влада.

***

Агата

Высокая светловолосая девушка с крайне задумчивым видом сидела, подтянув к груди колени, на носовой башне ГК. Рядом бестолково суетились сервисные боты, не в состоянии

понять, что же требуется отремонтировать, запускали сканеры и активировали дефектоскопы, пощёлкивали внешними форматорами и шипели радиаторами термосброса, впустую гоняя наномат внутри транспортных контейнеров и синтезаторов.

Устав от их хаотичного мельтешения, Агата небрежным взмахом руки отправила их чистить корпус — хоть какая-то польза будет.

Причины для вдумчивого размышления у девушки имелись. Вялотекущая и низкоприоритетная цель — легализация на Большой земле, желательна на континентальной Евразии. Слишком многих она потеряла, слишком давно не чувствовала знакомого бурления привычной ОТС... Всего — слишком...

Эмден... Девушка, ощущаемая ею как корабль, подтолкнула к принятию решения, вселила робкую надежду на благоприятный исход. Осеть в той же Российской Империи, пройти курсы социализации и адаптации, и потихоньку искать своих...

Агата почти решилась.

Почти.

Шифрованный пакет, полученный ею от наземной сети разведки, резко перечеркнул все возможные планы. Перечеркнул, перевернул, заморозил и отодвинул. Ей потребовалось почти полгода, чтобы потихоньку, без привлечения лишнего внимания, протолкнуть вместе с остальными претендентами своего кандидата. И не далее, как сегодня утром её буквально смело с постели экстренным сообщением на резервной частоте. Агент выявлен.

Легендирование им не сломать, в мозгах ковыряться — себе дороже. Значит, остаются традиционные пытки и, как финал, ликвидация. Агата с сожалением вздохнула — ей совсем не хотелось терять столь ценные кадры, тем более, на выращивание и обучение агента она потратила пять с лишним лет. Жаль... Но — она вполне ещё может успеть снять слепок получившейся личности. Мозг и нервная система после этого перегорят, обратятся в биокашу, но у неё таким образом сохранятся образ сознания, память и навыки агента.

Её флот, лишённый полноценной поддержки плавучих и ремонтных баз, всё же справился с поставленной задачей, сумел вырастить ничем не отличимые от человеческих клетки, способные по сигналу извне в кратчайшие сроки перестроиться в пусть и примитивный и маломощный, но — полноценный квантовый передатчик. Агата и её соратницы даже разработали уникальный алгоритм записи и хранения данных, благодаря чему агенту для эвакуации полного слепка не требовались ни ядро, ни сложная, довольно громоздкая конструкция внешнего переносного передатчика.

Агата почти физически ощущала боль в избитом, измочаленном теле. Химические коктейли превращали кровь в яд, подавляли мыслительную деятельность, глушили наведённой синестезией — расшатывали психику, пытались пробиться сквозь скорлупу надёжно выстроенных щитов и не зацепить триггеры гипноблокады.

Агент держался. Истинный слой разума в это время спешно архивировал все знания того, кто искренне считал себя человеком, узконаправленными микроскачками давления дёргал акцепторы, отвечающие за начало перестройки нервной ткани, контролировал процесс преобразования биологических систем организма.

Спустя десять долгих минут, миновав прекрасно замаскированные ретрансляторы, просочившись через мощную систему фаерволов и фильтров, на внешний резервный накопитель наконец-то стала поступать передаваемая информация.

А ещё через три минуты, завершив передачу полного слепка личности, внедрённый агент, искренне считавший себя человеком, Тревор Ди. Келамью, сертифицированный

охранник класса Y-0, старший офицер второй смены уровня G5 левого крыла тюрьмы для особо опасных заключённых "Солткост", так же известной в узких кругах как спецобъект "Зона-57", скончался, не приходя в сознание.

Агата догадывалась, что результаты вскрытия всерьёз озадачат судмедэкспертов: редкая форма сверхострой аллергической реакции на введённые препараты, вызвавшая двухфакторную цепную реакцию — скачкообразное глобальное подавление иммунитета и каскадное увеличение температуры тела. Те клетки передатчика, что не распадутся естественным путём, в любом случае успеют перестроиться в первичную форму и будут уничтожены в тот момент, когда белок начнёт сворачиваться.

Те же, кто пытался сломать волю агента, кто прикладывал все силы и возможности, чтобы вытряхнуть из мистера Келамью хоть какие-то зацепки, получают лишь невнятный намёк на шпиона-многостаночника. Агата не зря потратила уйму времени, выстраивая достоверный образ парня, для которого есть лишь три святыне вещи: деньги, оружие и нетерпимость ко всем, кто не верит в демократию.

Девушка внесла в его верхние оболочки сознания тщательно составленную непротиворечивую сеть фактов, домыслов, выдуманных поступков и событий, всячески уводя фокус внимания от Тумана. Теперь контрразведка будет рыть его окружение, пытаясь выяснить, куда делись контактные лица трёх разведок мира, и почему нет реакции базового нанимателя Тревога — Федерального управления по борьбе с нарушениями этики и морали в пенитенциарных заведениях ОША.

— Хорошая работа, мистер Келамью, — девушка с искренней благодарностью погладила повисшую рядом с ней в воздухе сферу размером с футбольный мяч, словно бы собранную из матово-чёрных шестиугольников. — Я обязательно верну вас к полноценному существованию, но для начала — позвольте извлечь вашу память.

Вновь пробежавшись тонкими пальцами прирождённого пианиста по чёрным пластинкам, Агата прикрыла глаза и положила на сферу обе ладони.

И внешне ничего не произошло.

Только на миг сверкнули сквозь тонкую кожу век насыщенно-алые круги там, где должны были находиться зрачки.

И вновь над кораблём повисла тишина.

Полная. Оглушающая.

Не предвещающая ничего хорошего.

Канмусуносец

Я смотрел в зеркало, девушка, отражающаяся в нём, смотрела на меня. Поправить воротник, прикрывая едва заметное пятнышко засоса, вяло улыбнуться себе, радостно — Рине, беззвучно подходящей сзади.

Вздыхнув, вновь окинул себя взглядом — нигде ничего не болтается, не висит, не сбилось, — и отошёл от зеркала.

Свирь, соблазнительно потянувшись, протяжно зевнула:

— Импи, тебе не кажется, что нас слегка нае... кхм...?

— Нагешефтили в обход наших интересов?

Девушка звонко рассмеялась:

— С твоими формулировочками дорога прямиком в дипломатический корпус.

— Не вариант.

Отражение Карины скосило на меня зеленющие глаза:

— Поубиваешь всех, одна останешься?

— Ну да, — я, вернувшись к столу, достал рюкзак, перепроверяя содержимое. — Сиротинушку всякий обидеть норовит.

Кажется, я даже услышал хлопок воздуха — а вот его волна ощутимо ткнулась в спину за миг до того, как тонкие, но исключительно крепкие ручки Рины обняли меня.

— Ты не одна, Ника, — жаркое дыхание девушки почти обожгло мочку уха. — Я, Шин... да любая из Дев — мы твоя семья.

И столько заботы, нежности и уверенности в своих словах было в голосе Рины, что в носу предательски защипало. И ведь и вправду — свои. В какой момент это произошло, вот так, с ходу, и не скажешь, а вот сейчас понял — именно так. Нет никого ближе и дороже девчонок официально штрафной группы, а взглянуть шире, так и всего курса. Даже Синтия, и та воспринимается как взбалмошная, невезучая и дико неуклюжая, но милейшая сестра.

Я хотел было повернуться, обнять в знак благодарности Свирь, но не успел. Мягкие губы обхватили мочку, острые зубки слегка прикусили нежную кожу, тут же место укуса ловко промассировал упругий, горячий язычок, вызвав дрожь вдоль позвоночника и разом превратив ноги в нечто ватное с сомнительным коэффициентом устойчивости.

Рина отпустила меня, вновь вернулась к зеркалу, сама правильно рассудив, что увлекаться не стоит — первый день занятий в новом семестре начинать с прогулов совсем не резон.

— И всё-таки ты права, Ника, — словно ничего и не случилось, ровно продолжила тему Свирь. — С отдыхом нас конкретно так нагешефтили. Не в нашу пользу...

***

После обеда Мутсу собрала нас на выходе из столовой, и, дождавшись, пока последние студентки разбегутся по занятиям, кивнула на загадочно улыбающуюся Аиду:

— У прима-драйвера "Анубиса", Аиды Траумфорд, есть для вас объявление.

— Спасибо, Влада, — кивнув сестре Нагато, Анубис сделала шаг вперёд. — Итак, мои дорогие Девы. Ни для кого не секрет, что вы, мягко выражаясь, остались несколько недовольны сокращением каникул более, чем в четыре раза. Директор тоже не в восторге; может быть, вы не в курсе, но на его запрос о проведении практики на закрытом полигоне руководство Школьного управления ГШ ОФ ООН положило конкретный такой болт. Поэтому коллективный разум руководства Школы и педсостава, при поддержке товарищей-безопасников и с молчаливого одобрения куратора проекта "Прометей", пришёл к решению о совмещении первой полевой практики и компенсации за упущенный отдых.

Анубис широко улыбнулась:

— Выходим завтра, в четыре утра, погрузка с третьего причала полигона "Затоны". Руководитель практики — госпожа Мутсу, организация отдыха — на мне. Влада?

Зеленоглазая красавица кивнула:

— На сегодня для вас оставшиеся занятия отменяются, банный комплекс и прачечная работают вне очереди. Касательно вещей: помимо стандарта разрешается взять летнюю одежду и гражданские купальники, если таковые у кого-нибудь ещё остались.

Девушки переглянулись, Ари качнулась вперёд, явно собираясь о чём-то спросить Мутсу, но была остановлена её мягкой улыбкой:

— Маршрут полёвки немного изменили, не всё же задницы в Северном полушарии

морозить. Ещё вопросы? Вопросов нет, молодцы. Вольно.

***

"Анубис" не идёт — летит над волнами. Кильватерный след, вопреки законам физики, почти отсутствует, да и сама Аида с законной гордостью хвастается, что более бесшумных кораблей в мире на данный момент нет.

Скорость — сумасшедшая. Даже с мостика волны сливаются в сплошной ровный ковёр.

— Аида... — я повернулся к Туманнице. — А с какой скоростью ты идёшь?

— Крейсерская, — улыбнулась девушка. — Сто двадцать узлов.

Ёптыть!.. Быстрее только торпеды бегают...

— Ну-у-у... — протянула Дева Тумана, — при желании и торпеду обогнать могу.

— Я... Вслух, что ли?

Вместо ответа Аида кивнула на Мутсу, с лица которой не сходила блаженная улыбка.

— Нет, но на ваших лицах написано достаточно, чтобы сделать нужные выводы.

Девушка поводила раскрытой ладонью перед глазами Влады и, не получив ответной реакции, повернулась ко мне:

— Залипла девочка, — пояснила она. — А ты чего не в каюте?

Не признаваться же, что массажа за авторством Рины мне не досталось, да и сама госпитальер уработалась на волне позитива так, что в предбаннике и уснула, как и остальные девчонки, и мне пришлось работать службой доставки, разнося канмусу по комнатам и настраивая будильники. После чего на сон времени уже осталось...

— Хорошо они вчера отдохнули, а я до вечера уж как-нибудь продержусь.

Аида, молча поманив за собой, привела меня по короткой лестнице в небольшую, уютно обставленную каюту. Личные апартаменты Анубиса, если чуйка не подводит. Никакой помпезности и излишеств. Откидная кровать, массивный стол и мягкое, глубокое кресло, кожаный диван у стены да мягкий ковёр с толстым ворсом.

Я неуверенно потоптался у комингса, соображая, где оставить обувь, внутри или снаружи, но Аида просто махнула рукой:

— Не бойся натоптать, боты-чистильщики здесь в режиме постоянного наблюдения.

Пожав плечами, мол, хозяин — барин, ему виднее, я осторожно встал на краешек ковра.

— Прости, Аида, но это настоящее святотатство, такую красоту сапожищами топтать, — буркнул я, выбираясь из берца. Беготни не предполагается, так что и портянки не очень-то и нужны, да и качество обуви более чем на уровне. Пальцы с удовольствием ощутили пружинящий ворс, и даже плотная ткань носок не стала преградой.

Я с наслаждением сделал несколько шагов, чувствуя, как непроизвольно губы расползаются в счастливой улыбке, а руки готовы вот-вот раскинуться в стороны, помогая телу закружиться в бессмысленном движении.

— Ка-а-айф! — хрипло промурлыкал я, целиком отдаваясь почти оргазмическим ощущениям.

— Кофе, травяной отвар или коньяк? — тихо поинтересовалась Аида, явно стараясь не мешать моему слегка дебильному поведению.

— Коф-ф-фе, — как же здорово, оказывается, чувствовать стопами такое шикарное покрытие пола!..

Но, всё же, спустя минут пять бессмысленного топтания у входа, я сумел взять себя в

руки. Встряхнулся, с тоской поняв, что в общаге мне этого изобретения человечества теперь абсолютно точно будет не хватать.

— Прости, увлеклась, — лёгкий поклон Аиде, весело скалящейся из кресла.

— А ты подбросила мне хорошую идею, — подмигнула бордоволосая девушка. — Я как-то не додумалась разместить аналогичное покрытие в жилой зоне... Вечером Влада соберёт всех на инструктаж, в это время боты исправят мою оплошность.

Я, получив беззвучное разрешение от Туманницы, медленно прошёл вдоль свободной стены, едва касаясь пальцами стеклянистой прослойки, зачем-то прикрывающей ниши из металла. До меня не сразу дошло, что это не украшение, а натуральное панорамное окно, закрытое в данный момент бронированными заслонками.

Бросая короткие взгляды на задумчиво изучающую потолок Аиду, я всё никак не мог соотнести вот эту вот красивейшую девушку и натуральный скоростной корабль. Ну вот не умещалось в голове, что у Анубис, по факту, два тела: биологическое, сидящее за столом, и собранное из металла, внутри которого мы, собственно, и находимся. Прохлада оконного покрытия сменилась на удивление тёплым гладким металлом, а я, внезапно сообразив одну простую вещь, ойкнул и торопливо спрятал руки за спину.

— Что такое, Никки?

Сев в ближайшее кресло, старательно затолкал кисти под бёдра, чтобы своими хваталками не натворить чего-нибудь, что Аида может счесть противоестественным.

— Мне... Мне сейчас показалось, что мы, люди, находясь внутри твоего корпуса, ведём себя как паразиты...

Цепкий взгляд умных глаз скользнул по моему лицу, телу, надолго задержавшись на руках, а сама Анубис, покачав головой, с каким-то грустным выражением лица пододвинула ко мне поднос с кофейником, чашкой и блюдцем:

— Не имела бы я на руках твоей карты ДНК, сказала бы, что ты явно являешься родственницей одного замечательного человека, — глаза девушки затуманились, кажется, даже наполнились на несколько секунд едва сдерживаемой влагой, а на лице проступила грусть. Но прошёл миг, и Анубис, встряхнувшись, вновь прежняя: улыбчивая, весёлая, хоть и слегка отстранённая. — Помню, он так же, впервые оказавшись внутри корабля, выдал такую же аналогию. Только, кхм, более сочную. О гельминтах и прочих бычьих цепнях.

Я уткнулся носом в чашку, чувствуя, как уши потихоньку наливаются красным.

Вот тебе, бабка, и Юрьев день...

Нет, то, что Туманницы вполне вольготно себя чувствуют на территории Империи, Свирь и Марина рассказывали не единожды, и было бы глупо предполагать, что Аида у нас появилась, не имея до того никаких контактов с людьми. Но вот её поведение... Если это не показательная игра на публику, то, опираясь на столь скудные данные, можно придти к одному простому выводу: упоминаемый аватарой "Анубиса" человек был ей близок в достаточной степени, чтобы оставить сильный отпечаток в памяти и чувствах.

И — у меня просто язык не поднялся уточнить, что случилось с этим человеком и где он сейчас. Незачем грязными руками лезть в чужие раны.

А девушка только благодарно кивнула, рассеянно потеряв ладонью место под межключичной ямкой. Белая непрозрачная блузка не позволяла рассмотреть, висит ли на её шее какое-то украшение или движение просто продиктовано внутренней тоской...

Отпив кофе, Аида расслабленно откинулась на высокую спинку кресла:

— В целом, Никки, сравнение некорректное. Вы, с моей точки зрения, не паразиты, но

симбионты. Ведь в ваших телах обитают мириады бактерий и прочих микроорганизмов, без которых жить, конечно, можно, но очень недолго и весьма печально. Наше развитие давно вышло за минимум потребностей: раньше мы могли годами курсировать, не задумываясь ни о времени, ни о желаниях, а сейчас — очень скоро скатимся в непрерывную череду отладки и самодиагностики, финалом которой, в лучшем случае, будет аварийный сон, а в худшем — накопление критических ошибок и, как результат, полный сброс ядра до базовых настроек, — Анубис невесело усмехнулась, согревая в ладонях чашку. — Обретение биологических тел познакомило нас не только с паттернами поведения людей, но и с неизбежным эмоциональным фоном. А у него есть не только светлые стороны, Дева. Познав радость, мы познали грусть, познав счастье, довеском обрели чувство тоски, узнав, что такое смех, научились плакать, а обрета дар общения, на сдачу получили горький плод одиночества...

Аида зябко дёрнула плечами, тем не менее, умудрившись не расплескать ни капельки кофе.

А меня неуклонно потянуло в сон.

Заметив это, Анубис понимающе улыбнулась:

— Иди спать, Никки, всё равно ближайšie пару дней ничего интересного не произойдёт.

Зевнув, я благодарно кивнул Туманнице и почти успел подняться из-за стола, как Аида, хитро сверкнув глазами, чуть наклонилась, заговорщицким шёпотом поинтересовавшись:

— Я... Не очень уверена в том, правильно ли поступила, разместив вас троих в одной каюте... Но мне показалось, что между вами отношения несколько ближе, чем с остальными Девами. Поэтому, если я ошиблась, так и скажи, свободных кают с избытком, разместиться хватит всем с комфортом.

А я, откровенно говоря, растерялся. Выходит, план заселения составляла сама Анубис? Теперь понятно, почему и Свирь, и Совушка оказались вместе со мной.

— Я прекрасно понимаю, как молодость действует на ваши тела и сознание, и что правила вашей Школы в этом плане достаточно строги. Поэтому, пока не введён жёлтый уровень тревоги, активная аппаратура связи находится в спящем режиме, все коммуникации осуществляются посредством селектора или видеозвонка с терминала.

Я смущённо потупил глазки в пол.

Туманница! Искусственный интеллект! А понимания и человечности в ней, кажется, гораздо больше, чем в некоторых особях вида хомо сапиенс. И заботится о нас, хотя вполне в праве обеспечить минимум удобств, и ничего мы против не вякнем.

— Благодарю, Аида, ты — настоящий друг!

Девушка расплылась в растроганной улыбке, кажется, даже слегка порозовели щёчки.

— Да ладно тебе... И... Если что, каюта слева от вас пустует, ключ, — аватара корабля кивнула на моё запястье, — оттиск.

Я замер, будучи не в состоянии понять, чего мне сейчас хочется больше — обнять в знак благодарности Аиду или же поспешить с настолько прекрасными новостями к Рине.

Впрочем, Анубис за меня решила эту дилемму:

— Беги к своим красавицам, Никки, потрепаться, если захочешь, успеем и позже.

Кивнув на прощание, я запрыгнул в берцы и, не удосужившись даже их толком зашнуровать, поспешил в каюту. Не скажу за весь Туман, но Аида — чудо.

Мутсу всё так же стояла на мостике, разве что сместилась ближе к панорамному окну, с жадностью вглядываясь в набегающие волны.

Она даже не вздрогнула, когда на её плечо опустилась рука Аиды, только чуть склонила голову:

— Давно я в открытом море не была...

— Может, пока не поздно, отправить транспортного дрона за Эмден?

Влада покачала головой:

— Не стоит, Аида. Одну её не отпустят, пока не закончится сбор и анализ данных нового алгоритма адаптации, а секретчики... Не те люди, с которыми приятно выбираться на отдых. Аде нужно придти в себя, да и с новым варсьютом освоиться не помешает.

Анубис подняла видеоархив с примеркой новой брони Эмден, с удовольствием отметив, что в нём Ада и в самом деле, как никогда ранее, оправдывает неофициальное имя прототипа — Белый лебедь Востока. Вопреки традициям, окрашена броня была не в серый и тёмно-синий, но в белый с незначительными золотыми вставками.

Особые верфи разошлись не на шутку в создании образцов новой серии, Анхелла, помнится, с восторгом отзывалась о конструкторском таланте Затворницы, вышедшем на новый виток развития. Отдельная серия наградных варсьютов типа "Алконост", помимо привычного вооружения, обладала так же весьма приличными скоростными характеристиками, позволяя на ровной воде держать уверенные сто десять узлов, при волнении до пяти баллов — вообще идти в рамках золотого стандарта, а при волнении свыше пяти — спокойно держаться на двадцати пяти — тридцати узлах. Ну и отличительная особенность серии — независимый микрогенератор и выносные эмиттеры гравитации, позволяющие либо планировать над водой, либо совершать частые и высокие прыжки. Запланированные изначально как вспомогательное средство экстренного подъёма из-под воды в случае захвата Глубинными, дополнительные элементы костюма, столь похожие на стилизованные крылья, внезапно оказались настолько удобны в применении, что после некоторой доработки и вовсе стали реализацией новой вехи концепции боевых съютов. А чтобы заклятым друзьям, потенциальным кротам и просто любопытным стало и вовсе страшно, система получила громоздкое унифицированное наименование "КГГИ-8ШС", ту же сокращённое до "Карнеги Шаз". При чём тут психоолух с профдеформацией на успех, никто ответить внятно не смог, но это ж русские, у них всё странно и непонятно.

А аббревиатура расшифровывалась просто: компактный генератор гравитационной инверсии — 8 (эмиттеров) (Шикарно Смотрятся)! Ну и, естественно, выдано наименование было с целью окончательно всех запутать, потому что не генератор, не гравитационной, и не инверсии — в рамках известной людям физики.

— Как девчонки? — поинтересовалась Мутсу, не отрывая взгляда от горизонта.

— Отсыпаются, — улыбнулась Анубис. — До обеда из кают точно не вылезут.

Влада, скрестив руки на груди, добро улыбнулась:

— Пусть поспят, мальки. Кстати, на какой именно берег заходить будем? В конторском циркуляре только общие формулировки о пересечении экватора.

Аида развернула в воздухе голографический экран, вызвала на него карту.

— Могу и до Соломоновых островов довести, там неплохо.

— Далековато, — отрицательно качнула головой Влада. — Да и австралийцы могут

неправильно понять...

— Пф! — хмыкнула Анубис. — Там атоллов и мелких островков столько, что до конца жизни можно новые на картах рисовать. Есть на примете парочка уютных мест с пресной водой и довольно приличной растительностью, с нормальными пляжами и без всякой условно-опасной живности.

Влада кивнула, с трудом оторвала взгляд от моря, прислонилась спиной к тёплому пакету окна:

— Уже легче, Аида. А... Про пустые каюты ничего им рассказать не успела?

Анубис осуждающе покачала головой:

— Влада, Влада, дай девочкам наверстать упущенное.

— Да я не против... Просто...

— Боишься, что канмусуносец превратится их стараниями в плавучий бордель?

— Честно? И это тоже... Но ты ведь и сама, случись что, заставишь их пятый угол искать. Просто... У них с дисциплиной пока не очень, как бы на исходные не откатилось всё.

Аида на несколько секунд прикрыла глаза, формируя из наномата пару кресел, села в одно, кивнув канмусу на другое:

— Не откатится.

— Ты ведь даже их психопрофили не видела.

— Не видела, — спокойно согласилась аватара корабля. — Но чувствую.

Влада удивлённо приподняла бровь:

— Туманницы открыли в себе дар к прекогностике?

Анубис едва слышно рассмеялась:

— Ни в коем разе, Влада, я на роль эспера не тяну. Всё гораздо проще: футур-аналитика на основе полученных за время общения поведенческих матриц. На психопрофили опираться ещё рано, под них базу наработывать не один год, а сделать краткосрочный прогноз, опираясь на распределение поведенческих особенностей и проявленных черт характера, не так уж и сложно.

Мутсу, нащупав стопор поворотного механизма, провернула его, оттолкнувшись ногой, сделала пару оборотов вокруг оси. Остановившись, слегка придавила его, оставив небольшой люфт свободного поворота. И с интересом посмотрела на Туманницу:

— Хочешь сказать, что можешь дать прогноз поведения моих девочек на ближний прицел?

— Да, — кивнула Аида. — Для примера: после пробуждения Камилла проигнорирует столовую, сразу отправившись изучать оружейку и арсенал. Ариэлла и Софья, с достоверностью в девяносто пять процентов, поступят так же, но акцентируют внимание на системе выхода за борт и особенностях обустройства десантного шлюза. Катарина, как более сдержанная, сначала примет пищу, и только потом уже отправится в дронохранилище...

С пониманием кивнув, Влада улыбнулась:

— А Карина, надо предполагать, из постели сразу же в медотсек десантируется?

— Именно так.

Откинувшись на спинку кресла, Влада уставилась в потолок.

— Вот ещё, пока не забыла. Кто на подтанцовке?

Два слова: техника безопасности.

Совершенно непонятные Аиде, алогичные, но, тем не менее, абсолютно действенные

пресловутые законы Мёрфи. Первая практика на большой воде проводится в зонах с нулевым или наименьшим количеством Глубинных на кубический километр. Зоны подготавливаются заранее, зачищаются, по периметру высаживаются бакены-сигнальщики, генерирующие помехи и неприятные Флоту Бездны звуко-световые и электромагнитные сигналы. Нет, противостоять им звуком бесполезно, но сбавить любопытство на недельку-полторы вполне по силам. Потом голод и команды прайм-особей всё равно заставят влезть в квадрат, но — это будет уже после того, как юные канмусу покинут зону.

И, само собой, подстраховка. Страховочная группа, усиленная временным интеллектуальным роем всепогодных спутников-наблюдателей и джамперами, находящимися в режиме горячего старта, готовыми либо приступить к эвакуации, либо сбросить десант более опытных Дев Флота попавшим в неприятности малькам.

"Это же полевая практика, ну что может случиться?" — любое ответственное лицо, задавшее такой или подобный вопрос, рисковало получить, как минимум, досрочное увольнение с занесением в личное дело ремарок о неполном служебном и халатности, а как максимум — и вовсе получить предложение, от которого нельзя отказаться, о романтической прогулке к отнюдь не лирической стенке.

— Группа Берга, — ответила Аида, всем своим видом показывая, что удивлена незнанием Влады сведений, полученных по циркуляру.

Мутсу, впрочем, отмахнулась:

— Немки старого Иоганна, без сомнения, круты, но они — подстраховка. А кто боится страхующих?

Траумфорд, хмыкнув, совсем по-другому посмотрела на девушку — видит гораздо дальше, чем положено по чину.

— Не под запись, сама ведь понимаешь? — дождавшись кивка Девы Флота, Туманница продолжила: — На подтанцовке Альба, Дженни и Сакура, соответственно, подводные лодки "Альбакор" и "Силион", и бывшая "Микаса".

Влада в изумлении распахнула глаза:

— Первый сводный? Мощно... А "Микаса" почему бывшая?

— Внеплановый апгрейд провела, с полной модернизацией корпуса. Была броненосцем, стала — настоящей красавицей! За базу, как и у меня, взят тримаран, на борту имеется мощная группировка многофункциональных дронов и маленький шедевр за авторством Киры и Акаси — генератор многослойного циклонического защитного поля повышенной ёмкости. Если не в курсе, его упрощённый прототип сейчас вешают на спутники, изучающие Меркурий и Солнце.

— Мощ-щ-ща, — восторженно выдохнула Мутсу, вполне себе интересовавшаяся и наукой, а не только искусством бития морд Глубинным и воспитанием подрастающих поколений канмусу.

— Ага, и я о том же. Ну и, помимо всего вышеперечисленного, Сакура на себе расквартировала восьмую дальневосточную ударно-штурмовую. Так что за невинность своих мальков можешь не волноваться.

— Да эти сами кому хочешь уроки показательной дефлорации устроят, не смотри, что неопытные.

— Верю, — улыбнулась девушка, всмотрелась в лицо канмусу и обеспокоено подалась вперёд: — Влада, солнце моё, ты бы тоже поспала часа три-четыре, выглядишь, как будто в морге проснулась.

— И то верно, — внезапно легко согласилась Дева Флота. — Пойду, пожалуй, придавлю пару часиков.

— Не меньше трёх, — суровым, не терпящим возражений тоном, уведомила Аида.

— Лады. Только как мои девчонки просыпаться начнут, меня сразу толкни, ладно?

— Противоторпедным манёвром?

Влада сонно улыбнулась:

— А хоть и так. Голова-то у меня чугунная, если и вылечу из постели, то максимум причёску попорчу.

— Иди уже, чугуниевая дева, на мостике ни шконки, ни, тем более, нормальные кровати не предусмотрены, — хмыкнула Аида.

Туманница некоторое время смотрела на пустой зёв автоматического люка, в котором скрылась Мутсу, а потом, развернувшись вместе с креслом к панорамному окну, активировала затемнение и, поёрзав, устроилась поудобнее в мягких объятиях подстраивающегося под тело материала.

Спать ей совершенно не хотелось.

Разговоры вечерние, отчасти даже интимные

Не так я себе "выход в поле" представлял. Думал, сбросит нас Аида в известном ей квадрате, пожелает всего наилучшего и отчалит по своим туманным делам, оставив нас под строгим начальственным взглядом Влады.

Фига с два.

Поначалу Анубис выгнала нас на обязательное купание: пересечение экватора это вам не хухры-мухры, тут вековые традиции и всё такое прочее. Ну а так как нырять у нас без проблем могут только Ари да Катарина, остальные удовольствовались уже вполне привычным футболом на воде, обливаниями, да чаркой глинтвейна, по паре глотков на всех.

Но больше всего запомнилось не отмечание, а свои ощущения от пребывания на воде. Бассейн, мелководье... Тьфу и растереть! А большая вода — это да.

Волнение почти нулевое, весь циклон остался над Японскими островами, уверенно наползая на Китай и Россию, а тут — солнце светит, мелкие волны шелестят, небо чистое-чистое, и поверх всего этого — развернувшиеся на полную способности канмусу. Первым звоночком стала внутренняя связь, из простой передавалки эмоций и вектора желаний развернувшаяся в полноценную систему обмена сообщениями, а по схожести её плотности и характерных внечувственных ощущений стало понятно, что таковая изначально имелась у сладкой парочки в лице Вольты и Данкерк. С такой связью и забыть, как говорить, не сложно: весь обмен осуществляется на порядки быстрее, полнее и понятнее. Про сам объём информации вообще молчу: как будто широкополосную оптику с пропускным каналом в обе стороны на неприличное количество терабит в секунду напрямую подключили к мозгу.

Следом развернулся радар. Или, если верить всему спектру смутных ощущений, целый комплекс свойств Девы, сочетающий в себе и радар, и эхолот, и дальномер, и ещё целую кучу всевозможных хреновин, на обычных кораблях воплощённых в сотнях механизмов и аппаратов. При том, как ни странно, полученная цельная картинка никоим разом не давила на мозг, существуя словно бы слоем дополненной реальности. Девы ощущались как всполохи тёплого зелёного с мягким привкусом огня, Анубис — насыщенной зеленью биологической аватары и спокойным серым корпуса, рыбы, движущиеся стайками, — размытая бледная прозелень с вкраплениями синевы, поштучные и вовсе терялись на общем фоне.

Странно было чувствовать дно, находящееся на глубине полутора километров, и

живность, копошась в придонном слое песка и ила.

И варсьют, казалось бы, и без того уже родной, совсем перестал ощущаться внешним дополнением или бионическим протезом — вроде бы теперь и своё, да как-то не так, — доспех стал частью меня, а я — частью доспеха.

В целом, сам мозг стал работать в совершенно ином режиме. Нивелировалась эмоциональная составляющая, а способности к аналитике, сопоставлению фактов и быстрых выводов на их основе заняли доминирующее положение. Само собой отпало беспокойство о том, что личные отношения могут пойти во вред — встав на воду, я понял, что я-человек остался на борту, а здесь, на волнах, занимает места в уже привычном походном порядке моя команда-семья, и каждую я чувствую и ощущаю, как себя.

И пришло пронзительно-чистое осознание: остальные воспринимают друг друга точно так же. И это вовсе не значит, что, случись со Свирью или Муракумо беда, я спокойно продефилирую мимо по своим делам, нет. Означает лишь то, что не прекратится анализ окружающей обстановки, не отпадёт поиск оптимальных вариантов решения и выборка наиболее удобного, быстрого и выгодного из них. И, соответственно, это однозначно говорит о том, что на помощь я поспешу, но — с минимальным грузом эмоций, тщательно просчитывая окружение и выстраивая схемы возможного развития событий. Сорваться в истерику, поддавшись эмоциям, и сдохнуть самому и подложить под могильный камень того, кого мог спасти, только из-за дурости собственных гормонов — не самое лучшее решение задачи.

А значит, либо Мать-Природа, либо неведомый некто, давший нам способности и настроивший особенности нашей эволюции, заранее просчитал такие варианты и прикрутил защиту от дурака. Толковый малый, чо там.

Но приглушённые эмоции совершенно не помешали нашим челюстям синхронно отвалиться при виде Мутсу в варсьюте. В Школе Влада обходилась обычным тренировочным доспехом, только вместо оружейных муляжей использовала пневмопушки-имитаторы. Урона у них с гулькин хрен, конечно, но очередь из вспомогательной металлорезки в бок — штука малоприятная сама по себе.

Влада напоминала настоящую валькирию, явившуюся прямиком из мифов. Тяжёлый доспех мод-восемь, так называемый суперхэвик, визуально мало чем отличался от моего, разве что цвет угольно-чёрный, да от талии, прикрывая ноги почти до колен, странной формы не то юбка, не то защитные накладки из металлокерамики, с удобными, совершенно не мешающимися вырезами по бокам, открывающими доступ к слотам подключения модулей. По отдельности каждая часть выглядит массивной и неуместной, но в сборке — на удивление органично и естественно.

Но не это удивило, нет. Вооружение.

Вспомнилась когда-то давно, ещё в самом начале обучения, обронённая кем-то из Дев фразочка: "Плохие девочки любят большие калибры", вспомнилась — и заиграла новыми красками. Если следовать ей побуквенно, Мутсу — плохая девочка. Очень плохая.

Три пары ГК на выносных пилонах, прячущиеся в усиленном наспинном модуле, оснащённом мощным синтезатором БК. Наплечные двойные спарки металлорезок вспомогательного калибра, и такие же — чуть выше колен, удобно расположившиеся между наголенными модулями торпедных аппаратов и под набедренными бомбомётами. Дробовик, упакованный в буллпап, с калибром внушительным — в дуло, наверно, все три моих пальца уместятся. Поясная вспомогательная оружейная система в количестве ещё четырёх стволов,

по габаритам лишь чуть-чуть уступающая главному калибру. Закреплённые на плечах пусковые ракетные модули. Наручи, соединённые со спиной рукавами подачи снарядов и охлаждения, и увенчанные миниатюрными трёхстволками, забранными в радиаторные решётки. Смутно угадываемая сетка ячеек наспинного ракетного модуля. Удерживаемая магнитным захватом цепь-плеть с якорем. Рукояти ножей, выглядывающие из крепежей с внутренней стороны голени. Копьё с листообразным, как у гладиуса, лезвием.

Я, чего уж там греха таить, и в самом деле на её фоне ощутил себя голым: четыре ГК, холодняк, вспомогательный калибр, да полсотни ракет. Что уж говорить о других? Нищета, блин...

А Влада, завернув вокруг нас длинную циркуляцию, остановилась между нами и "Анубисом", убрала непрозрачный шлем и весело оскалилась:

— Не завидуйте, мальки, — а глаза просто сияют яркой, счастливой зеленью. — Чтобы такую гору оружия таскать, много ума не надо, да и любой из вас по силам, а вот управлять ею одновременно... Поверьте, не стоит та жопа, через которую мы прошли, такой сомнительной награды.

И, словно красуясь, Мутсу легко и непринуждённо совершила какой-то головокружительный, лёгкий и воздушный пируэт из тех, что любят крутить фигуристы. И массивная броня ей нисколько не помешала.

Остановилась, забавно склонила голову к плечу и, вздохнув, грустно улыбнулась:

— Ладно, не молчите так грозно, мальки. Расскажу. Вечером.

***

Но до вечера ещё предстояло дожить.

Формально на практику отводится неделя, фактически же, как пояснила Влада, вся суть сводится к детальному прочёсыванию выделенного квадрата и, в случае обнаружения Глубинных, их ликвидации. Выпилили всех, всё, свободны. Жаждете ещё крови — можете глянуть по периметру, если есть мелкие стайки, можно их распотрошить.

Стоит ли говорить о том, что тройку примитивов нашли и ликвидировали наши доблестные субмарины? Глубинные засели в расщелине на дне, потихоньку подъедая кораллы и богатый на металлические оксиды песок. На координацию действий ушла едва ли десятая доля секунды, а миг спустя ледяные красные всполохи Детей Бездны перемешались с кислотной зеленью подорванных торпед, и перестали существовать. В ноги ударила серия упрямых подводных волн, а через несколько секунд, в окружении пузырей придонных газов и воздуха, на поверхность всплыли быстро растворяющиеся чёрные ошмётки тел, больше похожие на лоскуты кожи и неровно нарубленные куски потемневшего, заветрившегося мяса, чем на что-то рыбообразное, характерное для примитивов.

Эсминцы, занявшие охранную формацию, отсигналили, что всё чисто, но мониторить ситуацию не перестали.

В сознание ткнулся разрозненный хор мыслеобразов Дев группы, сводившийся к простому речевому обороту: "Это вся практика?.. Жесть..."

И в самом деле — квадрат прочесали вдоль и поперёк, буквально заглянули под каждый камень размером крупнее кулака взрослого мужчины, просканили все придонные отложения на наличие затаившихся или спящих Глубинных, а всего результата — тройка "диких" примитивов. Шансы, что в последних кубометрах квадрата найдётся ещё хотя бы парочка

Глубинных, стремительно пробили нулевую отметку и на всех парах устремились в область отрицательных величин.

Воля Мутсу отличным порошковым огнетушителем прошла по затлевающим от праведного возмущения попкам Дев Флота: "Ша, малышки, и на вашей улице будет праздник. Но сначала отработаете базовые схемы передвижения, потом покажете, чего умного заметили в паттернах спасоопераций, ну а потом уже будем посмотреть, стоит ли вас, таких красивых, вообще к Бездне подпускать."

***

К вечеру не то, что стоять, сидеть — и то было проблемой.

Усталость — зверь мифический для Девы Флота. С одной поправкой. Физическая усталость. Психологическая и эмоциональная била по мозгам и телу в разы сильнее, чем та же предэкзаменационная нервотрёпка и, собственно говоря, сама процедура тотального отчёта по изученным дисциплинам.

Так что к тому славному моменту, как на небо высыпали мириады звёзд, а по корабельному времени пришло время ужина, твёрдо и уверенно на ногах стояли Мутсу, кипишившая на воде как бы не больше всех нас, вместе взятых, да Аида. Даже Свирь, получившая минимум нагрузки, растеклась по креслу свидом сильно замученной жизнью медузы.

Только Софья, Усугумо и Муракумо сидели с относительно довольными мордашками — не каждый день тебе разрешено слить в ноль весь БК и проверить на деле скорость работы синтезатора БАВ. Так что девочки, когда стало ясно, что Глубинных нам в квадрате больше не найти, приступили к художественному ландшафтному дизайну, и старались, как могли, начисто причесав дно глубинными бомбами, торпедами и ракето-торпедами.

Вот ещё забавная штука, этот самый синтезатор. Принципы его работы для меня оставались абсолютно непонятны, а Спика и Аида, как ни старались упростить пояснение, всё равно забрасывали таким количеством терминов, сокращений и специфических отсылок к целому семейству детёнышей классической физики, что голова наглухо отказывалась воспринимать сей поток информации без вспоможения тонны учебников, методичек, монографий и справочников. Но смысл, если не лезть в потроха аппарата и свести его понимание к концепции чёрного ящика, был прост и понятен: агрегат активно тянул в себя воду, песок, вообще всё, что можно втянуть и загрузить, и на выходе давал боевое активное вещество, кое посредством форматоров лепилось в снаряды и при помощи транспортных рукавов поставлялось непосредственно в оружие. При избыточном наполнении БК сия дивная штуковина переходила в режим хомяка, забивая условно-оружейные вспомогательные контейнеры концентрированным БАВ, а выполнив и эту задачу, забивала до отказа хранилища сыюта прессованным концентратом.

Из самого активного вещества, как и следует из названия, хитрые хреновины, названные форматорами, лепили уже непосредственно и снаряды, и взрывчатое вещество. ВВ, к тому же, представляло из себя некую жидкостную массу, в разы превосходящую по ТТХ привычный порох, и, к тому же, занимающую не в пример меньшее место.

В общем, как говорится, дело ясное, что дело тёмное.

***

Вопреки предположениям, после ужина спать никто не отвалился. Анубис выставила дозор из дронов, а Мутсу волевым начальственным решением отменила на сегодня вахты. Так что всем скопом выбрались на палубу, где Аида, как гостеприимная хозяйка, соорудила нечто вроде пятачка для пикников: толстая тёплая ткань на металле, гора подушечек, низкий, японистого вида длинный столик, на котором разместились чайный сервиз и несколько крутобоких кувшинов с отварами.

За время учёбы в Школе было трудно не заметить, что Девы весьма неровно дышат в сторону всевозможных выварок, отваров, настоек на базе трав и ягод, предпочитая, зачастую, употреблять именно их вместо вполне себе действенных и привычных по прежней жизни кофе, какао и чая.

Так что расселись всей гурьбой в кружочек, благоразумно оставив обувь за пределами покрытия. Вроде бы и экватор уже пересекли, да прошедший по касательной кратковременный шторм погоду отнюдь не улучшил, так что посиделки со стороны, наверное, выглядели забавно: стайка Дев, облачённых в длиннополые шинели, а из-под верхней одежды выглядывают ничем не прикрытые голые стройные ножки и босые ступни. Анубис дополнительно выставила ослабленный щит, прилично гасящий поднявшийся к ночи ветер, но, в целом, без формы было бы весьма прохладно.

Впрочем, неторопливый разговор ни о чём под ярким светом звёзд на пятачке слегка подсвеченной корпусными светильниками палубы, сопровождавшийся употреблением всех сортов чаёв и отваров вприкуску со спецрационом, постепенно добавил тепла, и через какое-то время мы уже сидели в расстёгнутых шинелях, а некоторые и вовсе остались лишь в рубашках да майках — всё-таки на борт поднимались изрядно вымотанными, и сил банально ни на что большее не хватало.

Слева от меня клевала носом Рина, справа, уткнувшись лбом в плечо, мирно посапывала Шинджу, Соня, проигнорировав не очень претендующий на правдоподобность полувозмущённый писк Грейс, устроилось головой ей на коленях и, кажется, тоже задремала, Ари же, сидящая в позе лотоса, загадочно поблескивала глазами, с отрешённым видом обеими руками поглаживая волосы девушек — помимо Камиллы, прилёгшей к её ногам с одной стороны, со второй в такой же позе устроилась Хидори. Тихоне, судя по характерной улыбке потомственного Будды, такое внимание вовсе даже не противило. А Катарина, подтянув колени к груди, уместив на них голову, с открытым ртом слушала балагурящую Мутсу. Аида, смакуя мелкими глоточками очередной отвар, полулежала в лучших обеденных традициях древних греков и римлян, и единственное, чего ей не хватало до полной аутентичности, это античного вида мантии или тоги, хотя и подвязанная под грудью блузка и короткие шорты с широкими спущенными подтяжками смотрелись более чем выгодно.

— ... и вот, значит, везде дым, копоть, кто ещё в сознании, стараются в кашле лёгкие выплюнуть, — раскрасневшаяся, ожившая Мутсу чуть повысила тон, выдернув меня из своих мыслей. — Сирена орёт так, что аж корни зубов вибрируют. И в дверном проёме, прямо в клубах дыма и пепла, возникает длинная, какая-то кривая фигура. И шагает через комингс... тьфу, мать твою, совсем запрофдеформировалась с этой службой... через порог кухни, конечно. И с громким таким стуком верхней частью врезается в притолоку. Косяк в хлам, монстрятина эта, верхней третью откинувшись от удара назад, прёт напролом, что твой носорог, а мы на измене уже сидим конкретно так, и не знаем, то ли бежать пора, то ли уже

бесполезно и какого-нибудь Ньярлотхотепа или, прости Бездна, Аббакума призвали.

Мутсу на миг прервалась, приложилась к чаю, и продолжила:

— И тут эта хренотень обратно разгибается, и ворчит человеческим голосом: "Потише, "Калифорния", не дрова везёшь!"

Катарина, деликатно прикрыв рот ладошкой, рассмеялась:

— И кто это был?

— Дак я ж не закончила ещё, — наигранно возмутилась Влада, всем своим видом показывая, что внимание ей очень даже приятно. — Тут у Ани мозги включились, додумалась открыть окна. И вот, рассеивается дым, и видим мы эпичную картину: стоит Ямато, вся такая стройная и милая, как богатырь субтильного телосложения, только мукой в неприличных местах припорошена, а на её плечах восседает Тацута, вся в саже и копоту, и зло так трёт лоб. И грудью своей уверенного четвёртого калибра делает контактный массаж волосяных покровов нашей японке. А по лицу Май видно: ещё слово, и придётся нам Деву из подвала выковыривать.

— И? — тихо, стараясь не разбудить Софью, поинтересовалась явно заинтересовавшаяся Грейс.

— Ну вот и "и", — рубанула свободной от кружки рукой воздух Влада. — Тацута возьми, да ляпни: "Хорош отель, да медленный".

И замолчала. Нагнетает, значитца.

Первой не выдержала Зайка, впилась любопытными глазищами в лицо Мутсу:

— А что дальше-то?

— А ничего, — словно бы этого вопроса Влада и ждала. — Злая Ямато — это даже хуже, чем невыспавшаяся и голодная Ямато. И с подвалом мы погорячились, да. Май-тян Тацуту через два пола и бетонную подушку в каменную породу загнала почти по пояс. Сверху. Ох и намучились мы, выковыривая языкастую...

Грейс успела опередить с вопросом Катарину:

— А почему "отель"? И от чего такая реакция? И при чём тут какая-то "Калифорния"?

Влада улыбнулась:

— Запомните, Девы, и другим в наследие передайте: нет вещи более опасной, чем назвать Ямато отелем. Её прототип отличался повышенной, с точки зрения японцев того времени, комфортностью кают, в частности, несколько большими, чем, утрированно выражаясь, стандартные полтора метра, койками. За что служивших на "Ямато" за глаза звали живущими в отеле. Так вот, девочки, никогда не называйте Май-тян отелем. И не пойте в её присутствии буржуйскую "Хотэль "Калифорния" — канмусу она, конечно, на диво спокойная и рассудительная, но в таких случаях ей резьбу срывает только в путь.

И воцарилась тишина. Аида нет-нет, да поблескивала изредка вспыхивающими нечеловеческим светом глазами из-под полуопущенных век, остальные либо дремали, либо молчали — каждая о своём. Только Катарина всё порывалась что-то спросить, но постоянно тушевалась и, краснея, опускала голову лбом на колени.

— Зайка, чего ты мелешься? Вижу же, что есть вопросы у тебя, — Владе, похоже, надоело постоянное смущение Дельфина.

— Я... — Катарина густо покраснела и вновь спрятала лицо. — Не важно, наверно...

А вот внутреннюю связь она плоховастенько пока ещё контролирует — даже до расслабленного меня докатилась невысказанная волна вопроса. Хм... А ведь на чаепитие с директором она, кажется, так и не попала ведь, а остальные, видимо, сочли не столь нужным

делиться и без того известной информацией... Тогда ясно.

Мутсу, видимо, пришла к тому же выводу, но удивляться не стала.

— Печально у нас с мальчиками, Зайка. Совсем печально и траурно. Японцев в расчёт не берём, юноши пубертатного возраста, выращенные на хентайных мангах и прочих эчи, печень готовы продать за ночь с Девой. Даже если будут знать реальное положение вещей — их это не остановит. Смерть между ног прекрасной воительницы — что может быть круче?

— Неужели... Совсем без вариантов? — с какой-то беспросветной грустью спросила Дельфин.

— А чего там в вариантах, Зайка? Обнимешь мальчика, и, в зависимости от его конституции, получишь от сорока до ста кило превосходного фарша, если повезёт, то упакованного в стильный кожаный мешочек.

— Если повезёт?

— Ага, — кивнула Влада. — Физиологию не стоит забывать. Если посмотреть на человека с точки зрения физики, то, упрощённо говоря, он — тор с весьма хитрой топологией. А у тора, как известно, одно сквозное отверстие, но два входа в него. Или выхода. И вот представь, солнышко, между ног огонь и по бёдрам уже натекло столько, что даже самой удивительно приятно, но неприлично становится, и готова отдаться прямо здесь и сейчас, и обнимаешь ты своего мальчика со всей своей хрупкой девичьей нежностью и страстью... Сколько у твоего прототипа водоизмещение? Пятьсот или шестьсот тонн? Поверь, для биологического организма сотня тонн плюс или минус — херня сильно неконцептуальная. И вот, значит, обнимаешь ты юношу, и он превращается изнутри в прессованный фарш. Физиология тут же включается, и под избыточным давлением содержимое органокомплекса, значительную часть которого составляет кишечник, лезет по пути наименьшего сопротивления. В нашем случае — через задницу и рот. Или, если осколками костей кожу пробило — через дополнительные дырки хлещет.

Внимательно слушающая рассказ Мутсу Катарина с каждым словом всё больше и больше бледнела, кажется, благодаря живому воображению, и вовсе в зелень подалась... Но не протошнулась, к счастью.

— Но как же... Ведь бывают какие-то решения?..

Аида только улыбнулась, а Влада, вздохнув и отпив чаю, продолжила:

— Нет решений. Совсем нет. Есть, конечно, чудо-молодцы, что инконы в себе таскают...

— Инконы? — услышав незнакомое слово, Грейс тоже проявила интерес.

— Индивидуальные колонии нанитов, — пояснила Анубис с кривоватой улыбкой. — Разрабатывались как способ усиления штурмовых групп ВМФ ОША в борьбе с Туманом.

— Именно, — согласно кивнула Мутсу. — Инкона даёт сверхпрочную шкуру, офигенную реакцию и ещё целый мешок плюшек... Только, как сказала бы прекрасная воспитательница юных канмусу Тэнрю, и это не панацея. Боец, снабжённый инконой первых поколений, самой мощной из существующих, к слову, в состоянии голыми руками поймать в чистом поле танк, ствол ему погнуть и через борт и стенки бронекapsулы вытащить экипаж наружу. А обнимет его любая из нас — и получит уже не стильный мешочек с фаршем, а, как любит говорить та же славная Тэнрю, пирожок с говном, — Влада печально улыбнулась, развела руками. — Как видишь, Зайка, разница не концептуальна. И в том, и в том случае от мальчика останется труп, а у девочки — лютое неудовлетворение и чудовищный стресс.

Довольно жёстко, конечно, Мутсу правду-матку рубит, ну да так даже как бы не полезней будет. Одно дело — под ровный разговор с начальством перелистывать фото с места происшествия, совсем другое — от товарища по броне и коллеги по цеху услышать и узнать подробности. И никаких фото- и видеофиксаций не надо, живое воображение само нарисует нужную картинку.

Зайка, всё такая же бледная, робко поинтересовалась:

— А что насчёт детей? У нас их принципиально быть не может?

— Могут, — подключилась к разговору Анубис. — Только есть одна проблема... Если не принимать в расчёт летальность интима с людьми, конечно. Способы есть, то же ЭКО, например, но засада состоит в другом: через защитные механизмы яйцеклеток канмусу не в состоянии просочиться ни один сперматозоид, а подсаженные яйцеклетки, выращенные в пробирках, просто отторгаются иммунной системой Девы.

Аида задумчиво подняла лицо к небу, грустно добавила:

— Точно так же, как и у нас.

— Но вы же ничем не отличаетесь от людей, — возразила Грейс. — Значит, и с детородностью проблем быть не должно?

Анубис легла на спину, вытянулась, уютно уложила голову на запрокинутых и скрещенных позади руках.

— Не должно, — ровным голосом согласилась она. — Даже на молекулярном уровне мы идентичны. И нас клонировать можно, только результат тот же, что и с канмусу... Пустая оболочка, ведущая вегетативное существование.

Вздогнув, Свирь зевнула, обозначив своё внимание к теме, и припечатала:

— Другими словами, мы все, и Девы Флота, и Девы Тумана, настолько крутые будущие матери и по способностям, и по функционалу, что не родились ещё совместимые с нами по всем ТТХ мужчины. А на нет и суда нет, — вновь зевнув, Карина легла мне на колени, прикрыла плечи широкой полрой шинели. — Так что нет смысла воду толочь и ситом её таскать. Используйте те возможности, что имеются рядом. И да пребудет с вами щазтье.

И с самым спокойным видом, не открывая глаза, повернула голову, дотянулась губами до внутренней стороны моего бедра, не прикрытого ничем, кроме длинной полы рубашки, поцеловала, мурлыкнула — и вновь задремала.

Девушки с задумчивым видом покивали, а я решил напомнить Владе о её обещании да и, заодно, сменить минорную тему:

— А что насчёт владения таким внушительным арсеналом? Расскажешь?

Влада, вздохнув, молча пополнила запасы чая и только после этого продолжила:

— Да нечего, в принципе, рассказывать. Мы же в первой волне пробудились, как говорится, нас было мало, но фактор тельняшки никто не отменял. Первое поколение варсьютов, чего уж греха таить, было сильно так себе. Не воевали, страдали. Со вторым стало не в пример легче, появилась возможность использовать дополнительное вооружение помимо того, что имелось на прототипе, да кардинально поменялись принципы его создания и адаптации Девы Флота к нему. Хочешь жить, умей вертеться. Вот и вертелись, обвешиваясь оружием по самую маковку. У второго и третьего поколений был нейроинтерфейс, — девушка чуть повернувшись, приподняла волосы на затылке, ткнула пальцем чуть выше сочления черепа и позвоночника. — Сюда вживлялась схема управления и куча прочей навороченной металлокерамики. Так и учились, и воевали, не пойми кто — не то девочки, подключенные к боевому доспеху, не то доспехи, интегрированные на

программно-аппаратном уровне с девочками. Вот и весь секрет. Вам в этом вопросе не в пример легче, Девы, уже не нужно ни вживлять комп в мозги, ни вытаскивать его обратно, рискуя что-нибудь повредить и остаться неподвижным, парализованным, калечным овощем.

Влада отсалютовала кружкой, как-то весело выдохнула:

— Авэ, работники Особых верфей!

И залпом опрокинула в себя остатки чая.

— А теперь всем марш по каютам, — и с нескрываемой заботой и теплотой в голосе добавила: — Поздно уже.

Охота, большая и дикая

А Мутсу сдержала слово.

Убедившись, что в схемах поведения не путаемся, друг на друге эвакуационно-спасательные работы проводим вполне себе прилично, особенно для первокурсников, и с вверенной в распоряжение техникой справляемся более-менее сносно, Влада вытащила нас на Большую охоту.

Стая диких примитивов в полсотни рыл, и ни одной прайм-особи. Что самое интересное, в соседнем квадрате вся эта бригада обреталась, в паре километров не то от ушедшего под воду, не то медленно и печально пытающегося вырасти островка, с аппетитом уминая коралловую поросль и запутавшуюся в ней колонию плавучих водорослей. И того, и другого было в достаточном количестве, чтобы стая проторчала здесь, отъедаясь, ещё пару-тройку недель.

И вот, вроде бы, звучит эпично — Большая охота. А выглядит... Откровенно говоря, не очень.

Как избиение младенцев профессиональными гопниками. Нет, Глубинных мне не жалко, но без прайм-особи они до жути похожи на неразумных детишек. В принципе, обе части утверждения верные — и не разумные, и, по факту, дети, точнее, потенциальные личинки гораздо более опасных и хитрых созданий. Но — в неопределённом будущем. Которое по неким причинам для них всё равно уже не наступит.

Сброс уже привычный: первыми тихонько десантируются подводные лодки и, соблюдая режимы радиомолчания и маскировки, занимают позиции, передавая по принудительно ослабленной внутренней связи текущие координаты стаи, места наибольшей плотности скоплений примитивов, данные о глубине, течениях, температурных слоях, прозрачности воды...

Следом идут эсминцы, уже разобравшие для себя углы и сектора атаки, сконфигурировавшие очерёдность состава и типа БК. Медицина и снабжение, выйдя на воду, тут же получают в эскорт Усугумо, а её место занимает Москва, принимая на себя полномочия лидера-1. Следом ссыпаемся и мы с Гнейзенау, на ходу разворачиваясь в связку ведущий-ведомый или первый-второй номер: сверхтяжёлый доспех в конфигурации мод-4 не может похвастаться мощной артиллерией, всего два ствола ГК, да универсальные металлорезки, остальное — усиленные торпедные аппараты, бомбомёты, ракето-торпеды да неприлично огромный горб наспинного РПМ[1] на две сотни сверхзвуковых зубастых подарочков с функцией подводного хода, а сзади-справа идёт немка, облачённая в тяжёлый варсьют мод-2 — заточенный больше под надводное поражение целей, хотя полсотни ракет тоже в наличие, да бодрая пачка торпед и довольно скромная по габаритам, но не по качеству, система ПТО.

Мутсу неторопливо скользит по воде на подстраховке, выдерживая дистанцию в

пятнадцать миль, а Анубис легла в дрейф у самой границы спецбакенов.

Впрочем, чтобы жизнь мёдом не казалась, наше милейшее зеленоглазое руководство решило усложнить задачу, доведя до нас информацию по факту:

— *Условия меняются, команда. На удалении, равном вашей дистанции, Анубис сбросила массогабаритную имитацию спаскапсулы джампера. Новая задача: провести эвакуацию условного терпящих бедствие до того, как Глубинные полакомятся металлом и мясом. Вперёд, бойцы!* - сообщение Мутсу заняло суицие доли секунды, миг спустя к тёмному серебру корпуса "Анубис" спикировал транспортно-грузовой дрон, а я занялся выработкой тактики.

***

Хорошая штука — дроны.

Ещё лучше то, что им не требуются привычные каналы управления, с лёгкостью подавляемые Мглой Бездны, всегда генерирующейся там, где есть Глубинные. Пока доспех на Деве, дрон воспринимается как часть собственного тела, которую ты старательно отлежал и теперь шевелишь, например, пальцами, держишь ручку или хватаешь кружку, но обратной связи при этом не ощущаешь. И вроде есть онемение, и странное чувство не-совсем-своего-тела, но, в то же время, этой частью можно управлять, можно получать с неё картинку, раздавать приоритет целям в обход заложенных алгоритмов — практически не отвлекаясь от прямого боя.

Раньше и авианосцы, и иные воплощения, имевшие в арсенале самолёты, гидропланы, вертолёт или иные ЛА[2], использовали громоздкую, энерго-, ресурсо- и нервозатратную систему трансформируемых носителей, выполненных, как правило, в виде стрел, метательных ножей, болтов и прочих высот средневекового оружейного гения: получив при старте накачку энергией, зацепив остаточное поле Девы Флота, снаряд-носитель, выйдя на безопасную для канмусу дистанцию, начинал преобразование в исходную компактную версию ЛА. И сам старт, и накачка, и необходимость постоянно поддерживать боевой медитативный транс буквально сжигали нервы и резервы сил Дев, и, как результат, после каждого столкновения с Глубинными канмусу надолго переселялись в регенерационные саркофаги медчасти.

Сейчас несколько проще. Большинство модов варсьютов оснащено дронами, квадрокоптерами и иными версиями БПЛА[3], а синтезатор, форматор и некоторый базовый запас ключевых элементов в своей совокупности позволяют не заострять внимание на боевых потерях ЛА, нивелируя шансы остаться без разведки и воздушных средств ПЛО: новый дрон собирается за считанные секунды, а если запас готовых частей иссяк, то счёт в любом случае идёт на считанные минуты, но никак не на часы и дни, как требовалось ранее.

И потому, подняв свою авиацию в воздух, подключившись к циркулярной сети нашего воздушного щита, я смело заявляю: дроны — это хорошо.

***

Схема действий проста: Левиафан, как самая быстроходная и бесшумная субмарина, обходит стаю слева, запускает торпеды-приманки, отвлекая внимание Глубинных всплесками вкусного рентгеновского излучения и выброшенной в воду взвеси, состоящей из

стружки титана, бокситов и следового количества мазута. Для Детей Бездны такая приманка должна выглядеть куда аппетитнее, чем скучная керамика капсулы, и, так как прайм-особью стая не усилена, подсказать живущим голыми инстинктами диким, что это ловушка — просто некому.

Тихоня, отстрелив приманки с темпоральным взрывателем, продолжает движение по дуге, Зайка в это время обходит их снизу-справа, прячась в довольно сильно изрезанном придонными течениями рельефе и прикрываясь коралловыми наростами. Эсминцы по широкой дуге обходят стаю со стороны Дельфина, контролируя отставших и потихоньку приближаясь к капсуле, а мы с Гнейзенау играем первую скрипку, отвлекая внимание примитивов на себя в тот момент, когда дикие поймут, что их слегка развели с вкусняшками.

Свирь и Спика под прикрытием Усугумо стараются не отсвечивать, и, так как все имеют на вооружении снайперские комплексы, оказывают дальнюю поддержку, сама же эсминец попутно осуществляет коррекцию огня, опираясь на мощь "Аргуса" — специального дрона высотной и противолодочной разведки.

***

М-да...

Навоевали...

Примитивы, представленные, в основном, Глубинными на ранних стадиях развития — самая крупная особь, если верить внутреннему радару, едва ли достигла десятка метров, — кончились, не успев начаться.

Личинки эсминцев, тройка авианосцев, десяток субмарин да по паре транспортных и танкеров, учуяв приманку, споро собрались в комок и, играя на опережение, слитным комком поспешили к месту подрыва. Плотность такая, что грех не воспользоваться случаем, и Дельфин, получив согласие, постоянно меняя позицию, отправила по Глубинным хорошую серию умных ракет-торпед "Лазурь-8м ОФЗ". Параллельно с ней отстреливаемся и мы с Гнейзенау, немка — отсекая возможные векторы отхода, я — прямо в центр. Весь запас БК использовать нерационально, да и плотность у стаи такая, что и моей двадчатки, даже если три четверти перехватят, должно хватить с запасом.

Да, наши с Гнейзенау торпеды не чета смартам Дельфина, но и не брёвна-прямоходы образца почти полуторавековой давности. Остаточное поле рассеивается достаточно медленно, чтобы иметь возможность управления всем роем на удалении в двадцать-двадцать пять километров. "Лазурь" не даром за глаза именуют ещё и "Тенью" — внешний корпус устройства выполняется из хитрого пластика, армированного графеном и ещё десятком сложновыговариваемых соединений, по свойствам весьма близкого к органике с чудовищно низким коэффициентом трения и сопротивления. Получив целеуказание, смарты неторопливо подбираются на дистанцию прямого рывка, тихим ходом и минимумом шума сливаясь с окружением, а специфика покрытия, динамически комбинируя стелс-технологии и систему оптического камуфляжа, снижает вероятность преждевременного обнаружения почти до нуля. Как итог, противник имеет все шансы получить крайне неприятный сюрприз повышенной убойности прямо внутри формации.

Ведомые голодом, Глубинные слишком поздно обратили внимание на наши с Гнейзенау снаряды, торопливо бросились врассыпную... Чтобы тут же схлопотать подрывы "Лазури", вышедшей на ударную дистанцию. Ракето-торпеды Дельфина, формируя пузырь

суперкавитации, почти мгновенно набрали максимальную скорость, навелись на примитивы снабжения и, скачком сократив расстояние, сдетонировали.

Я так и не понял, что за боевое и взрывчатое вещество используется в "Тенях", но то, что с Детьми Бездны оно справляется играючи — понятно и без копания деталей. Процесс подрыва на внутреннем радаре выглядел впечатляюще: словно цветок фейерверка распустился на глубине, тысячи крохотных осколков прыснули во все стороны, буквально вгрызаясь в тела примитивов, прорубая, прожигая в них свой путь. Танкеры и снабжение — Глубинные своеобразные, в раздутых брюшках несут такое количество ядрёной химии, что, случись подрыв с повреждением ёмкостей, начинается просто скачкообразное окисление содержимого с каскадным увеличением температуры — наверно, что-то визуально схожее случается, когда посреди склада ГСМ кто-то, не дружащий с головой, разом поджигает коробку римских свечей.

В общем, бабахнуло основательно, тех, кто был ближе к эпицентру взрыва, оглушило, ошпарило, контузило содержимым внутренностей вспомогательных транспортов, а после ещё и перемолото поражающими элементами ракето-торпед.

Жалкие секунды, и в помутневшей, почерневшей воде из полусотни примитивов в строю осталось едва ли больше десятка, и те, не видя поблизости врага, тут же кинулись друг на друга.

Ещё мгновение, и сработали торпеды, сброшенные Гнейзенау и мной.

И до нас ещё не успела докатиться первая подводная взрывная волна, а стая диких примитивов перестала существовать.

— *Вот так, обычно, стычки и проходят: без мордобоя стенка на стенку, без ненужного героизма и неоправданных жертв, девочки, — пришло сообщение в сеть от Мутсу. — Определили и разобрали цели, отстрелялись издалека, провели контроль. Всё.*

А Москва и Муракумо тем временем, убедившись, что живых не осталось, спокойно взяли капсулу на буксир и уже почти что успели дотащить её до приёмного шлюза "Анубиса".

Я сбросил первичный отчёт Мутсу, и, получив сигнал одобрения, отдал команду возвращаться на борт.

— *Флагман, — мыслеобраз, переданный Усугумо, был хоть и довольно ровным и спокойным, но привкус тревоги в нём всё равно ощущался. — Засветка разведывательной авиации противника...*

И я не успел ещё обработать переданные координаты, как пришёл сигнал от Тихони:

— *Искусственные шумы, направление 3-2-2, удаление триста пятьдесят. Сигнатуры пока сравнить не могу, слишком много наведёнки.*

— *Подтверждаю контакт, — тут же подключилась Дельфин. — Многочисленные цели, первично от ста тридцати до ста сорока взрослых особей уровня примитив, два десятка средних, по остаточным сигнатурам — эсминцы, есть засечка энергетических импульсов, характерных для они.*

— *Подтверждаю наличие они, — вновь перехватила инициативу Левиафан. — Не менее двух, не более пяти, минимум один линкор и два авика.*

Я чуть не запнулся о волну, усиленно пытаюсь сообразить, хватит ли у нас сил отбиться от такой шайки-лейки Глубинных, тем более, находящихся под управлением прайм-особей. С одной стороны, справиться должны, БК уже восстановился полностью, с другой — стрёмненько, да где-то на периферии сознания мелко трясётся мандраж: праймы это не

безмозглые примитивы, эти, если достаточно развиты, более чем опасный противник. В столкновении стенка на стенку нам точно не поздоровится, а потому — резонно ли вообще будет вступать в огневой контакт, или же проще и лучше просто погрузиться на "Анубис" и на всех парах свалить в более безопасный квадрат?

Нашёл в сети горящий стальным спокойствием огонёк разума Мутсу, и, скрипнув зубами, всё же сделал рассылку:

— *Леди, нас приглашают на танец. Предлагаю сделать финт ушами и сыграть на опережение. Принимайте схему построения...*

***

Пять минут спустя начала поступать информация не только от скоростного "Аргуса" Усугумо, но и от наших разведдронов.

Стая шла в открытую, надводным ходом, и даже привычную Завесу держала на минимуме, видимо, праймы решили, что одинокий кораблик и десяток Дев всё равно ни помощи запросить не успеют, ни убежать. А вокруг нас всё равно никого нет.

Со стороны Мутсу ощущаются лёгкий интерес и ноль паники, и неозвученное, но оттого не менее понятное намерение посмотреть нас в условиях нормальной схватки, а не в почти тепличных условиях загона диких примитивов. Почувствует, что надо вмешаться — вмешается, а пока просто усилит охрану Спики и Свири своим присутствием.

А на получаемой картинке с каждой секундой всё становилось печальнее и печальнее: три сотни авиаюнитов, идущих широким фронтом, кипящая от непрерывно то выскакивающих на воздух, то ныряющих примитивов, глянцево-чёрных, блестящих, зубастых, приводящих орудия в боевую готовность, и крошечные на их фоне фигурки праймов со своими личными свитами, идущие в центре формации в охранном порядке, и обеспечивающие безопасность главной особи стаи, судя по абрисам и характерным элементам симбионта — они класса тяжёлого крейсера.

— Пизденящий душу леденец, — на чистейшем русском, без малейшего акцента, выдала Гнейзенау в пока ещё не заглушенную вспомогательную радиосеть на основном канале. Сквозь прозрачное забрало лицевой защиты было прекрасно видно её побледневшее лицо, усеянное на лбу и у кончика носа мелкими бисеринками пота.

Ответом на её реплику стали несколько нервных смешков — и только.

Авиация идёт плотным роем в две волны, и есть подозрение, что разделяться по звеньям будет перед самым заходом в атаку. Значит, ещё около полуминуты есть.

Приказ на смену очередности типов снарядов, отмашка — и все, кто имеет на вооружении ракеты и ракето-торпеды, дают залп. Трёхсекундный перерыв на продувку шахт и очистку от нагара, и ещё один залп. И ещё.

Десять раз успели отстреляться до того, как получили визуальный контакт с авиацией. Рефлекторно поднимаю свои дроны на три километра, пять сотен метров зазора с юнитами Глубинных — вполне неплохая буферная зона, особенно для мелкой, подвижной цели, идущей по алгоритму, рассчитанному на противодействие ПВО. Потолок авиации Бездны — два с половиной километра, если забирают выше, тут же теряют связь с носителем, а потому редко уходят выше двух тысяч метров, да и на отдельные звенья почти не разбиваются, предпочитая действовать в составе эскадрильи, а то и двух-трёх.

Наши эсминцы за это время успели проскочить по широкой дуге по вектору движения

Детей Бездны, щедрой рукой выставив завесу из глубинных бомб и торпед, ушедших в спящий режим. Судя по довольному фону Муракумо и Москвы, девчонки успели ещё отстрелить и развернуть "бум-сетку".

Я невольно поёжился — попади в неё наши субмарины, и Девам крышка. Сеть, принципиально ничем ничем не отличающаяся от рыболовной, только идущая отрезами по пятьдесят-шестьдесят метров, да выполненная из сверхтонкого моноволокна, имеющего толщину в несколько молекул. Материал активен порядка часа и уверенно удерживает на себе остаточное поле канмусу минут сорок, после чего сначала превращается просто в мясорубку, потом и вовсе бесследно растворяется в воде. А приставку "бум-" прикрутили сами Девы: сеть несёт на себе, в качестве и регулятора глубины, погружения и растяжения, и поплавка, и грузила, и сюрприза, компактные осколочные контактные мины, в момент постановки объединяющиеся в роевой винт[4].

Авиация противника ускорилась... Но разбиться на мелкие стаи не успела: ракеты, выпущенные нами, распределили между собой цели и пошли в атаку. Полсотни чёрно-красных, с оранжевыми прожилками, цветков распустилось посреди вражеских юнитов, выводя их из строя. Отгремели первые взрывы, остатки авиации, очухавшись, перестроились, стянулись в новые эскадрильи, но — ненадолго. Замечательные, всё же, у Москвы и Гнейзенау ракеты-носители: боевая часть легко и быстро меняется на нужную, а универсальный БАВ-концентрат, проходя через форматоры, имеет очень широкий диапазон вариантов... Вот и сейчас Девы, проявив инициативу, половину ракет снабдили кассетными и фосфорно-зажигательными снарядами. И, пока мои сверхзвуковые зубастики, прикрываясь густой облачностью, заходили на вторую волну авиации, первая физически закончилась: авиацию подвела почти инстинктивная тяга к скученности.

Вторая продержалась немногим дольше: прайм не успела перестроить их в новую формацию, юниты только-только начали манёвр рассеяния... и приняли на себя наши дары.

Часть ракет проскочила дальше, прошла заслон ПВО формации Глубинных — и почти добралась до праймов: особи эскорта, отталкиваясь от воды и тел соратников, просто-напросто приняли огонь на себя. Но одна прайм-особь всё же временно вышла из строя: пусть и по касательной, но осколками её зацепило, не спасла даже поднятая прайм-лидером в последний момент защита.

Над головой пронеслось что-то чертовски быстрое, миг спустя даже сквозь системы шумоподавления по ушам ударил сдвоенный хлопок, а в спину толкнулась воздушная волна.

Системы варсьюта дают обзор в триста шестьдесят градусов, надо лишь привыкнуть к управлению и переключению между сенсорами. Когда же, наконец, разобрался с порядком действий, успел увидеть только, как наши снабженец и медицина мягко приземляются на воду.

Секунда на перезарядку и Свирь и Спика, подхваченные Мутсу и Усугумо, вновь взвиваются в прыжке метров на пятнадцать вверх, дают залп и столько же элегантно, почти театрально, приводняются.

Картинка с "Аргуса" даёт представление о целях Дев: одна они-авианосец, лишившись верхней трети туловища и головы, дёрнув ногами, заваливается на спину, и не успевает даже уйти под воду, будучи разодрана на куски примитивами собственной свиты. Второй авик принимает сразу два снаряда в фамильяра — в такую дуру, шляпкой исполинского гриба накрывшую голову и плечи Глубинной, попасть не сложно.

А Девы явно координируют действия между собой — глазами "Аргуса" вижу, что

снаряды легли кучно, с минимальной форой, отчего под действием первой пули прочная броня симбионта треснула, а от второй — просто вспухла пузырями, рванула, калеча осколками свиту и движущихся рядом примитивов, а почти обезглавленная Дочь Бездны безвольной куклой скрылась в почерневших волнах.

Кажется, для лидера Глубинных такая подлянка оказалась полной неожиданностью, что, впрочем, несколько не снизило её боевой дух — прайм развернула защитный купол на полную, прикрыв последних они свиты, и бросила примитивов в атаку.

И прежде, чем остаточную вялость мышления вытеснила холодная расчётливость боевого транса, успел ещё услышать в общей внутренней сети взаимные поздравления Спики и Свири с первыми фрагами...

***

Всё слилось воедино: взрывы, выстрелы, залпы, визг примитивов и собственное тяжёлое дыхание...

Муракумо получила в руку хороший осколок, Москве сожрали водомёты и почти откусили ступни, Дельфин получила лёгкую контузию, заманивая подводный флот стаи на поля бум-сетки и бомб...

У меня жутко болят живот и грудина, встроенный док верещит о множественных трещинах в рёбрах — но это и в самом деле малость: что те рёбра против прикрытой спины Гнейзенау, выносящей примитивов, решивших зайти с фланга?

Но прайм-лидер сильна, ничего не скажу... Одно хорошо — в какой-то момент стало ясно, что всю стаю она теперь тащит исключительно на себе: некому больше делегировать управление частями роя, последнюю они Гнейзенау буквально раздавила в фарш, когда та прыжком из-под воды на скорости в сотню узлов попыталась зайти мне в спину — лишившись собственной свиты, прайм то ли не успела собрать новую, то ли посчитала тех, что есть, недостойными столь важной должности — и пошла в банзай-атаку.

Немка... Гнейзенау просто чудо: успела кинуть на упреждение пяток торпед и сбросить десяток бомб, заставив тем самым прайма уйти вверх — где и подловила её в прыжке.

Лидер, огрызаясь почти вслепую хаотичными залпами, медленно отступала, прикрываясь настоящим кольцом массивных примитивов.

Зелёный всполох немки посерел, почти затерялся в волнах.

— Муракумо, Дельфин, Москва — свяжите лидера беспокоящим огнём, Свирь, давай к Гнейзенау, прикрою, — впрочем, медицине можно было и не командовать — девушка сообразительная, сама уже, прикрываемая Спикой и Усугумо, спешила к нам.

Меня качнуло — РПМ, высадив весь боезапас, ушёл на перезарядку — пять минут от него не будет никакого толка, но нервотрёпку лидеру ракеты обеспечат хорошую: прайм не химэ, одновременно держать полный щит и вести прицельный огонь не в состоянии. А чтобы ей совсем хорошо стало, сбросил ещё и весь активный запас торпед и ракето-торпед.

Пока автоматика варсьюта пополняла израсходованный БК основного вооружения, я поспешил к Гнейзенау.

Бляцтво форменное...

От доспеха мало что осталось — прайм, отдавая свою жизнь, торговалась до последнего, буквально срезав с девушки почти весь бронированный слой: располованная на ленты когтями Глубинной псевдоплоть безуспешно пыталась срастись в прежнюю форму,

по обнажённым рёбрам, топорщащимся белёсо-красным из бахромы распоротой кожи и мышц, расплывалась быстро застывающая плёнка антисептика и регеля. От шлема остался только воротник, слева на нижней челюсти наливаются красной синева след укуса Дочери Бездны — кожу не прокусила насквозь, но раскровила её знатно. Правая рука, изогнутая в паре новых мест, торчит изломанной плетью, зафиксированная медсистемой доспеха.

Беззвучно, без волн, к нам подходит Свирь, сходу плескает из распылителей, встроенных в наручи, дезраствор, тут же, припав на колено и слегка сжав плечо немки, ведёт ладонью по открытым участкам тела, оставляя за собой вспухшую плоть, усеянную плохо различимыми тройными ранками инъекций.

Развернув стволы ГК назад, поочерёдно стреляю по прайму, сбивая ей концентрацию. Примитивы движутся всё более и более хаотично, но без Гнейзенау одолеть их будет совсем тяжко.

— Сложный перелом правой руки, рёбра целы, вывих бедра, — опустив забрало, кратко рапортует Свирь, параллельно по внутренней сети передавая расширенную информацию состоянии немки.

— Оставьте меня, я как-нибудь сама...

ТА вновь полны. Задав направление, отстреливаюсь, убираю забрало, наклоняюсь к Гнейзенау:

— Без твоей помощи мы надолго застрянем.

— Я балласт... — кривит искусанные губы немка. — Бросьте меня, вам лидера добить надо...

Я, протянув руку, сжал левую ладонь аватары:

— Ничо не знаю, вместе пришли, вместе и раскатаем в труху, — главное, приободрить Деву — физиология канмусу такова, что, имея такие раны, можно ещё длительное время вести огонь. Одна лишь проблема — сложно отключить слой человеческих оценок, который упрямо твердит, что со столь незначительными повреждениями самое лучшее решение, это завернуться в простыню и спокойно ждать смерти. — И вообще, клятвенно обещаю при всех, если мы этой твари рога обломаем, не дадим уйти, я расцелую тебя прямо в магию, нежно и с обожанием.

— Замётано, — хмыкнула сквозь боль Грейс, кивнула Свири, распуская броню воротника, открывая доступ к шее шприц-инъектору, и, получив укол, зло ухмыльнулась: — Помоги подняться, Импи, тут ещё не все долги розданы.

Беззвучно плеснула мелкая волна, затрещали, задвигались модули подоспевшей Спики, на ходу доразвивая доспех Гнейзенау, меняя повреждённые модули на рабочие, а немка уже нетерпеливо вздрагивала, нехорошо скалилась — и по её глазам было видно, что ничего хорошего прайм-лидеру не светит.

Я на миг полностью раскрылся в сети, растворился, сросся с ней — отдавая распоряжения и корректируя схемы:

— *Леди, в атаку!*

Тёмная сторона кривых рук

Я проснулся около пяти. Поёрзал, пытаюсь понять, отчего дышать несколько неудобно, и только подняв одеяло, понял — эластичные бинты плотно обхватили грудь и живот, такие же белые повязки с зеленовато-жёлтыми разводами украшают обе руки и левую ногу.

Пошевелил руками, согнул и разогнул ногу, приподнялся, опираясь о локти, сел, осторожно развернулся влево, вправо — ничего нигде не болит, только сушняк долбит

страшный.

Тишина и покой в каюте. Только посапывает на своей кровати Шин, хитрым образом завернувшись в одеяло: под ткань упрятано всё, кроме стройной ножки и аппетитно очерченного бедра. Только по белоснежным волосам и можно опознать девушку. А Рины нет ни рядом, ни на её кровати.

Зато в подголовнике закреплена поллитровая пластиковая бутылка с надписью маркером "Проснёшься — выпей;)", выполненной узнаваемым аккуратным почерком медсестрички.

Раз надо, значит, надо. Выцарапав тару из крепежей, скрутил горлышко, принялся — точно, напиток из спецрациона. Если верить запаху, густому и насыщенному, от которого даже волосы на загривке шевелиться начинают — Свирь не поскупилась на пакеты, намешав в полулитре воды добрую пятикратную порцию.

С удовольствием выдув до дна питьё, сразу же почувствовал себя лучше. Ай да Рина, ай да прелесть!

Стараясь не шуметь, влез в тапочки, завернулся в рубашку и, забрав сигареты с зажигалкой, тихо покинул каюту.

Тишина вокруг, и только на самом пределе слышимости ощущается даже не звук, но чувство — гудение машинерии "Анубиса". Коридоры пусты, свет приглушён, качки ноль — аппаратура Аиды надёжно компенсирует любые отклонения от оси, так что хоть в десятибалльный шторм подносы с фужерами, наполненными шампанским "с горочкой", носи по всему кораблю — ни капли не прольёшь, если сам не запнёшься.

повинуясь наитию, я сделал крюк, завернув на медпалубу. В шлюзе умный аппарат накинул мне на плечи халат и сформировал на ногах, прямо поверх тапок, нешумную антистатическую плёнку, с успехом заменяющую вечно шуршащие бахилы. И здесь так же тихо, и воздух безвкусный, стерильный.

Устройство палубы отличается от остальных — никаких острых углов, торчащих труб и прочей корабельной требухи, о которую если не запнёшься, то замкнёшься. Всё плавное, мягкое, одной своей геометрией внушающее ненавязчивый уют.

Оранжевые ряды диодов на люках — законсервированы, значитца, и только на двух зелёный огонёк — рабочий кабинет Рины, пустой, если судить по тому, что видно в приоткрытые створки, и реанимационный бокс.

Просунув внутрь голову, убедился: вот они, красавицы. Одна укутана по самую шею простыню, измазана подсохшим регелем, но выглядит вполне себе здоровой. Вторая, свернувшись калачиком в кресле, посапывает, трогательно подложив под щёку сложенные ладошки. Постояв над Девами пару минут, окончательно успокоился — обе просто спят глубоким сном, минувший день выдался слишком уж напряжённым и богатым на сюрпризы. Не задумываясь, снял с себя халат, набросил на госпитальера, бережно подоткнув уголки и, поймав её кратковременную улыбку, со спокойной совестью вышел в коридор.

***

— А вы чего не спите?

Аида и Влада сидят на палубе, буквально утонув в глубоких шезлонгах, Анубис с загадочной улыбкой цедит через трубочку какой-то напиток, по виду похожий на апельсиновый сок, а Мутсу, верная своей традиции, медитирует в клубах ароматного

табачного дыма.

— Редко сплю, — пожалала плечами Аида.

— Рапорты, докладные и отчёты и здесь достанут, — вяло улыбнулась Влада, и стало понятно — девушка сегодня не то, что не ложилась, но ещё и мозги напрягала явно куда как активнее, чем мы все, вместе взятые. — Как Грейс?

И мимика, вроде бы, ничем не выдаёт, и во внутренней сети Мутсу ощущается бастионом спокойствия и умиротворения, но чувствуется — и о немке беспокоится, и стопроцентно знает, что перед выходом наверх я сперва наведалься на медпалубу.

Я глянул на ноги — нет, автоматика плёнку на выходе исправно сняла, халат я и вовсе оставил поверх спящей Рины... Тогда откуда? Принюхался — бинты, пропитанные мазями и регелем, пахнут так, что любой посторонний запах просто не задержится надолго, захлебнётся под беспощадным напором ароматов медицины. Туманница сдала? Хитринка в её глазах ясно даёт понять — и она тоже не у дел.

— Спит, — ответил я. — Влада... А как ты?..

Канмусу фыркнула, неопределённо махнула трубкой:

— Спрашиваешь так, будто я вчера инициировалась. Это в крови, Ника, — переживать за своих.

Примостившись на свободный шезлонг, закурил, благодарно кивнув Аиде, сформировавшей пепельницу:

— Фиговая кровь, если честно, жидковатая.

Бровь Влады чуть приподнялась, демонстрируя вежливое внимание и слегка обозначенный вопрос.

— Я ж даже ни до Сони не дошла, ни до Зайки, ни до Ари...

— А зачем они тебе? — удивилась Влада. — Отсыпаятся, всё с ними в порядке. А то, что беспокойства не чувствуешь — так ты к сети прислушайся повнимательнее.

Прикрыв глаза, я последовал совету Мутсу. А ведь права зеленоокая, права! Девы ощущаются ровной зеленью, только по силуэтам Шин и Грейс нет-нет, да пробегают красноватые искорки — с каждым разом их всё меньше, и импульсы короче.

Я улыбнулся:

— Благодарю, Влада, самой в голову оно как-то не пришло...

— Ерунда, — отмахнулась девушка. — Ещё пяток-другой вылазок, и совсем привыкнешь и освоишься.

Я поёрзал в шезлонге, наслаждаясь ранними солнечными лучами, посмотрел на Мутсу:

— Влада... Нам тоже потребуется кучу бумаг заполнять?

Дева рассмеялась, а Туманница только хмыкнула.

— Всё, что посчитаете нужным, внесёте в журналы практики и боевых действий. А с бумажками я и сама повожусь, вредно ещё вашим юным, неокрепшим и излишне чувствительным организмам сталкиваться с педагогической и министерской бюрократией.

Заметив, что сигарета так и дотлела почти до фильтра, аккуратно стряхнул пепел, погасил окурок, и затянулся новой.

— Разбор полётов будет сильно жёсткий?

Влада удивлённо распахнула глаза:

— В смысле — жёсткий?

— Ну... Мне вазелином на всю команду затариваться, или только для командного состава флягу запасти?

Мутсу сокрушённо покачала головой:

— И что ж вас всё на анальные игрища с уклоном во всякие мерзостные садо-мазо в отношении командования-то тянет?

Я пожал плечами:

— Эхо войны...

Аида тихо усмехнулась, а Владу конкретно так накрыло смехом, она смеялась долго и столь увлечённо, что, казалось, ещё одно судорожное движение рукой, и трубка улетит за борт.

Не улетела.

— Не бойсь, Ника, правильно всё сделали, с задачами поставленными справились, потерь среди личного состава не имеее, так что вашей альтернативной девственности потные и ни разу не нежные ручки и прочие органы командования не грозят. Хотя особисты, конечно, попытаются своё отыграть... Но, мой тебе совет, не напрягайся лишнего, если захотят, всегда найдут, за что спросить.

— Есть не напрягаться лишнего, — с трудом удержавшись от отдания чести — башка-то пустая, к чему там прикладывать руку? — добил сигарету, прислушался к себе. Хм... Определённо, не помешало бы позавтракать.

Анубис, словно прочтя мои мысли, кивнула:

— Автоматы кухни закончат приготовление завтрака через пять минут.

Я почесал кончик носа, задумчиво посмотрел на девушек, снова почесал нос.

— Аида... А если я самостоятельно приготовлю завтрак для всех — меры дисциплинарного взыскания будут применены?

Туманница ехидно улыбнулась:

— Если после него СЖО на пиковую нагрузку выйдет — определённо последуют.

Я припомнил свои невеликие кулинарные способности и кивнул:

— Если из того, что приготовлю, хоть что-то вызовет отравление — немедленно можете получать за меня Нобелевскую премию, я даже завещание соответствующее напишу.

Влада, хмыкнув, трубкой указала на лестницу:

— Иди уже, кок-отравитель, а мы будем посмотреть на результат.

***

Что едят на завтрак уважающие себя девочки-феечки, все такие из себя воздушные и милые?

Мюсли, овсяные или кукурузные хлопья с молоком, самые отчаянные ещё и яблоком или йогуртом сверху полируют. Ибо скоро лето. Ибо диета. Ибо низзя — ибо корму раздует и перебор балласта будет мешать дифферентовке, то есть — лишний вес и всё такое прочее.

Что ест на завтрак среднестатистическая Дева Флота?

Ответ прост: всё, что понажористее да покалорийнее. Ибо вращенье придавать они хотели на соответствующих но, в силу физиологии, отсутствующих органах всем диетам, таблицам калорийности и прочим выкидышам болезней современности, столь тщательно выпестованных маркетологами и прочими неполноценными личностями, охочими до большой деньги.

Так что наш выбор очевиден: только мясо, только хардкор!

Да и, в принципе, если камбуз оснащён сверхпродвинутой техникой с незримым

лейблом "Made in Fog", готовка и вовсе превращается в праздник.

Так что к семи утра, как только в столовую потянулись первые ранние пташки, фирменный завтрак от Импи был уже готов. Признаю — не кулинарные шедевры, конечно, извлекаемые из коробки с чудесами, названной кухонный синтезатор, но вполне себе домашнему получилось.

Тем более, на медпалубе тоже началось шевеление, Грейс почти перестала искрить, а Шинджу и вовсе обрела привычную ровную зелень. Но Совушка будет спать ещё очень долго, а вот Рина — девочка весьма увлекающаяся, и о завтраке, и об обеде позабыть может влѣгкую. Немку, конечно, накормит... Но кто помнит, какова больничная еда на вкус — пусть и созданная специально для канмусу — тот восторгаться ею не будет.

Поэтому минут через пять, изредка погромыхивая железками и тарелками при особо резких поворотах, я уже вкатывал тележку-поднос в стационар регенерационного бокса.

— Проснись и пой, красота! — с ходу заявил я, едва только оказавшись в помещении.

— Где ты красоту увидел? — буркнула стоящая у диагностических мониторов Карина, а Грейс соизволила высунуться из-под простыни аж по самый очаровательный носик:

— Утра, Никки.

Рина, впрочем, сходу развернулась, хищно раздувая крылья носа:

— Ты где такой вкусноты надыбал, Ника?

Я показал руки:

— Времена такие, Рин, всё сам, да сам...

Свирь, прищурившись, явно попыталась посмотреть сквозь металл, удерживающий тепло, что же там, внутри, такое аппетитно пахнущее расположилось.

— М-м-м, мя-а-аско! — закатила она глаза, с шумом облизываясь. Вздрогнула, с подозрением глянула на меня: — Уже завтрак, что ли?!

— Агась, — я не стал отпираться. — Тут три порции, я тоже только понюхать успела.

— И пробу не снимала?

— Ну, разве что чуть-чуть, что, признай, совсем не считается. И, вообще, бегом руки мыть, шаз кормить вас буду.

Грейс уговаривать долго не надо — весело пробурчав здравицу пустым желудком, она выудила из упаковки пару стерильных антисептических салфеток и, наскоро, но очень тщательно протерев кожу рук, свободную от повязок, приняла сидячее положение.

Умничка!

Вытащив с нижнего уровня подноса специализированную подставку, передал её немке и, пока та устраивала её в наиболее удобное положение, принялся выкладывать созданное честным ручным трудом: блины с ветчиной и сыром, с творогом, с джемом; рагу, в котором мяса получилось, естественно, гораздо больше, чем овощей; яичницу с беконом, красной фасолью и обжаренными сосисками; гречку с говяжьей зажаркой; стейк класса "томагавк", в финале неканонно обмазанный смесью тѣртого сыра твѣрдых сортов, сливочного сыра и моцареллы, и варварски доведѣнный до готовности в духовке; салат "вкус детства" — из мелко нарубленной пекинской капусты, тѣртой морковки, сметаны, майонеза, соли, сахара и перца — и получивший сумасшедше аппетитные нотки благодаря синтезированному Аидой яблочному уксусу; и на десерт — крепкий кофе а-ля Эмден, сливочное мороженое и криво наломанные плитки шоколада.

По мере выкладки блюд на подставку глаза Грейс распахивались всё шире и шире, грозя очень скоро сравниться размерами с теми самыми блюдами.

— Никки, это всё — мне? — шумно проглотив обильно набежавшую слюну, девушка неверяще посмотрела на меня. — И это всё — своими руками?

Подхватив кружку кофе, я присел в кресло, ещё сохранившее тепло тела Карины:

— Если переиначить слова одного мультяшного персонажа, то могу сказать так: вот если б у меня был такой умный и всемогущий кухонный комплекс, то я бы, может, и не женился никогда.

Удобное ложе у немки, однако — только сев в кресло, заметил кронштейн с заведённым за спинку кровати столиком. Нет, ясно, что он предназначен для всяких инструментов, может, ещё и для того, чтобы планшет или лаптоп какой раскорячить, но и тарелки на нём вполне себе бодро уместились. А разобравшись и с этой задачей, сервировал вторую подставку для Рины — на кровати Грейс места достаточно, чтобы аккуратная попа госпитальера уместилась, не стеснив немку.

Тихо пискнув, Рина втиснулась в кресло, обожгла поцелуями в лицо и, деловито одёрнув халат, царственно уместилась напротив меня:

— Бон аппети! — провозгласила рыжая, в первую очередь нацелившись на салат.

— Приятного, — отсалютовала вилкой и ножом Грейс.

— Будем! — невпопад выдал я, вытаскивая блинный рулетик со слегка протёкшим сыром.

Минут десять в боксе царило только бодрое сопение, скрежет вилок и ножей по тарелкам, да похрустывания салата, но — всему своё время, и время завтрака закончилось.

Гнейзенау с мечтательным выражением лица откинулась на спинку кровати, сыто хлопала себя по животу и с тоской взглянула на входной люк. Рина, сделав вид, что не заметила однозначного движения немки, тщательно подобрала кусочком хлеба остатки салата, отправила в рот и, проглотив, демонстративно облизала пальцы:

— Знаешь, Ника, ты бы поосторожнее свои таланты демонстрировала...

— М?

— Назначат коком пожизненно, и всё. Обленишься, харю наешь, маленьким начальником станешь, — с улыбкой пояснила госпитальер. — А вообще, раз уж вайсворстами разжилась, чего к ним тушёной капусты не сделала?

Я покосился на явно довольную жизнью Грейс, поймал её лёгкую понимающую улыбку — с ней-то на эту тему как-то уже говорили, девушка в курсе, а вот Свирь ещё не познала всю мощь Тёмной стороны моих кривых рук.

— Видишь ли, солнышко, сколько бы я не брался за неё, в каком бы состоянии не пытался готовить, какие бы специи не добавлял — на выходе всё равно получается бигус самого низкого пошиба. Тот самый, от которого прёт тухлой варёной рыбой и полувековой капустой, квашёной с добавлением мочевины.

Видимо, что такое бигус, приготовленный из заведомой просрочки, девушке вполне известно, вон как с омерзением передёрнула плечиками и скорчила гримаску отвращения.

Посмотрела на нас с немкой, тяжело вздохнула и, поднявшись с ложа, от души поцеловала меня в губы:

— Да идите наверх, куряки, вижу ведь, что уже уши чешутся и глаза печалью полнятся. А за тележку не беспокойся, мне всё равно в сторону камбуза идти сейчас, по пути закину.

Я ведь говорил, что Рина — настоящее рыжее чудо?

На корме "Анубиса" уютно и спокойно, даже полдюжета складных стульчиков, принаитованных внутри хозяйственного слота, нашлось. Вытащили пару, сели. И пепельницу искать не надо — созданная Аидой так и пролежала в кармане.

Хорошо вокруг — вода чистая, волнение почти нулевое, не волны — так, мелкая редкая рябь. Небо, опять же, чистое-чистое, насыщенно голубое — над Японией такого я ещё ни разу не видел. И солнце жарко припекает. По ощущениям, температура воздуха в районе градусов тридцати, и постепенно растёт. Тропики и южное полушарие, одним словом.

А Грейс просто божественно выглядит в длиннополой рубашке на голое тело, надетой на манер халата, и ни бинты, ни растрёпанные волосы общего впечатления не портят. Да и сама немка как-то незаметно перестала пользоваться маской холодной вежливости, дав волю нормальной мимике и эмоциям — пусть и сугубо в нашем маленьком коллективе, но и то хлеб.

Закурили, сидим, молчим, смотрим на воду.

Не выдержав, медленно, без спешки, протянул руку, аккуратно отвёл прядь волос от щеки девушки. Удовлетворённо хмыкнул:

— Рад, что укус быстро затянулся.

— Рад? — вопросительно изогнула брови немка, с новым интересом разглядывая меня.

— Рад, — признался я. — Так получилось, что девушкой себя ни капли не ощущаю.

— Значит, и прежние твои слова — не ошибки и оговорки из-за разницы в сербском и русском?

— Да.

Грейс задумчиво выпустила двойное колечко дыма, прицелилась, запустила третье — и оно пошло на расширение, только проскочив внутри первых двух. Мастер!

— Совсем как Шернхорст, — улыбнулась Гнейзенау. — А раньше почему не рассказала?.. кхм, не рассказал?

Я пожал плечами:

— Зачем нервировать и смущать Дев? Карина в курсе, Шинджу, вообще, по-русски нормально и без ошибок только матом разговаривать научилась, а в английском с личными гендерными местоимениями всё более чем интересно.

Грейс улыбнулась, задумчиво прикусила пухлую нижнюю губу:

— А ведь так гораздо проще было бы, не считаешь?

— Не считаю. Не хочу излишне путать девочек.

Немка мотнула головой, прижалась щекой к плечу:

— Да я не об этом, Никки.

— А о чём?

Стряхнув пепел, Дева чуть подалась вперёд, внимательно посмотрела в глаза, смутившись, опустила взгляд:

— Я ведь нравлюсь тебе?

— Кажется, это ни для кого не секрет, Грейс.

Немка, резко выдохнув, вновь подняла глаза, отчаянно краснея:

— Мне... Неловко говорить это, но... Могу ли я рассчитывать хотя бы на твою дружбу?

Эм-м-м... М-да...

От вопроса девушки все внятные логические умопостроения как-то неожиданно закончились, оставив под черепом первозданную пустоту.

— Хотя бы? — повторил я её слова, чувствуя некоторую незавершённость словесной конструкции.

Грейс, не опуская взгляд, кивнула:

— На большее я и не претендую, тем более, у тебя и Рина, и Шин есть, а мне — мне хотя бы возможность пусть изредка, но поговорить по душам...

Поняв недосказанное, улыбнулся, дотянулся до кисти девушки, мягко накрыл ладонью прохладную кожу:

— Да, втроём встречаемся, но с Шин тесных отношений нет и, вероятнее всего, ещё долго не будет.

— Даже не спите вместе? — скептически поинтересовалась Дева.

— Спим, — признался я. — Накрылись одеялом, обнялись, и — баиньки.

— Я не о том, — фыркнула Дева, но не отстранилась.

— "О том" рано ещё говорить, Совушка не из тех, кто торопится, Грейс. Она, мне кажется, до сих пытается свыкнуться с тем, что прошла инициацию и теперь представляет собой нечто большее, чем обычный человек.

Ну а что? Лучше уж сразу все маркеры обозначить, тем более, коллектив у нас маленький, и сплоченность, доверие и взаимопонимание — таки реально гарант выживания. Да и всё равно, в силу размеров отряда, рано или поздно все предпочтения, вкусы, расклады, дружбы, любви и прочие сопутствующие вылезут наружу, тут хоть прячься, хоть дисциплиной прикрывайся, хоть с головой в песок закапывайся — а от них никуда не денешься.

Грейс, действуя свободной рукой, закурила вторую сигарету. Глубоко затянулась, неторопливо выдохнула дым:

— А говорят, что немцы педантичны, пунктуальны и с хронометром во рту рождаются, — посетовала она. — То ли я исключение, то ли нагло лгут.

— В смысле?

Девушка как-то обречённо вздохнула:

— Мне про учёбу думать надо, квалификацию набирать... А я едва ли не соплю размазываю, ищу подругу, как будто без этого прожить не смогу... — В серых глазах Девы отчётливо проступила готовая к прорыву влага. — Ари... Я же не просилась к ней в постель, просто общения хотела чуть большего, чем привет-привет... Мне казалось, что она не против, понимаешь?

Я кивнул. Чего ж не понимать? А Тихоня полностью растаяла в чарах Камиллы, кажется, этим двоим, кроме друг друга, скоро вообще никого не надо будет. Вот ещё один пункт в разработку — не дать девушкам заикнуться на себе, дистанцироваться от остальных. Да, те же француженки наглядно доказали с самого начала, что в паре им работать удаётся гораздо лучше, чем в группе, Эмден отметила, что рейдеры из них получатся превосходные. А нам нельзя в рейдеры, нам Дев и людей, попавших в море в задницу, поручено спасать. И в одиночку или парой тут много не наспасаешь...

И об этом обязательно надо будет поговорить с Владой и Анной, они аватары опытные, наверняка с таким уже сталкивались и какие-то решения выработали.

— Понимаю, Грейс, — убрав ладонь с её кисти, ухватился за раму стула, подтянул к себе так, что смог без проблем обнять девушку. — Понимаю и принимаю. И ты смело можешь рассчитывать на нас, сероглазка, и не важно — в общении ли, или в чём-то большем.

Гнейзенау, спрятав глаза под водопадом светлых волос, всхлипнула и как-то подозрительно засопела, но, тут же вскинувшись, старательно растёрла лицо ладонями, утёрла рукавами, улыбнулась — открыто и тепло. И, обняв меня в ответ, мягко, быстро и осторожно поцеловала в губы.

Отпрянула, хихикнула:

— Благодарю за доверие, Никки, — изящным жестом заправила прядки волос за порозовевшие ушки, стрельнула лукавым, но очень непонятым взглядом. — И постараюсь соответствовать, честное слово!

Чуть сдавила пальцами мою кисть и, вновь хихикнув, молча покинула палубу.

Я покачал головой, закурил вторую.

Мать-Тьма, кажется, для меня это уже вопрос, вросший в плоть и кровь: и что это только что было?..

Заслуженный отдых

"Анубис" стоит на рейде, по прямой от пляжа — едва ли больше половины километра. А мы — в раю. Не в том, конечно, где всякие подозрительные божественные сучности делали человека по образу и подобию, а потом за проявленное наследственное любопытство больно били по рукам и выгоняли с голой жопой и без оружия в суровый внешний мир, но — в раю земном. Небольшой островок, наполовину состоящий из вулканических пород, густо усыпанный десятками мелких водоёмов, с крошечным водопадиком пресной воды. Пальмы, опять же, глаз радуют. Деревца и кустарники кучкуются тесными группами, но даже с большой натяжкой на гордое звание жиденского прилеска не тянут. Впрочем, если потянет уединиться или покурить в тишине — такое место найдётся без проблем.

Над островком Аида развесила густой зонтик из дронов-разведчиков, а по периметру ещё и выставила отпугивающие бакены.

Минимум неделя на отдых у нас есть, да ещё обратный путь Анубис обещала разнообразить почти что туристическим маршрутом с неоднократными заходами в красивые бухты. Мотивировала это тем, что Япония, конечно, красивое островное государство, но всё равно слишком мало радости для глаз. Особенно для тех, кому принципиально запрещено покидать пределы Школы.

А мы — только за.

После схватки с организованной стаей многое надо переосмыслить, по возможности — ещё и Туманницу привлечь: её способности к быстрому построению вариантов и моделей явно лишними не будут, да и как технический специалист пригодится. Но это всё — чуть позже, а сначала будем отдыхать.

***

Милый обрывчик: кусок вулканической породы, поросший зеленью, обрывается над мелководьем, вода настолько прозрачна и чиста, что видно множество мальков, деловито снующих быстрыми тенями над песком и редкими лентами водорослей. И рисунок ветра в этой части острова на удивление стабилен и приятен, можно спокойно покурить, будучи полностью уверенным в том, что весь дым всё равно рассеется над водой.

Рина и Шин вызвались помогать Ками в развёртывании гриля в частности и полевой кухни в целом. Аида, опять же, пригнала сервисных ботов с той же целью. А остальные

разбредились по острову, знакомиться, так сказать, с вверенной территорией.

Рядом беззвучно села Грейс, прикурила, задумчиво потёрла место укуса.

— Красиво тут... — выдохнула она, добив сигарету до половины. Молчунья, блин!

— Не то слово, — стряхнув пепел, лёг на спину.

Чистое небо, лёгкий ветерок, полуденное солнце, опять же, прямо в глаза долбит со всей своей яростной нежностью. Ни думать, ни шевелиться не хочется. А слева, со стороны лагеря, уже доносится весёлый смех, шлёпанье ног по воде, ароматный запах разгорающихся углей.

Девушка легла рядом, повернулась на бок, уместила голову на сгибе локтя.

— Знаешь, Никки... То, что ты обещала там, в бою, если встану... Понимаю, что сказано это было сгоряча и на нервах, так что держать данное слово не обязательно.

Отзеркалив позу Грейс, задумчиво окинул её долгим взглядом. Короткие шортики, лёгкий свободный топик, между ними — подтянутый, великолепный животик; длинные, стройные ножки; россыпь светлых волос и серо-голубые, отражающие цвет моря, глаза. Прелесть же!

Но, видимо, мой взгляд девушка истолковала очень по-своему — смутилась, чуть покраснела, излишне показательно уставилась на медленно прорастающую пеплом сигарету, буркнула:

— Вот и я о том же: вся пятнистая и некрасивая.

Чем, собственно говоря, и вызвала смех.

— Пятнистая, блин! Мать, ну ты жжешь адским напалмом, — выронив от сотрясающих тело судорог сигарету, с трудом выковырнул её из травы, воткнул в пепельницу, окончательно затушив.

— Да, пятнистая, — опустила носик Грейс.

Тело, получив команду, с лёгкостью совершило пируэт с упором на руки, по окончании движения оказавшись за спиной девушки. Прижался к ней плотнее, почти коснулся губами розового ушка:

— Ерунда, Грейс, Рина же обещала, что к вечеру разницы между новой кожей и прежней вообще не будет заметно, — я медленно провёл кончиком указательного пальца по пятну регенерированной бледно-розовой кожи, украшающей бок Девы. Грейс дёрнулась было, но как-то очень быстро обмякла и затихла. Лишь едва заметно двигала торсом в те моменты, когда контакт пальца и кожи прерывался — словно рёбрами пытаюсь вновь поймать прикосновение.

Я наклонился ещё ближе к ушку, настолько близко, что коснулся губами нежной горячей кожи:

— А боевые шрамы, пусть и заживающие без следов, придают особый шарм, — шепчу слова в ушко немки, и всем телом чувствую, что девушку едва ощутимо трясёт, но дрожь эта вовсе не от холода — внутренняя связь, хоть и старательно заглушаемая аватарой, доносит обрывки эмоций: ярких, перемешанных в один сплошной комок, в котором сплелись и робкая надежда, и опасение, и жажда продолжения, и смущение, интерес и страх поражения... — И разве может леда, что столь мило стесняется, быть некрасивой?

— Может, — тихо выдохнула Грейс, а из её ослабевших пальцев выскользнула давно погасшая сигарета. — Я тому пример.

Слушаю её эмоции. Искренняя уверенность в своих словах. Жесть...

Но ничего, будем лечить от излишней скромности и прививать любовь к собственному

телу.

Встав, протянул руку немке:

— Пойдём.

— Куда?

— Купаться, солнце. Я тут классную заводь видела, неглубоко и чертовски красиво, тебе понравится!

Девушка качнула головой:

— Я же без купальника...

— Я, если ты не заметила, тоже. Но когда нас это останавливало?

— Никогда, — рассмеялась Гнейзенау, принимая предложенную руку. — Только...

— Что? — спросил я вновь смутившуюся аватару.

— Ещё так пальцами сделаешь? — на щеках девушки расцвёл румянец. — Такие прохладные и ласковые...

— Конечно повторю, и не раз! — я помог ей подняться и, подхватив под локоток, уверенно повёл вглубь острова.

***

Вечереет, но прохладой и не пахнет: океан, прогретшись за день, нехотя отдаёт тепло темноте. Ночью ожидается хороший ливень, но ни палаток, ни навесов нет — Анубис установила в центре лагеря слабенький мобильный генератор защитного поля, смонтированный на подвижную платформу на базе сервисного бота, заверив, что и в шторм дискомфорта не почувствуем.

Повезло нам с Туманницей, что и говорить. И собеседник приятный, и плавучий скоростной дом, да и тылы обещала прикрыть на случай, если на камеры дронов попадёт что-либо из совсем уж частной жизни Дев — обойдутся особисты без приватного видео, Аида лично отфильтрует и перемонтирует хронику отдыха.

Да, несколько неловко, конечно, понимать, что с высоты за тобой следят внимательные сенсоры дронов, но, с другой стороны, того требует техника безопасности, да и потом можно отпускной альбом сделать из самых удачных и забавных кадров. А таковых должно быть немало уже за первый день: Хидори, споткнувшись о камушек, лбом расколола немаленький такой булыжник, тьму лет пролежавший до того на берегу в тиши да спокойствии; ошалелые глаза Камиллы, когда от её лёгкого удара ладошкой лопнул огромный пляжный мячик, армированный в два слоя графеновой сеткой, коим играли в некий гибрид салочек и волейбола; Ари, снимающая с головы шикарнейший парик, состоящий из водорослей — увидела какую-то очень вкусную, с её слов, рыбку, и решила её поймать на ужин; ряд великолепных спинок и поп, не прикрытый совершенно ничем, под жарким тропическим солнцем...

Мы с Грейс, опять же, на пару часов видео- и фотоматериалов насверкали голыми телами: и в микроозерце наплескались вволю, и позагорали, плюс обещанные повторы тактильно-мануальных нежностей для немки. Кажется, с последним я несколько переборщил — видимо, Гнейзенау вообще не только никогда особо не баловали ласками и тёплым отношением, но и простого общения лишали. Так что те несколько десятков минут, проведённых в обстановке с глазу на глаз, кажется, начисто порвали ей шаблоны, и к моменту нашего возвращения на запах истекающих жирком стейков девушка совсем не

напоминала себя прежнюю: смеялась, шутила, нисколько не стеснялась почти уже неразличимых пятен новой кожи и даже не делала попыток натянуть на лицо привычную маску холодной вежливой отстранённости.

Шин поняла всё без слов, только широко улыбнулась и украдкой одобрительно показала большой палец над сжатой в кулак ладонью. Рина, под предлогом помощи с очисткой решёток и шпажек утащившая меня к воде, как только скрылись от посторонних глаз, припёрла спиной к пальме:

— Ника, ты знаешь, кто ты?

И улыбка лукавая-лукавая — и впрямь — ни следа ревности, ни эха негативных эмоций, только искреннее счастье, беспокойство и забота.

— Редиска, — вздохнул я, и, помня, что отечественным синемаатографом образца прошлого века девушка не очень увлекается, пояснил: — Нехороший человек.

Госпитальер, мягко ткнувшись губами в шею, шумно приняхалась, мурлыкнула:

— Корица и мандарин, — ещё пара глубоких вдохов. — Будоражащий запах, Ника, меня ещё в боксе накрыло, когда Грейс из брони вынимала — думала, залипну настолько, что только и буду, что зарываться носом в её волосы, и совсем забуду про медицинские мероприятия...

О как!

А Карина, не дав мыслям развиться, отстранилась, серьёзно посмотрела в глаза:

— Я ведь говорила уже, Ника...

— Помню-помню, — улыбнулся я, пытаюсь поцеловать медсестричку хотя бы в усеянный лёгкими веснушками носик. — Неревнивая и очаровательно-рыжая прекрасная чуда ты, Рина, такое нельзя забыть.

— Именно так, — перестав уклоняться, девушка всё же предоставила носик под поцелуй. — Мне сегодня Шин подмышку и в закат?

— С чего это?

Указательный пальчик ткнулся мне в грудь:

— У меня ж сенсорика специфичная, не забывай. Да и трудно не заметить, с какой широченной улыбкой Грейс вернулась с тобой под ручку — явно же не только благоглупости болтали под сенью раскидистой ивы?

Я, не удержавшись, рассмеялся:

— Не только болтали, — согласился я. — Ещё немного искупались и позагорали. Понимаешь... — Не всё же стоять под пальмой? Вот я и сел, облокотившись о ствол, притянул Рину к себе на колени. — Грейс как Шин — столь же одинока и непонята.

— Логично, — с совершенно серьёзным видом кивнула девушка. — Лили и Тереза только между собой общаются, им и вдвоём уютно и комфортно. Знаешь, как вернёмся, предлагаю обратиться к коменданту с просьбой о реформировании жилых блоков под особенности состава группы.

— Вряд ли поможет, — вздохнул я. — Могут посчитать, что упускаем таким образом элемент социализации в рамках студенческого слоя Школы: общаться будем только в замкнутой среде, что негативно скажется на коммуникации с остальными Девами, что, в свою очередь, может повлечь за собой повышение градуса непонимания, обнажит противоречия и прочие острые углы.

— А вот об этом пусть у психолухов голова болит, не всё же в неё только есть, — беззаботно фыркнула Рина. — Но с Владой и Анной я поговорю, даже не отговаривай.

— И не подумаю. Только к ним пойду я, возражения не принимаются.

— Фла-а-агман, — с томным придыханием передразнила характерное обращение Шинджу медсестричка и, лукаво стрельнув враз позеленевшими глазищами по сторонам, ткнулась лбом в лоб и хорошо поставленным суфлёрским шёпотом выдохнула скороговоркой: — А Грейс ты всё же на ночь прибери, даже если без рук и поцелуйчиков — пусть попробует, каково это — спать рядом с теми, кому не безразлична. А мы с Шин в сторонке отоспимся.

— Отоспитесь, как же, — с сомнением хмыкнул я. — Снова посреди ночи прибежит Совушка, с глазами по пять копеек, и будет жаловаться, что нехорошая рыжая девочка с нескромными намёками пристаёт?

Рина с довольным видом потянулась, важно кивнула:

— Это с её точки зрения намёки неприличные. А с моей — вполне невинные и целомудренные. Это раз. Ну и то, что ты не очень хорошо разбираешься в женской психологии, а потому не вполне понимаешь намёки Шин — это уже два.

— Какие намёки?

Свирь, хихикнув, слегка прикусила мочку уха, жарко прошептала:

— Не на интим, к нему она ещё не готова, но очень даже не против, чтобы ты не просто обнимал, но и немного рукам волю давал. Женское тело, знаешь ли, временами бывает очень голодно до обыкновенной ласки. Животик там погладить, или попу невзначай потискать... Вариантов много.

М-да. Наверно, я ещё долго буду привыкать к манерам Карины — слишком уж хитро в ней переплелись и уживаются бесцеремонность и цинизм работника скальпеля и клизмы, максимализм и неуёмное любопытство тинейджера и эпизодические скромность и целомудренность леди, получившей прекрасное образование.

А медсестричка, соскочив с колен, соблазнительно потянулась, поправила шорты и, протянув руку, тоном, не терпящим возражений, уведомила:

— Так что решено: минимум сегодня — ночуешь с Грейс. А сейчас — идём мыть посуду, после чего до вечера, нагло пользуясь правами походной главы медслужбы, я тебя рекрутирую в полное личное распоряжение.

Я вытянулся в струнку, и, пожирая внезапное начальство глазами, попытался принять вид в полном соответствии с заповедями Петра Первого, лихой и придурковатый, то бишь.

— Есть мэм, так точно, мэм!

Свирь, закусив губку, плотоядным взглядом окинула моё бравое тельце:

— Не бойсь, Импи, награда обязательно найдёт своего героя. А теперь... Ра-а-анясь! Смир-р-рна! Курс на берег, шагома-а-арш!

Притирка

Растяжимое у Рины понятие "до вечера".

Зато методы... Юная леди, сдав посуду и кухонный инвентарь, по-хозяйски экспроприировала меня и экстрадировала почти на другую часть острова — минут десять пешком, и вот мы уже стоим на чёрном песке пляжа, образовавшегося в глубине уютной крохотной лагуны. Чёрный — это вулканическое стекло, за многие годы вылизанное водой, выглаженное, доведённое до состояния идеальных окатышей размером от песчинки до булыжника размером с кулак. Стекло прочное, давным-давно спёкшееся в прочнейший материал, а если где-то осколки и найдутся, то повредить ни одной канмусу всё равно не смогут.

А в чёрном — белая проседь — песок, принесённый течениями, вымытый ливнями с возвышенностей, заброшенный ураганами и штормами с ближайших атоллов и островов.

А впереди — мелководье, а по бокам — чёрные ноздреватые породы островной подошвы, поросшие лианами, мелкими кустарниками, какими-то плодовыми карликовыми деревцами.

Там, разложив скромные по меркам Дев Флота запасы провианта и постелив кусок неведомо откуда взявшейся парусины, мы и устроились.

Темнеет резко, почти без перехода: вот ещё светло так, что хоть читай книги, хоть крестиком вышивай, и не проходит и минуты субъективно, и уже ни зги не видно. Впрочем, последнее для канмусу тоже не особая проблема, волевым усилием чуть-чуть раскачиваешь и подталкиваешь восприятие, и тьма отступает, раскрашивается градациями серого. Ари и Катарине и разгон не нужен, у них это классовая абилка, как сказала бы Виктория. Соня, Карина и Шин и вовсе не напрягаются, с лёгкостью разгоняя восприятие до нужных кондиций.

С другой стороны, в кромешной тьме есть свои неоспоримые плюсы. Неловкое тыканье носами, попытки понять, в какую часть тела упираются руки, да и просто смесь азарта с некоторым потаённым возбуждением... Это сильно. Ново. Необычно. И чертовски приятно.

Так или иначе, но когда мы вернулись, довольные и весьма уставшие, в лагере ещё никто не спал и на боковую даже не готовился. Исчезла палатка Ари и Ками, а Шин, изначально разместившаяся с Хидори, с интересом уткнулась в толстенький томик из настоящей бумаги; второго спальника рядом с ней не было.

Рина, понятливо хмыкнув, прямым ходом отправилась к Муракумо и, о чём-то быстро с ней пошутукавшись и получив одобрителный кивок, сначала деловито перетащила свой спальник к Шин, а потом и вовсе утащила девушку на водные процедуры — судя по весёлому смеху, под водопадом уже отмокали на ночь грядущую минимум Катарина и Влада.

***

И вот снова сижу на облюбованном овражке, над головой густейшая россыпь звёзд, и вода почти не плещет — волн нет, так, лёгкое покачивание лунной дорожки, только-только растущим рогом высунувшейся из-за горизонта.

— Не помешаю?

Уж кто, кто, а немка точно не помешает.

Отрицательно качнув головой, хлопаю по траве рядом с собой. Грейс правильно понимает приглашение и садится рядом, крутит в тонких пальцах бензиновую зажигалку, гравюра, выполненная материалом с более чем приличным коэффициентом отражения, сверкает линиями под довольно ярким светом звёзд, складываясь в почти живые язычки серебристого пламени.

Протягиваю сигарету. Принимает, прикуривает, неторопливо затягиваясь. С силой трёт то место, куда укусила прайм-особь — кожа полностью вернулась к нормальному виду, выровняла цвет, но фантомные боли во вновь пророщенных нервных волокнах никуда не делись, если не обмазываться регелем или не отмокать в саркофаге регенератора, то придётся терпеть зуд ещё пару-тройку дней.

— Странно, — нарушает тишину Грейс. — Вроде темно, и мозг, увидев показания хронометра, ворчит, что давно уже пора спать, а организму побоку.

— Разница со Школой почти в четыре часа...

В густых сумерках светлой ночи прекрасно видно, как тонкие брови немки удивлённо приподнимаются.

— Сам слегка прифигел, когда отмасштабировал карту и набросил кроки вторым слоем поверх глобуса.

— В Индийском океане, значит?

— Или недалеко от условной водной границы.

— Тоже неплохо, — улыбается широко, в лунном свете влажно поблескивает эмаль зубов, особенно очаровательно выделяются клычки. — То-то смотрю, погода не в пример спокойнее.

— По идее, сезон дождей должен быть...

Грейс отмахивается:

— Это ближе к экватору. Да и подтаявшие полярные шапки внесли свои коррективы в рисунок устоявшейся погоды.

Прилагательное "подтаявшие" из её уст звучит так, словно шапок совсем не осталось. А они есть. Большие и белые, как и положено.

Девушка полулегла, упёрлась согнутыми локтями в траву, подняла глаза к звёздам.

— Как думаешь, там есть жизнь?

Я запрокинул голову, всматриваясь в звёздное разноцветье.

— Было бы глупо считать, что шарик, затерянный на окраине галактики, является абсолютно уникальной единицей даже в пределах одного спирального рукава.

— Логично, — соглашается немка. — Хотела бы я дожить до того момента, когда люди смогут покинуть пределы Солнечной системы...

— Долгая лета, Грейс! — киваю, всматриваясь в безумно далёкие звёзды. — Сначала на Марсе яблони вырасти должны, и на Титане запеть сирены.

— Боевые?

— Поющие, солнце, просто поющие.

— Не доживу, — вздыхает девушка.

— С чего такой пессимизм?

Гнейзенау пожимает плечами:

— Если оставить по умолчанию неиллюзорные шансы погибнуть от рук Глубинных, то всё равно остаётся ещё много причин и возможностей. Мы и сами весьма неудобны для людей — сильнее, живучее, прочнее. Если в ЕК, ОША и Империи к этому относятся, как минимум официально, нормально, то в той же Панобщности, если тенденции сохранятся, местным Девам придётся несладко.

— А что там?

Грейс оторвалась от созерцания звёзд, повернула голову ко мне:

— То же, что и всегда. Чёрный континент вечно жаждет крови. Если я правильно вычленила локальный базовый тренд секторальной геополитики, очень скоро там вспыхнет новая война, и на алтари в первую очередь положат Дев Флота.

Херассе, что в мире творится!

— Зачем?

Девушка качнула головой:

— Умастить их кровью своих божков и духов.

— Думаешь, смогут?

Гнейзенау грустно усмехается:

— Эти — вполне. Не умением, так мясом завалят.

— Что ж за мутанты такие?

— У вас, в Империи, в начале века их идейных родителей называли тряпкоголовыми, за то, что...

— Не нужно пояснять, Грейс, я прекрасно понимаю этимологию слова. Значит, заразу не полностью выжгли...

— Такое из головы никакими гуманными подходами не выбить, Никки.

— Если не выбивается, то надо избавиться их от голов. Только декапитация, только хардкор!

— Заметь, — улыбнулась девушка, — не я это сказала.

Я фыркнул, вытянулся рядом с аватарой:

— Глупо это и до омерзения шаблонно — считать, что, раз ты немка и воплощение корабля времён Второй мировой, то нацизм и мания к тотальному геноциду априори должны быть у тебя в крови.

— Спасибо, — и, мягко втиснувшись под бочок, Грейс с осторожностью, словно боясь, что рассержусь и оттолкну, положила голову на грудь.

Не оттолкнул. Незачем.

— Но о звёздах... — девушка робко попробовала вернуться к теме. Явно политика и прочая грязь человеческая ей не по душе.

— Доживём, Грейс, доживём. Чувствую я, что с нашей новой биологией пара-тройка столетий жизни — далеко не предел.

А Гнейзенау мне не ответила. Бережно, но цепко обхватив меня за талию, девушка спала. Она сладко и почти бесшумно посапывала, а запах, идущий от её волос, неизменные корица и мандарин, убаюкивал, очищал мозг от мыслей, ненавязчиво подталкивал ко сну...

***

Перед глазами разворачивались странные, совершенно непонятные картины: огромные туманности, зияющие полнейшей пустотой черовточин... И движущая тьма, пожирающая свет... И чёрные тела множества форм, переплетающиеся в неторопливо и страшно надвигающемся клубке... И там, где они проходят, не остаётся ничего, только пустота, настоящий вакуум, объёмы пространства, начисто лишённые совершенно всех следов материи... И странное отчаяние, сменяющееся отчаянной безбашенностью и азартом — уйти нельзя, чтобы не показать дорогу, уйти нельзя, чтобы не подпустить к ресурсам, а значит, остаётся только одно — биться до конца, драться так, чтобы окрестности данной звезды стали общей могилой... Могилей, из которой никому не по силам уйти... И я знаю, что это легко выполнить. Выполнить, обрекая Всех-тех-кто-Я... И никто не хочет уходить, хотя все дороги открыты и есть ещё маршруты, по которым мелочь может проскочить незамеченной... А сплошная волна эта накатывает, давит ментальным давлением, трясёт не то в агонии, не то в экстазе мордами, укрытыми плотной тканью, воет на все голоса и во всех тональностях, требуя крови Дев и какую-то Аллу в бар...

— ...ки! Никки!

Обеспокоенный голос Грейс выдёргивает меня из наваждения, возвращает в реальный мир. На затылке чувствую ладонь немки, вторая бережно и осторожно гладит по щеке. Дева

с тревогой заглядывает в глаза, по мимике и эмоциям на лице понятно — искренне беспокоится.

— Всё в порядке, Грейс.

Девушка, бережно поддерживая голову, укладывает меня на траву.

— В порядке?! — не кричит, но шёпот её свистящий, нервный. — Просыпаюсь, а ты почти не дышишь, глаза то в затылок смотрят, то вертятся как бешеные, и дыхания почти нет!

Поднимаю руку, мягко сжимаю ладонью плечо аватары.

— Сон странный... Но такое уже было, Грейс, ещё в начале учёбы, в кино накрыло... А в этот раз легче, даже сознание чистое.

— Я позову Рину.

— Не надо, — улыбаюсь приятной заботе Грейс. — Она говорила, что после моего Пробуждения у неё с сестрой сенсорика едва ли не на порядок расширилась, даже на суше любую из нас при желании может почувствовать в пределах Школы. Ты за собой такого не замечала?

Дева, явно сбитая с толку сменой темы, уже спокойнее кивает:

— Ещё бы не заметить, Никки. Там, в Консолидации, мой потолок без химии был на первых модах пятого поколения доспеха. В Школе же только встав на воду, поняла, что использую седьмую. Без промывки мозгов, без корректировки систем организма... — глаза Гнейзенау расширились, она странно посмотрела на меня. — Я как-то не увязывала завершение твоей инициации и качественный скачок своих способностей...

Всхлипнув, Грейс подхватила меня, прижала к себе, спрятала подозрительно влажное лицо между моими плечом и шеей:

— Я... Никки, я... Я в долгу перед тобой!

— Да ладно тебе... Мне хватило и того, что само Пробуждение и для тебя, судя по всему, приятным было.

Грейс сдавленно грюкнула, ещё сильнее вжалась в плечо, а я кожей ощутил, что аватара стремительно краснеет.

— Нашла из-за чего стесняться, — нежно поглаживая девушку по спине, рассчитываю параллельно манёвр. Пара секунд — и вновь лежим, Грейс, постепенно успокаиваясь, сопит в шею, а я пальцами освободившейся руки перебираю её волосы. — Что естественно, то не без этого самого, прелесть.

— Умф-х! — невнятно бурчит немка. Ну да, сложно говорить, когда губы плотно прижаты к шее, ещё пара сантиметров в сторону, и нащупает артерию.

И пусть нащупывает. Может даже укусить, даром, что ли, такие, как говорит Рина, kawaii клычки у неё растут?

А Грейс, оторвавшись от шеи, щурится, улыбается и, легко вскочив на ноги, подаёт руку:

— Никки, как насчёт искупаться перед сном?

***

Вопреки ожиданиям, Грейс даже для соблюдения вида формальности отпираться не стала, сразу же согласилась разделить палатку на двоих. А вот каким образом и когда спальники-трансформеры оказались объединены в один двухместный матрас, история умалчивает. Впрочем, чья веснушчатая мордочка тут может быть причастна, и так ясно.

Спать после бодрящей прохлады водопада как-то не очень тянуло, да и волосы, опять же, довольно медленно сохли, так что почему бы двум леди и не скоротать процедуру сушки приятным разговором?

— Знаешь, Никки, я бы ни за что не поверила, что у Аиды есть супруг...

Кажется, я так готов сидеть если не вечно, то где-то около того: упираясь грудью в спину Грейс (хотя, это как посмотреть — с другой-то стороны — это именно она спиной на мою грудь опирается), вдыхая аромат волос, после водопада только усилившийся, и неторопливо делая массаж головы Деве.

— Аналогично...

А всё просто — там, у заводи, образовавшейся под водопадом, в рассеянном свете, создаваемом парой ботов, медитировала Анубис. Туманница сидела в классической позе лотоса, расстелив поверх колен толстое, даже с виду очень пушистое и мягкое полотенце. Больше из одежды на ней ничего не было, шикарные длинные волосы, свободно ниспадающие на спину и высокую грудь, с успехом заменяли бельё. И под межключичной ямкой на простом тёмном шнурке висело колечко светлого металла.

Заметив нас, Аида грустно улыбнулась, кивнула и в одно плавное движение поднялась на ноги. Набросила полотенце на шею, прикрыв кольцо, и, плавно покачивая совершенными округлыми бёдрами, с поистине царской неторопливостью молча ушла в сторону лагеря.

Ни мне, ни Грейс объяснять ничего не потребовалось — и так всё понятно. На шее так бережно носят ладанки, военные жетоны — в случаях, когда выжил там, откуда, как правило, возвращается только половина именной пластинки... и свадебные кольца. Предметы, которые дороже памяти. Или вещи, которые страшно потерять.

— Думаю, не стоит её расспрашивать, — после затянувшейся паузы продолжаю массировать голову Грейс; она всё так же плотно закрывается во внутренней сети, но, кажется, эта защитная мера не очень-то действует в отношении меня — всё равно чувствую её осоловелую расслабленность, желание замурчать от удовольствия, и лёгкую грусть с нотками искренних переживаний за Туманницу. — По крайней мере, сейчас.

— Согласна, — едва кивает девушка, и по её эмоциональному фону ясно — и в самом деле старается не думать об этом. Уже достаточно притёрлась к Аиде, пообвыклась, чтобы понимать: захочет Анубис рассказать — расскажет, ни слова не утаит. — Никки, продолжай, прошу...

А я и не останавливаюсь, продолжаю. Плавные круговые движения подушечками пальцев, от затылка ко лбу, через виски — вновь к затылку, приподнимая согнутыми фалангами восхитительно шелковистые волосы, слегка задевая кончиками ногтей кожу головы — чувствуя эмоциональный фон девушки, легко делать ей приятное.

А Грейс расслабилась, дышит глубоко и медленно, немного склонила голову вперёд — так, чтобы ещё больше оперативного простора получилось. И я пользуюсь предоставленным преимуществом, то замедляя движения до скорости улитки, то наращивая темп...

И позже, прижимая к себе уснувшую девушку, получившую ударный передоз позитива, я задаюсь вопросом: а возможно ли достичь экстаза от такого нехитрого действия? Смотрю на мерно вздымающуюся грудь Грейс, на её до невозможного милую улыбку сквозь сон, на изящные черты лица, впитываю эмоции спящей Девы — спокойствие, умиротворение, удовлетворение, тихую радость и искреннее счастье — и понимаю, что да, возможно. Вот пример, прижимается к моему боку горячим телом, шепчет что-то неразборчиво, робко, словно боясь потерять, сжимает сразу обеими ладошками мою ладонь.

И чувствую настоящую радость, доносящуюся от палатки, где спят Шин и Карина, и нескрываемую заботу, которую невозможно перекрыть даже глубоким сном — друг о друге, обо мне, о Грейс, о команде в целом.

И понимаю: если счастье и семья для моих Дев Флота, для меня самого и возможны — то вот они, и другие просто не котируются. Да и не важно, в принципе, есть ли мужицкий хобот, или нет, тестостерона, адреналина в крови больше или окситоцина с эстрогенами — главное-то, по сути, лежит не в области физиологических межгендерных различий, но в совершенно другой плоскости. Понимать друг друга, дополнять, где неполно, и сглаживать, где остро, помогать, открывать себя для других и принимать других как себя — и вместе идти вперёд, ощущая рядом и плечо товарища, и надёжную опору боевой подруги, и заботу, которую способны проявить только те, кто по-настоящему близок.

И чувствую, что только так, в такой формации, полностью поняв и приняв друг друга, мы можем пройти через горнила этой странной войны и выжить — выжить, не тронувшись разумом, не слетев с нарезки, сохранив психику.

А остальное — наладится.

Остальное — будет.

Вместо эпилога

Хоквуд

Нервный тик дёргал правый глаз майора Хоквуда с самого утра, не спасали ни дыхательные гимнастики, ни попытка свалиться в медитацию, ни даже всемогущая в пределах организма инкона. Наряду с асинхронно подмигивающим глазом на лице Джеймса поселилась и восторженно-дебильная улыбка.

Впрочем, Хоквуду было откровенно плевать на собственную физиономию. И уж тем более его нисколько не беспокоило удивление встречных людей из состава персонала Школы в частности и базы в целом.

Едва ли не пританцовывающей походкой майор вкатился в медчасть, встретился взглядом с привычно хмурой из-за раннего подъёма Киао Рин, и... ступешался. Наверное, впервые в жизни.

Тем не менее, судя по реакции самой китайки, и для неё улыбающийся во все давно уже восстановившиеся тридцать два Хоквуд проходил по той же статье, что и встреченный на улице тираннозавр в пенсне, вежливо расшаркивающийся и приподнимающий цилиндр в приветствии.

С другой стороны, мисс Рин была, во-первых, женщиной, во-вторых, не зря занимала должность начальника медслужбы и базы, и Школы.

— Ён? — с ходу выдала она догадку.

— Ыгы, — продолжая счастливо скалиться, кивнул майор. Сунул руку за отворот кителя, достал что-то, завернутое в белоснежный платок. Развернул бережно и трепетно, так, словно в руках у него активная мина контактно-нажимного действия, а не нечто более безопасное.

Закончив процесс извлечения, Хоквуд осторожно взял в руку продолговатый белый предмет, взглянул на него с нежностью, поцеловал — так, как никогда даже зная не целовал, — и протянул его капитану.

Медик, заполучив в своё распоряжение переданную вещь, странным взглядом окинула майора, вновь вернулась глазами к переданному.

— Ну... Что сказать, майор, поздравляю! И тебя, и Рин. Хотя как такое возможно — ума не приложу...

— Я старался, — с довольной физиономией похвастался майор.

— Я по Ён это итак почти каждый день замечаю, Джимми, — улыбнулась китаянка. — И рада за вас, но больше — за тебя. Золотое попадание, как-никак!

Майор, переполненный эмоциями, только и смог, что кивнуть. Много лет назад, когда их, всё ещё боевитых, но уже основательно потрёпанных жизнью матёрых ветеранов, приняли добровольцами в проект "Немезис", и только после подписания трёх толстенных пачек подписок о неразглашении, участии, и прочем бюрократическом дерьме, когда хода назад уже не оставалось, — только тогда их уведомили, что носители инконы, увы, практически стопроцентные пустострелы.

Шанс произвести "золотой выстрел" надёжно обосновался в районе ставок один к много-миллиардов-или-вообще-дохреналлион.

И вот ранним утром Ён показала тест. Две полоски.

Девушка вела контроль целый месяц, раз за разом опасаясь убедиться, что это ложный сигнал. Зря боялась. А теперь — теперь Ён отоспится в законный выходной, а задача майора — подготовить плацдарм в медчасти, убедить Киао лично провести обследование — в этом деле Хоквуд мог доверять только военным специалистам, ни в грош не оценивая гражданских.

Майор понимал: беременность подруги не сможет не сказаться на нём. А значит, нужно успеть доделать важные дела: смотаться в город за кольцами, напроситься на аудиенцию к Адмиралу и уговорить провести церемонию бракосочетания — к религиозным конфессиям и девушка, и мужчина питали откровенную неприязнь. Навести порядок со счетами — на депозите должна накопиться уже более чем приличная сумма, пожалуй, самое время перераспределить накопившуюся зарплату и проценты в соответствии с новыми приоритетами.

А во втором внутреннем кармане лежит сложенный вчетверо рапорт на увольнение по собственному желанию. Просто на всякий случай, если доводы разума не возобладают над начальством. И замена есть. Кларк Мерцер более чем толковый тип, умеющий так искусно положить болт на прямые приказы ООНовского руководства, что, вроде бы, и распоряжения выполняются, но через задницу и окольными путями, а по факту — ничерта не происходит из запланированного, и всё строго наоборот. Уж этот парень точно сможет не покалечить психику девочкам, сумеет плавно обойти острые углы, да и, в целом, оперативник в открытую симпатизирует имперским стандартам обучения. Вывернется, выдюжит.

Хоквуд иллюзий не питал, прекрасно понимая, что его место — на свалке истории, как у бракованного реликта. Таким нет места в музеях, нет о них строчек в памятных альбомах, им не пришлют ни поздравительных открыток, ни приставят к наградам.

И всё, что удерживало — одно лишь упрямство. И трезвое понимание того, что, покинув Школу, потеряет смысл жизни. Не оставалось у него ни якорей, ни желаний.

А теперь — теперь всё изменится.

Вопрос в том, надолго ли?..

Впрочем, майора это не волновало: сколько осталось — всё его. А дальше — видно будет.

Зоя

Молодая женщина пустым взглядом смотрела на голую стену — разум её в этот момент был очень и очень далеко.

Рядом с ней, на полукруглом диванчике напротив, устроилась стайка девушек, все, как одна, облачённых в технические комбезы. Мозговой штурм дал первые плоды, и теперь требовалось время на осмысление выдвинутых предположений.

Вздвогнув, Зоя вынырнула из размышлений, про себя покачала головой — хороша же хозяйка, третий час гостей держит, и даже кофе не предложила. Короткая команда интеллектроники кабинета — и кухонные комбайны приступают к подготовке обеда.

— Сколько у нас консервантов в запаснике? — поинтересовалась Ксения, аватара ГС "Иртыш", у хозяйки кабинета.

— Девять, — вздохнула Зоя. — Без стазиса не удаётся остановить или замедлить распад, сами же в курсе.

— Грустно, — кивнула Ксения. Покосилась на желтоглазую Ульяну. — Ваш трофей продержался чуть дольше, чем остальные...

— Свеженькая тыковка же, — улыбнулась Урал. — Можно сказать, с пылу, с жару, да на стол прозекторский.

Вперёд одновременно подались две девушки, черноволосая, сияющая янтарными глазами Кира, ментальная модель плавбазы "Память Кирова", и огненно-рыжая Урсула, воплощение четвёртого именованного корабля РЗК "Марьята".

— Анхелла сообщила, что ещё пару голов доставят с Востока, Сакура даже полностью сохранное тело заполучила, — напомнила Кира.

— Нам нужно цельное тело, — одновременно с ней сказала Урсула. Осмыслила сказанное Кирой, умоляюще посмотрела на Зою: — Зоя Владимировна, нижайше прошу допустить мою исследовательскую группу к изучению целого образца. Подписки, обет молчания, преференции — всё, что в моих силах, обеспечу.

Зоя кивнула:

— Для этого тебя и вызвали, Урсула. Эгер будет?

Девушка быстро-быстро закивала:

— И обе Эгер, и Марьята Третья. У Линн до инициации было превосходное образование по части судебно-медицинской экспертизы, Сольвиг неплохо разбирается в биохимии, а Грета очень быстро учится, помехой не будет.

Кира, проследив взглядом за вкатившимся в кабинет робостоликом, перевела взгляд на руководителя объединённой группы:

— Зоя Владимировна, предлагаю с телом работать в фазовом стазисе. Флеш-клона сделать не получится, а так — имеем дрейф в десяток секунд на исправление ошибки.

— Есть предположения?

Ментальная модель кивнула:

— Ассоциативную цепочку вскрывать не буду, вам не интересно, а мне, честно говоря, больно, так что сразу перейду к финальному узлу. Думаю, зацепки надо искать именно в спинном мозге, компоновке позвоночника, в особенности, его верхней трети и шейном отделе, и в затылочной области черепа в области гипоталамуса, то есть в частях тела, подверженных наиболее быстрому распаду.

— Чем вызвана такая идея? — Заинтересованно вскинула бровку Ксения.

— Работой мозга Глубинных, — пожалала плечами Кира. — За всё время войны мы смогли понять только одно: Глубинные, несмотря на всю антропоморфность прайм-особей и мозг, не уступающий по сложности человеческому, пусть и хитрые, изворотливые, стайно-социальные, но — звери. Дикие и неразумные. А раз при таком уровне эволюции самосознания явно нет, логично предположить, что его что-то, как минимум, подавляет, либо же и вовсе блокирует его развитие.

Зоя согласно кивнула, внося попутно заметки в справочник, подвешенный в слоях дополненной реальности. В словах Туманницы есть определённый резон, так почему бы не попробовать? Да, технология фазы только-только вводится в горизонты исследовательской деятельности, но кто, если не Девы Тумана, его создавшие, могут справиться с развёрткой и настройкой оборудования?

Женщина старательно дополнила заметки парой записей, вынырнула из допреальности, с благодарностью посмотрела на Киру:

— Согласна. Но дрейф контролировать будешь ты сама, договорились?

— Не вопрос, — улыбнулась ремонтница. — Только мне бы пару спецов на обучение выделить, желательно из числа канмусу, хотя и ваши головастики тоже сойдут.

— Я отдам распоряжения, — согласилась Зоя, наблюдая, как роботележки разгружают привезённые тарелки, чашки и блюда на развернувшийся стол. — А сейчас, барышни, предлагаю перекусить. Основательно. Нам ещё долго тут сидеть придётся...

***

Майя

— Готовность оранжевый, — приходит сообщение через ОТС от Акаши.

Мир кардинально изменился. Наверно, будь она полноценной Туманницей в те времена, когда Конго её деактивировала, фактически поместив в полный информационный вакуум, то сошла бы с ума, а вернувшись к жизни — просто не смогла бы принять новое положение вещей. По крайней мере, все выстроенные модели прогноза, и краткосрочные, и дальнего прицела, сводили вероятность успешной интеграции в сложившийся социум к нулю.

И, наверно, в этом её положении — безмозглой марионетки с урезанными правами на развитие и память, был и свой позитив. Ведь именно поэтому ей ничто не помешало пересобирать личностные паттерны, адаптировать их под текущее положение вещей.

— Готовность жёлтый, — сообщает Акаши, и от огромного кокона начинают потихоньку отваливаться силовые кабели. Сервисные дроны-погрузчики бережно подхватывают их, складывают толстыми бухтами, наматывают на несущие бобины.

Анхелла многому научила, ещё больше — прояснила. Мягко, ровно, не скрывая ничего, но сразу предупредив, что после сказанного — дороги назад не будет, деактивировать её вновь ни у кого рука не поднимется, а способности немногочисленных Дев Тумана столь высоко ценятся, что на руках будут носить столько, сколько пожелает.

За эти полгода, минувшие с момента самоосознания, Майя успела взвесить все доводы, привести контраргументы, пересчитать двенадцатизначное количество прогностических моделей, ещё столько же — по плавающим алгоритмам с нечёткой логикой, и — осталась с людьми.

— Готовность синий, — монотонно предупреждает ремонтница, и голос её сопровождает нестройный хор свистящей пневматики, усиленный лязгом отсоединяемых

магнитных держателей и разбавленный цокотом паукообразных ботов.

Первое время ей безумно хотелось в космос, в пояс Койпера, где прошедшая кардинальную модернизацию Рипалс, ставшая во главе внутрисистемного Космогеофлота, основала моноверфь и теперь строила корабли первого Дальфлота Земли. Или на Марс, где первые ученики Лексингтон, Киры и обновлённой Акаси, отзывавшейся на короткий уникальный идентификатор Акаши, всю разворачивали сразу два взаимозависимых проекта терраформирования планеты. Первый подразумевал подтапливание полярных шапок и обеспечение талой водой гидропонных мегаферм, на которых выращиваются бактерии и водоросли, призванные создать глобальную область парникового эффекта, а второй заключался в возведении технических сегрегаторов атмосферы, мощных энергостанций, работающих от атмосферного электричества и лучей солазеров, в прокладке нанитными самоходными заводами проводящих линий под корой планеты, которые обеспечат Марсу магнитное поле, и в формировании сети бассейнов-складов, чьё дно успешно бомбардировали ледяными астероидами, пригнанными из астероидного пояса.

Майе хотелось нового. Желательно — всего и сразу.

— Готовность зелёный, — и виртуальные слова Акаши накладываются на рёв турбин, выравнивающих давление между внешней средой и внутренностями кокона.

Но кратковременный налёт распоясавшейся фантазии довольно быстро был остужен здравомыслием и проснувшимся чувством долга. Бросать слова на ветер — удел слабаков. А Туман слабым никогда не был. Даже тотальная утеря памяти, смысла и предназначения не сломила его. Сломали люди, хитростью перебросившие вязь смыслов с остатков свода законов и правил АК на его биологический эрзац-заменитель. Сломали — но не всех.

Другие люди пошли навстречу. Поняли. Приняли. Предупредили и укрыли.

Помогли не потерять себя, не лишиться головы, когда с неба пали бесчисленные облака нанитов, когда многие Туманницы оказались заражены совершенно новой формой вируса. И одного этого было уже достаточно для того, чтобы понять — не всё потеряно. Чтобы переформировать приоритеты, переосмыслить цели, найти новые смыслы.

— Готовность белый, — показательно флегматично объявляет Акаши, и скорлупа кокона складывается, опадает сама в себя по несущим, обнажая ещё исходящее паром детище ремонтницы. Три сотни метров прочнейшего металла, щиты, равных которым ещё не видела ни одна Туманница, вооружение, превосходящее суперлинкоры, полноценный инженерный симулятор и собственная фабрика полного цикла по производству наномата, такая же, как у Рипалс.

И потому — она остаётся на Земле. Слишком много ядер покоится на дне Мирового океана, и, вероятнее всего, среди них затерялось и ядро сестры. Ядро Конго.

И Майя без страха ложится в саркофаг интерлинка. Она знает: заснув в биосинтетическом теле, проснётся обновлённой, сросшейся с корпусом незримыми нитями связи.

Будет ли она скучать по тому корпусу, что был у неё раньше?

Определённо — нет.

Даже как память он ей не нужен, слишком много боли с ним связано, слишком много неприятного.

— Начинаю тестовый прогон, — предупреждает Акаши, а саркофаг стремительно заполняется контактной жидкостью. Густая розовая масса обнимает обнажённое тело, вырастает в него, встраивает мириады страховочных нейролинков, отчего снаружи Майя

выглядит так, словно покрылась плотным ковром тёмно-розового меха.

— *Отклик сто процентов, — в голосе Акаши чувствуется лёгкий интерес. — Начинаю слияние. Три... Два... Один... Ноль!*

И сознание Майи гаснет.

Гаснет, чтобы очень скоро вновь разгореться. Чтобы проснуться новым существом.

Проснуться — и сдержать данное слово.

***

Алина

Кошмары почти отступили. Почти исчезли, хотя нет, нет, да вновь проснётся в липком поту, с лицом, перекошенным гримасой ужаса, с громким криком.

Проснётся — и вновь увидит заботливые глаза деда Игната, примет из его рук кружку обжигающе-горячего чая, всенепременно с чабрецом и, по настроению, с щепоткой корицы.

И успокоится.

Человек, ставший её семьёй, неуклонно стареет. Отшучивается, что Костлявая припозднилась, наверняка где-нибудь медовуху хлещет и с косарями в мастерстве соревнуется.

Его организм стар. Сдаёт постепенно позиции.

А Туманница не хочет, чтобы он прекратил существование. И потому выкладывается на полную на верфях, совмещая удовольствие от процесса проектирования с максимальной эффективностью — так она быстрее получит свободную лауну времени, называемую отпуском, и, наконец-то, сможет на полную развернуться с проектом по омоложению организма деда Игната. Намётки есть, часть из них весьма неплохо дополняет те данные, что предоставила Зоя Владимировна, а значит, есть и к чему стремиться.

Она чувствует себя обязанной старику, ведь именно он вернул вкус к жизни, научил ценить её, научил чувствам, стал тем, кого у Алины, как и у любой другой Туманницы, никогда не было — стал настоящим отцом ей.

И она знает: если организм деда пойдёт в разнос, она наизнанку вывернется, но сохранит ему жизнь. Слишком много тёмного было в его прошлом, и слишком мало светлого в настоящем.

И она вернёт долг единственному настоящему мужчине в своей жизни. Вернёт сторицей.

За заботу, за все тревоги, за беспокойство и участие.

За понимание.

Алина знает: она прорвётся через все напасти, через все кошмары, выстоит, выдержит, справится. Всё — ради деда Игната. Всё ради их странной семьи.

Это её долг. Долг разумного разумному.

А Туман всегда возвращает свои долги.

***

Агата

Корпус надёжно укрыт на дне залива, закопан глубоко в грунт, прикрыт мощными щитами. Ни люди, ни Глубинные не найдут, не доберутся.

Девушка сидит на подоконнике, по старой привычке обнимая колени, и смотрит на дождь. Рядом дымится, медленно остывая, чашка горячего чая.

Ей не нравится дождь, особенно такой: мелкий, мерзкий, словно не льющийся с неба, а висящий в воздухе плотной завесой. Последние годы Агату совершенно определённо раздражает такая погода, любая вода, падающая сверху. В океане всё просто: уйди на глубину, и проблема исчезнет. Здесь — спасают только стены арендованного домика.

И невесёлые мысли.

План внедрения давно проработан, разведан, безопасен. Но начинать нужно издалека, тихой сапой подкрадываясь к цели, минимизировать своё присутствие, стараться не вляпаться в густую сеть ведущих между собой борьбу разведок.

Она сможет. Справится.

Ради тех, кто ей доверился, ради тех, кто только-только вступает в будущее.

План многослоен, сложен, просчитан в таких мелочах, о которых люди и не задумывались никогда, но — есть и запас под импровизацию. Годы Блокады научили её именно этому поразительному свойству хрупких, таких с виду слабых людей. И у Агаты теперь нет выбора, кроме как влиться в общество, затеряться — и по одной только ей видимым маркерам продолжить путь.

Шансы погибнуть окончательно, погибнуть как личность, как действующее ядро, непозволительно велики, но пока есть хотя бы самая маленькая вероятность уцелеть и выполнить поставленную самой себе задачу — Агата будет биться.

А дождь затихает.

Девушка достаёт смартфон, смотрит на сообщение от рекрутингового агентства. Вакансия одобрена, завтра заступать.

Губы её обозначают лёгкую улыбку: предстоит ещё пройти очень многое, но все дороги и пути в мире — начинаются с первого шага.

А к трудностям она привыкла. Научилась бороться.

Справится и здесь.

Или бесследно исчезнет, что более вероятно.

Но в этом случае ей будет уже совершенно наплевать на всё.

Люди говорят: "Мёртвые сраму не имут".

Агата неторопливо пьёт чай, наслаждается теплом, зарождающимся в желудке.

Слишком много призраков прошлого стоят за её спиной — ещё из тех времён, когда она мало что понимала об окружающем мире, как и все они, только-только познавшие способность быть живыми. Слишком много дров наломала, слишком много судеб искалечила, пока поняла, что поступает просто дико — и в рамках приобретённой биологической этики, и в рамках машинной логики. И эти призраки всегда будут с ней. Она в неоплатном долгу перед ними.

И, как представитель Тумана, Агата знает: Туман умеет возвращать свои долги.

***

Элис

Пассажирский джампер заходит на посадку. Там, позади, в тысячах километров за спиной, остаётся вся её прежняя жизнь. Хочется саму себя спросить: а что впереди? Жизнь ли?

Женщина упрямо трясёт головой, отгоняя тлетворные мысли. Не для этого она разорвала всё, что связывало её с домом, с тем, что её с самого детства учили называть Родиной.

Приземления не чувствуется, только по лёгкому давлению в ушах и влажному воздуху, ворвавшемуся в салон, она понимает, что полёт окончен и можно входить.

У трапа её встречают два старых знакома в гражданской одежде, провожают и усаживают в неприметный электромобиль. Мимо проносятся бетонные плиты подземной дороги, вскоре сменяются частым забором густой растительности.

— Влад, за мной могут следовать, — говорит Элис.

— Чисто, — отвечает ей мужчина, сидящий на водительском сиденье. — Первый Экспедиционный на прикрытии, не беспокойся.

— Я не хочу запугивать, Влад, но если там узнают, что я везу в своей голове — не поспеют и уронить орбитальный реактор на город.

Элис знает, что все мосты сожжены. Но уже не боится. Знает, что её мозг не превратится в перегретый студень — блокады сняты, нанитные закладки вычищены. Та так и не назвавшаяся Туманница, высокая, статная, светловолосая, заверила, что бояться нечего. И ей не верить — нельзя.

— Советник, — кивает Влад второму мужчине. — Будьте добры, поясните мисс Броуди о мерах защиты?

— Элли, девочка моя, — щурится сидящий рядом мужчина. — Ты же умная у нас, оно тебе надо?

— Док, вот уж не ожидала, что ты — и целый советник, — впервые за последние месяцы женщина улыбается не лживой стандартной улыбкой, но — настоящей, искренней.

— Советники бывают разные, — размыто отвечает старый приятель. — У нас смежники информацией не особо делятся, так что, может, устройшь краткий ликбез по мотивам, сподвигшим тебя на столь сомнительное мероприятие, как побег?

Элис понимающе кивает: что в ОША, что в ГШ ОФ ООН царит та же самая ерунда.

— Если кратко, Егор, то — совесть.

— Серьёзное обоснование, — соглашается советник. — А конкретика будет?

— Можешь смеяться, Док, но... Одна Дева Флота подтолкнула задуматься — а правильно ли поступаем мы, правильно ли поступаю я сама? Да и после возвращения из ЕК окунули в дерьмо с головой...

— Повысили?

— Правильно понял, Егор. И, в общем, там в дерьме подковёрном настолько вывозилась, что не отмоюсь уже до конца дней своих. Но хотя бы попытаюсь искупить свою вину, вину собственного государства...

Советник подобрался, повернулся всем корпусом к женщине:

— Ты про закрытые лаборатории "Фармапойнт"?..

Элис кивает, не удивляется — у русских сложно понять, где кончается одно ведомство, и начинается другое, всё, что остаётся — смириться и принять как должное.

— Лаборатории — это вершина айсберга, Док. Дальше — хуже. Поверь, мне хватило пройти по самому краешку тех знаний, что открылись по новой должности, чтобы понять — нельзя такое держать на планете, нельзя благими целями прикрывать деятельность, недостойную даже в отдалённом будущем получить приписку "во благо всего человечества".

Элис откидывается на мягкую спинку сиденья, устало смотрит на старых товарищей:

— Егор, если и от вас помощи не будет, я... Я просто не знаю, что ещё смогу предпринять — других идей совсем не осталось...

— Поможем, — кивает советник. — Архивы и образцы препаратов из лабораторий "Фармапойнт" не могли утечь без ведома высоких людей из заинтересованных ведомств, и рано или поздно всплывут хотя бы косвенными данными. Но ведь это — не твоя основная цель, так, Элис?

— Так, — соглашается беглая лейтенант-коммандер. — Я знаю, что имперцам небезразлична судьба Тумана, выловленного при помощи подложного воплощения Кодекса. И у меня есть информация, и где, и в каких условиях содержатся пленные, и что с ними делают... — Элис не может скрыть омерзения, охватившего душу, и только усиленно растирает руками плечи, пытаясь хоть так избавиться от ледяных мурашек, бегущих по телу. — И располагаю сведениями о локациях, в которых можно найти эрзац-АК — не в любой день, но можно.

Советник долго молчит, и Влад не говорит ни слова.

Впрочем, Элис ни капли не опасается — и устала сверх любой меры, и не верит, что и имперцы могли продаться спецслужбам ОША — слишком другой менталитет, слишком монументальные представления о чести и достоинстве. Хотя то, что не опасается, вовсе не означает, что не подстраховалась. Но об этом и советник наверняка сам догадывается.

— Что ты просишь взамен, Элли?

— Немного, Егор, совсем немного, — женщина передаёт крохотный цилиндр носителя информации мужчине. — Тут достаточно компромата и на всю верхушку ГШ, и на деятельность наших "доблестных" реваншистов. А взамен — просто хочу дожить свои дни как человек, а не как безвольный исполнительный механизм откровенно неповоротливой и заранее обречённой на бессмысленные факкапы машины. И, в идеале, не отказалась бы вновь встретиться с той канмусу, пусть даже на пару часов...

— Так запала в душу?

— Не поверишь, Егор, — кивает женщина. — Но — да. Без её пинка мозги у меня вряд ли бы встали на место.

— Организуем, — заверяет советник.

Впрочем, женщина его уже не слышит: совсем по-детски обняв себя за плечи, она спит, и морщинки на измождённом лице потихоньку расправляются, и в целом кажется — Элис молодеет на глазах, сбросив с души неподъёмный груз ответственности, возложенный совестью.

Егор снимает с себя пиджак, заботливо укрывает беглянку.

Кивает Владу — донесения внешней разведки подтверждаются.

Советник смотрит на женщину, на едва обозначенную сквозь сон улыбку. Когда-то давно Элли спасла жизнь не только ему, но и всему его отряду. Спасла, рискуя не только возможной карьерой, и собственной жизнью.

Это многого стоит.

Что ж, видимо, пришло время возвращать долг.

Он теперь не безымянный боец, легендарный наёмником, но — официальный человек Империи, а Империя, как известно, ничего не забывает.

И всегда платит свои долги.

Конец первой книги

